

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ВО ВЛАСТИ
ДУБОВОЙ КОРОНЫ

Annotation

Что может свалиться на тебя, когда идешь с работы домой? Максимум – пакет с мусором или цветочный горшок. Но уж никак не измученная правительница планеты Дараэ! А вот свалилась – и Тане не позавидуешь. Больная бабушка, кошки, собака, а теперь еще и сестра из другого мира объявилась, а вместе с пей целый народ даэрте, которому грозит вымирание.

Таня сделала шаг навстречу, протянула руку помощи, и теперь даэрте хотят прийти на Землю. Что они принесут с собой? И чем придется за это заплатить? Ответов нет. Только нелегкие решения, которые надо принять двум девушкам и не ошибиться, не поддаться, не сорваться в безумие, навеянное Дубовой Коронай...

- [Галина Гончарова](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
-

Галина Гончарова

Во власти Дубовой короны

Серийное оформление – Яна Паламарчук
Иллюстрация на обложке – Дарья Родионова
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Г. Гончарова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

– Даэрте! Дараэ! Даже звучит нелепо!
Члены Координационного совета переглядывались. И во взглядах этих двенадцати мужчин читалось одно и то же.

Приговор.

Ресурсы, ресурсы, ресурсы... а если планета богатая? Если даже из космоса заметно, что на ней есть все?

И металлы, и редкоземельные элементы, и золото, и драгоценные камни... вон снимки! В горах видны выходы жил, которые местные просто НЕ РАЗРАБАТЫВАЮТ!

Идиоты!

Мысль о том, что жители планеты Дараэ могут ценить нечто другое, и в голову не приходила членам Координационного совета Конфедерации ша-эмо.

Разве ТАК бывает?

Нет, конечно.

Вот вещи, которые нужны всем! Ресурсы, ценные минералы, металлы, камни для энергоносителей... Даэрте?

Нет, народ, который живет на планете, уже не нужен. Можно оставить их в живых... частично. Если будут послушными, конечно.

Кто-то же должен все это добывать?

Машины?

Они тоже справляются. Но с местным обслуживающим персоналом всегда лучше.

Опять же, планета вся заросла лесом... что это вообще за планета такая?

Ни тебе городов, ни небоскребов, ни сетей, ни самолетов в небе... каменный век, да и только! Или... нет?

Прежде чем атаковать, за планетой все же понаблюдали. И увидели нечто интересное.

Узнали о продолжительности жизни каждого из даэрте – в несколько раз больше, чем среднего ша-эмо.

Узнали, что даэрте до старости выглядят лет на двадцать – двадцать пять, а старение и смерть наступают у них практически мгновенно – за несколько дней.

Удивились, что на планете словно бы и нет заболеваний, в том числе онкологии, давно ставшей бичом ша-эмо.

Поразились тому, что даэрте непринужденно путешествуют по всей планете – от одного полюса до другого. Причем как-то неоправданно легко: никаких летательных аппаратов. Они просто входят в большие каменные арки в одном месте – и выходят в другом.

Телепортация?!

Мечта...

Во второй раз Совет был уже более заинтересован. И решение приняли единогласно.

Переговоры.

Дараэ получит свое место в Конфедерации ша-эмо, старейшины... кто там? Да, есть старейшины, а над ними... король и королева? Дикари!

Кто будет подчиняться произволу и тирании, когда есть такой прекрасный общественный строй, как демократия? Точно, дикари!

Ничего. Сначала интегрируем их в Конфедерацию, а потом... разумеется, потом – когда они дадут доступ к планете, когда раскроют

все секреты... ну, Конфедерации всегда нужны и пушечное мясо, и рабочие руки, и ученые. Это нормальный и естественный процесс.

А если кто-то не согласится?

Варианты возможны. Всегда есть пути... нет-нет, что вы! Никто не говорит о геноциде, правда же? Это так недемократично!

Война?

Зачем воевать и тратить ресурсы? Тем более когда речь идет всего об одной планете? Нет-нет, такого Конфедерация делать не собиралась. Есть у нее и соперники: Империя Азат, Султанат Варэй... Если Конфедерация начнет с кем-то серьезный конфликт, ее могут и в бок ударить. Это никому не нужно.

Поэтому – не стоит воевать. Всегда можно найти другой путь решения вопроса, к примеру, пробирку с вирусами. Распылить над этими мерзкими лесами^[1].

Отыскать среди местных старейшин тех, кто поднимет восстание, и спровоцировать беспорядки на планете. А там уж, в процессе революции... можно и своих поставить. И нужные решения протолкнуть^[2].

Обычно данные методы сбоев не давали.

Но – не в этот раз.

Даэрте просто не шли на контакт, а король и королева смотрели на Совет как на... да, наверное, как на глистов и опарышей. Королеву просто передергивало от омерзения, что было сочтено еще одним доказательством дикости даэрте. Цивилизованный человек же всегда улыбается!

Даже отдавая приказ начать войну.

Даже подписывая приказы о геноциде.

А приказы отдавать пришлось. Потому что даэрте высказались единогласно – им на планете такое не нужно. Даром не нужно, с доплатой не нужно... мы к вам не лезем, в глаза ваших ша-эмо не видели и видеть не хотим, и вы к нам не приходите.

Похищенные с планеты люди – то есть даэрте, конечно, не ша-эмо – давали те же ответы.

Нам не нужно.

Мы не согласны.

Уходите...

И Совет решил разобратся одним ударом. Захватить короля и королеву, подчинить себе планету и начать использовать. А секреты... да постепенно разберемся!

У них получилась примерно половина из задуманного.

Конфедерации ша-эмо в результате спланированных боевых действий удалось уничтожить правителей Дараэ, захватить их маленькую дочь и запереть в лаборатории, уничтожить примерно половину населения Даэрте бомбежкой и обстрелами, выжечь часть лесов с орбиты.

А вот дальше...

На планете ломалась любая техника.

Выходила из строя электроника.

Болели люди.

И ладно бы диверсия! Это ша-эмо могли понять. Но ведь никого и рядом не было! Никаких даэрте!

Принцесса упорно молчала, не шла на сотрудничество, не ломалась под пытками и не поддавалась на уговоры. Убивать ее все же не хотели. А вдруг пригодится?

Даэрте отказывались делиться секретами телепортации и лекарствами.

Изучение порталных арок и растений ни к чему не приводило. Арки стояли мертвыми камнями, растения оказывались страшными ядами и меняли свои свойства чуть ли не ежеминутно.

Получалось невыгодно.

Средства на завоевание и освоение планеты выделены, отчасти уже потрачены, а отдачи нет.

И что делать дальше?

Ресурсы планеты можно было получить в любой момент: просто выжечь ее зарядами, смести совочком то, что останется от лесов и жителей, – и начать добычу.

Но как быть с телепортацией?

С молодостью? Лекарствами?

Планета молча и упорно сопротивлялась. Ша-эмо писали директивы и приказы.

Принцесса росла.

Время шло...

Глава 1

– Что будем делать?

– Но что-то же делать надо!

Да, это самый страшный вопрос. Что именно можно сделать, когда сделать ничего нельзя? Но когда, когда это останавливало малолетних энтузиастов? Хорошо, по меркам народа даэрте вполне себе совершеннолетних, младшему – семнадцать, старшему аж двадцать три, у каждого уже по несколько деревьев, каждый может завести семью...

Но какая тут семья?

Когда на родной планете захватчики? Когда враг не дремлет?

Когда взрослые... а вот что они сидят и ничего не делают?! Хоть бы какую диверсию устроили! Ну хоть что-нибудь! Взорвали бы, расстреляли, травой проростили... да мало ли что можно придумать, умеючи?

Мысль о том, что им-то терять нечего, потому как молодые, глупые и ни за кого не отвечают, а взрослым есть что терять... тех же детей, за которых они смертельно боятся, молодняку и в голову не забредала. Или заглянула да и вылетела в окошко.

Впрочем, даже до молодежи доходила мысль о том, что есть диверсии, а есть мелкие пакости.

Диверсия – это когда ты наносишь серьезный и существенный ущерб противнику.

Мелкая пакость – это когда он отряхнулся и пошел, а тебе вломили промеж ушей так, что даже мозги в крестцовой области зазвенели.

Вот как ни крутили и ни вертели парни, но ничего серьезнее мелких пакостей придумать не могли. И сами это понимали.

Собьют они один истребитель?

Да, но у врага их еще три сотни. А может, и пять, и еще тысячу пришлют, не поморщатся... Убьют они одного... ладно, даже десять ша-эмо?

И что?!

Их, гадов, по определению больше. Даэрте – одна планета, а у шаэмо в их проклятую Конфедерацию сотни входят. Они даже и не заметят ничего...

Но что делать-то? Что-то же надо!

– А если... освободить королеву?!

Мысль родилась, блеснула – и не потухла, как это обычно бывает с хорошими идеями. Загорелась огоньками в глазах, засветилась зелеными искрами, даже трава шевельнулась, заблестела, зашуршала. Природа привычно откликнулась на энтузиазм даэрте.

Слово взял Элран.

– Мы практически ничего о ней не знаем. Где она, как содержится, кто ее охраняет...

– Мы можем это узнать, – тихо произнес Шавель. Тихоня, ученый, он оказался в их компании потому, что видел и другую сторону вопроса. Дети ничего не боятся и пытаются что-то сделать. Родители боятся и делать ничего не хотят. Но если позволять страху разъедать тебя... это как корневая гниль. Дерево все равно умрет, только мучиться будет дольше.

Поэтому надо что-то делать, но правильно, осторожно и аккуратно. Вот он и попробует... только – что? Делать что-то надо, но что и как? Никто не знает и не может ответить. Значит, нужно самому. Решать, выбирать, нести за это ответственность.

А если и правда – королева?

Все знают, что без правителя даэрте... не народ. Без человека, которого приняла и увенчала Дубовая корона, они мало что могут. Шаэмо это тоже знали и ударили в самое уязвимое место. Лишили народ даэрте их центра, их сердца, их надежды.

Почти уничтожили.

Но если и правда – попробовать?

Шавель помнил...

Зеленые глаза, волосы цвета весенней травы, проказливую улыбку...

– Как мы можем это узнать? – Элран был нетерпелив. Шавель потер лоб привычным жестом, разгладил морщинку над бровями. Как-то она сама складывалась, когда он говорил о серьезных вещах.

– Мы можем перехватить их переговоры. И даже поучаствовать.

– Как?! У них эта... эл... роника!

– Электроника, – отмахнулся Шавель. – Я последнее время интересовался этим вопросом.

И замолк, даже беспомощно. Как объяснить в нескольких словах то, что он понял?

Про электромагнитные волны, про облако эфира^[3], окутывающее планету, про то, что мозг даэрте – громадный компьютер. Даже сильнее и мощнее тех, что придумали ша-эмо.

Надо только правильно его использовать. Это сложно, но шансы есть^[4].

Он может попробовать при наличии правильных стимуляторов, и тогда...

Что тогда – Шавель договорить не успел. Элран взял его под руку.

– Так... Вель, давай ты все мне объяснишь, а потом мы расскажем остальным. Ребята, не в обиду. Веля я с детства знаю, он всегда перед людьми теряется.

Шавель благодарно кивнул. Что есть, то есть.

Молодые люди закивали. Если им все равно расскажут – отлично! Они чуточку подождут. Главное, у них появилась цель, и кажется, есть средство?

Если они могут на что-то повлиять...

Они подождут, сколько нужно. Страшно ведь что? Ожидание невесты чего в бездействии! А когда есть цель и средство, когда от тебя что-то зависит, можно и подождать. Это уже не так тяжело и сложно. Это вполне реально.

Тем временем Элран отвел друга подальше от костра.

– Вель, без лишних подробностей. Что именно ты сможешь сделать?

– Перехватывать передачи... сообщения ша-эмо.

– Так... а изменить? Вмешаться?

Шавель выглядел изумленным.

– Не знаю. Не уверен.

Элран задумчиво кивнул:

– Надо попробовать. Мы не знаем, где держат королеву. Мы знаем только, когда она сможет надеть Корону.

– Ша-эмо этого не допустят.

– Потому и нужно попытаться проникнуть в их планы. Знание – главное!

Вель был полностью с ним согласен.

– Вот. Что тебе надо, чтобы перехватывать... слушать?

– Вода. Лучше озеро.

– Даже не буду спрашивать, почему именно так, – покачал головой Элран.

Куда уж там! Вель действительно гений, уже сейчас им восхищаются все старейшины. Но слушать его объяснения? Пытаться вникнуть в суть?

– Вода... резонирует. Улавливает, отражает... не всякая; нужна та, что непригодна для питья^[5].

– Если будет в пещере? Не страшно?

– Даже лучше. Скалы, кристаллы... они тоже помогут. Я уже проводил опыты с кварцем.

Элран кивнул:

– Я знаю такое место. Что нужно еще?

– Все остальное я сам возьму.

Элран кивнул еще раз.

Сам он возьмет.

Ага-ага. И старшие не заинтересуются. И охрана не понадобится. И лекарь, если что...

Ох уж эти ученые! Такие... гениальные, что даже страшно!

Шавель готовился к ритуалу.

Задумчиво отбирал кристаллы, взвешивал их в руке, прикидывал схемы.

Получится?

Не получится?

Фактически он включает себя в общее поле планеты. И кристаллы должны помочь, поддержать, смягчить процесс.

Королева.

Он сможет ее найти. Именно он и сможет.

Шавель помнил ее величество. Помнил еще по тем беззаботным временам, когда она была маленькой девочкой.

Когда все были живы.

Когда еще не вышел на орбиту Дараэ флот Конфедерации ша-эмо и не предъявил ультиматум.

Или вы присоединяетесь к нам – или умираете.

Все.

Почему? Потому что вы не с нами, вот и вся причина. И в качестве доказательств они начали обстреливать планету.

Сколько даэрте погибло тогда...

Мужчины, женщины, дети – бомбы не щадили никого.

Чудом уцелела королевская семья. Его величество пытался договориться, но кончилось это плохо. И его, и его супругу попросту убили. Салею, их дочь, совсем еще малышку, захватили в плен. Наверное, собирались вырастить из нее свою марионетку.

Что с ней сейчас?

Этого Шавель не знал. Был твердо уверен, что она жива. Пока жива королева – живо и Перводрево, и Хранитель Дараэ, и сама планета.

Пока жива королева, жив и их народ.

Но даже ей бывает нужна помощь.

– Вель?

В комнату проникла сестренка. Шавель улыбнулся ей и подмигнул.

– Что, бельчонок? Что случилось?

– Ты мне поможешь завтра?

– Помогу, конечно. А что у тебя не получается?

– Не могу прокачивать каналы именно на капельных дозах силы. Вот на больших у меня нормально получается, а с мелочью... я слишком много зачерпываю, что ли? Вроде бы и стараюсь поменьше, а все равно... не получается! Не вижу, где ошибка!

Шавель прищурился.

Ну, эта проблема понятна и близка многим даэрте.

В условиях, когда Перводрево щедро делится энергией, они просто сияют, лучатся силой. И не привыкли работать медленно и кропотливо. Вот камнем шархнуть они могут. А иголкой уколоть – нет, никак. Кто-то потом преодолевает данную проблему, а кто-то нет. Это ни на что сильно не влияет, даэрте прекрасно живут и без

филигранной работы с потоками силы, но сестренка хочет лечить. И тут необходима ювелирная точность в работе.

Каплей силы больше – и вместо спасения пациента ты его просто убьешь.

Сам Шавель этому научился очень давно, еще лет в пять, но недаром его считают гением.

– Помогу. Обещаю.

Сестра расцвела, поцеловала братика в щеку – и улетучилась. А Шавель остался сидеть среди разложенных кристаллов.

Да, и вот этот он тоже возьмет.

Для ритуала ему понадобится все возможное и немного больше.

Он справится. Недаром же его считают гением. Кто еще, если не он?

– Что вы задумали?

– Ничего.

Если бы старейшина Мирил хуже знал своего сыночка, оно бы и прошло. Но когда кого-то с младенчества таскаешь... то на руках, то за уши, начинаешь кожей ощущать вранье любимого чадушка.

Нагло и бездарно он врет, между нами-то говоря. Даэрте вообще врать не умеют, разве что могут недоговаривать. И то – неумело.

– Еще раз спрашиваю, Элран. Что. Вы. Задумали?

– Ничего.

Старейшина сдвинул брови. Сын понял, что следующей стадией будет трепка, и решил чуточку приоткрыть занавесь:

– Мы хотим подслушивать переговоры ша-эмо.

– Вот как?

– Ну... это пока только наметки. Вряд ли у нас что-то получится.

– Ты же знаешь, даэрте не способны пользоваться их... техникой, – последнее слово старейшина выговорил даже с отвращением.

Действительно, если есть технический кретинизм, даже технический терроризм... в руках даэрте отказывало все. Любая техника умирала в страшных мучениях. Что могло, то перегорало, что

не могло гореть – просто рассыпалось в хлам. Природа такая, с этим ничего не поделаешь.

Именно потому ша-эмо до сих пор и не зачистили их планету, интегрировав все под себя. Им было интересно.

А вдруг?

Это какие же способности и возможности открываются?

Это же человека можно просто запустить куда-то... и все?

А если к врагу?

В его главный вычислительный центр?

Понимать надо! Вот вошел человек в здание, а потом компьютеры падают, падают, падают, сгорают, умирают, погибают...

Пока ничего не получалось. Таких даэрте, которые были готовы сотрудничать с захватчиками, просто не существовало. Но ша-эмо не оставляли надежды.

– Знаю. Но мы ищем пути. Может, у нас что-то и получится?

Старейшина Мирил кивнул.

Получится, помучиться...

Молодые всегда считают себя самыми умными. Ладно, чем бы дите ни тешилось, лишь бы на дереве не вешалось. Пробовать перехватывать переговоры – не страшно, пусть. Главное, диверсий в ближайшее время не предвидится. То есть карателей не будет.

Эх, дети-дети... можно вас родить, но как вас уберечь? От вас самих?

Нет ответа.

– Думаешь, получится?

– Надеюсь. Надо пробовать...

Вель с удовольствием оглядел маленькую пещерку, из которой за несколько часов получилось сделать настоящую лабораторию. В понимании даэрте, конечно.

Любой ша-эмо, придя сюда, пальцем бы у виска покрутил – в лучшем случае.

Где компьютеры? Электричество?

Техника?

Нет. Ничего такого нет.

Есть кристаллы кварца, аметиста, агата, яшмы... ни одного драгоценного камня, но почему-то с ними хуже получается^[6].

Как – драгоценного?

Для ша-эмо алмаз – богатство.

Для даэрте... он просто есть. Красив, но что с ним делать? Разве что твердый, это хорошо. Можно просверлить что-то, и только. Дикарское отношение?

Но у даэрте другая жизнь. И многое из того, что ценят цивилизованные люди, им попросту не нужно.

Ни к чему.

Даэрте не оценит алмазного ожерелья, но оценит удобную тарелку для супа. Глиняную. Несравнимо? Но попробуй съесть суп без тарелки. А ожерелье... так, игрушка.

В центре пещеры расположено озерцо с водой. Соленая, аж режет. Вель довольно кивнул, разделся и полез в воду. Аккуратно надел на голову кожаный обруч с большим кристаллом кварца, застегнул собранные из того же кварца браслеты, погрузил в воду руки.

– Вот так.

– Вель, ты уверен, что это не опасно?

– Уверен.

Не до конца. Но что может быть опасного в том, чтобы просто слушать?

Ничего!

Только вот Шавель недооценил плотность потока информации.

Даэрте – и ша-эмо...

Как объяснить папуасу, что такое сотовая связь, как принимают и передают вышки, сколько разговоров может идти одновременно?

Никак.

Вот и Шавель, хотя осознавал саму идею, не мог правильно оценить количество информации, которое хлынуло к нему через кристаллы. Было полное ощущение, что вот он сидел на стуле – и в следующий момент на этом же стуле падает с водопада. Громадного, разноцветного, хаотичного водопада, в котором вода льется во всех направлениях сразу и увлекает его за собой... Шавель кричит, бьется – и все бесполезно.

Информация накатывала волнами, захлестывала...

Корабли, крейсера, рядовые ша-эмо, переговоры, переписка, связь на планете и над планетой...

Шавель понял, что сейчас просто потеряет контроль – и... умрет?

Это если очень повезет. А если нет... у него даже смерти не будет. Он переоценил себя. Просто переоценил...

Но... королева...

И ясные зеленые глаза маленькой девочки, с которой они когда-то вместе играли!

И – новый поток информации.

Но меньший.

Сам того не осознавая, Шавель сформировал поисковый запрос. И теперь отбрасывались все пустые разговоры, весь информационный мусор, которым ша-эмо щедро засоряли эфир, и к нему стекалось все, что касалось королевы Дараэ. А это было меньше. На порядки меньше...

И все равно – слишком много для обожженного разума.

Шавель выхватывал отдельные крупинки информации, как жемчуг со дна, и понимал, что больше у него просто не получится.

Камера...

Опыты...

Друг Карт... наместник планеты даэрте, Лакс Рей, постепенно дожимал упрямую девчонку. Ломал ее защиту шаг за шагом, день за днем, и она поддавалась. Но ему тоже нужна была помощь.

Да, приятеля. Давнего, хорошего, некоего Дорна Карта... и если его назначат на Даэрте – вместе они и работать будут лучше, и справятся быстрее.

Вот и запрос, сформулированный наместником. Ему нужен помощник, сам он уже не справляется, и хорошо бы – именно этот ша-эмо.

Вот и... Шавель болтался в этом, словно в ядовитом болоте, понимая, что может не выбраться. Но в то же время четко осознавал происходящее. Прочитанное, увиденное.

Что тут неясного?

Ее величество не удастся пока сломать, она сопротивляется, наместнику нужна помощь.

Так, может, попробовать наоборот? Пусть ему пришлют врага?

А кто у нас главный противник наместника?

И снова поток информации, который буквально разлагает разум на составляющие части. Растирает его в клочья.

Каким чудом Шавель еще мыслит? Он даже сам не понимает.

Он не знает, что его тело сейчас корчится в судорогах в солоноватой воде озера.

Что хаотичными огнями горят кристаллы вокруг него, что несколько из них уже рассыпались, что Элран смотрит на это, оцепенев.

Он и рад бы вмешаться, но не получится. Насыщенность поля такая, что даже на расстоянии в два метра оно ощутимо. Оно покалывает разрядами, заставляет волосы вставать дыбом, пробегает по кончикам прядей крохотными шаровыми молниями.

Двое мальчишек даже и не представляли, с какими силами вздумали экспериментировать.

Но не оставлять же друга в беде?

Никогда!

И Элран решительно делает шаг вперед.

Последнее, что он успевает заметить перед тем, как его сбивает с ног мощным электрическим разрядом, – это шальная улыбка на лице Шавеля.

Друг что-то нашел.

Что-то сделал.

Что-то...

Их нашли утром.

Элрана – чуть живого. Со страшными ожогами, контуженого, получившего воспаление легких... будь он ша-эмо, получил бы и «укол милосердия». Или в просторечии – шприц с ядом.

Каждый ша-эмо полезен. Чуть больше, чуть меньше... и лечат их в соответствии с коэффициентом их полезности. То есть кого-то будут лечить, а кого-то нет.

Укол – и все.

На Дараэ не задаются вопросами полезности.

Голодного надо накормить, замерзшего обогреть, больного вылечить. Что тут неясного? Элрана унесли к целителю, и тот

схватился за голову. Это как же надо влететь, чтобы вся аура была в дырах? Все каналы то ли порваны, то ли сплетены заново в чудовищное макраме... безумие какое-то. Просто безумие...

Как он еще жив-то?

И выживет ли?

Целитель сделает все возможное, но получится ли его спасти?

Шавеля достали из бассейна совершенно целого. Не обгоревшего, не измученного, совсем как живого. И долго не могли поверить в его смерть. Он же невредим. Вообще – весь. От кончиков ушей – до кончиков ногтей. И внутренние органы все целы.

Но юноша мертв. Окончательно и бесповоротно.

Его аура отсутствует полностью.

Совершенная пустота, вот и все. Абсолютная.

Такого даже у мертвых не бывает. Уж точно не сразу. Остаются какие-то ошметки, какое-то свечение, иногда и душа рядом находится.

А тут – пустота.

Даэрте так и не разобрались в том, что случилось. Гений Шавеля опередил свое время, а Элран не сумел толком рассказать, что произошло. Вроде как Шавель нашел способ узнать, где держат королеву. А дальше...

А дальше он сам ничего разьяснить не мог. Потому что первую половину не понял, а вторую просто забыл к моменту выздоровления.

Но, судя по улыбке Шавеля...

У него что-то получилось?

Но что?

И как?

– Что за?!.

В выражениях Командор не стеснялся.

Что это, правда, такое?

Его, героя войны, который сейчас лечится после ранений (одно лекарство навещало его с утра, второе сейчас ждало в постельке), снова куда-то посылают?

На какую-то забытую разумом планетку?

Дараэ?

Да что там может быть интересного?

И кто... оп-па? Лакс Рей?

По губам Командора скользнула змеиная ухмылка.

Вот кого он терпеть не мог, так это Лакса Рея. Гадкая тварь! И на совести этой твари несколько сотен его, Командора, ребят. Давно еще, когда он был не Командором – обычным капитаном, а Рей уже тогда пробивался в наместники...

А ведь Дарс говорил, что не надо высаживаться просто так, что данные разведки недостаточны, что...

Нет, полез.

Надо подавить мятеж сейчас, вы должны...

Вот и получилось больше трехсот трупов. Должны... тварь!

И теперь Провидение отдает эту тварь в руки Командора. Раз уж кто-то в правительстве назначил его на ту планетку... Дараэ?

Замечательное название, правда же?

Восхитительное...

Командор не знал, что это Шавель на последних осколках разума выдернул его имя из информационного потока.

Не знал, что Шавель попросту поменял имя в запросе, который сделал Лакс Рей. Если бы все получилось правильно, на планету командировали бы некоего Дорна Карта. А вместо этого назначен Дарс Кет.

Будь запрос написан пером и на бумаге, да хоть на пергаменте, ничего бы у несчастного Шавеля не получилось. Но информационные технологии – богатое поле деятельности для чистого разума. Вот Шавель и справился. Никто ничего и не заметил, запрос ушел по назначению. Личный, приватный запрос наместника о помощнике и заместителе. Это каких-нибудь техников или лаборантов можно назначать самостоятельно. А на руководящие должности – шалишь! Тут требуется согласование.

Конечно, в Конфедерации ша-эмо каждый находит место исходя из личной пользы. Но... разве не полезны кому-то из членов Совета, к примеру, дядя, тетя, любовница брата и племянница парикмахера?

Очень полезны.

Понятно, на главные роли эту шелупонь не назначают, члены Совета кретинизмом не страдают и понимают, что кто-то же и дело

делать должен! Но вот сидеть на тепленьких и удобных местах вторых секретарей, восьмых помощников, третьих подносчиков важных бумаг... там, где напортачить они не смогут, а полезны будут... о, это сколько угодно!

И они сидят. Просиживают хвосты и стулья.

Поэтому каждый наместник в курсе – какие именно должности надо согласовывать и с кем. Лакс Рей исключением не был. Отправляя свой запрос, правда, он действительно рассчитывал на друга.

Дорн Карт был троюродным племянником одного из членов Совета. А еще – полностью ведомым и безынициативным ша-эмо. Скажешь «сидеть» – так и просидит. «Лежать» – пролежит. За это его тоже ценили, кстати. Хороший «второй» без амбиций – птица редкая. Лакс с ним однажды работал. И они отлично нашли общий язык. У Лакса есть фантазия и планы, а Дорн воплощал бы их в жизнь. От и до.

Дарс Кет воплощать ничего не собирался. Наоборот. И тому были причины.

Старая война чиновников и военных. Такая старая, такая новая, такая повторяющаяся. Из поколения в поколение.

Одни видят людей только на бумажках.

Вторые идут в бой и рискуют жизнью.

Одни считают «допустимые потери».

Вторые видят эти самые потери воочию, видят кровь и трупы, слышат крики и стоны, рискуют и своей жизнью.

И почему-то не понимают первых. Наверное, жить хотят.

Лакс как раз был из чиновников, Дарс – из военных. И когда-то молодой подполковник Кет потерял своего лучшего друга. Они высаживались на планету, чтобы захватить кого-то... кажется, местного шамана, прошло уж больше двадцати лет... Дарс уцелел.

А его друга местные жители спихнули в ловчую яму, где он и умирал на кольях, смазанных трупным ядом.

По возвращении на корабли Дарс получил выговор за большие потери. И напился так, что чуть вся кровь спиртом не заместилаь.

А Лакс Рей, который планировал операцию, получил очередную нашивку. И повышение. Шамана-то захватили! И заставили говорить, что нужно Конфедерации.

Дарс не простил. И прощать не собирался. Никогда.

Правда, не думал, что выпадет шанс поквитаться. Но если ло^[7] Рею нужен помощник? Командор и не подумает отказываться.

Полететь на планету? Да он перед крейсером ногами побежит! Такая возможность свести счеты со старым врагом! Только надо подстраховаться.

Мысль у Командора никогда не расходилась с действием. А потому...

Как организовано общество ша-эмо?

Конечно, самым разумным и логичным образом.

Координационный совет.

Двенадцать Координаторов, один председатель Совета. Каждый Координатор является специалистом в чем-то своем. Военное дело, терраформирование, управление, торговля...

У каждого Координатора свой небольшой совет, подотчетный лично ему. Самые доверенные, самые проверенные, да, и самые эрудированные. Те, с кем можно посоветоваться. Можно обсудить вопрос, получить консультацию, расписать цели и пути их достижения. А дальше уже идет распределение задач нижестоящим. Таким образом достигается максимальная целесообразность. По мере необходимости привлекаются приглашенные специалисты.

К примеру, среди Координаторов есть военный, но нет физика. Поэтому, когда понадобилась консультация по Дараэ, были приглашены несколько физиков-теоретиков.

Правда, встали в тупик.

Телепортация невозможна?

Но даэрте об этом не знали.

Странные создания входили в одну арку, выходили из другой, путешествовали по всей планете за считанные секунды – и не задумывались о невозможном.

Омоложение нереально?

Странные создания выглядели вдвое, втрое моложе своего возраста, при том что и жили раз в пять дольше, чем ша-эмо. И до последних дней своей жизни оставались юными и полными сил.

Странные создания практически не болели.

У них были целители, но в основном те лечили последствия несчастных случаев. Вот случился пожар, даэрте получили ожоги.

Вот случился обвал, даэрте получили раны.

Рак, от которого страдает большинство ша-эмо? Новообразования? Операции?

Командор поморщился, потер то место, где была печень.

Ему пересадили новую.

Да, это почти его орган, выращенный из ЕГО клеток... но почему так?! У ша-эмо при рождении берут набор клеток и тканей и хранят на всякий случай в криогенных установках. Это дешево, а вот вырастить орган – тут уже смотрим индекс полезности. Дарс очень полезен. И ему провели замену печени. В противном случае могли выкинуть доживать пару лет на крохотную пенсию. Или попросту сразу усыпить.

Да, и такое бывает. С самыми ненужными членами общества. Чего на них ресурсы тратить?

А у даэрте этого просто нет.

Они не болеют!

Зато отлично умирают. Забери их с этой лесной планеты – и они погибают, погибают, словно срезанные цветы. За несколько дней, даже без применения пыток. Поэтому и принцессу нельзя увезти с планеты. Она находится на базе, база на поверхности... там охрана, защита, но Кет все равно так не поступил бы.

И еще кое-чего нет у даэрте.

Военных.

Дикари.

Даэрте не умеют убивать. Вообще. Точнее... они не умеют убивать друг друга. А вот с ша-эмо они воевали. Но армии у них нет, войска нет... просто шли все. Мужчины, женщины, старики, дети... любой готов убить.

Безумная планета.

Командор читал про нее. Искал любые упоминания. Ему предстоит там работать.

Осталось только согласовать, КАК он будет работать, на кого и с какими целями. Совет – прекрасно. Но у каждого Координатора тоже есть симпатии и антипатии, цели и задачи, свое мнение. И не всегда мнения Координаторов совпадают.

А умный человек, к которым и относил себя Дарс, сумеет воспользоваться любым ресурсом. И административным в том числе.

– Проходи, Дарс.

Варден Шанер, Координатор военных, пригласил его лично. Дарс оценил.

Если бы на него сердились или ценили меньше, приглашение озвучила бы секретарша. В худшем случае – вообще андроид.

Дарс прошел в кабинет, привычно остановился по центру, отдал честь... кому-то другому, может, и не стал бы. Но Варден тоже воевал. Варден горел на крейсере, брал Лоран, шел в первой волне атаки на Эхмару...

Варден был свой. Военный. И не из тыловых крыс или снабженцев. *Правильный* военный.

– Садись, – махнул рукой Координатор.

Мужчины разглядывали друг друга.

Оба в черных мундирах с золотым шитьем. У Вардена наград больше, у Дарса меньше.

У Вардена голова седая, и биопротезы, и шрамы, которые не исправить никакой биопластикой. Один вообще через все лицо...

У Дарса пока столько нет. Хотя ранений хватает, но как-то умудрились залечить, шрамов не осталось.

А вот что у них общее...

Глаза.

Не важно, что у Вардена они голубые, а у Командора черные. Важно то, что плещется на дне этих глаз.

Ледяная решимость добиться своего. Убить врага, вырвать у него из глотки добычу... любой ценой.

Вообще любой. И не важно, сколько людей при этом придется похоронить.

Дарс молчал. Первым говорит старший по званию. И Варден не стал томить его ожиданием.

– Не знаю, почему пришел такой запрос. Я был уверен, что ты – предпоследний человек, о котором попросит Лакс Рей.

– ПРЕДпоследний?

– Последний – я.

Дарс позволил себе ухмылку.

О нелюбви наместника Рея к военным знали все. Тоже мне, секрет сердца!

– Допустим, Коор...

– Просто ло Шарен.

– Благодарю, ло Шарен. Я тоже не думал, что такое возможно.

– Если это случилось, надо воспользоваться. Рей прислал заявку, мы ее рассмотрели и утвердили. Ее переслали в мой отдел.

Дарс кивнул.

О подтексте он догадывался. Но... подождем.

– Мы топчемся на месте уже больше двадцати лет. Двадцать лет, Дарс. Двадцать лет, за которые мы ничего, понимаешь, НИ-ЧЕ-ГО не получаем с Дараэ. Лекарства, телепортация, даже их умение приводить в негодность любую технику... Лакс все тянет и тянет, уверяет, что уже вот-вот... и его прикрывает Тантарель. Я ничего не могу с ним сделать, не могу надавить...

Дарс кивнул.

Да, Координационный совет – идеальная форма управления. Но в нем тоже заседают живые люди. И они небезупречны. Координатор Тантарель отвечал за дипломатические отношения... и терпеть не мог военных.

Дурак.

Понятно, Лакс Рей пользовался его покровительством и поддержкой. И тут... такое!

Враг сам просит о помощи! Грех не помочь бедняге, правда же?

– Я хочу, чтобы ты отправился на Дараэ с самыми широкими полномочиями. И раскрыл там злоупотребления Лакса Рея.

– Злоупотребления?

– Уверен, они есть. Избыточная мягкость по отношению к местному населению, к примеру. Потакание местным властям. Может быть, что-то еще... недостаточная интенсивность воздействия...

Дарс кивнул:

– Я разберусь.

Он понял, о чем речь. Координатор фактически давал ему открытый лист. Промахи – их не будет. Дарс станет исправлять УЖЕ ИМЕЮЩИЕСЯ проблемы. А под это дело...

Что будет в Совете?

Дарс не знал. Но понимал, что его прикроют.

– Ло Кет, я надеюсь на ваше понимание. И на решительные действия.

– Ло Шарен, я сделаю все.

И возможное, и невозможное.

Мужчины переглянулись. И улыбки у них тоже были одинаковые. Волчьи, хищные. Они почуяли добычу.

Планету Дараэ и ее наместника ждали нелегкие времена. Дарс не собирался стесняться. Он их напалмом с орбиты зальет, если не получит нужного.

Люди?

То есть... кто там? Эти, даэрте?

А они не люди, в понимании Командора. У них уши другие, волосы, и вообще... это же дикари! Чего с ними считать? Миллионом больше, миллионом меньше... туда им и дорога. Главное, что поручение Шарена будет выполнено. Идеально.

И Командор принялся обсуждать основные вехи предстоящей операции. Наверняка есть кто-то, кто может помочь, что-то, чего делать не надо, инструкции, которые может дать только Координатор... Дарс весь внимание.

Командуйте, ло Шарен. Я уже иду.

Шавель... был.

Он плохо осознавал себя, но он точно был.

Его разум, его сознание... что с ним? Так и выглядит крона Перводрева Дараэ?

Это должно было случиться с ним после смерти?

Странно как-то... не понять.

Он мыслит? Он существует... он – Шавель из рода Ваэлрон, его отец – Долиш, его мать – Маира... мама...

Шавель непроизвольно потянулся мыслями к маме.

Мама, мамочка...

Вот их дом.

Вот мама. Спит, а на щеках дорожки от слез. Рядом с мамой спит сестренка, обняла ее, прижалась покрепче – тоже плакала. Видно же...

И такой болью рвануло... сердце?

Разве у него есть сердце?

Он – Шавель из рода Ваэлрон, но кто или что он теперь такое? Явно не даэрте?

Или... или все равно? Живой ли, мертвый ли... Шавель хотел погладить маму по волосам – темно-зеленым, искристым, теперь с тонкими прожилками седины – и неожиданно провалился в ее сон. Когда мама качала на руках маленького Шавеля, когда пела колыбельные... словно комната. И он в ней оказался.

– Вель!

– Мама, мамочка...

Если бы кто-то увидел в этот момент Маиру, то заметил бы, что она улыбается во сне. Но рядом не было бодрствующих. И это было хорошо.

– Вель, сыночек мой...

И слезы хлынули потоком.

Шавель прижимал к себе маму, успокаивал, уговаривал.

– Мамочка, я не умер.

– Но, Вель...

– Это просто тело. Погибло только мое тело, мам. Не я сам, честно! Я живой, я себя осознаю, я ведь пришел к тебе. Это только тело, а я живой!

– Как такое может быть?

– Не знаю, мама. Но я еще разберусь. Мне кажется, у меня будет много времени.

– Сынок...

– Мама, обещаю. Я буду еще приходить. Если получится, я буду заглядывать в твои сны. Только никому об этом не рассказывай, ладно?

– Хорошо, малыш. Только ты приходи, обещаешь?

– Да, мама...

Ах, как же не ко времени наступает утро! Вот бы ночь тянулась вечно!

Однако утром Маира уже смогла улыбнуться. Откуда-то, подсознательным чутьем любой матери, она знала – это не просто сон.

Ее сын жив.

Все было на самом деле. Просто он действительно как-то отделился от тела, но не погиб же! Он жив, только теперь у него будет

другая форма! А это самое главное. Жаль лишь, у нее не появятся внуки. Но зато сын всегда будет рядом. Разве это плохо?

Долиш потихоньку перевел дух. Ну вот, жена пришла в себя, это замечательно. А то он волновался за супругу. Понятно, горе никуда не денется. Однако стоит пережить первый, самый острый приступ, и остальные... их тоже можно будет пережить.

А Маира молчала и улыбалась.

Это ее маленькая тайна. Между ней и Шавелем.

Сын жив.

Остальное?

А остальное совершенно не важно! Лишь бы он еще пришел... пусть во сне, но пришел! Она подождет, сколько нужно.

А вокруг планеты Дараэ было беспокойно.

Ноосфера бунтовала.

Выходили из строя самые передовые технологии, ломалось все, даже то, что не могло сломаться по определению... молотки и топоры держались дольше всего остального.

То связь отказывала напрочь, то менялись законы физики – не по всей планете, а точечно, то погода бесилась вопреки не то что прогнозам синоптиков, а даже здравому смыслу: снег посреди лета все же не самое обычное явление. И никто не знал, что происходит.

Никто и не мог предположить, что планета обретает свой разум.

Никто не мог этого даже представить, но Шавель действительно попросту растворялся в ноосфере, в которую так неосторожно сунулся. Разум, душа... все было интегрировано в информационное поле планеты.

Он еще не понимал этого, еще осознавал себя как Шавеля, однако с каждым днем усваивал все больше информации, поглощал все больше знаний, сливался с планетой, уже не мысля себя в отрыве от Дараэ. Компьютеры? Комплектующие? Кристаллы памяти?

Таким кристаллом для Шавеля стала вся планета! И радостно приняла в объятия личность одного из своих детей.

Если планета Дараэ подождет еще пару сотен лет, у нее может объявиться свой Бог? Или демиург? И он будет осознавать себя.

Не как Веля, нет. Разве что в основе останется нечто от Шавеля. Любовь ко всему живому, законы равновесия, уважение к жизни, забота о даэрте и Дараэ.

В каком-то смысле для него это действительно смерть. Смерть сознания, смерть части разума, и то, что получится, уже не будет Шавелем.

Но в основе его будет разум даэрте. Сознание даэрте.

И запрет на причинение вреда живому.

И любовь к своему народу, к своему дому. И много другого, что обещает нелегкую жизнь завоевателям. Но это будет еще очень не скоро.

А пока...

Пока ноосфера сходила с ума. Или приходила в него? И то и другое было одинаково нелегко для ее обитателей. Однако сделать они ничего не могли, оставалось лишь перетерпеть.

Разве что Элрану приснился Шавель. На следующий же день.

– Вель!

Виной в голосе молодого даэрте можно было два моря наполнить.

– Ран, ты чего? Грустишь, как бурундук над разоренными запасами?

Элран не стал врать ни себе, ни другу. Даже во сне.

– Это я все виноват. Что ты умер.

– А как я с тобой разговариваю, если я умер?

– Ты мне снишься.

– Ага, – сообразил Шавель. – А если я тебе скажу нечто такое, что знали только мы, ты мне не поверишь. Ран, я не умер.

Элран и так не поверил. Увы.

– Ран, сделай мне одолжение? Не страдай. Лучше помоги королеве.

– Королеве?

– Я кое-что сделал. Надеюсь, этого хватит, но буду помогать и дальше. Послушай меня и запомни. Я хотел получить доступ ко всей информации, которой владеют ша-эмо. Я справился, но ее оказалось так много, что мое тело не выдержало. А вот разум – жив.

Элран кивнул:

– Допустим. И?..

– Мой разум жив. Доступ к информации у меня есть. И я буду тебе сниться. Другого пути ее передачи я пока не нашел, к сожалению.

– Снись, ладно? Мне так легче, – Элран, конечно, не поверил. Но и отказываться не стал.

Здесь и сейчас он видел своего друга живым и здоровым, веселым и улыбающимся. А это так много! Невероятно много!

– Договорились. Ран, прекрати грызть себя. Я жив – и собираюсь выгнать отсюда ша-эмо.

Элран не стал спорить с другом. Он жив, это главное. Самое главное.

И жить Элрану после чудесного сна стало чуточку полегче, однако юный даэрте никому и никогда о нем не расскажет. И так он грыз себя поедом за то, что не спас друга.

Что согласился на авантюру, что...

Мало ли поводов для самоедства? Ох, хватает. Зубастый зверек совесть...

Элран молчал, а планета привычно двигалась по своей орбите. И время шло...

– Вы работаете с этой планетой вот уже сколько? Шесть лет?

– Восемь, Командор.

– И до сих пор никакого результата?

– Почему же? Планета практически освоена, население в резервациях...

– Это смешно, Лакс! Я видел планету с орбиты – вся зелень как была, так и остается...

– На планете есть и города.

– Что это такое?! Это – города?! В них жить невозможно, там ничего не работает! Освоено только семь процентов планеты! За восемь лет, Лакс! Восемь! Лет!

Лакс Рей, наместник планеты Дараэ, зло поглядел на Командора.

Семь процентов! Да ты бы, дрянь такая, и десятой части не сделал! Думаешь, тут все легко и просто? Прилетел, выжег напалмом и

строй?

Здесь все не так легко! И Дараэ – планета особая, и подход к ней нужен... ему бы еще лет десять, и он бы справился! Стоит сломать королеву этих тварей – и планета сама ляжет ему под ноги! Он ведь объяснял, писал докладные, просил прислать толкового помощника...

Нет, прислали на его голову этого военного!

Издеваются они, что ли, всем Советом и каждым Координатором?

– Вы докладывали, что у вас в плену находится правительница местных аборигенов?

– Да.

– Почему до сих пор вы не склонили ее к сотрудничеству?

– Потому что я над этим работаю, – огрызнулся Лакс. – Работаю!

– Плохо работаете.

– Уж как умею...

– Приказ, – Командор провел рукой над наручным компом, и над компом Лакса засветился вирт-лист приказа. – Читайте.

Лакс пробежал взглядом по строчкам, скрипнул зубами.

Сволочь!

С этого момента Командору передавалась вся власть над Дараэ, чтобы он «выявил и исправил недочеты». Ну-ну...

– Где эта правительница?

– В камере.

– Проводите меня в лабораторию и прикажите привести ее туда же.

Лакс покачал головой:

– Зря вы это, Командор. Зря.

– Я не просил ваших советов. Вы получили приказ?

– Да.

– Исполняйте.

Лакс снова скрипнул зубами и вышел.

Вот ведь... наприсылают из штаба... всякого. А кому исправлять?

Ему потом все это исправлять, ему... почему, ну почему прислали не Дорна? Он же просил! Он же писал! С Дорном он бы и договорился, и работали бы вместе, и объяснить старому другу все можно, а этот... лом титановый!

Лакс Рей искренне считал, что люди делятся на две категории. Первая – люди физического труда. Они большие, сильные (не завидует

он! Хотя тому же Командору уверенно смотрит в диафрагму, а когда стоит рядом с ним, возникает ассоциация с большим червяком. Но сказано же – НЕ ЗАВИДУЕТ!) и созданы для того, чтобы не приходилось напрягаться второй категории людей. Они незаменимы, когда надо, к примеру, передвинуть шкаф, выкопать канаву, пойти на войну... ясно же! Для того их мир и создал!

Вторая категория – люди интеллекта. Именно так, не интеллектуального труда, а интеллекта. Потому что думать, планировать, играть в трехмерные шахматы – это не вполне работа, это образ жизни. Если привык Лакс просчитывать свои действия на сорок шагов вперед, он так и будет делать. И понятно же, что он самой судьбой предназначен, чтобы управлять этим стадом баранов. А заодно учить тех, кто глупее. Учить правильно управлять.

Признавать интеллект за людьми вроде Командора Лакс решительно отказывался. Тупые же вояки!

Фу!

Признавать за ними право распоряжаться своей судьбой или оспаривать его приказы? Об этом вообще речь не шла. Никогда!

И вот, словно насмешка!

Он, человек развитый, тонко чувствующий, стратег и тактик, вынужден подчиняться ЭТОМУ!

Тупой вояка!

Лакс опять скрипнул зубами, но....

Проводить?

Хорошо же! И провожу, и покажу, и дождусь, пока ты наделаешь кучу ошибок! И устрою так, что эту кучу навалят на твою могилу. А я приду и воткну табличку.

Только вот...

Одну мысль Лакс гнал от себя, словно назойливую муху.

Допустим, Командора-то он утопит. А сам выплыть сможет?

Как же Салея их ненавидела.

Нет, не так.

НЕНАВИДЕЛА!

Она никогда не думала, что ярость бывает такой.

Ослепительной, оглушающей, невероятной....

Когда за дверью ее камеры раздались шаги, Салея привычно скорчилась на своей койке. Закрыла лицо, чтобы не выдать себя сразу же, с первой секунды. Держаться, держаться, ДЕРЖАТЬСЯ!!!

Цивилизация не признает гнилой соломы и крыс в казематах.

Цивилизация несет с собой нечто иное. Хотя Салея была бы рада соломе – это часть живого, настоящего... и крысам! Они тоже – живые!

Но не было ничего!

Белые стены, пол, потолок, гладкие, словно ты внутри яйца. Откидная койка. Стол и стул. Все из белого пластика, легкого и прочного. Не ломаешь. Никак...

В углу – отверстие для физиологических нужд. Над ним сосок душа.

И – свет.

Слепящий яркий свет, от которого не спрячешься, даже завернув голову в тонкую наволочку. Одежда на кровати – и то нет.

Комфортная температура. Впрочем, Салея знает, как легко в камере может наступить мороз. Или адская жара, когда в теле не остается ни капельки лишней жидкости. Это не пытки, нет. Это сбои в системе, так и записано. Или эксперименты...

Из одежды – белая рубашка.

Все тоненькое, почти в руках расползается, на такой веревке даже удавиться не выйдет.

Но Лакс Рей предусматривал все.

В углу ее узилища висит простая черная коробочка. Камера. Если Салея сделает что-то, что не понравится тюремщикам... они тоже сделают нечто такое, что не понравится ей. Вы никогда не слушали сутками одну и ту же музыку? Никогда не жили несколько дней при свете – пульсирующем в произвольном ритме? Так, что даже защититься не выходит... и спать не получается. Кстати – и это. Вам могут несколько суток подряд не давать уснуть. Тоже пытка. Только цивилизованная. Конвенционно одобренная, следов ведь не остается!

Оставалось сидеть и целыми днями смотреть в одну точку.

Впрочем, кое-что Салея могла сделать и в таком положении.

Силовой каркас организма преотлично развивается в любых условиях. Достаточно капельки силы, которой и спичку-то не

зажжешь, но чтобы она – была! А дальше...

Упражнения отработаны веками! Десятками веков практики! Повторяй и повторяй...

И девушка раз за разом разгоняла по венам теплую каплю. Пока есть жизнь – живет надежда. Так говорила мама. Так считала и сама Салея.

Слишком это страшно – сдать. Особенно в восемнадцать лет...

Шаги за дверью Салея не услышала. Но почувствовала.

Каждым волоском на теле, каждой порой кожи... до истерики....

Дверь открывается беззвучно. Это она тоже знала.

И – темное пятно на пороге.

Салея ненавидит этого человека всей душой. Она знает, как его зовут.

Лакс Рей, наместник Даэрте. Но про себя она называет его кислотным слизнем. Он такой же... мерзкий, полужидкий, разъедающий все на своем пути. Только вот даже слизи приносят пользу миру. А этот – лишь вред...

Ненавижу...

– Вы не передумали, принцесса?

Салея молча качнула головой.

С врагами не говори ни о чем, – так учил отец. Любое твоё слово они используют против тебя. И потому Салея старалась молчать, в крайнем случае отделяясь односложными ответами.

Не сейчас...

Тяжелая рука ухватила ее за подбородок, дернула лицо вверх.

– Зря вы это, принцесса. Со мной можно было договориться по-хорошему. А сейчас... не знаю, что с вами сделают. А ну, пошли в лабораторию...

Салея молчала.

Даже когда ее перехватили за длинные волосы и больно потянули за собой.

По белым коридорам.

В белую лабораторию со сверкающими металлическими инструментами...

И черное пятно посередине.

Мужчина, стоящий у операционного стола, словно грязная клякса. Пятно сажи на снегу.

А взгляд черных глаз откровенно хищный, злой... он, наверное, в два раза больше Салеи.

– Принцесса Салея.

Молчание.

– Позвольте представиться. Командор Дарс Кет. Прислан вместо наместника Лакса. Поговорим, как разумные люди?

Молчание.

Командор начал раздражаться, но не отступил:

– Я вам дам один шанс принять решение. Со мной можно договориться по-хорошему. А можно по-плохому. Вы будете сотрудничать, принцесса?

Молчание.

И взгляд в пол.

– Нет? Тогда вы бесполезны для нашего дела. А раз так... – Тяжелая рука ухватила Салею за волосы, сильно вздернула голову вверх, намеренно выламывая шею. – Слушай. Завтра утром я спрошу еще раз. Если твой ответ снова будет «нет» – тебя приведут сюда. Для начала обреют налысо, потом сюда, сюда, сюда, – палец мужчины намечал точки на висках, лбу, затылке, – установят электроды. И начнется первый сеанс. Здоровые мужчины ломались после третьего, тебе на всякий случай сделают десять. После чего тебя можно будет использовать, как мы захотим. Я знаю, потомство вы даете только по желанию. Но ты ничем не будешь отличаться от животного. И желание... оно будет.

Рука мужчины очень красноречиво скользнула по ее груди.

Салея отпрянула... попыталась. Вторая рука, которая так и держала ее за волосы, не пустила.

– Насилие не даст результата, но насилия не будет. Ток просто выжжет в тебе разум... и все, принцесса. Все для тебя будет кончено.

Салея медленно кивнула.

Кончено?

Что ж, не худший вариант.

После смерти родителей, после гибели селения, после нескольких лет заключения в белой клетке...

– И это тебе не поможет, – палец мужчины коснулся Дубовой короны. – Я знаю, пока ты не созреешь, ты ни на что не способна... завтра утром за тобой придут. А куда тебя поведут... скажешь сама.

Салея упорно молчала.

Мужчина выругался и отбросил ее от себя. Девушка не удержалась на ногах, свалилась, задела стол, зазвенело стекло...

Конечно, дураков тут не было.

И все собрали, и проверили, и ее обыскали.

А потом отправили обратно в камеру.

Салея шла по коридору. Все эти двери она знала. И бывала практически за всеми. Где-то ее мучили физически, где-то психологически.

И только в камере она позволила себе выдохнуть.

Да, есть такая детская игра. Змейка называется. Салея ее обожала, могла часами крутить между пальцами любой предмет. И...

Еще одна вспышка памяти из прошлого.

Чуть расслабиться она позволила себе только на кровати. И то – скорчившись в позе безудержного отчаяния. Изображая боль и горе. Талантливо, на камеру изображая. Научилась! Научили!!!

Как раз и не видно, что она прячет в гриве густых волос осколок стекла. Не слишком большой, но достаточно длинный и острый. Ничего она на себе не прятала – спрятала на охраннике. Он толстый, и предметов одежды и оружия на нем предостаточно. Он и не почувствовал. А потом, когда охранник повел ее обратно...

Слепые зоны камер вычислить несложно. Для нее...

Одно движение, совершенно случайное, – и осколок у нее в руке.

Им вполне можно перерезать себе вены. Но ведь откачают!

Салея не станет упускать свой единственный шанс на спасение.

Нет-нет, никаких глупостей.

А завтра...

Тонкая фигурка застыла на кровати памятником скорби. В голове девушки роились сотни планов, перебираемых и отбрасываемых, пока не остался только один – основной. И два запасных, так, на всякий случай.

Она справится.

Она должна.

Папа, мама, я не подведу вас! И свой народ тоже...

– Командор, вы думаете...

– Сломается, Вук.

Дарс Кет расположился на удобном диване. Вытянул ноги. Первый день прошел вполне прилично. И дела ему передают, и Лакс Рей от злости бесится, но ничего предпринять не может, и проблему с даэрте Дарс начал решать. Да, своими методами. И что?

Девчонка сломается. Она не боец, это сразу видно. Обычная дурочка...

И можно позволить себе побеседовать с секретарем.

– Не знаю... она точно с ума не сойдет?

– Нет, девчонка крепкая. За эти шесть лет не сошла, и теперь не сойдет.

Вук хмыкнул.

– Обидно будет утратить наш единственный ключ к этому миру. Пока еще появится другая королева, пока вырастет... времени пройдет много!

– Не утратим, даже не переживай. Завтра мы получим доступ ко всей энергии этого мира, Вук. Уже завтра... так или иначе...

Командор потянулся, выразительно зевнул... его клыкам мог бы позавидовать средних размеров волк.

Действительно, обидно, когда между тобой и силой, властью, могуществом стоит всего одна сопливая девчонка, которую никак не удастся сломать. Ну ничего, это до поры...

И пора настанет – завтра.

– Командор приказал спросить, что ты надумала.

Салея привычно молчала.

– Идем к нему?

– Нет, – разомкнула она бледные губы.

Тюремщик нахмурился.

– Тогда... к доку, в лабораторию. Он уже с утра готовится, мечтает тебя распотрошить...

Салея промолчала.

О чем тут говорить?

С кем?

Это даже не люди, это... оскорбление живой силы Дараэ!

Она молча шла по коридору.

Салея даже не сомневалась – в камере за ней наблюдают. В коридоре тоже, но тут... тут у нее есть один шанс.

Всего один.

И когда они проходили мимо нужной ей лаборатории... Салея рискнула.

Осколок стекла сам выскользнул из гривы волос и, словно обретя свою волю, вонзился охраннику между шеей и плечом.

– Именем Дубовой короны!

Хлынула алая кровь.

Яркая, живая, сильная... Салее много и не надо было.

Кровь – это жизнь. Жизнь – это сила.

Теперь ей нужна самая малость – только смочить в крови кончики пальцев. И провести ими по лбу. Там, где виднеются наросты... словно под кожей кто-то расположил по контуру головы выпуклые бляшки...

И сила пришла.

Ворвалась в нее, как удар, как ураган, как порыв ветра. Заставила закричать, выгнуться... и принять.

И в следующий миг всей обретенной силой Салея ударила в дверь, на которой было написано:

Лаборатория изучения пространственных порталов.

Она знала, ЧТО ждет ее за этой дверью. Чувствовала. Кожей ощущала.

Скрипнул и поддался электронный замок. Куда уж ему... Салея попросту выжгла ему все мозги и начинку.

И вот – ОНА.

АРКА!

Та самая, которую украли у них, которую пытаются изучить... порталный круг.

Пусть пытаются.

Салея сделала шаг внутрь, второй, пустила свою силу по порталным камням.

Она знала: сейчас на станции объявлена тревога. Она слышала вой сирен, видела мелькание огней... у нее есть минута, может, две... даже и их, наверное, нет.

И сейчас сюда мчится ОН.

Ее ночной кошмар.

Но ей нужны всего лишь несколько секунд. Совсем чуть-чуть...

Все ярче горят порталные камни, все быстрее кружатся вихри
силы...

И наконец – ослепительная вспышка.

Когда Командор ворвался в зал с порталом, там уже ничего и
никого не было.

Только мертвый охранник в коридоре. И никаких следов
принцессы Салеи.

Глава 2

Таня шла домой.

Шла, честно говоря, кое-как, нога за ногу, потому что устала, как собака. И кто бы на ее месте не устал?

Сначала медколледж, в котором она честно отпахала с половины восьмого до четырех, потом подработка до самого вечера... посидеть? Отдохнуть? Нет, не слышала.

Понятно, домой – едва-едва, вспоминая ту самую поговорку...

Сто километров – не расстояние, сто рублей – не деньги, сто лет – не старуха...

Чувствовала себя Таня так, словно ей сто лет и надо проползти еще сто километров. Силы под вечер попросту исчезали куда-то.

Еда?

Последний бабушкин пирожок был съеден примерно шесть часов назад, и его остатки бесследно растворились в организме. На улице Таня еду не покупала... и дорого, и мало ли что... отравишься – на несколько дней из жизни выпадешь. Полчаса сытости не стоит подобного риска, лучше потерпеть, подождать.

Да, вот это в юных медиков крепко вбивается.

Микробы, токсины, ботулизм...

Если так прикинуть – зараза и опасность поджидают хрупкий человеческий организм на каждом шагу. Как люди еще в палеолите не вымерли – непонятно.

Ну и денег нет...

Ладно-ладно, она бы сейчас и любой токсин скушала, и переварила... просто – нет денег.

И на то, чтобы доехать до дома, – тоже. Поймать бы частника, но где ты его поймаешь в десятом часу вечера, да еще неподалеку от кладбища, да и район такой...

Хороший район, собственно говоря. Но промышленный. И с кладбищем.

С другой стороны, где живется, там и живем! Нет пока денег на квартирку в центре Барска, в Красноармейском районе?^[8]

Заработаем!

Но это потом, а пока... спасибо хоть так-то живы.

Таня тащила, проклиная сволочей, которым нравится бить лампочки в фонарях, переступая тяжелыми «говнодавами», и когда из переулка вышли трое подвыпивших парней, даже их не заметила. Пока орать не начали, дурными пьяными голосами.

Сначала она даже не отреагировала. Обычно и компании такие на нее не реагировали никак. Но эти, видимо, выпили более чем достаточно. До полного заливания спиртом междуушевого канатика.

– Дев-шка, а де-ву-шка?

– Эт-та... мы тут г-ляем!

– К...пания н...жна!

Таня молча прошла мимо...

Как же! Метод, который обычно срабатывал, на сей раз дал осечку. Какая-то пигалица – и мимо?! Да они, да оно... Ух!

А тут кому-то не ухается? И не восторгается?

А мы ее щас того! Восторжим! Или ухнем! Или...

Обычно фантазия у подобных компаний гадкая, активность высокая, а результаты действий – плачевные. И рыдают потом такие детинушки горючими слезками, с воплем: «Ня виноватыяааа мыыыы!» Только вот их жертвам это никак не помогает.

Никогда.

Тане тоже не помогло бы, потому что ее дернули за плечо, назад. А потом...

Не сдаваться же без боя? Конечно, нет. Только вот где они, те самые боевые приемы, непобедимые героини и газовые баллончики?

В кино.

А в жизни да в нужный момент – увы. Или заканчиваются, или еще что... нетути. Совсем нетути.

Так что история бы завершилась, не начавшись, если бы не...

– Ой, – сказала Таня.

За спинами хулиганов вспыхнуло нечто зеленое, похожее на заклинание «Авада Кедавра» из фильмов про Гарри Поттера...

А поскольку единственное, что задерживается в головах подобных особей, – это фильмы и игрушки, они так это и опознали.

– Мамааааа! – заорал самый сообразительный. И кинулся наутек.

– Бежим! – дошло и до оставшихся двоих.

Таня, которую так и бросили на месте, даже дергаться не стала. Бежать – куда? Вперед? Угодишь в сияние.

Назад? За этими козлами?

Простите, уважаемые рогатые млекопитающие. Те, кто имел дело с козлами, знают, что напрасно с ними сравнивают подобных представителей рода человеческого. Козел-то всяко умнее, полезнее, а иногда и внешне интереснее подобных «мущщщцин».

А если они сейчас на триста метров отбегут да сообразят, что за ними никто не гонится? Да захотят продолжить веселье?

Не-ет, ей такого не надо.

И Таня оставалась на месте. Только к стене дома прижалась.

Грязная, конечно, ну да ладно. Переживем... наверное. Сияние ей точно ничем не угрожает, не дерется и не кусается. Авось ничего и не случится.

Зеленое сияние вспыхнуло еще раз – и Тане почти на руки из него вывалилась девушка.

– Пипец, – сказала Таня, уже понимая, что это неспроста.

Будущий медик, более того, фельдшер-акушер, она прекрасно могла оценить ситуацию. Уже сейчас.

Девчонка была худой, как скелет, заморенной, в каком-то белом балахоне вроде больничной рубашки, только штампа на животе не хватало; длинные темные волосы доставали аж до колен, стянутые в нескольких местах чем-то вроде жгутов.

А вот еще...

Это Таня узнала сразу.

Шрамы от игл.

Шрамы на венах, на руках и ногах... наркомания?

Не похоже. И обычно наркоманы вот так не появляются. Из зеленого света и воздуха.

Сияние погасло, девчонка шлепнулась в грязь, Таня включила фонарик на мобильном и внимательно осмотрела окрестности.

Получалось так, что несчастная выпала на асфальт прямо из стратосферы. А больше и неоткуда. Прямо по Булгакову^[9].

Ну нет здесь подходящих случаю зданий. И самолет тоже не пролетал, и даже ковер-самолет...

И что теперь делать?

Для начала...

Нащупать пульс, проверить дыхание... Таня готова была поклясться, что девчонка жива, просто истощена до крайности.

А делать-то что?

Допустим, у Тани, как у будущего медика, и нашатырь есть в сумке, и... нет, вот капельницы с глюкозой нет. А она бы сейчас пригодилась. И поесть нечего. И даже чай из бутылки она весь допила...

Конфеток – и тех нет! Даже самых паршивых леденцов. Да и не леденцы тут нужны, а нормально откармливать ребенка.

Оставить ее тут?

Вызвать полицию? «Скорую»?

Таня не обольщалась. Знала она, как работают эти службы. То есть да-да, конечно, очень хорошо. Никто и спорить не будет! Но без денег, документов и родственников со связями туда лучше не попадать.

Дура она?

И не лечится, а жаль. Сейчас ей как раз и можно, как студентке БМК, то есть Барского медицинского колледжа. Любые врачи посмотрят... заодно и студентам покажут... и все на халяву, и все мимо!

Таня ворчала про себя, а сама уже поднимала с асфальта легонькую девчонку. По всем правилам: руку себе на шею, разогнуться так, чтобы не сорвать спину... научена уже.

И – ррраз!

И пошли!

Куда?

А вот куда надо, туда и пошли... домой, то есть. Две улицы осталось и один закоулок.

Ох, что ж я дура-то такаааая?!

Девчонка висела тряпкой. И Таня радовалась, что уже вечер. Поздно... а то бы соседи влезли с вопросами, и что им ответить? Была в морге, взяла работу на дом?

А так – тишина. Хотя ей и с домом в этом плане повезло.

Есть такие дома – восьмиквартирники. Строились они во времена Иосифа Виссарионыча, и строились так, что его двухсотлетний

юбилей, наверное, отметят.

Да, в них не идеальная планировка.

Да, изначально в них была предусмотрена печь и не предусмотрен туалет.

Но вот конкретно этому дому повезло. В нем имелись кирпичные перекрытия и даже санузел, а Танин дедушка в свое время смог передвинуть перегородки, ну и получились у них и ванная, и туалет. Раздельные.

Благо в туалете даже окно было предусмотрено.

И второй раз повезло Таниному деду, когда ему дали не двушку, а трешку.

Вот и он...

Двор с клумбами, качелями и сараями, отгороженный от других дворов.

Вход в дом. На первый этаж – и тут же лестница идет на второй^[10].

На первом этаже четыре квартиры. Три двушки, одна трешка. На втором то же самое. Архитектурный минимализм, балконов нет.

Подвала нет.

Коммуникации все проходят под полом первого этажа. Хочешь делать ремонт – вскрываешь полы.

У них первый этаж. Так что на полу два ковра, один на другом. Тане еще и ничего, а вот бабушка мерзнет. И сырость тоже...

Ключ повернулся в замочной скважине.

Фууууу, поползла!

Впрочем, на планировку квартиры Таня не жаловалась. Вход – небольшой тамбур. В нем даже был выделен чуланчик для одежды.

Из тамбура три двери. Одна в гостиную, вторая в спальни, третья на кухню и в санузел.

Гостиная – самая большая комната. Две спальни – совмещенные. В дальней спит бабушка, в ближней Таня. Вот перегородку между спальней и кухней дед и перенес немного. Получилась ванная – два квадрата, туалет – два, кухня – семь и спальня – девять. Живи, друг, не надо себе ни в чем отказывать.

Хотя после войны – дворец!

Таня кое-как сгрузила бесчувственную девчонку прямо на пол – и выдохнула.

– Фу, Гном!

Симпатичная мордаха черного ротвейлера послушно сдала назад. Две кошки – Муся и Люся – назад не сдали, полагая, что «фу» и кошки – это вообще несовместимо!

– Танечка, что случилось?

Бабушка кое-как вышла в коридор. И Таня улыбнулась: нет-нет, все в порядке, правда...

– Бусь, ты не волнуйся, ладно! Я тут немножко... в общем – вот нам еще одна подобрашка.

Бабушка даже плечами не пожалала.

А что тут скажешь?

Ротвейлера в свое время кто-то выкинул из машины. Три перелома, до сих пор на заднюю лапу прихрамывает. Не взрослого выкинули, нет. Щенка-подростка. При ней было, она его и забрала. А уж Таня ему уколы колола, бинтовала... спасли.

Мусю Таня спасла от усыпления. Пришла с Гномом в ветклинику, купить обработку от блох-клещей – им это надо, тайга кругом, – а туда на усыпление принесли молоденькую мейн-куншу.

Прегрешение?

А вот! Покупали как породистую, и выяснилось, что породы особо нет, разве что половинка, но есть лишай. Хотя, по Таниному мнению, такие хозяева заслуживали и оплешиветь, и опаршиветь.

Нужна вам статусная игрушка? Так купите чучело! Кормить не надо, не линяет, под ногами не путается. И будет вам счастье! Опять же, чтобы остограмиться, простите, инстаграмиться, чучело и переодевать можно, и в любой позе сажать.

Нет?

Так купите чучело на шарнирах!

А это – живое существо! Что ж вы сами-то из-за лишая утопиться не пытаетесь? Не? А что так?

Жалела Таня только об одном. Надо было морды набить Муськиным хозяевам. Но... тогда б кошку точно забрать не получилось. И так ветеринар ее потихоньку потом отдал, с заднего крыльца.

С Люсей – тоже обычная история. Котенок, газон, снег, зима... и люди, равнодушно проходящие мимо. Авось найдется кто-то, подберет, пожалеет... да-да, и там котенку будет лучше.

Бабушка Людмила пройти мимо не смогла. И обрел трехцветный котенок и дом, и кормушку, и старшую подружку. Хотя по длине Люся как раз была с Мусин хвост.

Пришлось лечить бедолагу и от пневмонии, и от чесотки... ну да ладно. Справились.

Единственный минус – Люська отказалась отзываться на другое имя. Люся – и все.

Ну и ладно. Бабушку все равно называли только Милой, а Люську обычно звали Заразой. Точно знали, кто тут главная шкода и вредина...

Характер такой, куда деваться.

Эта подобрашка была покрупнее, но бабушка все равно ничего странного не заметила. Надо же расти над собой?

– Танюша, ты ее как-то посадила бы...

– Бусь, я ей сейчас укольчик сделаю, а там разберемся, и кто, и откуда... сама видишь – она никакая.

Бабушка видела.

И понимала, что бросить девчонку в таком состоянии было нереально. У них хоть и областной центр, а дряни все одно хватает.

Сдать в полицию – «скорую помощь»?

Так первый вопрос будет: не вы ли ее до того довели? Второй, третий... кто у нас крайний?

Тот, кто сбежать не успел. Судьба такая.

И начнется...

Нет-нет, все Таня сделала правильно. О чем бабушка и сказала. Жаль, помочь ничем не могла.

Суставы... застарелый артрит, зараза, гнул в дугу. Как тут кого-то таскать? В магазин сходить было сложно. Кое-как квартиру убрать да поесть сварить – и то дело.

Таня, впрочем, и не нуждалась в помощи.

Она цапнула из стоящего на полке мешочка горсть кедровых орехов, сунула в рот и принялась активно жевать. Самое то, чтобы не свалиться...

Вот так!

Теперь – ботинки в обувницу, а то есть тут отдельные хвостатые...

Ветровку – май на дворе, не жарко по вечерам – на вешалку, свитер туда же. И перехватить поудобнее девчонку. Ванная?

Ладно, полотенцем обойдемся. Влажным. Пока...

Чтобы в доме у будущего медика да витаминчиков не было?

Рука у Тани тоже была легкой. Так что девчонку она уколола легко и быстро. А потом принялась обтирать влажным полотенцем и разглядывать.

М-да.

Кадр, однако... или кадавр? Тоже похоже.

Это на улице не видно, а здесь и сейчас...

– Тань, а она вообще человек? – не выдержала первой бабушка Мила. Нравились ей и «Сверхъестественное», и «Секретные материалы». И вообще... были предпосылки.

Начнем с цвета волос.

Зеленых.

Таких, словно их в зеленке сутки вымачивали. Краской такое... нет, вряд ли такого добьешься краской. Корни вон тоже зеленые.

Строение лица.

Лицо – абсолютно овальное.

Нет-нет, не как это у косметологов записано, а именно что овальное. Узкий подбородок плавно переходит в расширяющиеся скулы – и потом опять сужается. И лоб получается почти треугольный.

Четкий геометрический овал.

На лбу – наросты.

Причем какие-то странные, словно коричневые бляшки на коже.

Кожа – смуглая. Может, и загар. А может, и от природы такая, чуть светлее, чем у индусов, но не намного.

Нос – тонкий и ровный, губы – бутончиком, классическим. Брови – две совершенно ровные и прямые полосы. От переносицы – и до висков. До бляшек.

Глаза пока неясно какие.

А уши?

Таня послушно продемонстрировала бабушке ухо девушки.

Не эльфийское, не заостренное, а такое... словно в форме дубового листа. Первое, что в голову приходило при взгляде на уши.

Дубовый лист – сверху уже, снизу шире, вырезы такие характерные по краю уха.

– Какая-то она нетипичная, – задумчиво высказалась бабушка Мила.

А что? Артрит – дело такое, хорошо хоть мышкой двигать не мешает. И по интернету лазить.

Насмотрелась.

Таня вздохнула.

– Бусь, у нее ноги в грязи, но не сбиты. То есть она не шла никуда.

И... вот, смотри.

На полотенце явственно были видны кровавые разводы.

– Раны, царапины есть?

– Нет.

– Значит, или где-то она по крови походила, или на нее попало. Мда... пока не очнется – не разберемся, – подвела итог бабушка.

А в следующий миг девчонка открыла глаза.

Большие, зеленые... и с вертикальными зрачками.

– Твою мать! – высказалась Таня.

Девчонка отшатнулась, вжалась в стену... дальше там было просто некуда, взвизгнула...

Таня тут же отскочила назад, подняла руки; правда, жест мира слегка обесценился грязным полотенцем... бывает.

– Тихо, тихо, все в порядке, тебя никто не тронет.

– Аэлла лалараллен...

Дальше Таня вообще не разобрала. Какая-то певучая трель.

Бабушка Мила только головой покачала. А потом отодвинула внучку в сторону.

– Ну, тихо, тихо... всякое бывает лихо, все пройдет, зима пройдет, и весна нас скоро ждет...

Тут важны не столько слова, сколько тон.

Спокойный, теплый, уютный, как бы говорящий – ты среди друзей. И девчонка расслабилась.

А потом перевела взгляд чуть левее.

Муське и Люське надоело ждать, когда на них обратят внимание. А что такое пара метров для взрослого мейн-куна?

Один элегантный прыжок – и Муся уже на кровати. Вовсю обнюхивает девушку. А потом еще и под руку полезла – гладь! Ты что – не видишь? К тебе кошъ пришла!

Люська прыгать не стала. Пузико такое... подчиняется законам гравитации. Бывали и недолеты, и просчеты. Поэтому она ужиком проскользнула между ногами людей – и тоже вскочила на кровать.

– Шелэсси?

Таня развела руками. Может, и эта... эсси. Кто ж тебя знает с твоим иностранным?

И едва не проехала верхом на ротвейлере, который тоже протиснулся поближе к дриаде. Подумаешь, между ног у человека! Ротвейлер – собачка «некрупная», почти чихуахуа, только откормленный. Интересно, кто эта девчушка, что к ней зверье так липнет?

Эльфийка?

Кто ее там разберет!

Зеленые глаза оглядели комнату. Остановились на здоровущей финиковой пальме – и девушка словно расслабилась.

Из нее будто проволоку выдернули, а была та проволока под током.

– Авеллэ...

– Тань, ты иди, кушай. А мы тут разберемся, – вздохнула бабушка Мила. – Суп на плите, вот заодно и ей бульончика налей, ладно? Чует мое сердце – это надолго.

Танино сердце тоже так чуяло.

А сама Таня чуяла аромат лапши. И есть хотелось – зверски.

Кастрюля стояла на плите. Таня нацедила в кружку бульон и принесла в комнату.

Демонстративно сделала глоток из кружки, протянула ее девчонке. Мимоходом порадовалась, что та действительно расслабилась. В угол уже не жалась, это хорошо.

Вся живность ее просто оккупировала. Кошка под одной рукой, кошка под второй рукой, умильная собачья морда на ногах...

– Совести у вас нет, рассадники для блох, – высказалась Таня, передавая кружку.

На нее посмотрели три пары удивленных глаз.

Совесть?

У них?

Да ла-адно! Хвост они мышинный положили на ту совесть.

Девчонка понюхала. Осторожно отпила, потом сделала еще глоток.

– Аса.

– Иди, кушай, – напомнила бабушка. И уверенным жестом накинула на плечи девчонке свою шаль. Теплую...

Та послушно укуталась, принюхалась... конечно же, мята! От шали пахло любимой бабушкиной лимонной мятой. И сделала еще глоток. И еще, на глазах розовея.

– Вот так, маленькая, – продолжала тихо приговаривать бабушка. – Все, что было, – пройдет, все снежком занесет, а по снегу следы – все до талой воды, все избудется сном, убежит колесом, уплывет по воде, не вернуться беде...

Такие присказки бабушка могла сотнями складывать. Сколько раз Таня под них засыпала...

Ох, а сейчас как спать хочется! Но сначала – лапша!

На кухне Таня почти всосала в себя тарелку лапши за пару минут – и вернулась к бабушке.

– Бусь, как найденка?

– Ее зовут Салея.

– Салея, – ткнула в себя незнакомка. – Салея ортариэтте шалаэн...

– Мила, – ткнула в себя бабушка. – Людмила Владимировна Бочкина. Таня. Татьяна Михайловна Углова.

– Ми-ила. Та-ния. Салея, – еще раз повторила незнакомка.

– Лея? – предложила Таня.

Девушка подумала.

– Лея... ала!

– Кажется, она согласна на Лею, – решила Таня. – Бусь, я поела, завтра мне опять с утра крутиться... давай я ей душ-туалет покажу, да всем спать. Достанешь ей пока бельишко? Можно из моего...

– Хорошо, детка.

Таня кивнула – и протянула руку к незнакомке.

– Можно? – развернутой ладонью вверх.

И Лея вложила в ее руку свои пальчики.

Полноценной ванны у Тани с бабушкой не водилось. Повезло – была душевая кабинка. В соседнем доме решили сделать аптеку вместо квартиры, проводили ремонт, ну и выкидывали мебель. Бабушка Мила не растерялась.

В итоге сталинских времен жутковатая ванная с отколотой эмалью уехала на помойку, а их ванная комнатка обзавелась симпатичной душевой кабинкой. Кстати – довольно дорогой. А самое главное – на халяву^[11].

Таня потыкала пальцем в телефон. Дома он ловил интернет исправно, так что ролик найти было несложно.

– Душ.

– Дюушшш.

– Почти правильно. Смотри...

Лея уставилась на экран, словно на чудо. Потыкала в него пальцем, телефон предсказуемо завис. Таня вздохнула, сбросила окошко и поставила ролик заново. Потом показала, как включается горячая вода и холодная, дала шампунь и мыло. Повесила на гвоздик полотенце и халат.

Лея увлеченно за этим наблюдала.

И ей, несомненно, нравилось.

Даже то, что рубашка была явно бабушкина, фасона «мешок противотанковый», а халат – дешевым, китайским, с ромашками и выцветшим.

И унитаза.

Она посмотрела ролик, кивнула – и отправилась в тесную клетушку. Коснулась двери – можно?

Таня поняла, прикрыла дверь, подождала, пока незнакомка сделает свои дела, потом показала ей на душевую кабинку – и вышла.

Пусть моется.

Ей надо пока диван разложить, постелить... бусе сложно будет.

Ничего... жизнь – такая штука. Лучше жалеть о том, что помог, а не о том, что прошел мимо.

Может, ты и поможешь лишний раз сволочи. Но сам-то останешься человеком. Разве нет?

Салея стояла под горячими струями.

Вода пахла какой-то гадостью, но это было не важно. Совсем не важно!

Она все сделала правильно! Побег удался.

Правда, у нее теперь не так много времени, но это уже другое, совсем другое...

Интересно, куда она попала?

Впрочем, главное, что не к ТЕМ. У тех нет животных, нет растений... они любить не умеют. А тут... Салея чувствовала мягкое тепло любви всей кожей.

Эмпатия – такая штука...

Девушка Та-ния любила Ми-илу.

И животных они любили. Салея не стала обращать внимание на Танин тон, потому что злости в нем не было. Она ворчала, но ей и в голову не пришло отпихнуть собаку, столкнуть на пол кошку...

Выданные ей вещества пахли какими-то травами и снова химией, но отмывали хорошо. И лучше их запах, чем... тот.

Салея поежилась под горячими струями и решительно перекрыла воду.

Вот так.

Исходящую от девушки усталость она тоже чувствовала. И от ее... родственницы?

Да, похоже.

У них схожая аура, от них схожие ощущения. Судя по возрасту... бабушка? Прабабушка?

Они не такие, как даэрте, они выглядят иначе, но очень похожи. Две руки, две ноги... впрочем, ТЕ – тоже похожи. Но они не даэрте, вообще не люди. Они хуже зверей. Они монстры в обличье людей.

Потому что ни одно живое существо не будет так жестоко.

Природа бывает и коварна, и расчетлива, но в ней все находится в равновесии. Жестоком, но необходимом.

А то, что ОНИ делали...

Сейчас она не станет об этом думать.

Она слишком устала. И ей плохо... она все обдумает завтра.

Салея это точно знала. И обдумает, и попробует поговорить с местными жителями, и узнает, куда попала...

А сейчас она вытерлась полотенцем, которое сладко пахло травой... настоящей, не химической, не искусственной... потом надела на себя рубашку, млея от ее ощущения... ничего общего с лабораторными рубашками, и рюшики эти забавные...

Потом накинула сверху еще одно платье. Платье, наверное?

И вышла из ванной.

– Ой-ой-ой, – сказала Таня.

И показала на ее волосы.

Салея развела руками. Что поделать? Наверное, придется отрезать... жаль, конечно, но надо. Она их кое-как промыла, раздирая руками, но расчесать?

– Бальзам.

Салея покачала головой, не понимая, о чем речь.

Таня вошла в ванную, протянула руку и взяла с полки коробочку. Открыла, показала, что там нет ничего страшного, только желтоватая масса, которая тоже пахла травами, – и решительно зачерпнула пальцем.

Растерла между ладонями, потом протянула руки к Салею. Можно?

Та поняла и шагнула навстречу. Опасности она не чувствовала, только желание помочь. И усталость.

Таня принялась втирать бальзам в ее волосы.

Сначала в кончики, потом взяла расческу и показала, как распускаются узелки в зеленых тяжелых прядях.

Салея поняла.

– Бал-сам.

– Да.

– Ала.

Девушки переглянулись, Салея зачерпнула бал-сам и тоже принялась втирать его в волосы. И все равно прошло не меньше получаса, прежде чем они расчесали всю ее гриву. Потом Та-ния заплела ее в косу и завязала лентой. Красивой, белой.

– Аса...

Таня только рукой махнула. Вымоталась она так, что упасть бы! Какие там силы!

Просто – упасть! И уснуть...

Пойти в тайгу, выкинуть из берлоги медведя, попинать за то, что он, гад такой, всю зиму спит, залезть самой в берлогу – и спать!

– Пойдем.

Кровать была не особенно мягкой, но после того ложа... Салея как на облако улеглась. И белье было желтым, в забавных мишках, и пахло цветами, и кошки запрыгнули на кровать и принялись мурчать и когтить одеяло, а рядом возникла забавная песья морда.

Салея улыбнулась животным.

И растениям... Тут вся комната в зелени.

Салея чувствовала, как оживает внутри ее сила, расправляет крылья... каждое животное, каждое растение – ее сила.

Но здесь ей не с кем было драться. Здесь царит мир.

Она откинулась на подушку.

– Аса, Та-ния...

– Спи, Лея. Все будет хорошо.

Таня выключила верхний свет, резкий и жгучий, напомнивший о лаборатории. И, повозившись, достала откуда-то снизу белого зайца. Потянула какую-то веревку, воткнула ее в стену.

Комната озарилась... нет, полноценным освещением это не назовешь. Но было видно, что происходит.

– Ночник, – назвала предмет Та-ния. И, понимая, что собеседнице слово ни о чем не говорит, нашла очередной ролик.

Салея кивнула.

Там, конечно, был не заяц, но она поняла. Это светит, пока ты спишь. Чтобы не испугаться, если проснешься.

Она еще раз поблагодарила – и через минуту уже спала. Таня только головой покачала и пошла к бабушке.

– Бусь... можно?

Бабушка Мила готовилась ко сну. Она уже и переоделась, и рядом все необходимое поставила, и даже от кошек-собаки закрыла... крючки они открывать умеют, но не беззвучно. Можно проснуться и их шугануть, чтобы не лишиться блистера с таблетками (ими обожают играть Муська) или бутылки с водой, которую преспокойно уносит Гном. И разгрызает, поросенок такой! Не-не, специальные косточки и

мослы мы не грызем. Нам нравится разгрызать именно пластиковые бутылки. Вот подай – и все тут! Собачке так желается и изволится!

– Заходи, детка.

– Бусь... ты прости. Я не думала...

Мила только рукой махнула. Нашла, из-за чего расстраиваться...

– Не переживай, Танюша. Что не разберем, то выкинем...

– Выкинешь ты, – проворчала Таня. – Бусь, у меня завтра четыре пары, я тогда на спорт забью – и сразу домой. Помогу тебе, а вечером побегу по больным.

– Может, не надо забивать?

– Тебе с ней сложно будет. Я бы осталась, но сама понимаешь...

Бабушка понимала. В медколледже пропускать нельзя. И без уважительной причины – и с оной. Все равно придется потом отрабатывать пропущенные занятия.

А как?

Если подработки, если сил иногда просто нет... опять что-то переносить?

С ума сойдешь, выкраивая из одного носового платка семь наволочек.

– Ничего, Танюша. Мы справимся. Ты с утра беги, а после обеда вернешься.

– Хорошо. Бусь, ты у меня лучшая.

Ответом Тане была ласковая улыбка.

– Спокойной ночи, детка.

– Сладких снов.

Таня плюхнулась на свою кровать.

В качестве извинения за подхалимаж к чужому человеку пришла, помурчала Люська. Потом Муська. А Гнома, который плюхнул тяжеленную голову ей на ноги, Таня и просто не заметила. Уже спала. Тяжелым глубоким сном без сновидений.

На орбитальной станции царило уныние.

Командор бушевал так, что к нему боялись подходить... да собственно – все! И был повод.

Лакс Рей довольно ухмылялся. Соперник просчитался с самого начала, он допустил такой шикарный промах, что... и ему достанется, и его Координатору! Упустить королеву!

Считай, матку этих безмозглых даэрте!

И не просто так упустить! Через портал!

Где она может быть сейчас?

А вот где угодно на планете, и даже на другой планете! Если вообще жива! Если ее тонким слоем не размазало по измерениям, как это случилось с подопытными животными, которых пытались запихнуть в арку телепорта. И как теперь быть? Где ее искать?

– Как это могло случиться?! Как эта сопля порезала охранника?

– Пронесла кусок стекла...

– Кто не уследил? Казнить. В молекулярном распылителе, – рыкнул Командор.

Стекло она могла подобрать только тем вечером.

Но не себя ж обвинять?

Нет, не себя. Охрану. И в этом есть своя правда. Если обыскивали, но не нашли – значит, плохо обыскали. Чего тут неясного?

Впрочем, все было просто.

Видимо, смерть охранника придавала девчонке сил. Видно было, как она смачивает руку в крови, а потом легко выносит дверь.

Съемка безжалостно показывает, как от ее приказа начинает работать портал, как фигурка падает куда-то далеко, в зеленое сияние...

Командор скрипнул зубами.

Ну... что тут скажешь?

За прошедшие на орбите годы ша-эмо так и не смогли понять принцип работы технологий даэрте.

Научники клялись, божились, каялись, рыдали, бились в конвульсиях, но НЕ ПОНИМАЛИ, как это работает. Повторить? Что вам повторить? Можно по второму кругу поклясться, побожиться, порыдать, покаяться... ах, технологии повторить?

А вот с этим хуже. Давайте мы опять поклянемся, порыдаем, побожимся...

Значит... выход только один.

Спуститься вниз, наловить даэрте и донести до них простую истину.

Их правительница ушла неизвестно куда. Если они хотят ее найти... пусть ищут.

Ша-эмо не станут чинить им препятствия. Найдут – хорошо. Не найдут... найдут, куда они денутся. Им эта тварь нужна как воздух! И за поисками можно понаблюдать с орбиты. А заодно понять больше о технологиях даэрте.

Давно б их всех размазали тонким слоем по планете, но – телепортация! Кто тогда раскроет ее секрет? Проще уничтожить большую часть даэрте, а остальных ассимилировать под себя. Что и происходило, собственно, пока сюда не явился Командор.

Лакс Рей методично ломал правительницу даэрте, загонял население в резервации, вводил все более жесткие режимы контроля... и лет через десять ему бы точно все удалось. Но тут слонем в посудную лавку ввалился Командор.

Теперь Дарсу Кету предстояло исправлять все, что он наворотил. План действий он уже составил, что тут сложного-то? Даем даэрте чуть больше свободы действий – и внимательно за ними наблюдаем. С орбиты. А потом действуем по обстоятельствам.

Прекрасный план?

Да просто великолепный.

Осталось только привести его в исполнение. И Командор отлично понимал, какие трудности его ждут. Но... выбора все равно не было.

Упустить девчонку?

Считай, прохлопать планету. Пока еще родится новая королева даэрте, пока она пройдет инициацию, пока... нет-нет, это уже не десять лет, а все сорок получится, если не пятьдесят. Координатор за такое не похвалит. И его соперники в Совете преотлично воспользуются шансом, организуют подставу. И Дарс....

Понятно, званий и медалей его никто не лишит. Но индекс полезности понизится. А он собирался как раз взять себе поместье на одной из колонизированных планет... на это и деньги требуются, и связи. Да, и индекс тоже.

Ситуацию надо было срочно исправлять. А поскольку нерешительностью Командор не страдал и даже слова такого не знал, он скомандовал всем готовиться.

Операция по возвращению принцессы началась.

Лакс Рей смотрел на это с ехидной улыбочкой, но молчал. Его это не касается.

Он приказ получил, он предупредил, что так нельзя, он говорил... его послушали?

Нет!

Ну и чего вы хотите? Лично Лакс не собирается класть свою голову под топор. Он говорил, его не послушали... а два раза дуракам не повторяют. Пусть теперь этот солдафон покрутится, как змея в водовороте...

М-да.

Всего восемь лет на планете, а уже заговорил как местный.

Все же Дараэ – особая планета. И подход к ней нужен особый, не такой прямолинейный. Но раз уж Командор сам пожелал... Пусть сам и расхлебывает. А Лакс ему даже ложку подарит. Большую... и сам вооружится вилкой и ножом. Скоро, очень скоро он сожрет своего врага. Правда, королеву это не вернет, но Лакс не такой дурак. Один раз он отловил девчонку, справится и во второй раз. Только это будет дольше и труднее... ну и ладно! Ему компенсируют все затраты.

Командор все видел, все понимал и злился еще больше. Но... сам нарвался. Увы.

Ничего! Он решал все поставленные перед ним задачи. Решит и эту. Подумаешь – Дараэ! Да что могут эти дикари противопоставить его армаде?

Правильно, ничего!

Или все-таки?

Нет-нет, эту мысль Командор отогнал на подлете и принялся планировать дальше. Недаром его считают гением стратегии и тактики. Он справится с поставленной задачей. Даже если придется выжечь всю планету с ее обитателями напалмом.

Глава 3

Первая пара начинается в восемь тридцать. Вторая – в пятнадцать минут одиннадцатого. Третья – через два часа и четвертая – в два с хвостиком. То есть раньше четырех часов не выберешься.

Анатомия, патология, прочие радости жизни... и радостей – много.

Два занятия теоретических, два практических.

А на анатомии сложно.

Особенно когда практические занятия.

Ну и... вот честно – Тане непросто было рассказывать про половые органы. Особенно про мужские. Когда ты в глаза ни одного не видела, разве что на картинках и муляжах. Но это – не то. Вроде и наука, но стесняешься. Особенно когда в классе шепчутся, шушукаются и хихикают. Понятно – над тобой.

Преподавательница терпела ее заикание. Она уже сорок лет анатомию преподавала и таких девчонок – то краснеющих, то бледнеющих – много повидала.

Сложно рассказывать про то, что ты еще на практике не видела, только в теории знаешь. Особенно если девочка из приличной семьи... не принято у нас свободно беседовать на подобные темы. Или романтика – или похабщина, и чаще второе.

А тут еще хрюканье в классе. Ну да, соплячье, особенно мальчишки самоутверждаются. Ребята в медколледже – народ редкий, тут ведь как...

Отсрочку ты получишь от армии, но только до окончания колледжа, потом надо сразу в институт поступать. Или – вперед, в кирзовых сапогах... [\[12\]](#)

Да и вообще... редкость – одним словом.

А тут сразу пятеро в группе.

И собралась троица...

Сережа Попов, Дима Мельников, Олег Жаров.

Причем все, как на подбор, молодцы, красавцы, каждый под два метра, улыбки, прически, одежда, аксессуары...

Ну, коновод тут Попов, у него папаша богатый, так что сынок с понтами приезжает каждый день в колледж на своей машине. Не на «жигулях», нет...

На «тойоте». Какая-то черная, явно из недешевых.

Парни постоянно ездят с ним, а короля, как известно, играет свита. А в таком малиннике, как медколледж... парни и не сомневаются, что они – короли. Тут ведь как – любая клюнет, только помани. Есть, есть исключения, но они чаще подтверждают правила.

Кто не клюет? Да местные «королевы», такие тоже есть. У них и цель, и цена другая. И охотятся они не на студентов. Но развлечься не откажутся, особенно за чужой счет.

Преподавательница смерила взглядом особо зарвавшуюся девицу и многообещающе ей улыбнулась.

«Королева» занервничала и заткнулась.

Ярослава Руслановна славилась своим откровенно мерзким характером и злопамятностью, носила прозвище «жаба ядовитая» и очень им гордилась.

А вот так!

Еще есть Ваня Цыган, да, фамилия такая, но он – не конкурент. На голову ниже любого из парней, откровенно невзрачный, тощий, ушастый, как последнее воплощение Чебурашки...

К тому же – из деревни. Живет в общежитии, успехом у девушек особым не пользуется... не то чтобы его все обходили стороной, но это вариант – на безрыбье и безводье. Тут он, кстати, тоже старается. И Ярослава Руслановна знала почему.

Ваня начал активно искать себе девочку с квартирой. К примеру, та же Углова. Прописка есть, а из семьи одна бабушка. Женись, а дальше... будет видно. Но Угловой он был настолько безразличен – она даже не поняла, что за ней ухаживать пытаются. Смотрела, как на стенку. Вот Ваня и злился. Вот и пакостничал.

Последний из пяти парней в группе – Руслан Петров.

Вообще темная лошадка. Одет весьма средне, явно не в фирменные вещи, а в шмотки из сетевых магазинов, но все гаджеты – последних марок и выпусков. Пользуется общественным транспортом, активно зубрит все темы от и до и, кажется, собирается стать хорошим медиком. Но обувь у него, для понимающего человека, чуть ли не ручной работы.

Стипендию он получает, и даже повышенную. Но – равнодушно как-то. Он сейчас и смотрит сочувственно на Таню. Не подсказывает, тоже видит, что девчонка знает тему, но ей просто тяжело... хотя бы не подшучивает, не корчит рожи, не ухмыляется многозначительно.

Ярослава Русланова подняла руку.

– Так... Углова – садись. Пять за знание предмета, два за изложение, итого – четверку авансом поставлю, но чтобы завтра конспект мне сдала на проверку.

Конспект тут же лег на парту перед преподавательницей.

Ярослава Руслановна проглядела его – и авансовая четверка стала вполне себе твердой.

Девчонка явно и перерисовала, и учила... а, стеснительность не для медиков, но все ведь разные? К третьему курсу обтешется, никуда не денется.

– К доске – Попов и Извольская.

Студенты послушно вышли, переглянулись.

– Судя по вашему хихиканью, вы прекрасно знакомы с темой ответа... – От ласковой улыбки Ярославны Руслановны побледнела вся группа. – Попов снимает штаны, Извольская показывает, где что находится, – и разьясняет. Руками можете не трогать, дам указку. Даже лазерную, чтобы не травмировать гениталии.

Шутники побледнели.

Ну да, издеваться над девчонкой – одно. А вот ответить за свои слова, да еще так...

Ладно-ладно, Жабба телефоны на своих занятиях не выносит. Сразу звереет, если видит, выгоняет из класса, ставит двойку – и до сессии не пересдашь. Но ради таких кадров телефоны найдутся, ребята и не сомневались!

И объясняй потом, что это практическое занятие.

А что?

Уколы они на манекенах тренировали, ИВЛ тоже, а вот бинты, лубки... это лучше на живом человеке. Может, и показывать тоже нужно на живом? И ведь не пожалуешься! На что? На то, что материал показывают на практике? Унизительно?

А медицина вообще штука такая... пациент и в крови бывает, и в дерьме, и какой угодно, и где угодно. Вон недавно одного привезли. Свалился в деревенский туалет, типа сортир. Едва спасти удалось.

– Что, не готовы?

Еще пара секунд промедления.

– Обоим по двойке. Конспекты на стол. Немедленно.

Тетради были тут же выложены и пролистаны преподавателем.

– Та-ак... Попов, я смотрю, вы отлично знакомы с темой? Какие рисунки, какая экспрессия! Особенно на последних листах. Автопортрет? Или друзья попозировали? В натуральную величину, или это ваши эротические фантазии?

Сергей злобно шипел сквозь зубы. Ну... нарисовал.

Обычно это в туалете рисуют, но вот захотелось. На последней страничке тетради... думал, потом вырвет... вот ведь – ЖАБА!!! Ядовитая!

– Извольская, у вас такого натурализма нет? Вы попросите Попова позировать. Может, он перед группой стесняется, а наедине вам не откажет? Линеечку возьмите, циркуль... только с последним осторожнее, если увлечетесь измерениями, можете травмировать иглой мягкие ткани.

Парни представили и побледнели.

– Двойка за урок, двойка за конспект, ко мне на отработку запишетесь по данной теме. И запомните. В медицине нет места стеснению. Но и похабень свою оставьте для туалетов. Там ей самое место. Углова, и ты запомни.

Таня кивнула.

Запомни-запомни... а если он ей нравится?

Вот если Сережа Попов ей действительно нравится до ужаса? Он такой... высокий, стройный, симпатичный... и добавим еще – богатый, зазнайка и лишний раз на нее не взглянет.

Она ведь совсем непримечательная.

Вот он – высокий, темноволосый, глаза карие, улыбка такая... замечательная. А она?

Рост средний, телосложение тощее, половые признаки с лупой искать надо... чего вы хотите – от постоянной беготни и, скажем честно, недоедания, волосы неопределенно-темные, глаза серые, черты лица усредненные... скучно.

Таких на пяточок – пучок.

Таня грустно вздохнула, понимая, что этим дело еще не завершится. И верно – стоило паре закончиться, как началось ее самое

нелюбимое время.

Перемена.

– Углова, ты чего сегодня мямлила, как чмо?

Катерина Извольская была настроена агрессивно. Поди пересдай старой Жабе! Озвереешь раньше...

– Я не мямлила, – тихо отозвалась Таня.

Орать она вообще не умела, горло словно спазмом перехватывало. До боли, до тошноты...

– А че тогда это было? Ты что – ни одного члена не видела? Ты целочка еще, да?

– Твое какое дело? – окрысилась Таня, понимая, что уши предательски краснеют.

Ну... и что?

Кто сказал, что девушка обязана, окончив школу, а то и раньше, прыгать в постель абы к кому, лишь бы прыгнуть? Американские фильмы, что ли?

Да тьфу на них! Кто-то вообще задумывался, что стандартный набор: «секс, наркотики, рок-н-ролл» – это для инфузорий с интеллектом тапочек? Вряд ли...

Скорее думают: это ярко, красочно, все так делают... а шлюхи, вроде той же Извольской, еще и орут.

А ты че – не?

Каково это – бежать не в общем стаде? А вот сложно! До слез и криков сложно!

Таня не бежала и не собиралась. Может, она и хотела бы, если по любви, с хорошим человеком, но у нее... обстоятельства. Только в них тоже Извольской не признаешься и не объяснишь. А и скажешь... разве что новые насмешки будут.

– Как – какое? Сережик, надо помочь девочке! Ты знаешь, что Танечка еще девочка?

– Че, серьезно?

От похабного взгляда стало еще и больно, и обидно. Когда герой твоих грез на тебя ТАК смотрит... это горько.

– Сережик, я понимаю, что тебе будет сложно. На такое... Это как на пулемет! И помереть героем! – Голос у Извольской был на редкость противный. – Но я могу тебе помочь.

– Купить виагру?

– Сережик! Можем объявить сбор пожертвований! Тому герою, который решится лечь в постель с Угловой.

– Это сколько ж пожертвовать придется?

Попов тоже был зол из-за двойки.

Ну, прикололся, и что? А теперь... Жаба мальчишек вообще не любит, гоняет и вдоль, и поперек. А отец прямо сказал, что если он будет лоботрясничать в колледже, то мединститут ему зарежут. И будет Сережа ходить строем.

И сразу денег дать отказался, в Барске мединститута нет, только в соседней области. Сережа бы отца дожал, но то отца! Уперлась маман: куда мальчика в семнадцать из дома отправлять? В другой город?! Он там сопьется – сколется – девку найдет – триппер подцепит...

Вот подрастет – другой разговор. Но сначала пусть тут поучится. Кстати, и работу найти сможет, и поступать будет уже проще, как медработнику, платить меньше придется. Деньги в семье есть, но это ж сколько надо! Квартиру снимать, да не абы какую, сыночку на карман выдать, за институт платить... папаша все посчитал и решил, что мать права.

Поэтому сидеть ему три года под родительским крылышком, тем более что сам он экзамены не сдал, папандр башляет. И за институт тоже платить будет.

А за двойку...

М-да.

Визгу будет – жесьть.

И во всем эта дура виновата.

Нет, не сам Сережа, который считал себя очень остроумным и заводным. А невзрачная девчонка в драных джинсах и самовязаном свитере.

– А я сейчас сообщение в общий чат скину, – хохотнула Извольская.

– Не смей! – не выдержала Таня^[13].

– И что ты мне сделаешь, сопля? – Извольская была уверена в себе и собиралась как следует поразвлечься за счет невзрачной зубрилки.

Помощь пришла неожиданно.

Из-за угла, как корабль на всех парусах, выдвинулась Евгения Михайловна.

Сестричка, то есть ведущая основы сестринского дела.

И тут же разъяснила политику партии и правительства.

– Попов, Извольская – место!

Рык получился такой, что студенты в струнку вытянулись. Евгения Михайловна, несмотря на общую субтильность, могла полком командовать и голосом корабля в тумане заворачивать.

– Углова, Извольская тебя что – к Попову приревновала? Оно и понятно, едим-то мы конфету, а не фантик, хоть он как блести. Брысь отсюда. А вы двое – за мной!

– А че... – начал было Попов, но недоговорил. Ответом ему стал милейший взгляд.

– В кабинете паразитологии давно требовалось переставить и протереть банки с глистами. Займетесь. И я подумаю, не вменить ли вам это в обязанность... каждую неделю будете порядок наводить. Поняла, Извольская? И ногти сейчас острижешь.

Катерина скрипнула зубами.

Ногти у нее были шикарные, хоть и средней длины, но со стразами, с росписью...

– Мне директор разрешил...

– Ничего. Я с ним еще поговорю на эту тему... шагом марш! Стричь когти и протирать глистов! Углова – я непонятно сказала «брысь»? Так я повторю – кыш! Перемена заканчивается, а ты наверняка еще не обедала.

– Нет, Евгения Михайловна.

– Шагом – марш.

Таня проводила удаляющуюся троицу сложносоставным взглядом.

Извольскую она бы удавила. Попов... ну нравился он ей, что поделать?

Евгении Михайловне просто спасибо... отличная она тетка. Пожилая, конечно, ей уж лет шестьдесят пять, а то и все семьдесят, но умная. Пару раз она Таню заставляла жующей бутерброд под лестницей. И наверное, что-то поняла... не было у Тани денег на столовую. Проще из дома «ссобойку» взять.

Только вот есть приходится в большой тайне, а то однокурсники шанс поиздеваться не упустят. Можно подумать, в киосках чем-то другим торгуют! Да то же самое! Булочка, в ней сосиска вареная,

кислая капуста, маринованный огурец... только когда это домашнее, хоть изжоги не бывает. Но кому это интересно? И кому можно объяснить?

Никому.

Таня направилась в привычное место, под лестницу.

Еще вчера она бы с ума сходила, обдумывая каждое свое слово, каждый жест, каждый взгляд Сережи, каждую его интонацию, находя миллион значений и вдвое больше причин для отчаяния, но сегодня... сегодня у нее и так были причины для сумасшествия.

Как-то там бабушка с найденкой?

Людмила Владимировна чувствовала себя вполне неплохо.

Профессия геолога, знаете ли, ко многому приучает. Тем более что она не кабинетный работник, в поле ходила.

Всякое бывало.

И с медведями виделась, и от волка на дереве отсиживалась, и по рекам сплавливалась...

Это уж сейчас она, считай, ни на что не годна. Смолоду не побереглась – к старости суставы решили отомстить нерадивой хозяйке. Но мстили они вполне обоснованно. Ночевки в палатках, походно-полевая жизнь, где уж тут уберечься? Вот и ребенок только один получился...

Сама виновата. Все сама. Но жить было интересно и весело.

А сейчас...

Таня с утра умчалась в колледж. Молодец внучка. Старается, работает, учится... ну и Мила тоже обузой быть не должна. Пенсия?

Это так, плюсом.

А остальное...

Таня с утра выгуляла Гнома. Во дворике, буквально на десять минут. Умный пес понял, что вечером прогулка будет подольше, и не стал спорить, сделал свои дела и пошел домой. А еще...

– Так, хвост-команда! Идите кушать!

Священное слово произнесено!

Кушать!

Задираются хвосты, загораются глаза, слышен топот слоновьей конницы Александра Македонского – герои летят!

Правда, в тарелках не так чтобы икра и омары. Нет, все намного проще. Универсальное блюдо и для них с Таней, и для собак, и для кошек.

Берется курица, отваривается, в бульон засыпается крупа и варится до готовности. Потом курица перебирается на мясо и кости, кости летят в мусор, мясо идет в ту же кашу.

Вкусно, сытно, калорийно, полезно... можно еще траву добавить какую.

Не «Ройял канин»?

Увы, не всем по карману элитные корма. И вообще, вы знаете, сколько лопают взрослый мейн-кун? Как раз пенсии на корм для кошечки хватит. На месяц. А наполнитель уже с других источников дохода покупайте...

Хотя и Муська, и Люська свои дела предпочитали делать во дворе.

Первый этаж ведь, свой двор... уходить? Вот еще! Они – кошки! Умные и порядочные! Это пусть к ним коты приходят, а им и так неплохо. Вышли, лапки размяли, вернулись...

Из гостиной послышался слабый шум, вроде бы – стон?

Бабушка Мила насторожилась – и двинулась туда.

Что-то там с девочкой?

Салея открыла глаза.

Белый потолок. Но стены уже зеленоватые, и вот они – растения, и вот она – умильная собачья морда, размером с хорошую сумку, и пасть здоровущая... Улыбается!

Девушка протянула руку и почесала Гнома за ухом.

Морда подсунулась ближе и повелительно боднула. А чего? Второе ухо необчесано, под челюстью – не порядок! Работай!

Салея и почесала бы, но толчок вышел увесистым, она едва с кровати не упала, охнула, на секунду почти вцепилась в собачье ухо, что Гном выдержал с завидным спокойствием...

Удалось?

Ей удалось сбежать от ша-эмо? Правда же?

Да, удалось... Портал сработал. Сработал на ее кровь, по ее приказу... осталось только выяснить, где она очутилась. Но... что бы это за место ни было, здесь ей уже нравится.

Потому что животные.

Растения.

И теплая улыбка на губах женщины, которая стоит в дверях.

Салея, будучи эмпатом, отлично чувствовала чужие эмоции. Вот от этой... Милы... Людмилы Владимировны Бочкиной – имя легко всплыло в памяти... от нее не веяло опасностью.

Наоборот.

Было тепло, спокойно, уютно, чувствовалось, что Салею она жалеет...

– Проснулась, детка?

Салея не поняла. Но зов природы ощутила.

– А... – Как бы еще объяснить, что ей нужно.

– Пойдем, напомним, где туалет. – Не надо быть гением, чтобы подумать о такой вещи. Ясно же, куда захочет любой человек с утра.

Туалет, душ...

Салея помнила все это со вчерашнего вечера. Только вот вчера у нее не было времени и сил для осознания. А сегодня...

На ее лбу четко выделялись коричневые бляшки.

Дубовая корона начала расти. Еще вчера этого не было.

Еще вчера утром она просто выделялась под кожей, но не росла. Не...

Сегодня утром она активна.

И, подтверждая мысли девушки, под пальцами, в деревянных бляшках, отозвался слабый пульс.

Корона набирает силу.

Салея скорчилась в углу душевой, закрыла лицо руками, прикусила губу. Она научилась плакать беззвучно. Тело содрогалось от спазмов, но все было тихо. Ни звука.

Ни стоны.

Ничего...

Даже если скручивает безжалостными судорогами – молчи! Молчи, не дай понять, насколько тебе плохо.

Салея знала, что будет дальше.

Она умрет. Но сначала...

Пугала ее даже не смерть. Пугало ее другое.

Ее планета.

Ее народ.

Ее наследство.

И – уже потом сама смерть. То есть ее вид. Салея знала, что Дубовая корона сделает с ее телом и разумом. Знала и не хотела этого. Боялась.

До крика, до стона...

А время пошло.

Время идет, и она словно воочию видит песочные часы.

Время безжалостно, время...

Девушка до крови прокусила щеку изнутри. И кое-как, с трудом обрела над собой контроль. Помогли и солоноватый привкус во рту, и безжалостная дрессировка – не выжила бы она иначе в последние годы. Так что...

Здесь и сейчас она спокойна. Она попробует узнать, где оказалась. А дальше уже будет видно, что делать.

Зла эти люди ей точно не желают. Это ясно.

И, выходя к бабушке Миле, Салея почти уже могла улыбаться. Потом девушку чуть ли не за руку привели на кухню и поставили перед ней чашку с водой.

Бабушка Мила подумала, сделала глоток, потом подвинула чашку даэрте. Та тоже сделала глоток.

Эта вода не пахла химией.

Она пахла... землей.

И – лесом?

Тут есть – ЛЕС?!

Салея не знала, как спросить. Но потом взгляд ее наткнулся на картинку. Небольшую такую, приклеенную к белой стенке ящика непонятого назначения.

И там был нарисован лес.

Даже ЛЕС! Настоящий, невероятный... Салея протянула руку, с надеждой посмотрела на хозяйку дома:

– Дараэ?

Будешь тут дергаться – на тебя ротвейлерская морда устроит атаку. Хорошо еще девочка попалась нормальная, понимает, что Гном не опасен. Разве что зализать может до изумления.

Так девочка вела себя вполне нормально, вспомнив вчерашний день, воспользовалась и туалетом, и душем, уселась за стол в кухне, водички попила... а потом увидела на холодильнике магнит.

«Барск – 150 лет».

Не так давно эти магниты по всему городу продавали, чуть ли не бесплатно раздавали. Она тогда взяла парочку разных.

На этом была изображена тайга. И река. Красиво, вид со спутника.

Вот на этот магнит и показывала девушка.

– Дараэ?

Черт его знает, что такое дараэ. Но Людмила Владимировна и не с таким справлялась. Сняла магнит и протянула девушке:

– Дараэ?

Девушка показала на лес:

– Дараэ!

– Лес. Тайга.

– Ли-ес. Тай-га...

– Дараэ, – согласилась Людмила Владимировна. Потом взяла с холодильника листок бумаги и ручку. Поставила точку. – Мы, – обвела рукой дом. Девушка кивнула. Бабушка Мила обвела большой круг. – Город. Люди.

Салея не слишком поняла, но смотрела дальше.

Всю оставшуюся часть листа Людмила заштриховала щедрым жестом.

– Дараэ.

А как еще объяснить, что вокруг города, считай, тайга и начинается? Ну... ладно, настоящая – в часе езды от города. Все же рядом с Барском тут то дачи, то еще что... а так – нормальная тайга.

Но кажется, девушка поняла.

Кивнула.

И развела руками, показывая на уши и язык.

Мол, не понимаем мы с вами друг друга... Хотим, а никак!

Людмила Владимировна улыбнулась.

Ладно, с тех пор как изобрели интернет, эта проблема вполне решаема. Столько всего есть! Мульттики обучающие, развивающие,

познавательные, ролики такие, сякие и разэтакие...

Покушаем – и будем разбираться!

Главное-то уже выяснили. Что вреда они друг другу причинять не хотят и пытаются найти общий язык. А остальное – мелочи жизни.

Все устроится.

Дайте только время, и все будет!

Салея готова была молиться на хозяйку дома.

Лес!

Настоящий Лес!

Живой, искренний, Лес, который не уничтожают на корню, Лес, основа жизни для каждого даэрте, их Бог, их Дараэ...

Он есть!

И как поняла девушка, даже недалеко отсюда. Именно поэтому вода пахнет Лесом?

Пицца была простой, какая-то крупа с мясом, но вкусной и сытной. А потом на стол поставили кедровые орехи, варенье из шишек, варенье из малины...

Салея съела ложечку, вторую...

Да.

Это Он.

Лес, который есть в этом мире! Портал сработал правильно! Она не зря оказалась именно здесь, но как же быть дальше? Она в этом мире как новорожденный ребенок, и ей повезло, что нашлись добрые люди.

Может, они тоже как даэрте?

Не как те?

Ша-эмо...

Салея помнила, как они себя называют. Она хорошо изучила их за эти годы. Слишком хорошо.

И ненавидеть научилась.

И убивать...

Инициация у нее случилась, так что... время пошло. Но сейчас Салея об этом не думала. После еды ба-буш-ка Ми-ла за руку отвела ее

в комнату, посадила перед плоским черным экраном и уверенно принялась двигать по столу какой-то черной коробочкой.

Экран загорелся. На нем появились значки, буквы, явно изображения...

Ее учат местному языку?

Отлично!

Сама Салея хотела именно этого! И почти приникла к мо-ни-то-ру, распознавая знакомые картинки – деревья, животных, овощи, фрукты...

Этот мир живой, нет никаких сомнений! И это так замечательно, так чудесно....

Оторвалась она от монитора, только когда в замке загремел ключ и живность ломанулась в прихожую – встречать хозяйку.

Таня влетела ураганом.

– Бусь, как дела?

Бабушка ответила ей теплой улыбкой:

– Все в порядке, Танюша. Сидит твоя найденка, язык учит.

– Это хорошо. А я тут в секунд забежала по дороге. Там как раз половинная скидка, вещи еще приличные, а цены человеческие. Вроде должно ей подойти? Ну так, хотя бы дома ходить?

– Давай постираю, а там и предложим, – бабушка Мила сноровисто извлекла из пакета пару платьев, трусы – новые, с этикеткой, ночнушку и халат. Уже на размер Салеи.

Уж на что Таня была некрупной, метр семьдесят и пятьдесят пять килограмм живого веса, бабушка Мила не располнела к старости, а найденка...

Полтора метра, наверное. Не больше.

Ножка, как у китайки, и пропорции... в ночнушке и халате она просто тонула. Таня потому так дешево эти вещи и взяла, что крой взрослый, а размер детский.

Ладно, это чуть позднее, сначала их и правда постирать надо.

– Давай. А я к ней загляну, узнаю, как она. Поедим, да и побегу, – кивнула Таня. И прошла в гостиную, на ходу подхватывая Муську и

водружая себе на плечи. Такой мейн-куновый воротник. Люська – с той проще, она на руках помещается, а вот Муська... это да!

Это – Муська!

Метр без хвоста. А с хвостом все полтора. И плевать ей, что это для самцов, самки мельче. Ей вообще чихать на стандарты породы, она просто любимая кошара – и этим гордится.

Салея подняла взгляд от монитора.

– Та-ния...

– Лея, – улыбнулась девушка. – Как дела?

Слова Салея пока не поняла, но вопросительную интонацию уловила.

И сложила руки.

– Дараэ...

– Дараэ? – не поняла Таня.

– Лес, – разъяснила бабушка. – Танюш, завтра суббота, у тебя две пары?

– Да.

– Съездите в лес? На автобусе тут не так далеко... пусть девочка погуляет? Ей явно нужно...

– В таком виде?

– Спортивный костюм твой дадим, старый. У меня лежит...

– Я же из него выросла! Бусь!

– Ну... выкидывать жалко было, – развела руками бабушка. Охнула от боли в суставе...

– Хомяк ты мой запасливый, – грустно пошутила Таня.

Бабушка ужасно не любила, когда на ее недуги обращали внимание.

– Съездишь?

– Да.

– Лея, – бабушка повернулась к девушке. – Дараэ завтра.

– Дараэ... зав-тра?

До таких сложных понятий Салея не доросла, но бабушка быстро разъяснила. День, вот этот, ночь и день. И поедете в лес.

Салея захлопала в ладоши.

Бабушка Мила улыбнулась, глядя на девушку. Забавная она. И теплая...

Зверье хорошего человека чует, его так легко не обманешь. Это не люди... увы. Конечно, кошки и собаки не провидцы, и с плохими людьми живут, и гибнут от рук всяких сволочей, но в том-то и дело, что у них все трое – подобранны. Не в тепличных условиях выросли, и как могут быть опасны люди, знают не понаслышке. Они не ко всякому пойдут.

Вот к врачу-терапевту с говорящей фамилией Сукина – близко не подходят. Шипят, фырчат... и терапевт действительно дрянь. И как человек, и как доктор.

А к Салее липнут. Явно же не просто так.
Звонок в дверь разрушил идиллию.

Таня встревоженно поглядела на бабушку.

– Пойду открою.

– Танюш...

– Бусь, сиди, а?

Девушка расправила плечи и решительно направилась к входной двери. Поглядела в глазок.

Ну, здрасте вам! Петяша-наша!

Дверь Таня распахнула решительно.

– Чего надо, дядь Петь?

Местный алкоголик замялся на пороге. Понял, что халявы не выйдет, это Людмила могла пожалеть и налить пятьдесят грамм. Таня алкашей не любила в принципе. Не уважала и от своего дома гоняла поганой метлой. Насмотрелась в наркологии.

И что они с собой делают, и что с окружающими происходит.

Всего в доме восемь квартир.

Три двушки и трешка на первом этаже, такой же набор на втором.

На первом в трешке Таня с бабушкой, рядом в двушке – тетя Фиса. Милейшей души человек, дочь у нее вышла замуж и ушла к мужу, а тетя Фиса посвящает время сериалам и новостям. С внуками пока молодые не торопятся, вот и скучает дама.

По выставкам ходит, по театрам... а что? Ей и лет-то всего пятьдесят, сама еще замуж выйти может.

Следующая двушка – как раз Петяша и его жена Юлия Ивановна. Тут как раз целый роман с матюгами.

Оно понятно, что замуж надо выходить по любви.

Непонятно другое. В чем виноваты окружающие, что ты их под эту любовь кидаешь, как под колеса трактора? Вышла Юля по большой любви замуж за Петю – дело житейское. Двое детей родились, работа, время идет...

Но если Петя потом запил? Запоями?

И началось... у кого в семье есть запойный алкаш, те поймут.

То период свинского безумия, то период сомнительной трезвости, наркология, вытрезвитель, попытки лечиться – везде. От супертаблеточек до народных целителей... и хоть бы тут что помогло!

В итоге у детей не было детства.

То они от пьяного папочки по соседям прятались, то он из дома все тащил, то в дверь ломился, то его дружки буянили... шикарный набор? А то ж!

В результате дети выросли и уже в шестнадцать-семнадцать лет так рванули из дома, что их на самолете не догонишь. В институты в других городах поступали, там и жизнь свою устраивали... домой вернуться? Ага,ждидайся триста лет! Юлия Ивановна приходила, плакалась.

Она уж их просила вернуться, или пожить с матерью, или ее к себе забрать, ну хоть что-то... она ж одна остается с Петяшей! Разве ж это по-человечески? Неблагодарные дети ответили четко:

Вместо того чтобы заниматься нами, ты возилась с этим алкашом. Тридцать лет возилась. Благословляем продолжать в том же духе.

Таня их осуждать не могла. Не по-человечески? А детей ТАК растить – хорошо? Чтобы они домой шли, как на каторгу, и не знали, что их сегодня ждет? Юлия Ивановна свой выбор сделала, о них не подумала. Теперь выбор сделали уже ее дети. Матери он не нравится? Ее трудности.

А возраст уже серьезный.

Тут тянет, здесь болит, там колет... и Петяша буянит. Правда, к соседям лезть опасается. Гном свою позицию высказывал четко. Один

«гав» – и всем всё понятно.

Кому непонятно?

Ротвейлер – собака крупная. И достанет... везде достанет, особенно если на задние лапы встанет.

Прошлый раз Петяше объяснили очень доходчиво.

Встал Гномик на задние лапки, положил ему на плечи передние и сказал второй «гав» прямо в лицо. Алкаша звуковой волной и вынесло. На реактивном визге...

– Танюш, на поправку бы мне...

– Дядь Петь, лопату дать?

– Зачем, Танечка?

– Вскапываешь во дворе участок – получаешь на водку. Вопросы есть?

Вопросов не было. Участочек во дворе действительно был, бабушка Мила там цветы сажала. И вскопать его бы стоило. Соседи обещали, но у всех же дела, работа... хочешь на водку? Копай! Петяша не сомневался – не обманет. Нальет.

Но хочется-то за так, то есть даром! А не получится. Увы. Тогда хоть гадость сказать.

– Злая ты, Таня. И не женится на тебе никто.

– Сэкономлю. На водке. Ты меня слышал, дядь Петь.

– Гав, – подтвердил Гном.

Алкоголик вздохнул и распрощался. Отправился к четвертой двери на площадке. Там семья: Инна, Валерий и двое их детей – Мишка и Наташка. Мишка, старший, недавно женился, и они ему купили квартиру в этом же доме, только над своей. Дети пойдут... получается, и вместе, и врозь, и продавалось дешево.

Так и сложилось. Там, если Валерий дома, ему и налить могут. Инна погонит, а Валерий – тот сам попивает временами, понятие имеет.

– Танечка, кто там?

– Петяша, на водку клянчил, – отозвалась Таня, захлопывая дверь.

И почти ощутила бабушкин вздох.

Не то...

Слава богу.

Салея смотрела, как напряжена женщина. Ми-ла... она ждет чего-то плохого?

Как почти судорогой сводит ее плечи, как потом она расслабляется... но все равно ей не слишком хорошо.

Вернувшись в комнату Таня оценила все мгновенно.

– Бусь, давай я тебя сейчас кольну да побегу по подработкам?

Людмила Владимировна кивнула:

– Да, давай, детка...

Таня достала шприц, набрала лекарство, повернулась к бабушке.

Ее руку перехватили тонкие смуглые пальцы.

– Ша алае...

Если бы она хоть половину слов понимала! Но Салея была явно чем-то встревожена. Таня покачала головой.

– Лекарство...

Как же объяснишь... пришлось быстренько изобразить.

Показать на бабушку, показать жестами, что ей плохо, потом укол – и лучше. Может, в актрисы идти надо было? С такими талантами?

Салея снова покачала головой.

Мол – не надо. Потом жестами попросила подождать и сорвала побег бабушкиной любви – сциндапсуса^[14].

Бабушка только брови подняла, когда Салея обвязала ей запястье вьюнком. А потом положила руку сверху.

– Мать-мать-мать... – не удержалась Таня.

От пальцев девушки по лиане побежали крохотные зеленые искорки. Впитались в кожу. И... Людмила просто ожила на глазах.

Порозовели щеки, посветлели прожилки в глазах...

– И голова не болит...

С запястья на пол осыпался зеленоватый мелкий пепел.

– Пессец! – выразилась Таня.

Салея развела руками. Мол, вот так. Простите, уважаемые, но... я могу.

Первой пришла в себя бабушка Мила.

– Лея, детка, спасибо...

Вот интонацию девушка поняла, прижала руку к сердцу и поклонилась. Мол, ничего особенного, не за что.

Бабушка ответила ей улыбкой.

– Танечка, детка, ты кушай и беги. А то время... вечером поговорим.

И сделала благодарный жест в сторону Леи.

Таня подумала, потом поклонилась Салее и пошла на кухню. А что?

Может, она и инопланетянка, но кушать тоже небось хочет? А на продукты надо заработать. Так что вперед, Танечка...

Эх, если это и фэнтези, то какое-то нелогичное! Где сундуки с золотом? Побрякушки с брюликами? Золотые рыбки в аквариумах? Ну хоть бы джинна какого завалящего приволокли!

Нет?

И не будет. Так что – есть и работать!

Салея выдохнула.

Ее не испугались. Ее способности приняли как должное. Или как что-то такое... необычное, но не страшное.

Просто – бывает.

ТЕ... ша-эмо... вот у них совсем по-другому. Они хотели все забрать, поставить себе на службу... как объяснить людям, что так – не делают?

И как это можно объяснить нелюдям?

Никак.

А вот Ми-ла осматривает цветок, смотрит с тревогой на Салею... девушка покачала головой, постаралась успокоить.

Нет-нет, ничего страшного с растением не будет. Она взяла только одну веточку, лишь часть жизненной силы... все будет хорошо.

Правда-правда.

И лишний раз уверилась, что попала в хорошее место и к хорошим людям.

Если человек тревожится и за растения, и за животных... искренне тревожится, значит, это хороший человек.

Опыта у Салеи было не так много, но в данном случае ей действительно повезло.

– Танечка, все у вас в порядке?

– Михаил Семенович, – улыбнулась Таня.

Сосед из двушки наверху. Пенсионер в отставке, военный... вот и так бывает. Жил-поживал, с женой детей не нажил, а изменять тоже не изменял. Жена умерла, а он остался в одиночестве. И частенько заходил попить с бабушкой чайку, поболтать о том о сем... Таня иногда думала, что им бы лет по двадцать с плеч – и хорошая бы пара получилась! Разве нет?

Да и сейчас бы... Таня может и замуж выйти, и вообще... ей все равно, за одним пожилым человеком приглядывать ли, за двумя. А за бабушку она всяко будет спокойнее, если та будет не одна. Но обстоятельства...

– Опять работать, Танечка?

– Конечно, – улыбнулась девушка. – Да, все в порядке....

– Мне показалось, что вы вчера с кем-то пришли...

– Да, – согласилась Таня. – Однокурсница себя плохо почувствовала, пришлось к себе позвать. Отлежится да и уедет.

– А, вот оно как... случается.

Таня кивнула.

Случается. Разве нет? Хотя иногда соседское любопытство вообще некстати.

Командор стоял посреди святилища и брезгливо морщился.

Вот ведь...

Дикари. Как есть – дикари.

Эти стены из деревьев, эти деревянные стулья, тоже выращенные из деревьев и лиан, травяные коврики... ну как, как можно всем этим заниматься?

Природа должна служить человеку! Обязана! А все эти выплясывания...

Воля Леса, веления деревьев...

Перводреву!

Да чушь все это!

Хотя дерево посреди святилища действительно здоровущее, обхватов десять. А то и побольше будет. Надо при случае спилить, из него шикарные столешницы получатся... на сувениры. Сколько времени оно росло?

Сколько труда нужно, чтобы его вырастить? Вот это Командора вообще не интересовало. Подумаешь, дерево!

Есть определенный баланс экосистемы, который можно поддерживать.

А можно – и не поддерживать. В конце концов, водоросли на кораблях справляются с этой задачей ничуть не хуже. И кислород дают, и отходы пожирают, и места много не занимают...

И биосинтезированные овощи и фрукты ничуть не хуже настоящих. Совершенно тот же набор витаминов и аминокислот, даже улучшенный и обогащенный. Хочешь вкусовые качества?

Заказывай любые!

Хоть черешню со вкусом арбуза, хоть огурец со вкусом яблока! И все у тебя будет на тарелке! Мгновенно!

Без всяких мучений, трудов, садовников, или кто там в селении занимается всей этой глупостью... Не надо трудиться, не надо тратить бесценное время, которое можно использовать с большей продуктивностью.

И ладно бы даэрте были тупыми!

Нет!

Они умные, они серьезные противники, об этом говорит тот факт, что их планета до сих пор покрыта лесом, а они ведут более-менее привычный образ жизни, а не стали еще одним анклавом ша-эмо. Но такие... зацикленные на своих глупостях! До невероятности! И не сдвинешь их ничем!

Воля леса – и все тут!

Дурят их эти жрецы! Просто дурят...

Ладно.

Можно оставить немного растений в оранжереях. Но зачем всю планету засеивать этой гадостью? Тут же можно построить мегаполисы!

Сотни и тысячи мегаполисов!

Можно сделать планету-город!

Тут есть ценные металлы, полезные ископаемые, но... добыть их не получается. Техника просто перестает работать.

Применить тактику выжженной земли?

Да, было и такое. Но через несколько дней все ша-эмо, которые выжигали лес с орбиты, просто умерли.

Как? Почему?

Доктор не нашел видимых причин.

Сердце остановилось. Все.

У здоровых молодых солдат! Которые проходили всевозможные проверки два-три раза в год!

Вы в это верите?

Вот Командор не верил, а значит, что?

Диверсия.

Но как ее осуществили? Как нашли виновных?

Как?!

Кто смог пробраться на корабль класса А? Это просто невозможно, потому что такого не может быть никогда.

Выжечь всю планету напалмом?

О, да. Это можно. А что потом делать с голым шаром? Какой в нем толк? И еще... технологии!

Технологии, благодаря которым даэрте жили до двухсот и более лет, оставаясь при этом молодыми и красивыми, как в двадцать; технологии, благодаря которым они легко переходили с одного конца планеты на другой, казалось, вовсе не тратя никаких сил; технологии, благодаря которым погибали корабли, люди, оборудование ша-эмо...

Получить все это хотелось.

Но – близок локоток. Хотя... не так!

Это Рей восемь лет сопли жевал. А Командор все решит достаточно быстро.

Лакс Рей думал, что, захватив королевскую семью, ну и частично истребив даэрте, он получит более широкий доступ к технологиям Дараэ! Куда там!

Девчонка – принцесса – упорно молчала. Молчала все это время, молчала под пытками, на опытах, под наркотиками, которые ей вводили в товарных дозах... да проколотого и прокапанного ей хватило бы, чтобы получить целый корабль наркоманов! А она?

Словно и не чувствует!

И это тоже технология, благодаря которой в ее крови разлагаются вещества.

Нанороботы?

Микрочастицы?

Командор мог предположить многое, а вот получить нечто конкретное просто не удавалось. Никак. Читал он результаты обследований. Даже научника вызвал для разъяснений и перевода с заумно-головоломного на человеческий.

Даже кровь, взятая у девчонки из вены, примерно через двадцать секунд становилась... хаосом.

Плазма, а в ней осколки и обломки клеток.

Как выразился один из ученых – с таким не живут.

Но ведь жила же!

Дикари! Одно слово – дикари!

Но в счете они вели пятьдесят на пятьдесят, так-то.

И ша-эмо, хотя и победили, и загнали их в резервации, спокойно себя не чувствовали.

Планета была похожа на оцетинившегося ежа, который готов ударить, укусить... ежи так не поступают? А это неправильный еж. И планета неправильная. И вообще...

Почему они сами не понимают, что так выгоднее? Почему цепляются за свои глупости?

А вот и жрец, один из старших. Нелепый в своем травяном балахоне, выглядит так... мальчишка мальчишкой. А ведь ему за пятьдесят лет! Командор это знал! Местных лет, а тут каждый год раза в полтора длиннее стандартного!

Кстати – еще одна причина, по которой до сих пор не уничтожили даэрте!

Молодость, красота... это же явно не просто так! Это – технологии!

Но какие?

Загадка...

Стоит себе старший жрец и ничем от всех остальных не отличается. Только разве что цветок на плече цветет. Белый. Прямо на травяной хламиде... Командору жутко хотелось оторвать его, скомкать в руке и бросить на землю.

Волосы коричневые, глаза зеленые, смотрит серьезно.

– Что нужно главе ша-эмо в нашем святилище?

– Информация.

– Ты не похож на взыскующего знания.

Командор едва не сплюнул.

– Святоша, вчера ваша королева, или принцесса... смотри, что она вчера сделала. Потом ответишь мне на вопросы.

Смонтированная запись получилась четкой и ясной. Хоть ты в кино запускай. И убийство, и переход... жрец молча смотрел на Командора.

– Вы хотели ее убить?

Командор и не подумал смущаться.

– Пригрозил.

– Нет. Хотели.

Ну... ладно. Хотел.

– Это имеет значение?

– Да.

– Хотел, – сознался Командор. И даже не постеснялся. А что они ему сделают? Он – победитель! Захочет – всех тут под нож пустит!

– Она почувяла и ушла.

– Куда ушла?

Жрец потер кончик носа.

– Если королеве угрожает опасность, она может... применить родовую силу.

Насчет угрозы было сложно спорить. Но что там за родовая сила такая?

Жрец качнул головой:

– Я не смогу объяснить. Это тайна королевской семьи и рода...

– А если я вас прикажу залить напалмом?

– Мы умрем.

Командор вздохнул.

Вот так с ними всегда, судя по материалам Координатора. Можно уничтожать их, залить напалмом, убивать сотнями на глазах у остальных. Можно. Но дальше-то как? Если все это пробовали и ничего не действует?

Надо договариваться.

– Вы хотите найти свою королеву?

– Хотим.

– Я могу предоставить вам такую возможность...

Жрец покачал головой:

– Нет. Ты принес зло на нашу землю. Ты человек с мертвой душой. Ты принес вести о королеве – и уйдешь живым. Но знаний ты не получишь. Можешь уничтожить нас, но мое слово останется последним.

И столько твердости было в этих прозрачных глазах... два изумруда.

– Я могу вас стереть с лица земли.

– Можешь.

– Тебя лично. Убью прямо сейчас.

– Убивай, ша-эмо.

И это не позерство, не игра. Жрец действительно не боялся. Стоял под деревьями, напротив Командора, смотрел прозрачными глазюками и НЕ БОЯЛСЯ!

Вообще.

Словно бессмертный.

Дарсу искренне захотелось это проверить. Едва сдержался. Пока не время.

Пока...

– Мы еще поговорим, жрец.

– Если на то будет воля Дараэ.

Дарс плюнул да и вышел вон.

Когда он улетел, жрец подошел к Перводреву, коснулся его ладонью... имеющий уши – да услышит!

Их разговор с Командором слышал весь Лес. Все даэрте.

И все осознавали, что это означает.

Начиналась новая эра.

Только вот что она принесет?

Даэрте этого не знали и могли только молиться. Пусть королева справится. Где бы она ни была – пусть у нее все получится!

Когда Командор улетел, Элран вошел в святилище.

Старейшина так и стоял, задумчиво гладил ветвь Перводрева, касался ее кончиками пальцев, ласкал, словно разговаривал. И дерево

отвечало ему.

Не так, как королеве, нет, но и Мирилу было приятно. Легкие древесные пальцы-ветви перебирали его волосы, касались лица... хорошо.

– Отец?

– Да, сынок?

– Я слышал... королева сбежала?

Мирил задумчиво поглядел на сына.

С одной стороны... и сказать бы ему про самонадеянных сопляков, и поругаться, и много еще чего сверху добавить.

С другой...

– Подозреваю, что-то вы умудрились сделать. Полезное.

Элран не расцвел первоцветом. Только сильнее нахмурился.

– Как бы это узнать точнее?

– Никак, – отрезал Мирил. И порадовался, что сын поумнел.

Раньше бы Ран расправил плечи и заявил: да вот! Да я! Да мной гордиться надо! Даже два раза!

Нет. Элран отлично понял, к чему привела его шалость. Потеря Шавеля, который мог стать – да и был! – гением в своем поколении, потеря друга, чудом не обрушившийся на планету гнев ша-эмо, и кто еще знает, что там стало с королевой?

То-то и оно...

Но и добивать мальчишку не стоит.

– Не знаю, Ран, что именно вы сделали. Но это неплохо. Ее величество сбежала от врагов, а вот где она сейчас находится... это как раз не важно. Ты видишь Перводрево?

Элран видел. И поскольку дураком не был, тут же сообразил.

– Оно спокойно. И даже новые ветви отращивает, и довольно!

– Правильно. Где бы ни была королева, ей там не делают плохо.

Ей хорошо, о ней явно заботятся.

Элран кивнул.

Даэрте – дети Перводрева. И королева связана с ним сильнее прочих. Плохо Салее – плохо Дереву. Последние годы ему было очень плохо.

Оно теряло листву, желтело, хирело. А сегодня – посмотреть приятно! Стоит уютное, зеленое...

– А она вернется к нам?

– И в этом я уверен. Перводрево всегда позовет ее. И королева найдет дорогу домой. Дубовая корона покажет путь.

Элран задумчиво кивнул:

– Да, отец. Я понимаю.

– Поэтому ваша выходка не была напрасной. Но, может быть, если бы вы посоветовались, поговорили, просчитали все тщательнее, ее ценой не стала бы смерть Шавеля.

Элран еще раз кивнул. И все же не удержался. Отбросил с лица темные волосы, сверкнул глазами. Мальчишка. Какой же он еще мальчишка!

– Лучше Шавеля никто бы не просчитал. Ничего. Он был гением!

– Был. А мог – быть и дальше.

– Я уверен, Шавель учел все возможное. А если он чего-то не рассчитал, то и другим это было бы не под силу.

Старейшина пожал плечами:

– Может, и так. А может, и нет. Если бы вас страховало Перводрево? Как ты думаешь?

– Вы бы не пошли на это, – отрубил сын. Решительно, как ветку переломил.

Мирил кивнул.

Да, не пошли бы. Потому что Дерево и так теряло силы. Связка: даэрте – Перводрево – королева вполне рабочая, но если одному из звеньев плохо?

Плохо и остальным. И рисковать вторым звеном в такой ситуации? Он бы не решился.

– Не пошли. Но помочь могли бы. Ладно, Ран, что сделано – то сделано. Что-то получилось, и это хорошо.

– А что мы теперь будем делать?

– Ждать, сынок. Разумеется, ждать.

– Чего?

– Королеву. Очень скоро она вернется.

Командор посмотрел на подчиненного.

– Вук, жучки установлены?

– Да, шеф.

– Они должны будут говорить между собой, и о девчонке в том числе. Если упустим... лучше самим в утилизатор.

Подчиненный был с этим полностью согласен.

Да, лучше тогда самим. Потому что Даэрте, как они называли планету по имени живущего на ней народа, была на контроле у Самого! А он добротой и любовью не отличался.

Так что следим, перехватываем, возвращаем девчонку и ищем секреты телепортации...

Им нужен контроль над планетой. И плевать, что об этом думают разные дикари!

Глава 4

Суббота прошла спокойно, к большому счастью Тани. Нет, она не обольщалась, ни Попов, ни Извольская не успокоятся.

Но – суббота.

День практики.

Одна группа, тридцать шесть человек, разбивается на три подгруппы по двенадцать человек, и все отправляются на практику по больницам. По отделениям.

Помогать.

Где именно? А где скажут! Будешь выносить судна, мыть полы, таскать штативы с капельницами, заполнять документацию в обычном или электронном виде, сидеть на посту для мелких поручений...

Список велик. И студенты сами выбирают, чем хотят заниматься. Вот Таня сразу попросилась в процедурную. Получила кивок медсестры и отправилась работать.

Делать внутримышечные, внутривенные... а как еще руку набивать? Да, это не слишком хорошо по отношению к больным, но рука у Тани легкая, а тут еще и под присмотром врача или медсестры. А потом она уколами подработает, на дому.

В поликлинике обычно не допросишься, то у них персонала не хватает, то желаний нет, вот и складывается круг клиентуры. Тут ее посоветовали, там телефон шепнули, прибежит девочка, все сделает, быстро и аккуратно... и недорого.

Так и получалось. И набегало кое-какое подспорье к бабушкиной пенсии. Но Барск большой, а дальше начинается самое интересное. Если на такси ездить, считай, только зря прокатаешься. Сколько заработаешь, столько и потратишь. На автобусах – да, единый проездной есть. Так обходится намного дешевле, но ты их еще дождись! Приложение-то скачать можно, но количество автобусов на маршруте от этого не изменится. Увы.

Поэтому начинаем крутить по времени – городу – траекториям... и все равно домой возвращаешься уже к ночи, усталая и измотанная.

Не всегда ж внутримышечные или внутривенные! Таня и капельницы ставит. А это – время.

Это не минута, нужно до часа сидеть рядом с человеком, а то и побольше... это хорошо оплачивается, но время, время... она тратит его с пользой и сидит, учит конспекты, к чему пациенты относятся с пониманием. Но домой-то от этого быстрее не попадешь!

А еще уколы делаются обычно вечером.

Ладно, вот сейчас она удерет с практики и поедет с Салеей в лес. Пусть уж...

Сейчас отпросится, потом отработает. Или вообще потихоньку договорится, чтобы ее отметили, – и без отработки. В следующий раз подольше на практике побудет.

И Таня решительно направилась к врачу. Отпрашиваться.

В простом льняном платьишке и короткой Таниной куртке Салея была похожа на человека. А зеленые волосы?

И что?

И не такое бывает!

Таня специально прикупила в киоске кучу цветных резиночек и перетянула зеленые локоны в нескольких местах. Типа это прическа, так задумано...

Хиппи?

А чего только не встречается в наше-то время. И малиновые волосы, и лиловые, и дреды, и прочее... Салея в этом плане не сильно выбивалась из общего ряда.

Когда еще и побеситься, как не в молодости? Не в девяносто же лет? Волосы покрасить, временных татуировок хной наделать, уши восемь раз проколоть, какие-нибудь экзотические шмотки поносить?

Держалась она тоже молодцом, рядом с Таней шла спокойно, правда, ее руку сжимала крепко-крепко, боясь потеряться. На всякий случай Таня перед выходом сунула ей в карман записку. И показала – мол, сюда. Адрес. Дом.

Назовешься иностранкой, попросишь довести... вот записка, вот деньги...

Ах, как же тяжело было бы понять друг друга без роликов из интернета. А так Салея уже и самые простые слова могла произносить по-русски.

Да, нет, вода, еда, кот, собака, все названия мебели, пищи, цветов и деревьев... Таня только завистливо вздыхала.

Вот память!

В меде зубрежки как песка на пляже. А у Леи, похоже, эйдетическая память, она один раз увидит – и запоминает накрепко.

Завидно, знаете ли...

Просто – завидно!

В автобус Салея тоже села без возражений. И смотрела большими глазами на технику, на деревья, на людей... Девушки выпрыгнули на конечной остановке.

– Лес, – выдохнула Салея.

Теперь уже она тянула Таню вперед, словно рвалась к чему-то, а Таня послушно шла за ней. И не сразу уловила это изменение...

Вот вроде бы окружал их пригородный лесок, который, будем честны, и вытоптан, и изрядно дачниками-туристами-отдыхающими загажен, и прорежен, и...

И буквально на глазах все меняется.

Взметнулись высоченные дубы, кедры, остро запахло разогретой хвоей, зацокала наверху белка...

Шаг, еще один... и поляна.

Вот почему-то на поляну Таня выйти не решилась. Ей показалось, что нельзя... неуместно как-то. Неправильно.

Поляна была... странной.

Ровная, круглая, словно колесо, заросшая мягкой даже на вид, шелковистой травой с какими-то незнакомыми Тане белыми цветочками... откуда такие? Соцветие как у одуванчика, но вместо тычинок цветочки... красиво, конечно. Но как сделать шаг – и нарушить это совершенство?

Нет, нельзя...

А вот Салея сомнений не испытывала. Куртка, стесняющая движения, упала на траву, печально взмахнули шнурками старые кроссовки, девушка сделала шаг вперед... и Таня поежилась.

Под босыми ногами Салеи негнулись тонкие травяные стебельки. Вообще негнулись... она словно скользила по верхушкам цветов...

люди так не умеют.

Она – не человек. Почему-то здесь это осознавалось без лишних эмоций. Ну, не человек. Но не крокодил же?

А кто тогда?

Впрочем, ответа долго ждать не пришлось.

Салея ликующим жестом вскинула вверх руки – и с неба хлынул поток расплавленного солнечного света. Залил девушку, полянку, кедры вокруг... Это было так красиво: могучие древесные исполины, зелень травы и хвои, белые цветы женьшеня (как осознала Таня) – и девушка посреди поляны.

Сейчас простенькое льняное платье Салеи казалось церемониальным одеянием.

Жаль, длилось это недолго.

– Лея, – едва вымолвила Таня дрожащими губами.

Из-за деревьев медленно выходил гигантский бурый медведь.

Гризли?

Черные медведи? Полярные? Пещерные?

Этот гигант заткнул бы за пояс всех оптом, еще бы и уселся сверху. Даже так, на четвереньках, он достигал двух метров. И... от такого не убежишь. Остается только принять свою судьбу?

Или... это не просто медведь?

Маленькие медвежьи глазки были подозрительно... разумными? Не человеческими, нет, они оставались медвежьими, золотисто-кариками, но в них светился разум.

Зверь дошел до Салеи – и улегся перед ней мохнатым ковриком. Девушка потрепала его за ухом.

Животное открыло пасть.

Блеснули клыки, от вида которых в ужасе скончался бы саблезубый тигр. И Салея медленно наколола ладонь об один из клыков, проговаривая что-то на своем певучем языке.

Здесь и сейчас он звучал как дóлжное.

Лес понимал ее...

Салея и сама не ждала, что это будет ТАК!

Легко?

Нет, легко не было. Но Лес, измученный и усталый, принимал ее. И позволил призвать Хранителя.

Здесь не было даэрте. Очень давно не было никого, слышащего и слушающего Лес.

А потом пришла она.

И пришел Хранитель.

И Салея постигала Лес этого мира.

Здесь...

Здесь было не так, как у них. Но было и не так, как у ша-эмо... Здесь даже начинали что-то понимать. Говорили о зеленых легких планеты, о том, что надо беречь природу, да, больше говорили, чем делали, но рано или поздно количество же должно будет перейти в качество. Разве нет?

Сначала что-то модно, потом привычно, а затем люди и не осознают себя без конкретно этого предмета или явления. Так же и с защитой природы.

Просто сейчас природе нужна помощь.

И даэрте ей не помешали бы...

Салея постигала Лес.

А Лес...

Он все знает, он все понимает, он сочувствует, склоняется к ней, ласково гладит по волосам зелеными лапами, ластится к ней, как добрый и верный пес... можно? Ведь правда – можно?

Я больше не один?

Он не так разумен, как леса даэрте, бывшие их леса, но ведь у него и не было таких Хранителей, как они. Как даэрте, духи Леса, тени Леса, душа Леса.

Пока этот Лес разумен в той же степени, что и его Хранитель-медведь.

Пока...

Но он позволит им прийти. Позволит жить в нем. Позволит помочь и себе, и им...

Салея закружилась на месте, засмеялась от счастья – и эхом откликнулась тайга. Наконец-то!

Они нашли друг друга!

Они дождались...

Теперь все будет хорошо, правда же?

Правда?

Таня сама не знала, как на ногах стояла, в этой фантазмагории цвета, звука, запаха... казалось, весь мир сейчас вертится вокруг них. И только одно остается неизменным.

Девушка и медведь.

А потом Салея протянула к ней руки. И Таня пошла, шалея от собственной храбрости, словно от вина... или это просто магия?

То, во что мы не верим?

Салея требовательно протянула руку, и Таня вложила в нее свою ладонь.

А в следующий миг Лея потянула ее ближе к медведю. Блеснули острые клыки, рассекли кожу. Боль в запястье была короткой и острой.

Красное – не земляника.

Капельки ее крови на траве, капельки крови Салеи...

И все закончилось.

Словно в единый миг.

Сначала одним движением поднялся на четыре лапы медведь.

Встряхнулся, поклонился сперва Салею, потом почему-то Тане – и вразвалочку затопал куда-то за деревья. Казалось, такая громадина, но шаг, второй – и его уже нет. Будто слился с древесными стволами, растворился.

– Спасибо, – тихо сказала Салея.

– Пожалуйста... – Таня опустилась прямо в траву. – Ты разговариваешь по-русски?

Салея развела руками, даже чуточку беспомощно.

Я знаю, что происходит. Что произошло. Но как объяснить это тебе, и поверишь ли ты? Для меня это обыденность, но вы, люди, устроены иначе. Так печально. Я говорю на твоём языке, но ты меня не слышишь. Как часто это бывает.

– Да. Я знаю все, что знает Лес. А он слышал вашу речь. И запомнил. И я теперь знаю.

Таня тряхнула головой.

Здесь и сейчас это не казалось безумным или неправильным. И...

– Что у тебя на голове?

– Дубовая корона.

– Дубовая корона?

Теперь это не были выступающие бляшки. Это был полноценный венец. Коричневый, не гладкий, но и кора у дуба не гладкая, нет. Причудливо извилистый, словно не вырезанный из дерева, а так и выросший... и ведь это так и было.

Коричневый обод, и на нем небольшие коричневые почки.

Салея кивнула.

– Тания, – она так и произносила Танино имя – чуточку неправильно, – я благодарна тебе и твоей бабушке за помощь. И мне надо многое вам рассказать.

Таня тоже кивнула.

Она бы не отказалась послушать.

– Здесь? Или лучше вернемся к бабушке и там поговорим? Чтобы не повторяться?

Салея подумала немного, пожала плечами.

– Если ты потерпишь?

– Потерплю. Бабуля у меня хорошая. И твою историю заслуживает так же, как и я, – твердо сказала Таня.

Салея улыбнулась.

Иного ответа она и не ждала. Именно здесь и сейчас они понимали друг друга. И то, что казалось сложным в другое время, то, что потребовало бы уймы объяснений, здесь было простым и понятным. Само собой разумеющимся.

– Хорошо. Сейчас идем, только... у тебя сумка есть?

Таня снова кивнула. И потянула из кармана авоську.

Да, можете смеяться. Авоську.

Простенькую, сплетенную из самого обычного джутового шнура. А что? От пакетов этих паразитских один вред. Скоро над городами не птицы, а полиэтиленовые мешки летать будут. А так – сунула в карман и пошла. Тонкая, легкая, прочная, вместительная... чего еще?

Красота?

А ты сплети красиво! Таня в школе на макраме ходила, так что авосек наплела на тридцать лет вперед.

Салея взяла сумочку, кивнула, как-то повела рукой и... позвала?

Да, на своем языке, но позвала.

И земля... вскипела? Вспучилась, взгорбилась буграми – и на поверхность ее выбрались несколько корней. Даже отряхнулись, кажется.

Эти корни Таня узнала сразу.

– Женьшень?

– Да... твоей бабушке нужно. Я попросила, и с нами поделились.

Таня спорить не стала.

Как известно, то, что продается в аптеках, к женьшеню отношения не имеет. Вообще. Название есть, остальное – как хочешь. А найти настоящий корень, купить его... нет, нереально.

Это такие дикие деньги и связи нужны, что... все равно обманут. Если вообще не убьют.

– Мы их так, в открытую повезем?

– Что-то не так?

– Салея, это дикие деньги. У нас их просто отнимут.

– Деньги, да, – вспомнила девушка. Еще раз повела рукой – и через минуту корней просто не стало видно в авоське. На нее налипли трава, листья... получился такой экодизайн.

– Красиво, – кивнула Таня. А главное – ничего не видно. – Не осыплется?

– Нет. Идем?

– Идем...

До самого дома девушки молчали. Переваривали полученную информацию. У Тани еще и рука побаливала.

Надо будет перевязать, мало ли что там у медведя в пасти. Может, он зубы с рождения не чистил? Еще подхватишь какую заразу... а от бешенства проколоться не надо?

Хотя вот это – точно нет.

Этот медведь бешеным быть не мог. Как не мог быть бешеным лес, кедр, река... интересно, это вообще – медведь?

Однако запах от него был, медведи не розами пахнут. Но, наверное, не травой, хвоей и медом? Таня не знала... И у него из пасти тоже пахло медом, и шкура кое-где сваялась, и один коготь на лапе

надломлен... сколько же всего можно увидеть за пару секунд! Медведь явно настоящий.

Только медведь ли это? Или что-то большее под его видом? В его шкуре?

Вот и дом.

И зверье, которое активизировалось в прихожей и повело себя странно. Чтобы Гном катался вот так? Как щенок, выставляя кверху брюхо от безудержного восторга? Хорошо хоть не описался от счастья!

Чтобы Муська и Люська, две независимые котодамы, с размаху прилетели Тане чуть не на голову? И принялись тереться о щеки и мурчать, словно два трактора?

Невероятно!

Бабушка только головой покачала.

– Живность счастлива. Что у вас такого случилось, девушки?

– Ой, бусь, много. Но это Салея должна рассказывать.

– Да. Я вам многое должна и рассказать, и объяснить, – согласилась Салея. – Не удивляйтесь, бабушка Ми-ла, я теперь понимаю ваш язык. Лес дал мне это знание, как и все остальное. Давайте сядем, и я все объясню?

За были все.

Особенно кошки и ротвейлер, который плюхнулся всей тушкой Тане на ноги и так лежал, едва не мурлыкая от счастья. И чихать, что собаки не мурлыкают!

Ради такого дела – научатся!

Салея уселась на диван и, подождав, пока устроится Людмила Владимировна, начала свой рассказ:

– Вы знаете, что миров много. Подозреваете. Так вот, я не человек и не из вашего мира. Я даэрте. И моя планета, на которой мы живем, называется Дараэ. Мы жили достаточно спокойно, пока не прилетели ша-эмо. Если пользоваться вашими терминами, у нас путь развития цивилизации – биологический, у них – технократический. Мы не можем жить вне леса, без леса, не в природе. Они выжигают планеты и превращают их в грандиозные мегаполисы. Зелень им просто не нужна. Они давно оторвались от природы. И решили, что мы – дикари. Что нас надо колонизировать.

Женщины переглянулись.

А, ну это давно было известно. Испанцы и Мексика, англичане и Индия, а уж про Америку вообще молчим! Сколько уникальных культур уничтожили недалекие сволочи и дураки в поисках наживы?

И вот не надо о прогрессе.

Просто – не надо.

Обычно чем красивее слова, тем подлее поступки.

Здесь тоже было примерно так. Только с небольшой разницей. Если тех же индейцев испанцы сначала-таки убедили в своей белизне и пушистости, если американцы сначала выморили кучу индейцев с помощью одеял, зараженных оспой, то даэрте оказались умнее и в сказки не поверили. И торговать с врагами не стали, и к себе их не пустили. Почему?

Да кто ж их знает... сопротивление началось сразу. Салея тогда еще даже не родилась, знала ситуацию лишь по рассказам.

Резкий отказ в строительстве баз, атака с орбиты... как поняла Таня, у даэрте нашлось чем ответить и на это. Причем достаточно жестко.

Началась война.

На уничтожение. Даэрте выискивали дронами, чем-то еще летучим, потом заливали напалмом, методично выжигали леса, травили реки...

Они сопротивлялись, но итог был предсказуем.

Резервация.

Таня понимающе кивнула.

А что? Наверняка еще и красивыми словами присыпали эту тему: мол, угнетение, порабощение, движение к прогрессу, как это у цивилизованных людей водится. Вот как в Америке.

Ее вообще забавляло все, что там происходит, особенно борьба за права негров. Это ж красота! Одни эмигранты борются за свои права с другими эмигрантами! При этом дружно наплевав на коренное население.

Может, надо бы борцунам собраться в кучку да и разъехаться по Англиям-Африкам? А Америку оставить индейцам, которые, как ни крути, прав на нее имеют побольше, чем все остальные?

Нет?

Вот и тут хорошую идею пойти всем на фиг и оставить даэрте в покое не оценили.

Салея была принцессой. Дочь королевы... матриархат? Да, что-то в этом роде. Не абсолютный, потому что в природе все уравновешено, но все же больше труда и усилий продолжение жизни требует от женщины. Поэтому мужчина искони воин, женщина – собирательница. Мужчина защищает, женщина продолжает жизнь, мужчина рушит, женщина хранит. Так и правила.

Увы, центра сопротивления ша-эмо не потерпели.

Родителей Салеи таки поймали....

Не ловили, конечно, а сразу убили. Постарались.

Королева даэрте на своей планете почти всесильна. Не бессмертна, потому как в природе нет ничего вечного, но на родной земле ее будет защищать каждая травинка.

Увы.

Бомба – такая штука... от нее и травой не отмашешься.

– У вас такое было... Хирхо... хорхо...

– Хиросима, – кивнула Таня. И подумала, что неплохо фуганули.

По мирному населению.

А что такого? Все во имя прогресса! Без него-то отсталым народам никак...

Саму Салею поймали достаточно быстро. Благо во время взрыва она была в другом месте, в святилище. Она уцелела. И иногда ей казалось, что напрасно.

– Пока я не инициировалась, я, увы, не сильно отличалась от обычного даэрте. И Дубовая корона не давала мне никаких привилегий.

– А что она вообще дает?

– Мое право и сила. Как... канал связи с Лесом, – не слишком понятно разъяснила Салея. – Я – это он. Он – это я.

– Садоводам остается только завидовать, – пробормотала Таня. – А для чего это вообще нужно?

Салея только улыбнулась.

– Дай мне сюда сумку...

Таня послушно протянула авоську.

– Вот...

Салея вытащила из нее корень женьшеня, внимательно осмотрела.

– Сойдет... Людмила Владимировна, вы себя не слишком хорошо чувствуете. Я ваши болезни вижу, вот здесь, здесь, здесь, – палец шел

снизу вверх, касаясь суставов, почек, печени...

Бабушка Мила только плечами пожала.

– Есть такое.

– Держите корень двумя руками. Вот так...

– Кусать не надо?

– Обойдемся, – позволила себе улыбку Салея. И сосредоточилась.

Таня заметила, что по Дубовой короне побежали огоньки. Небольшие, светло-зеленые, слились в кольцо, отразились в глазах Леи – и погасли...

Корень осыпался зеленоватым пеплом на ковер.

А бабушка Мила впервые за много лет вдруг потянулась всем телом.

– Танечка... суставы... не болят?!

– Бусь?

Салея снова улыбнулась.

– Это сила Леса. Корень женьшеня действительно целебный, вы просто получили всю его силу, сразу.

– Просто так? Сразу?

– Да. Ваши болезни ушли и не вернуться. Никогда. И возраст уйдет... не весь. Но лет двадцать вы сегодня вернули. И еще помолодеете, даже внешне.

– Ой, ля-ля-ля... – тихо высказалась Таня.

Как-то она сразу в это поверила, потому что видела медведя. И вопреки своей привычке бабушка Мила не отчитала ее за эмоциональное восклицание. Она попыталась осознать произошедшее, а потом схватилась за голову.

– Лея, детка, тебе нельзя это показывать. Ни в коем случае.

– Почему?

– Потому что тебя запрут в клетке. И ты будешь исцелять правителей, пока не умрешь. Или пока не выжжешь себя. Или... украдут, убьют... что может быть ценнее здоровья?

Салея кивнула:

– Я понимаю. Ша-эмо и этого хотели. Лекарств, которые позволяют делать больное здоровым. И ядов, которые действуют наоборот. Наши способности, возможности, наши права. А мы... мы не могли им объяснить, что они живут в искусственной среде, и значит, будут болеть. Они нас просто не слышали.

– Наши правители тоже не услышат.

– В любом случае я не смогу исцелять их долго, – пожалала плечами Салея. – Я скоро умру... наверное, к осени. Может, и раньше, не знаю. Зависит от того, как я буду тратить силы.

– Умрешь?! Лея! – Таня едва со стула не свалилась.

Но как же так... это... это несправедливо, подло, гадко!

За что?!

– Тебя эти... ша-эмо отравили?

– Нет, – качнула головой Салея. – Они просто хотели сделать из меня овощ... растение. Нечто, подчиненное им, и только им, воздействовать на разум.

– Сволочи, – коротко высказалась бабушка Мила.

– Тем не менее. Чтобы уцелеть, я убила человека. Это не страшно, но я преждевременно активировала Дубовую корону. Я запустила инициацию, а проходить ее раньше тридцати лет нельзя. Я просто сожгу себя...

– А это никак нельзя остановить?

– А можно остановить рост дерева?

Таня поняла и понурилась. Ну вот как так-то? Чтобы спокойно рассуждать о своей смерти... да тех ша-эмо надо было вообще под землю загнать! На удобрения! А Лея... ну, убила она! Ну, активировала! Но ведь иначе бы умерла!

– Не надо, – Лея погладила Танину ладонь. – За это время я уже свыклась с мыслью о смерти. Рано или поздно, так или иначе... мне не дали бы вырасти. Я и так взяла от жизни все возможное. Я перешла в другой мир. И нашла подходящее для даэрте место.

Вот тут Людмила Владимировна поняла быстрее Тани.

– Наш мир?

– Да. Если вы согласитесь.

– МЫ?! – искренне удивилась женщина.

Салея улыбнулась.

– А у кого мне еще спрашивать?

– У правительства. У президента... у... м-да. Представляю эту картину.

– На сайт президенту напиши, – фыркнула Таня. – Уважаемый президент... он господин, кстати, или товарищ?

– Гусь свинье не товарищ.

– Понятно. Хрю. Так вот, я из другого мира, можно ли нашему народу расселиться в тайге?

Вот сейчас засмеялись уже все втроем.

– Дурдом. Сразу же, без обследования, – согласилась бабушка Мила.

– Мы бы тоже усомнились, – кивнула Салея. – Поэтому... вы знаете этот мир. Если даэрте поселятся в тайге? Скоро ли нас заметят?

Женщины задумались.

Тайга...

Если так прикинуть – пятнадцать миллионов квадратных километров.

Пятнадцать. Миллионов.

Урал, Алтай, Сибирь, Дальний Восток...

– А какова сейчас численность даэрте?

– Нас всегда было немного. Может, миллион. Но, скорее всего, сейчас уже меньше.

Таня от души рассмеялась.

– Салея, нас на земле почти восемь миллиардов. Миллион? Да вы тут растворитесь, как сахар в кипятке! Вас и не заметят! А найдут в тайге, так решат, что это какое-то новое племя открылось. Мало ли их тут – ненайденных?

– Почему ненайденных?

– Умные. Прячутся от цивилизации.

Салея понимающе кивнула.

– Мы бы тоже не связывались с цивилизацией... нам не дали.

– Так, – Таня решила отвлечь подругу от неприятных мыслей. – Что надо для вашего переселения? Это ж не десять человек, а миллион! Это круто!

Салея задумалась.

– Не так много. Местный Лес принял меня. Он согласен, чтобы даэрте тоже стали его Хранителями. Он понимает: животные не справляются, а люди... люди его просто не слышат.

– Лес согласен. Даэрте?

– Тоже согласятся. Еще и Дараэ с собой возьмут.

– Дараэ?

– Наш Лес. Саженцы, семена...

– Э-э-э, минутку, – вмешалась бабушка Мила. – А экосистема? Знаешь, как в Китае воробьев выводили? А в Англии овец разводили? В результате в Китае до тридцати миллионов человек от голода умерло, потому как насекомые весь урожай сожрали! А в Англии леса только на картинках остались. Считай, тоже экосистеме конец. Вы так не влетите?

Салея покачала головой:

– Нет. Мы... другое. Мы не для выгоды, мы просто чувствуем, что нужно природе, чего не нужно. Вот это растение – не знаю, как у вас оно называется, – надо полить. А вот у этого один из корней гибнет. Я это потом поправлю. А у Муси... иди сюда, лапка?

Метровая «лапка» послушно перемахнула на руки к Салее.

– Вот. У нее вот тут – болезнь. Могла быть. Как камешки... – На секунду ладонь Салеи опять окуталась зеленым, и свечение впиталось в Мусин животик. – Больше не будет.

– Невероятно! – покачала головой Людмила Владимировна. – Салея, я действительно считаю, что ты можешь переместить сюда своих даэрте. Но надо быть осторожнее, не сразу показываться в городах, ассимилироваться постепенно, годами. Это не однодневный процесс, это на десятилетия.

– Они справятся, – кивнула Салея. – Даже если меня не будет, есть старейшины, есть Дараэ. Мы никогда не причиним вреда живому.

Бабушка Мила тоже кивнула.

Не то чтобы она сильно прониклась проблемами даэрте, но... неправильно это. Выжигать планету с орбиты, ломать под себя народ, уничтожать – за что? За то, что они не хотят быть таким, как ты. Русские это хорошо понимают. Гитлер так и собирался поступить в 1941 году. Уничтожить почти всех, остальных загнать в резервации... за что?

А не европейцы, понимаешь! Значит – и не люди!

На него нашлась управа – и на ша-эмо найдется!

– Итак. Есть согласие Леса. Есть наше согласие. Что нужно еще?

Салея развела руками.

– Самое сложное. Мне придется открывать ворота между нашим миром и этим. И хорошо бы иметь... менгир... дольмен... но если нет, я справлюсь. А еще мне придется возвращаться в свой мир. И... у меня будет серьезная просьба к Тане.

– Какая?

– Чтобы вернуться сюда, я должна иметь якорь. Родную кровь. Ты согласишься стать моей сестрой?

Таня даже не задумалась.

За бабушкино выздоровление?

Сорок тысяч раз – ДА!

Тем более Салея ведь ничего не просила, не требовала, не торговалась. Она бабушку вылечила просто так, в благодарность за гостеприимство. И если бы ей отказали, не настаивала бы. И не пакостничала.

Как и Муську, кстати... кошку тоже полечили, потому что могли.

Просто помогли...

И сама Таня тоже просто помогла Салею, когда та вывалилась ей под ноги.

Ищущий выгоду никогда не получает ничего хорошего. Увы, это закон. Но если ты делаешь шаг вперед просто так, потому что хочешь помочь, то можешь обрести очень многое.

Тут главное не желать ничего для себя. Тогда все и будет хорошо. Но многие ли способны на бескорыстную помощь? Просто так, по велению души? Не ради выгоды?

– Конечно, я тебе помогу. Только объясни, как это должно выглядеть. И что от меня потребуется?

Салея задумалась.

– Ритуал побратимства... сейчас весна, это хорошо. Но надо дождаться полнолуния... скоро?

– Примерно через неделю, – посмотрела на лунный календарь бабушка Мила.

– Вот. Полнолуние, время суток значения не имеет, просто должно быть равновесие. И нам придется поехать в Лес.

– Хорошо. Это надолго?

Салея виновато развела руками.

– Таня, я не знаю. Ты человек, а я даэрте, поэтому возможно что угодно.

– Что именно? Я позеленею? Не хотелось бы, мне еще учиться...

– Нет. Не позеленеешь. Но я не знаю, как на тебе могут отразиться моя кровь и моя сила. Придется вливать медленно, по капле...

– Ага, это как капельница, там тоже время нужно, – сообразила Таня. – Ладно... Бусь, полнолуние на какой день приходится?

– На пятницу.

– Угумс... то есть в субботу на практику я не попаду. Договорюсь, буду в воскресенье отрабатывать. Поняла.

– Спасибо, – Салея посмотрела на Таню с улыбкой. – Я не сказала тебе о преимуществах нашего побратимства, а они тоже будут.

Таня пожала плечами.

– Разве это важно?

– Для тебя – безусловно. Даэрте видят мир чуточку по-другому, не так, как вы. Вы видите человека, а мы еще и... энергоканалы. Линии. Леи... тебе как будущему лекарю это будет интересно. Где нарушение – там болезнь...

– Оппа! – порадовалась Таня. – Здорово! Спасибо!

– Это тебе спасибо. Через неделю мы проводим ритуал, я жду несколько дней, чтобы кровь прижилась, – и пытаюсь пройти в свой мир. Потом возвращаюсь и пробую провести сюда даэрте.

– Всех сразу? – уточнила бабушка Мила.

– Нет. Сначала не больше десятка. Чтобы знать расход сил, чтобы они начали готовить убежище для остальных...

– Ага. Они придут сразу в Лес?

– Да, наверное...

– Просто им что-то потребуется? Деньги, документы...

Салея задумалась.

– Не знаю. Вряд ли... и потом – это ведь сложно?

Бабушка Мила пожала плечами.

– Лея, ты знаешь, сколько стоит такой корень, который рассыпался у меня в руках?

– Нет. А сколько?

– Самый дорогой корень женьшеня был продан в две тысячи двенадцатом году за пятьдесят миллионов рублей.

– Епрст! – ахнула Таня.

– Правда, ему было триста с хвостиком лет, и весил он почти семьдесят грамм^[15].

Салея небрежно вытряхнула корни из авоськи.

– Так... этому двести двенадцать лет, этому сто семьдесят, этому всего сорок пять, этому двести шестьдесят три года.

– Нас за это просто пристрелят, – вздохнула бабушка Мила. – Мы в жизни такое не продадим...

– Не наш уровень, – кивнула Таня. – Разве что этот... пятидесятилетний.

Бабушка Мила подумала и после паузы сказала:

– Я поговорю со знакомыми. Намекну, что на меня вышли таежники, предложили продать корень женьшеня... дальше пусть сами договариваются, а мне процент от сделки. Но продавать будем, когда даэрте перейдут в наш мир, не раньше.

Девушки согласно кивнули.

– Тогда, если мы все предварительно обсудили, давайте кушать и спать? Хоть завтра и выходной, Тане все равно работать.

– Это да, – вздохнула Таня. – Ладно. Что у нас на ужин?

– Гречка. И молоко есть.

– Бусь, вообще отлично!

Людмила Владимировна улыбнулась девочкам.

– Тогда кушать – и спать!

Команда была тут же исполнена.

Командор поднял бокал, посмотрел сквозь него на свет.

Отличное вино.

И виноградники здесь отличные, надо наслаждаться.

Когда планету превращали в мегаполис... нет, пытались оставлять лозы, и не раз, и в теплицах их культивировали, но это все равно не то. Помои получают вместо прекрасного вина.

Саботаж, конечно.

Условия в теплицах намного лучше, чем на планете, а вкус у вина не тот. Значит – недосмотр работников.

– Сидите, Дарс?

Командор перевел взгляд с бокала на Лакса Рея. Тот стоял рядом, смотрел... странно.

– Что вас не устраивает, Лакс?

– Сложно даже сказать. То, что вы за пару дней развалили всю мою работу? То, что упустили девчонку? Что облажались? Вы облажались, Командор.

Бокал с вином полетел в ненавистное лицо. Увы, Лакс успел уклониться. И ухмыльнулся, вытирая с лица капли вина.

– Можешь сколько угодно беситься. Но ты все проиграл, неудачник. Это тебе не бластером махать, верно ведь?

– Я найду девчонку. Точнее, ее найдут для меня даэрте.

– Ты идиот, Командор. Ты даже не удосужился хоть что-то узнать о даэрте. Думаешь, никто не знает о том, что ты рассказал?

– Думаю, знают.

– Знают. Все. Они как муравьи, знает один – знает весь муравейник.

– Тем лучше. Остается только ждать. Я бросил специй в твоё варево, Лакс, и посмотрим, что теперь сварится.

– Даже и смотреть не стоит. Доклад я сегодня отправил. И о твоей наглости, и о твоём хамстве... посмотрим, что скажут ТАМ.

– Посмотрим.

Командор был почти спокоен.

Месяц.

Ему дали месяц на улучшение ситуации с Дараэ. И сейчас он сумеет отбиться от любых обвинений. Но если за месяц не будет подвижек к лучшему, у него могут начаться проблемы.

За месяц девчонка должна проявиться – или тут, или там... все правильно. Муравьи. Почти неразумные. Они не могут жить без королевы, а королева не выживет без них. Вот и все.

Она появится.

И тут уж Командор своего не упустит.

Эта планета будет ему служить. Она еще встанет перед ним на колени, еще откроет свои секреты...

Военные...

Что ты готов выложить за схему такой связи? Видеть, слышать каждого солдата, мгновенно отдавать приказы? За порталы, с помощью которых можно пройти куда угодно? И это не выглядит технологией – обычные камни...

За лекарства, останавливающие старение? За яды, которые нельзя обнаружить? И это далеко не полный список!

Представьте: просто милая кисонька, которая ночью может перегрызть своему хозяину горло. Ей приказали, и она выполнит приказ.

Любой несчастный случай...

Невероятные возможности – и это у дикарей, которые бормочут чушь про какой-то там путь развития!

Да тьфу на них!

Командор обязательно справится, и Дараэ станет служить ему. Нужно время, совсем немного времени. И он получит свое поместье. А там и эскадра, и еще одна, а потом – кто знает? Место в Совете?

А пока...

Еще вина? И плевать на Рея! Пусть хоть кому пишет – время у Командора еще есть! После победы эти письма можно будет отправить в архив... хотя нет! Командор оставит их себе. И станет перечитывать под настроение.

И Дарс Кет потянулся за бутылкой. Эх, бокал разбил, зря. Ладно, мы и так, по-простому. Все равно вино – великолепное.

Глава 5

Воскресенье?

День, когда можно отдохнуть и отоспаться?

Даже не рассчитывайте! Если у вас есть собака... если это собака ротвейлер... ладно еще чихухуа можно послать на пеленку, он там сделает свои дела, а если пеленка в другой комнате, то и вонять не будет.

Но ротвейлер? Только свободный выгул. Только чистое поле.

Таня проснулась, как обычно, – в пять утра. Рассвет...

Гном сидел у кровати и смотрел на нее нежным взглядом, бабушка возилась на кухне и что-то напевала.

– Танюша, ничего не болит, – весело сообщила она. – Вообще...

– Совсем-совсем?

– Чисто конкретно в натуре, блин, зуб даю, – расхохоталась бабушка. Выглядела она сегодня на десять лет моложе. Лучший рецепт от старости – ночь без болячек.

– Ну если даешь...

– Зубы, кстати, новые вырастут. Будет чесаться – не переживайте, – сообщила Салея, появляясь в дверях.

– Ой, – схватилась за щеку бабушка. – А старые?

– Выпадут.

– Бедные мои пломбы... сколько я с ними мучилась! Знала бы, так и не начинала, – бабушка состроила капризную гримаску и перевернула оладью. Она словно пьяная была от счастья, от свалившихся с плеч недугов... – Давайте, девочки, просыпайтесь! Танюш, погуляешь с Гномом?

– А можно мне с Таней? – уточнила Лея. – Я же у вас почти ничего еще не видела...

Таня прекрасно поняла подтекст.

А осталось мне не так и много...

– Давай! Сейчас умываемся – и идем. Хорошо, что мы погуляем вместе. Гном кого угодно умоет!

– Вот и отлично, вернетесь – позавтракаете. Лея, детка, тебе нравится абрикосовое варенье?

– Не пробовала. Аб-ри-кос?

– Может, у вас они называются иначе. Попробуешь...

И Людмила Владимировна принялась снимать оладьи со сковородки.

Девушки переглянулись – и вышли из кухни.

– Лея, милая, спасибо тебе.

Таня крепко обняла... подругу? Уже, считай, почти сестру.

– Мне несложно, – пожалала плечами Лея. – Даэрте вообще связаны с Лесом...

– Как дриады? У нас была легенда о девушках, которые живут в стволах деревьев. Срубишь дерево – убьешь дриаду.

– Может быть, даэрте бывали и у вас, кто знает?

– У вас ведь не так?

– Не совсем. К примеру, живем мы лет двести-триста. Но да, все мы связаны с деревьями. У даэрте... у одного даэрте таких деревьев может быть до пятидесяти штук.

– А они умирают, когда погибает даэрте?

– Нет, конечно!

– Просто живут?

– Сколько им отпущено. Деревья часто живут дольше даэрте.

Девушки шли рядом, Таня вела на поводке Гнома. Ротвейлер деловито обнюхивал оставленные другими собаками метки.

Потом присел в кустах и задумался о жизни. Девушки деликатно отвели глаза в сторону – личный момент для собаки, нечего его смущать.

– Ходят тут всякие, гадят!

Салея подняла брови – тут так принято?

Таня только рукой махнула. Эту тетку она знала, характер такой. И боевой вылет у нее каждое утро. Надо облаять собачников, поругаться с кем-нибудь, доскрестись до души... вот надо – и все тут! Вон она какая вся... Таня пригляделась.

Показалось ей – или вокруг женщины словно марево какое-то? Желтоватое, с грязными разводами? Нет, не понять... солнце, наверное.

Таня отвела взгляд от хамки, достала целлофановый пакетик, совок, быстро собрала отходы жизнедеятельности и выкинула в ближайшую урну.

Не получив ответа на свое хамство и оставшись без энергетической подзарядки, женщина подбоченилась.

– Ишь ты! Поназаводили тут монстров всяких! Людям кушать нечего, а они таких тварей развели! Тьфу!

Таня обычно равнодушно проходила мимо.

Салея хамство спускать не стала. Вот и кустик подходящий, они как раз прошли мимо, а вслед за ними тащилась и гундела вредная тетка...

И тут куст внезапно встопорщился всеми ветками и плотно обхватил ее...

Наверное, это был первый случай в истории, когда Раиса Максимовна замолчала. Сразу и без дискуссий. А потом завизжала так, что с куста чуть все листья не облетели.

Девушки успели уйти достаточно далеко. Так что догонять она их не стала. И обвинять тоже – в том, что ее куст схватил? А вдруг... еще что-то схватит? Или упадет? Выбралась – и стартовала по аллее в обратную сторону... из парка! И подальше!

Нет уж... лучше она сегодня в другом месте повампирит! К примеру, в рыбном магазине. Там замороженные караси еще не атакуют.

Таня тихонечко фыркала от смеха.

– Лея, а что это было?

– А это я попросила можжевельник ее придержать. Ненадолго, на пару минут^[16].

– Класс!

– Ты тоже так сможешь. Не сразу, конечно...

Таня кивнула и решила уточнить кое-что из вчерашних событий:

– Лея, а вот там, в лесу... Зачем я понадобилась? Ты же не только свою кровь дала медведю, но и мою? И мне кажется, вполне обдуманно?

Салея тоже кивнула:

– Да. Прости, пожалуйста. Но я решила, если ты согласишься, это будет полезно для ритуала. А если не согласишься... ты теперь в вашем лесу – своя. Тебя не обидят ни зверь, ни птица, ты не заблудишься, ты будешь чувствовать направление, пройдешь по любому болоту, легко найдешь пищу...

– На овцах в июле поехать! – ахнула Таня. – Лей, это... это здорово! За что ты извиняешься? Я кучу людей знаю, которые за такие возможности душу бы заложили.

– Я делала это и для себя тоже. И не спросила, – вздохнула Салея. – А при чем тут овцы?

Таня смутилась.

– Ну...

А вот так тебе. Но, глядя в наивные глаза Салеи, Таня неохотно ответила:

– Замена матюгов. У бабушки был знакомый, который одно время жил в Португалии.

– И что?

– Я сейчас произнесу, как это звучит у них. Только в приличном месте не повторяй, ладно?

– Ладно. А как?

– Ovelhas pidagasem julho^[17].

Следующие пять минут девушки от души хохотали. А потом Лея решила.

– Таня, а мне можно с тобой? Посмотреть ваш мир, побывать у тебя на занятиях...

– Хм...

Таня серьезно задумалась.

Можно ли?

С одной стороны, почему нет? Договориться с преподавателями она сумеет, скажет – кузина... из Португалии, даже в учебную часть сходит, что тут такого.

С другой... оно ей надо? Людям в глаза лезть?

Но...

Салею оно надо было? Бабушку лечить?

Все вопросы были закопаны и притоптаны в зародыше.

– Конечно, Лея. Я скажу всем, что ты моя кузина. Допустим, Салея Сантос. Или Салея Перейра.

– Лучше Сантос, – выбрала Салея.

– Хорошо. В остальном ты моя кузина из Португалии, приехала на недельку... может, побольше. Посмотреть на Россию, на родственников, а узнав, чем я занимаюсь, решила составить мне компанию. Вдруг тебе тоже в медицину захочется? Ты младше меня, с отличием окончила школу, собираешься в институт. Поездка – подарок к окончанию средней школы.

– Хорошо, – кивнула Салея. – Я так всем и буду говорить. А если начнут спрашивать о Португалии?

– Фыркай противнее. Ты из столицы, живешь в Лиссабоне, мы тут все для тебя жуткая провинция.

Салея весьма надменно фыркнула. Потренировалась. Все же она была дочерью королевы, этого не отнять. Получилось очень высокомерно.

– Хорошо. Спасибо.

Таня пожала плечами:

– Не за что. Я договорюсь. Пойдешь со мной уколы делать? Вечером?

Салея качнула головой:

– Наверное, нет. Там надо идти к людям, это ведь другое?

Таня кивнула:

– Да, другое...

Действительно. Медколледж – тот еще хаос и водоворот. Там и слона могут не заметить. А вот приходиться с посторонним человеком, делать уколы, а то еще и капельницы ставить... людям это точно будет неприятно.

– Я сегодня почитаю о Португалии, – решила Салея. – А завтра... с утра?

– Да. Завтра с утра мы идем учиться.

Ночью Салея лежала в кровати. Смотрела на кусочек неба, который был виден за окном.

Мысли были самые разные.

И веселые, и грустные.

Она умирает. Она отлично это понимает.

И Корона на ее голове уже не из отдельных бляшек, под кожей чувствуется тонкий обруч. Не сломать, не снять, не распилить...

Ее силы растут. Она постепенно подходит к пику своего могущества.

Ее самоконтроль слабеет. Будет слабеть с каждым днем.

Она нашла место для своего народа. Для Хранителя.

Она сможет им помочь? Она попробует... нет! Она должна это сделать.

Иначе...

Салея четко понимала: иначе ей придется вернуться домой и броситься в безнадежный бой с ша-эмо. Чтобы ее там убили. И с гарантией.

Нет, всё не просто так, и в каком мире посадишь семя, в том оно и прорастет. Королева даэрте должна родиться среди даэрте.

На Дараэ?

Или на другой планете, это не так важно. Важен народ, важно Перводрево.

Как все это безумно тяжело! Как сложно...

И как хорошо, что здесь тоже есть Лес. Они поймут друг друга. И она может увести всех на Землю. Салея понимала, что и Та-ния, и бабушка Ми-ла – не правители. Они самые обычные люди. Но... к правителю она попасть не сможет. Да и если попадет, далеко не факт, что ей помогут. Что захотят помочь, не станут торговаться, не уничтожат ее даэрте – и это только то, что первым приходит в голову. Нет, выход один. Сначала привести свой народ, а потом потихоньку легализовать его. Салея почитала про тайгу – они могут там сто лет прожить, а затем выйти к людям. И ничего страшного не случится.

И ге-не-ти-чески они совместимы, она уже проверила.

Дубовая корона пульсировала на висках.

Ах, если бы ей хватило сил!

Даэрте получают передышку на Земле, а потом... потом будет видно. Пусть мужчины воюют, пусть ша-эмо пытаются переключить всех под свою политику потребления, задача Салеи – хранить жизнь. И она ее сохранит.

Хватило бы сил и времени!

В приемную директора Таня входила с выражением благоговения на лице. А что?

Ей не сложно, а секретарше приятно. И коробочку конфет она на стол положила, как порядочный человек.

– Нина Ивановна, а директор у себя?

– Да, на месте. У вас что-то срочное?

Таня потупила глаза.

– Не так чтобы очень... у меня личная просьба.

– Личная? – удивилась секретарша. Но на то девушка и рассчитывала. Покосилась на стул – можно? Секретарша кивнула, и Таня примостилась на краешке, как и положено воспитанной барышне.

– Ну да. Понимаете, у бабушки была троюродная сестра... вот она очень давно уехала в Португалию.

– Ох!

– Да, это еще когда было. Аж в двадцатом веке!

Взгляд секретарши Таня расшифровала верно. И изобразила глуповатую улыбку.

Да-да, двадцатый век... для вас, молодежи, это почти эпоха Петра Первого... если вы вообще знаете, кто это такой. Смешные.

Ничего, Таня не против. Пусть над ней посмеются, лишь бы она получила желаемое.

– Так... и что дальше?

– Вот, они нам позвонили. Нашли через интернет, мы списались... в общем, ко мне приехала кузина. Я уж не знаю, какое там родство получается.

– Очень дальнее. И что?

– Ну, – Таня слегка понурилась. – Мы живем небогато, честно говоря. Развлекательную программу я ей не обеспечу. А вот если бы ей разрешили недельку посещать занятия вместе со мной?

Секретарша от изумления широко распахнула глаза.

– Зачем?

– Она будет занята и не станет доставать бабушку. Или мотаться по городу. В беду не попадет, я-то с ней нянчиться не смогу. А еще посмотрит, как у нас преподают, на каком высоком уровне. А то ведь сколько воплей – образование, образование, а знаний-то в этой Европе толком и не дают! Один пиар!^[18]

– Согласна. У нас образование не хуже, чем у них, – кивнула секретарша, которая кроме любви к сплетням отличалась еще и патриотизмом.

Бывают же такие люди – любят свою Родину! И чихать им, где выгоднее, а где популярнее. Они ее просто любят, не произнося громких слов.

– Вот. И под присмотром, и нам какая-то реклама, наверное...

– Что той рекламы с одного человека? Ладно, пойду схожу к директору, если он не слишком занят... сколько она тут пробудет?

– Недели две, наверное...

– Пусть месяц. Разрешение на месяц посещать занятия для...

– Салеи Сантос.

– Ясно. Сиди, жди.

Конечно, допускать всяких разных студенток к директору никто и не собирался – еще не хватало. Секретарша сама вошла, изложила суть дела, потом вышла и кивнула.

– Сейчас приказ напечатаю, жди.

Ждать пришлось недолго. Директор медколледжа, как отлично было известно даже стульям в аудиториях, был падок на бесплатную рекламу.

Ну, походит еще одна девчонка на занятия, что такого? В институте вообще можно ходить, не спрашивая разрешения. Сказать, что с параллельного потока, – и все.

Тут так не получится, конечно.

Если институт – это монархия, то медколледж – тирания и автократия. И диктатура в том числе.

Увы...

Медикам приходится учить, учить и учить. А преподавательскому составу безжалостно развеивать их заблуждения о том, что знания сами в уши заползают.

Они не муравьи. Не заползут.

Работать надо. Цена ошибки филолога? Ошибка в слове. А врача?

Человеческая жизнь, увы... и ее не вернешь. Никогда.

С этой бумагой Таня отправилась к руководителю группы, объяснила ситуацию и там.

Сергей Юрьевич, симпатичный мужчина лет сорока, темноволосый и кареглазый, постоянно в джинсах и свитерах,

закатанных по локоть, понимающе кивнул:

– Хорошо. Пусть твоя Лея посещает занятия. Свободные места в аудиториях есть, посидишь вместе с ней, ладно?

Таня тоже кивнула.

– С преподавателями я поговорю. С кем не успею – сама скажешь.

– Хорошо. Спасибо.

– Не за что.

Выйдя от руководителя, Таня тяжело вздохнула.

Полдела сделано. Осталось разобраться с однокурсниками. И это будет посложнее просьб к директору.

А еще... в глаз, что ли, попало что-то?

Только отвлечешься – и люди как сквозь дымку видятся. Полупрозрачную такую, у кого ярче, у кого темнее, разных цветов, с разводами, пятнами...

К окулисту, может, сходить? Ладно, это успеется. Жить не мешает – и ладно.

Людмила Владимировна жизнь прожила долгую и интересную. И отлично видела, что Салею что-то грызет.

Как тут не спросить?

– Лея? Я вижу, что тебе плохо...

Салея, которая ковыряла яичницу, скармливая большую ее часть кошкам, даже слегка дернулась. Под стол упал большой кусок – и был проглочен Гномом, изнывавшим от несправедливости. Вдогонку он тут же получил по ушам от Люськи, но не обиделся. Вот от Муськи – да. Там тяжело. А Люська – кнопка, не кошка. Мелочь бегают...

– Плохо?

– Тебя что-то гнетет. Физически ты в порядке. А вот психически – нет.

Спорить с этим было сложно. Салея коснулась Дубовой короны. Подумала пару секунд – и решилась.

– Людмила Владимировна, от кого произошли люди?

– Неизвестно. У верующих одна теория, у дарвинистов – другая. Какая верна? Не знаю...

– Мы произошли от Перводрева. Все даэрте – дети Дараэ.

– Но разве Дараэ...

– И планета. И Лес. И Перводреву, как его основа. История говорит, что Перводреву однажды потребовались защитники – и оно породило первых короля и королеву. И поскольку дерево породило жизнь, поскольку мать порождает новую жизнь, то королева и стала главной.

– И так бывает, – заметила Людмила Владимировна. Матриархат никто не отменял, это в Европе его нет. Даже если там какая женщина и добирается до власти, она либо наполовину мужик, либо наполовину дура. А иногда это сочетаемые половинки.

– Нас породило Дерево. В память о нем – наша внешность. Волосы, глаза, уши... сами видите.

Людмила Владимировна видела. И подозревала, что исходное дерево было дубом.

– А у королевы – Дубовая корона.

Точно, дуб. Хорошее дерево, недаром именно по нему ходил ученый кот у Пушкина.

– Хорошо.

– Не совсем. Мы растем, словно деревья, созреваем в свое время. А если раньше времени созреет королева, будет беда. Потому что на мне судьба всего моего народа. Я отвечаю за даэрте, это мое право и моя кровь. И моя смерть тоже. В каких-то случаях я могу заставить Дубовую корону созреть раньше.

– В каких?

– Стихийные бедствия. Враги. Риск уничтожения всего народа... есть варианты.

– Угу. Врагу не пожелаешь. Сейчас у тебя такой случай, я поняла.

– Да. Если бы я этого не сделала, умерла бы без пользы. А теперь я умру с пользой.

– Умрешь?

– Именно. Когда Корона созреет, я... я начну перерождаться в дерево. Получеловек-полудерево, полуразумна-полубезумна... и невероятно сильна.

– И? – Людмила Владимировна догадывалась, что ничего хорошего не услышит.

Пришли на руки к Салее и замурчали кошки, утешая и поддерживая. Тяжело вздохнул рядом со стулом Гном.

– Мне будет все равно. Свой, чужой... несколько раз так погибли сотни и тысячи даэрте. Поэтому... умереть для меня – лучший выход. Умереть, отдав все для дела.

– Как... как это будет выглядеть?

– Сначала будет активна Дубовая корона. Она сформируется. Людмила Владимировна посмотрела на деревянный обруч.

– Я бы сказала, что он выглядит нормально.

– Сейчас он соединен со мной. Видите? – Салея взяла руку женщины, провела по обручу.

Действительно.

Плоть переходила в дерево, обруч вращался в кожу, словно так изначально и было. Да, так и было...

– Потом Корона будет разрастаться. Корона, шлем, волосы превратятся в ветви... это все описано, но до этой стадии доводить уже не стоит. Когда Корона начнет расти, я стану терять разум. И убивать.

– Всех подряд?

– Сначала врагов. Потом всех подряд.

– Это можно как-то... убрать? Снять ее? Хирургически?

– Нельзя. Это... как у вас говорят... маркер? Индикатор?

– Показатель.

– Да. Ее можно срезать с меня, это адски больно, но один раз все же так поступили. Королева это пережила. Корона тоже. Но потом развитие даже ускорилося.

– Плохо.

– Очень плохо для меня. И хорошо для моего народа. Я смогу им помочь и умру.

– Так спокойно... ох, детка...

Людмила Владимировна обняла девушку, притянула к себе покрепче, погладила по волосам. Салея замерла на минуту, впитывая тепло, которого так долго была лишена. Потом попробовала отстраниться, но ее не отпустили.

– Неужели нет никакого выхода?

– Нет.

– Но может, здесь у нас что-то получится? Все же это другой мир? Салея не стала отстраняться. Но...

– Не получится. Были попытки. Люд... бабушка Мила, пожалуйста, не надо искать пути спасения. Сделайте мою гибель не

напрасной.

Салея не видела, как Людмила Владимировна плачет. А вот капельки слез на своей макушке ощущала вполне явственно.

И так бывает. И в другом мире можно найти свою семью. Жаль, что так ненадолго. Но – Салея справится. У нее нет другого выбора.

Таня оглядела себя в зеркале. Ну, тут все в порядке.

Джинсы, свитер, ботинки.

И Салея рядом с ней.

М-да.

Поскольку замаскировать ее отличие от человека не получится, Таня и бабушка Мила совместно решили его, наоборот, подчеркнуть.

Зеленые волосы перехватили кое-где резиночками, кое-где заплели косички, сделав это так, чтобы прикрыть уши. Обруч Короны на голове девушки тоже казался экзотическим украшением. Но на всякий случай комплект дополнили деревянными бусами и браслетами из цветного пластика.

Платье и так подходило.

Стиль бохо универсален. Балахон – он и есть балахон и прелюбопытно смотрится и как деловое платье, и как одежда хиппи. В качестве аксессуара подобрали сумку-авоську, только внутрь вложили холщовый мешочек – и нормально. Всем же известно, они в своих Европах немного... того. Вон во Франции лягушек едят и нахваливают. В Чехии и Словакии в пасхальный понедельник мужчинам разрешается бить женщин хлыстом. В Японии спят на работе. Может, и в Португалии тоже есть свои заморочки? Кто ж их знает?

Но балахон травянистого цвета Салею удивительно шел. А на вопрос, не холодно ли ей, девушка лишь пожала плечами.

– Я же даэрте. Нам хорошо везде, где есть Лес...

– И зимой? Голышом?

– Преспокойно... лишь бы в Лесу.

Тане осталось тоже только плечами пожать.

В понедельник они все же не решились идти, а вот во вторник – в самый раз. И правильно.

Не успела Таня прийти в группу, как поняла, что ни Попов, ни Извольская ничего не забыли. И превентивно подошла к старосте группы.

Есть такой несчастный: носит журнал, отмечает отсутствующих, ну и получает за это от них регулярно. Нет, не шоколадки.

Поди отметь того же Попова! Себе дороже будет. И не отмечать нельзя... Грустно это – между двух огней метаться. Поэтому в старосты группы выбрали Аню Кислицыну.

Очень вежливую, ответственную, положительную, зубрилку до мозга костей...

Вот к ней и подошла Таня.

– Ань, мне нужно будет объявление сделать для всех.

– И?

– Сможешь народ задержать на большой перемене? На пять минут, мне больше не надо.

– Хорошо. А что случилось-то?

– Я всем сразу и расскажу, – отвела взгляд Таня.

Аня тоже была вся в розовой дымке. И почему-то два красных пятна в районе поясницы. Да что ж это такое? И откуда оно взялось?

Никакого зрения не напасешься!

Аня свои обязанности знала четко. В перерыве между парами она встала и громко сообщила:

– Ребята, на большой перемене надо задержаться на пять минут. Для группы будет объявление.

– Так объяви сейчас? – предложил Попов.

– Поэтому сразу не расходимся и не разлетаемся, – проигнорировала его Аня.

Ей можно.

У нее родители тоже медики, и Попов ее задирать опасается. Раз прицепишься, а потом зачеты по сорок раз сдавать будешь. Или на практику в морг пойдешь. Столы мыть.

Запросто.

Это к Тане можно цепляться... с утра уже три записки подбросили на фаллическую тему. Тьфу, гады! Нет, записки ей не навредят.

Противно просто.

Впрочем, это не помешало на большой перемене Тане встать перед группой.

– Ко мне на той неделе приехала кузина из Португалии. С завтрашнего дня она будет посещать занятия с нашей группой. Директор разрешил. Приказ подписан. У меня все.

Ну, это у Тани. У одноклассников вопросов было более чем достаточно.

– Углова, да откуда у тебя родственники за границей? Ты себя-то видела в зеркале? – с великолепным презрением пожала плечами Извольская.

– У бабушки троюродная сестра уехала за границу. Еще вопросы будут? И да, в зеркале я себя каждый день вижу.

– И на нем покрытие не осыпалось?

– Это покрытие, Катенька, – не выдержала Таня, – называется амальгамой. Погугли поди, только слово ищи на букву «а», не перепутай.

– Хамишь, Углова?

– Подстраиваюсь под оппонента, – Таня сверкнула глазами. И откуда только смелость взялась?

Раньше она себя сама запинывала в угол... мало ли отговорок для неконфликтных людей?

Нам еще вместе учиться...

Нам в одном городе работать...

А если она мне пакостить начнет?

Всё, конечно, так. Но есть категория людей, которые, не получив по морде подсвечником, окончательно распоясываются. И ввести их в рамки становится невозможно. Если не применять силовые методы, конечно.

Но тогда – снова ты во всем виноват?

Таня об этом особо не задумывалась. Усталость, тревога за бабушку, работа, учеба... какие там силы? Какие мысли? Выучить бы все необходимое – и упасть в кровать. Так-то она за себя могла постоять, но раньше. Намного раньше.

А сейчас...

Выспаться дайте!

Вот Извольская и решила, что можно наглеть. И сильно разочаровалась.

Нет, надолго ее сбить не получилось бы. Но вмешалась другая сокурсница.

Есть такие девушки. Генетика – штука вредная, кого-то она не щадит. Когда у девушки в восемнадцать лет фигура много раз рожавшей бабы, грузная и оплывшая, это не придает ей особой кротости. Если же к подобному телосложению прибавляется широкое лицо с носом-картошкой, маленькими глазками и тремя подбородками, – вообще беда.

А уж если бонусом идет характер потомственной хабалки...

Увы, это был именно тот случай. У Маши Михалковой все перечисленное имелось в полном объеме. И всем девушкам, хоть чуточку симпатичнее ее, она страшно завидовала.

А уж Тане...

Вот ведь дура!

Выглядит хорошо, но совершенно этим не пользуется, ходит как чмо, на все ей наплевать... Машке бы ее таланты и внешность! Она бы тут королевой курса была!

А эта...

Михалкова воспринимала Таню как личное оскорбление. А то, что на нее не обращали внимания и старались не связываться, удваивало возмущение.

– Танька, а на фигу нам эта твоя девица сдалась?

На этот вопрос у Тани тоже был продуман ответ.

– Директор хочет, чтобы у нас появились иностранные студенты.

– А лекции им как читать будут?

– Кузина отлично говорит по-русски.

– А наши дипломы у них не принимаются?

– Почему? – удивилась уже Таня. – Сдается квалификационный экзамен, и добро пожаловать. И потом, Маша, это на врача, на хирурга или отоларинголога будет сложнее. А мы-то фельдшера. Считай – медперсонал. С нее и спрос другой будет.

– А чего она сюда прется?

– У них там обучение дороже Малахитовой шкатулки. Проще выучиться всему здесь, а потом сдать экзамен там.

– Ишь ты...

– Про медицинский туризм я слышал, – кивнул со знанием дела Попов. – У бати приятель в Америке, так он все здесь лечит. От зубов до задницы. Говорит, там такие счета, что сдохнуть дешевле.

Таня развела руками.

Мол, все довольны?

Довольны были не все, но Извольская не стала влезать, не желая вставать на одну доску с Михайловой, а остальным... кому было безразлично, кому любопытно...

Давай, веди сюда свою иностранку. А мы потом разберемся, что это за зверек такой.

Все это Таня и рассказывала вечером Лее. Та внимательно слушала и про одноклассников, и про их характеры. Потом кивнула.

– Не переживай, Таня. Меня не так легко обидеть.

– А ты помнишь, что убивать их нельзя?

– Помню-помню. Трупов не будет, только калеки. – Салея перехватила взгляд Тани в зеркале и фыркнула. – Да я пошутила! Не волнуйся. Мне твоя бабушка сегодня сериал про студентов поставила, я примерно понимаю, чего ждать.

– И что она поставила? – насторожилась Таня.

– «Универ». А еще «Кризис нежного возраста». Я не все серии посмотрела, но кое-что мне понятно.

– Будем надеяться, – кивнула ничуть не успокоенная Таня.

И подпрыгнула от звонка в дверь.

– Я открою, – решила Людмила Владимировна.

Таня вздохнула.

Звонок повторился, но уже более длинный. Словно тот, кто звонил, уходить не собирался. И ждать тоже.

– Не надо, бусь. Опять переживать будешь.

– И ты.

Звонок выдал вовсе уж неприлично длинную трель, Таня махнула рукой и направилась к двери.

Стоящее на пороге человекообразное можно было отнести к женщинам лишь по наличию груди. Все остальное – оплывшая

фигура, лохмотья, нечесанные сальные волосы, испитое лицо и даже фонарь под глазом могли принадлежать кому угодно.

– Ды-оченька! – протянуло существо. И зачесалось где-то в подмышке.

Гном рыкнул и чуточку попятился.

Дом он защищать будет. Но пока оно на площадке – можно не кусать, а? И на вкус оно гадкое, и блох подцепишь еще... он-то пес чистоплотный!

– Я тебе сколько раз говорила сюда не ходить? – Таня даже не орала. Бесплезно.

– Это... мне ж здоровье поправить надо.

– Денег нет. На водку не дам.

– Родной-то матери!

Дальнейший сценарий Таня знала до запятой.

Сначала нытье.

Потом крики.

Потом стук в дверь и скандал.

Вызов участкового.

И вишенкой на торте – всю ночь рядом с бабушкой, которой обязательно станет плохо после доченькиного визита.

Можно просто дать денег? А если их тупо нет? И потом, получив их один раз, она начнет ходить постоянно. Лучше уж перетерпеть немного... это нечасто бывает. Раз, может, два в месяц.

В этот раз сценарий чуточку изменился. В прихожую вышла Салея. Постояла пять минут, послышала нытье на тему «дайте на водочку, потом на селедочку, а потом и переночевать пустите, и лучше не одну, а то мужика ж привести некуда...» и решительно вмешалась в происходящее.

Люди забывают, что власть над Лесом – это и власть над деревом. А полы-то в коридоре как раз деревянные...

Салея только рукой повела.

– Ой, – сказала алкоголичка, увязая в полу ногами.

Доски внезапно стали напоминать по консистенции тесто, и она погрузилась в них почти по щиколотку. А потом они снова отвердели.

Женщина дернулась, рухнула, чудом ничего себе не сломав, и от ужаса даже слегка протрезвела.

Не сильно. Но внятно говорить смогла и соображать тоже.

– Доча... это че? А? Че это такое?

Слова были обильно пересыпаны матерщиной. Таня развела руками.

– Не знаю. Я этого не делала, наверное, ты сама как-то... Сейчас участкового вызовем, если глубже не провалишься.

Алкоголичка почувствовала, как пол под ее руками снова размягчается, но пока не сильно.

– Ой, мама...

– Я могу ее полностью замуровать. Сделать?

Голос у Леи был такой спокойный, что все поняли – может. И замуровать, и забыть, и ходить по этому полу долго и счастливо. Непутевая мамаша протрезвела еще сильнее и тихонько заскулила на одной ноте:

– Неее нааааадоооооооо...

Таня посмотрела на женщину, которая когда-то дала ей жизнь. Вдохнула.

– Лея, отпусти ее. Пожалуйста.

– Точно? – И сколько сомнения в голосе.

– Точно. Она все поняла, правда? И деньги на водку будет искать в другом месте.

Женщина закивала.

Таня опять потерла глаза. Почему вокруг ее матери зеленовато-бурая тень? То есть... аура?

Ладно, это она потом у Леи спросит. А пока...

Пока полы словно выпихнули из себя алкоголичку. Создалось ощущение, что брезгливо сплюнули, – и вот она уже стоит на четвереньках.

– Пять минут – и мы тебя не видим, – зло сказала Таня.

Хватило и двух. Только топот ног на лестнице затих.

– Спасибо, Лея. Пойдем, я тебе все расскажу. И бабушку успокоим, ладно?

– Ладно...

Успокаивать бабушку не стоило. Она сидела в кресле и начесывала по очереди распластавшихся на ней кошек.

– Бусь? – спросила Таня.

– Все в порядке, – улыбнулась Людмила Владимировна. – Она ушла?

– Да.

– Вот и хорошо...

Лея молча ждала.

– Бусь, я расскажу Лее, ладно?

– Да, конечно.

Таня улыбнулась.

– Вот так как-то. Понимаешь, это действительно моя мать. Только она... как бы это повежливее, она всегда была такой. Ей хотелось жить покрасивее, повеселее, полегче. Меня она родила, чтобы личную жизнь устроить, а муж ее раскусил и удрал. Развелся, кое-какое имущество ей оставил... ну и меня тоже. Мать мной почти не занималась, лет до восьми.

– Потом я приехала, – вздохнула Людмила Владимировна. – У нас же работа такая... куда пошлют, туда и идешь. Была вообще на Севере, стаж наработала, там надо меньше отработать, но я об этом тогда не думала. Сейчас геологам сложно работу найти, идем туда, где платят. Вышла на пенсию и вернулась в родной город. А тут конец света...

– Ну да. Я как Маугли была... в общем, ничего не знала, не умела и не хотела. У матери что ни день, то гулянки, новые дядьки. Я одна дома лет с трех ночевала, может, и раньше, мужиков мать тоже водила, особо не стеснялась... мне бы в школу, а кто меня туда отведет? Мать и не помнила, сколько мне лет-то! Только фыркала, что у молодой женщины не может быть восьмилетней дочери... ну и говорила всем, что мне пять. И сама, кажется, верила.

– Я приехала, – бабушка Мила потеряла лоб. Ей нелегко давались те воспоминания. – Вижу, у дочери жуть кошмарная, каждый день пьянки-гулянки, мужики разные, ребенком она не занимается... я тут, конечно, сорвалась. Танюшку забрала, документы мы все официально оформили, тогда у меня сил побольше было, чем сейчас, да и друзья помогли. Эту мою квартиру дочь сдавала, я жильцов выставила, все в порядок привела, и стали жить потихоньку. С Танюшкой я занялась, она в школу пошла, жизнь наладилась...

– А...

– Оля. Ее зовут Оля.

– А Оля что?

– Оляшка? Она себя так любила называть... Оляшка и есть. Безмозглая. Где гулянки, там и пьянки, ну и началось... это подниматься тяжело, а вниз скатиться несложно. Она и десять лет назад уже начинала спиваться, а сейчас вот... докатилась.

Бабушка Мила говорила жестко. Отрывисто.

Да, нелегко о таком. Но ведь и из песни слова не выкинешь! Может, и сама виновата. Чего-то недодала, не вложила, не научила... могла бы лечить?

Таскать по наркологиям и прочим?

Да-да, вот Юлия Ивановна Петяшу всю жизнь и лечит. Детей прогадила, жизнь всем испоганила, как могла, – и результат?

У самой набор болячек такой, что медколледжу на год практики хватит: обойди вокруг да и иди диплом получать. У детей ни детства, ни юности, ни здоровья, одни нервы. А муж как пил, так и пьет. И радуется жизни.

Потому как его все устраивает.

Алкоголизм – это ведь не в желудке. Это болезнь разума. Если человек запил от горя – тут ладно, можно и понять, и простить, и попытаться вытащить из этого. А если ему просто нравится так жить?

И ты всю себя можешь на терке натереть, только ничего у тебя не получится. Ему будет хорошо, а тебе плохо.

Людмила Владимировна себя поедом грызла, но между дочерью и внучкой сделала выбор в пользу внучки. И не жалела. Потому что дочь жила так, как ей нравилось. А внучку тянула за собой на дно. И это было неправильно.

– А отец? – тихо спросила Лея. – Он...

– Не звонил. Не писал. Не появлялся. Алиментов не присылал, впрочем, тут все ясно. Он на мать однушку переписал, – разъяснила Таня. – Якобы для меня... та уже давно продана. И пропита.

– Но ведь он же отец! Разве ему не интересно пообщаться, поговорить...

Таня пожала плечами.

– Лея, ты никогда не думала, что обычно на таких Оляшек и притягиваются такие Олешки? Которым тоже лишь бы погулять, поразвлечься, ну и свалить от ответственности? Куда им дети? Ничего им не нужно, лишь бы свободу не ограничивали.

– Понимаю. Такие бывают.

– А у даэрте такие есть? – не удержалась Таня.

– Нет... годовалое дерево не даст плодов. Только созревшее, то, которое сможет их выносить. Поэтому у нас и не случается такого. Пока женщина не готова к материнству, она не станет матерью. Не сможет. Перводрево не даст.

Людмила Владимировна запомнила про Перводрево. Потом спросит.

– Да, нам бы такой экзамен на зрелость не помешал, – вздохнула Таня. – Только вот... сделают из него очередную кормушку для чинуш, и будут какие-нибудь сволочи решать, кто равен, а кто равнее. Нет тут хорошего рецепта.

Людмила Владимировна была с ней полностью согласна.

– Ничего. И проживем, и выживем, и вообще – справимся. Лея, я хотела спросить. С Олей нельзя так, как со мной? Чтобы поправить здоровье?

Салея только плечами пожала.

– Допустим. Но вы же понимаете, что ее беда не в теле, а в голове. Положим, я ее вылечу. И она радостно продолжит вести тот же образ жизни. А еще... она будет молчать обо мне?

– Нет, – даже не задумалась Таня. – Не будет.

– Вот. А мы хотели этого избежать.

Людмила Владимировна только головой покачала.

– Я могу сделать другое. Но не гарантирую, что разрушение не пойдет... иначе.

– Иначе?

– Я могу просто, – Салея задумалась, подбирая слова. Все же ей было сложно. – Человек принимает яд, чтобы ему ненадолго стало хорошо. Я могу сделать так, что от конкретного яда ей станет плохо.

– Этиловый спирт, – подсказала Таня.

– Да, наверное. Я могу так сделать, но она может найти другой яд. Это возможно?

– Вполне, – вздохнула Таня. – Наркоту никто не отменял.

– И наркотики, и еще много чего... это ведь не вокруг человека. Это внутри самого человека. Вот хочется ему... или сбежать от реальности, или чтобы реальность посмотрела, испугалась и сбежала от него. Хочется.

Людмила Владимировна кивнула.

– К сожалению.

А сердце все равно болело. Дочь же...

Таня с тоской посмотрела на бабушку. Потом решилась.

– Лея, может, все же попробуем? На одну отраву у нее меньше будет?

Салея спорить не стала. Это от нее труда не требовало.

– Хорошо. Давайте так и сделаем. А усыпить ее можно, чтобы она не помнила, что и как было?

– Мне даже не нужно, чтобы она была в сознании, – Лея пожала плечами. – Пусть спит – не важно.

Таня соображала быстро.

– Бусь, я помню, где она сейчас живет. Можно туда пойти, посмотреть, и если она спать будет – это ведь ненадолго?

– Пара минут, – кивнула Салея.

– Отлично. Никто и не поймет. Лея, скажи, а я могу начать видеть ауры?

Лея и задумываться не стала.

– Энергетические поля человека? Можешь. Ты уже начала их видеть?

– Да. А...

– Это последствия ритуала, который ты прошла. Сможешь видеть, читать, воздействовать, только этому придется серьезно учиться.

Таня не возражала.

– А воздействовать – это как?

– Все, что происходит с человеком, отражается в ауре. И наоборот. Воздействуя на одно, можно исправить другое.

И тут Таня вспомнила.

Вспомнила, как Аня, староста, потеряла спину в районе тех самых красных пятен, которые ей... значит, не казались. Просто были видны.

Лея даже не удивилась.

– Да, такое тоже бывает. Так отразилось воспаление. Судя по розовым тонам, человек перед тобой неплохой и здоровый, но – вот. Боль, неприятные ощущения – и вспыхивают пятна. Если их загладить, растворить... прошла бы и боль.

– У нас такое тоже умеют. Но единицы, – вздохнула бабушка Мила. – И тех еще найди...

– Мне все же кажется, что были, были у вас даэрте. Может, жили, может, навещали, – развела руками Салея. – Жаль, теперь не узнаешь. Ваша память короткая, а нашу... нашу сожгли.

– Зачем?

– Если народ не имеет памяти – это не народ. Ему что хочешь рассказать можно, – пожала плечами Салея.

И разговор углубился в дебри истории.

Тишина.

Пока – тишина.

Командор понимал, что пока еще слишком рано, ну что там времени прошло? Считай, ничего.

Что там может быть с девчонкой? Тоже неизвестно.

Но активность даэрте увеличилась.

Приборы, зависшие над планетой, регистрировали то вспышки, то возмущения, а по-простому, сбоили в три раза чаще обычного. Даэрте... с ними даже работать ничего нормально не может!

Дикари, как есть дикари!

Из штаба вестей не было. Но это тоже понятно. Как всегда, интриги и интриганы. Которым хочется плавать, кушать и расти. А он ведь тоже туда стремится... пока на правах рыбы-прилипалы при акуле, а потом, может, и до игрока дорастет?

Впрочем, спроси у Командора, зачем ему это надо, он бы задумался над ответом.

А почему нет?

Цель такая, дальше и выше, вперед и не сдаваться, не отступить и не задумываться.

Потому как если подумать...

Велика ли радость – всю жизнь плавать да оглядываться? Стихия рыбы – море, а не змеиный яд. Но думать об этом Командор не любил. Да и к чему?

Власть же!

Все объясняет одно это слово.

Власть!

Над людьми, событиями, планетами.... Для многих он будет на уровне Бога. Это такое наслаждение, с этим ни вино, ни женщины не сравнятся... ничто. Никогда.

И ради этого он не то что какую-то девку на лабораторный стол отправит, он всю эту планету выжжет!

И Командор распорядился следить.

И еще раз следить.

Никуда от него Дараэ не денется.

Глава 6

Кто бы сомневался, что Салея произведет фурор?

Вот просто – кто?

Зеленые волосы, зеленые глаза, экзотическая внешность...
первым активизировался Попов. По праву альфа-самца.

– Какая прелесть в нашей местности. Сударыня, вы позволите?

Сударыня с ног до головы оглядела Сергея Попова. Подумала.

И покачала головой:

– Не позволю.

– А почему?

– Вы мне не нравитесь.

К такому отказу первый парень в группе попросту не привык. Его глаза блеснули возмущением.

– Так может, потом понравлюсь? Я всем нравлюсь, правда-
правда...

Салея снова качнула головой:

– Нет. – И переключила внимание на Таню: – Мы вместе сидеть
будем?

– Да.

– А мест нет, – ухмыльнулся Попов. – И с Таней вот... уже Ваня
сидит.

Ваня, на которого бросили выразительный взгляд, скривился, но
закивал:

– Да. Я... это... сажу.

Таня точно бы треснула однокурсника, но тут открылась дверь в
кабинет.

– Заходите.

Фармакология.

Ох, вот где страшная-то дисциплина!

Холиномиметики и адреноблокаторы, спазмолитики и сердечные
гликозиды, активные вещества и форма выпуска...

Да тут от одного названия судороги приключаются.

Поди выговори без запинки словосочетание «ингибиторы карбоангидразы»!

Впрочем, студенты с этим справлялись спокойно. Привыкли уже, научились. Салея сидела молча, листала учебник фармакологии. Сидела, кстати, рядом с Таней. Ваня попробовал сделать шаг к девушкам, но Таня так зашипела, что он решил не рисковать. И отступил под негодующим взглядом Попова.

Ага, умный какой! Тебе надо – ты и огребай.

Галина Борисовна, преподаватель фармакологии, отличающаяся повышенной ядовитостью дама средних лет, на иностранку косилась, но помалкивала.

А что? Сидит человек, читает, молчит. Может, что-то умное скажет... когда-нибудь. Только группа на нее отвлекается, но девчонка тут ни при чем.

Вот, очередная записочка не долетела.

Ох... и голова болит. На погоду, конечно. После какого-то рубежа она частенько болеть начинает. У Галины Борисовны – после вторых родов...

Ладно, работать все равно нужно. Преподавательница еще раз потерла пальцем лоб над левой бровью – именно там как будто штопор ввинчивался – и продолжила опрос.

Перемена.

Коротенькая. Не между двумя парами, а пятиминутка – между двумя уроками из пары.

– Выйдите хоть на пять минут, – попросила Галина Борисовна.

Обычно так не делают, но уж очень голова ныла. Нужно хоть пять минут тишины.

Студенты столпились у выхода. Только иностранка, удержав Татьяну за руку, подошла вплотную к учительскому столу.

– Простите, – говорила она действительно с каким-то странным акцентом. – Сильно голова болит?

Галина Борисовна едва не рывкнула. Но устыдилась. Действительно, а в чем виновата девочка? Что заметила? Так это ей в плюс, наблюдательная... только голова болит. И тошнит. Ох...

– Сильно.

– Попросите всех выйти. Мы с Таней останемся.

– Зачем?

– Попросите, – мягко повторила Салея Сантос. И что-то такое прозвучало в ее голосе... нет, не хотелось с ней спорить. Совсем не хотелось.

– Так, все вышли, двери закрыли, – чуть повысила голос Галина Борисовна.

Студенты тут же покинули аудиторию, хотя и поглядывали назад с явным любопытством.

Салея подошла поближе.

– Таня, смотри, – у нее имя прозвучало как «Та-ния». – Вот видишь – тут очаг боли, – и легкие холодные пальцы уверенно выбрали самую болезненную точку. Но дотрагиваться до нее не стали, остановились напротив.

– Вижу, – кивнула Таня. – А дальше что?

– А вот что... – Салея протянула руку и сорвала лист с фикуса, который стоял в углу кабинета, в горшке. – Смотри...

То есть так показалось Галине Борисовне. Таня-то видела: стоило Лее протянуть руку в требовательном жесте – и фикус сам отдал ей один из листков.

Салея медленным движением провела листком перед лицом Галины Борисовны. И еще раз. И еще...

Преподавательница рывкнула бы. Но... если кто с этим не сталкивался, то и не надо. А кто знает... какие тут окрики! Иногда бы просто закрыть глаза, лечь и поплакать от боли и бессилия.

Только вот... боль проходила.

Словно и не было ее?

Галина Борисовна подняла на девушку удивленный взгляд.

– Таня, смотри. Еще осталось?

– Мне кажется, да...

– Правильно. Сейчас поправим...

В дело пошел второй лист фикуса. И Галина Борисовна поняла, что у нее... ничего не болит?

Как так? Вообще не болит?!

– Углова? Сантос?

Салея отряхнула руки. Оба листа превратились в зеленоватый пепел, который она и смахнула с пальцев.

– Болеть не будет. Наверное, месяца два. Но я бы вам посоветовала хоть раз в неделю уезжать в лес. Часа на три-четыре.

Ложиться на землю и отдыхать. Иначе все вернется.

Вернется?

А если...

– А если я буду так делать?

– Тогда мое воздействие продержится дольше. Год, может, два. У вас кровяные жилы...

– Сосуды, – подсказала Таня.

– Да. Сосуды плохие. Узкие.

– Знаю. Спазм – и пошло, на три-четыре дня растягивается, – кивнула Галина Борисовна. Голова не болела. Вообще...

Чудо?

Хилерство? Шарлатанство? Да женщина бы сейчас на все согласилась! Голова-то не болела! А это главное!

Таня посмотрела на Салею.

– А травами это не лечится?

– Если жевать... но я не знаю ваших названий...

– Галина Борисовна, а вы нам справочник по лекарственным растениям не дадите? Лея пока посидит, может, что-то узнает. Все вам легче будет...

– Дам, конечно.

Еще бы не дать! За такое? Не жалко!

Она бы и справочники отдала, и половину своих студентов на опыты. Все равно болваны безмозглые, ходят, смотрят пустыми глазами... какое же счастье не чувствовать боли! Какое чудо!

Дззззз!

Звонок не вызвал нового приступа мигрени. И это безумно радовало. Даже студенты не бесили. Галина Борисовна вручила Салее толстый справочник и покосилась на фикус.

М-да... и как это они так? Ладно, она на перемене спросит. А пока – записываем!

– Все свободны. Углова, Сантос, останьтесь, пожалуйста...

Девушки переглянулись – и остались. Таня коснулась руки Салеи: молчи, я скажу за двоих.

– Да, Галина Борисовна.

– У меня голова не болит. Как вы это сделали?

– Галина Борисовна, у нас прапрабабка... в общем, кое-что она знала и умела, – потупилась Таня. – Там даже прапрапра... это еще в царские времена было.

Это объяснение Галина Борисовна поняла. Такое... бывает.

Вот просто бывает – и все тут. И лучше в это даже не слишком лезть.

– Это и у другой ветви семьи проявляется, и у нашей... что-то серьезное так вылечить не удастся, а всякие мелочи можно.

Для Галины Борисовны головная боль мелочью не была, но придираться она не стала. И так понятно, что спазм сосудов – это не онкология, к примеру.

– Я понимаю.

– А чтобы лечить грамотно, надо знать медицину. Тогда хоть не навредишь.

И с этим преподавательница была абсолютно согласна. Аптеки, салоны красоты, даже иногда поликлиники – понаберут туда по объявлению, а народ расхлебывает. Торговать-то эти девочки-мальчики могут. А знаний нет, вот и получается черт знает что...

Тот же солярий.

Ничего, что к нему полный список противопоказаний есть? Который в салонах попросту не озвучат. А зачем? Сам пришел, сам и думай, что вредно для тебя, а что полезно. Лазерная и фотоэпиляция...

Красота требует жертв?

А вы уверены, что она требует вашей смерти из-за онкологии или особо «удачно» оторвавшегося тромба? Возможны варианты.

– Вот вам список растений и дозировки, – протянула листок Салея. – Если будете регулярно пить, приступы станут намного реже. Может быть, раз в год.

Будет пить?

Да Галина Борисовна листок схватила так, словно ей слиток золота преподнесли.

– Спасибо!

– Не за что, – дружно отозвались девушки. – Можно идти?

– Да, конечно. Не переживайте, я никому ничего не расскажу.

– Спасибо.

– И... Углова.

– Да?

– Не обижайся. Спрашивать все равно буду. Ты и так учишь, но... сама понимаешь. Мы за людей отвечаем.

Таня улыбнулась, глядя в глаза преподавательнице.

– Вот именно. И лечим их потому, что работа такая. Правильно? Вы не думайте, мы помогли просто потому, что могли. А знания мне и самой нужны.

Галина Борисовна улыбнулась ей в ответ – совершенно искренне.

– Спасибо.

Хорошие девчухи. Может, для медицины еще не все потеряно, если у них такие учатся?

– Думаешь, стоило помогать?

– Стоило, – кивнула Салея. – Жалко ее было. А еще... мне надо примерно представлять, сколько сил требует работа в вашем мире. С вашим Лесом я пока еще не настолько близка. Со своим взаимодействовать у меня получается проще, а с вашим... и я несколько лет просидела в клетке.

Таня погладила ее по плечу.

– Не думай об этом. Все прошло...

– Прошло, – тоскливым эхом отозвалась Салея. – Танюша, это – не прошло. Мою планету кромсают на части, моих родителей убили, мой народ держат, как животных, в клетках... и я ничего, ничего не могу сделать! И Дубовая корона мне тут не поможет.

Таня потерла бровь.

– Не можешь?

– Мы пытались. Но...

Таня подумала.

– Лея, ты мне вечером расскажи, как вы пытались и что делали. Ладно?

– Расскажу. А зачем?

– А затем. У вас сила Леса, у нас технология, а уж вредности характера... чего не хватит – то придумаем! Знаешь, сколько гадостей в нашем мире? Много...

Салея против воли рассмеялась.

– Танечка, милая, ты уверена, что две девушки... ладно, еще и твоя бабушка смогут что-то сделать целой культуре поглощения планет? Это огромная Конфедерация ша-эмо, их не миллионы – их тысячи планет, их сотни миллиардов!

Таня пожала плечами:

– Не подумаем, так и не придумаем. Уж твою-то планету мы им точно обломаем. Вот мне как медику сразу на ум приходят пандемии... ко всем ли болячкам есть иммунитет у ваших завоевателей?

– Бактерии? Вирусы? Мы не думали об этом...

– А мы подумаем, – кивнула Таня. – Вот было проклятие фараонов... нам ведь что нужно? Чтобы конкретно на вашу планету перестали лезть. Даэрте оттуда все равно уходят, значит – можно развлекаться в свое удовольствие. Завоевателей жалеть точно не стоит.

– Мы подумаем над этим, – решительно кивнула Салея.

Девушки вовремя замолчали. Вот он коридор, их подгруппа, следующий урок... Диетология.

Стол номер такой.

Стол номер сякой.

Что в него входит, при каких заболеваниях применяется...

Пишем, потом снова слушаем и опять пишем. И еще учить будем.

На парте опять материализовалась записочка.

«Приглашаю поужинать вдвоем. В „Белом китайце“»^[19].

Салея демонстративно порвала записку в клочки, подняла руку и с разрешения преподавателя выкинула мусор в ведро.

– Один из лучших ресторанов города, – кивнула Таня. – Цены – бешеные.

– Пфффф.

Салея только плечами пожала. Рестораны? Она была равнодушна к пище. Исключение составляла гордяника, которая на Земле просто не водилась. Удивительно вкусная ягода светло-розового цвета, некрупная, размером с виноградину, кисло-сладкая... Может, приживется?

Салея ее даже в этом случае уже не попробует. Но кто-то другой – вполне. Та же Таня. И вспомнит ее... И жизнь продолжится.

– Мы предпочитаем фрукты и овощи. Можем есть и мясо, и рыбу, но то, что выращено на земле, – вкуснее.

– Есть рестораны для веганов.

– Углова, Сантос, расскажу.

Девушки замолчали, и Таня опять принялась писать.

На перемене удрать им уже не удалось. Сережа Попов пошел в атаку. Что это такое? Есть женщины, которым он безразличен? Крушение мира! Конец света!

– Салея... Тебе говорили, что у тебя королевское имя?

– Да.

– Я со всем уважением приглашаю. Или другой ресторан назови, куда ты хочешь?

– Назойливость не добавляет вам привлекательности.

– Чего? – не понял Попов.

– Стократ повторенное предложение вызовет не согласие, а агрессию.

На этот раз дошло.

– Так я же не постель предлагаю, если сама не захочешь...

Терпение Салеи закончилось. И было-то его немного... а уж сидеть на парте своей грязной, простите, филейной частью, прямо перед ней?

Расположился этак небрежно...

А парта-то не пластиковая.

Она деревянная... еще из тех древних времен, когда парты и столы делали не из опилок и клея, а из досок. Попросить вырастить шип в районе седалища?

Да в единый миг!

С парты Попов вскочил с воплем, хватаясь за тыл.

– Ай!

– Что случилось? – удивилась Таня, которая все это время сидела тише мыши. С одной стороны, Салея и сама справляется, с другой – это Попов. Ну он же... хотя ради подруги Таня уступила бы и Попова. Ладно уж...

Если Салею он нужен?

Как оказалось – не нужен. Ни даром, ни с доплатой.

Шипа в парте тоже не оказалось, он высунулся на долю секунды – и тут же спрятался обратно.

– Иголка... – прошипел Попов, держась за тылы. Он бы заподозрил Углову, но у той руки были на виду. Да и у Сантос тоже... но что это тогда могло быть? Непонятно...

– Какой ужас, – лицемерно посочувствовала Салея. – Может, вам к врачу сходить? Пусть вытащит? Иголку?

Группа захихикала. Интересно, как будет звучать диагноз?

Игла в заднем месте? Интересная болезнь получится...

Пока Попов соображал, что и как, в атаку пошла Извольская:

– А что, в Португалии это модно?

– Что именно?

– Ходить как чмо. В каких-то жутких обносках, в бусиках будто с помойки, – Извольская протянула руку, намереваясь подцепить нитку деревянных бус, но такого Салея тем более не позволила бы.

– Везде свои обычаи, – рука Катерины повисла в воздухе, жестко перехваченная за запястье. – Я же не спрашиваю, зачем вы закачали в губы что-то вроде пластмассы, порезали себе щеки, закачали краску по контуру губ, глаз, бровей...

Извольская побледнела.

Ну... есть такое дело. И в губы она гель вкачала, и скулы правила, и татуаж тоже делала. Отец оплатил. В обмен на ее согласие отучиться в этой богадельне.

– И еще в волосах у вас какие-то шарики...

– Это капсулы, – Таня давилась от смеха. – Лея, это когда девушка не слишком красивая... вот как на машину шлепают наклейки, так и тут. Чтобы красивее сделать.

Салея пожала плечами:

– Везде свои привычки.

Теперь Катерина побагровела. Но она не была бы самой собой, если б не пошла в атаку:

– Врешь ты все!

– А ты умойся, – с Извольской Таня окончательно решила не церемониться. – И мы посмотрим!

– А что? – поддержал кто-то. – Правда, Катька, если ты ничего такого не делала... можешь просто волосы показать! Капсулы ведь видно!

Показывать Катерина ничего не стала. Обожгла девушек взглядом – и вылетела из кабинета. Салея же никак на это не отреагировала. Вот еще... проблема. Возмущенное огородное пугало, насквозь искусственное. Это она только про лицо сказала, а там и ниже улучшения есть.

Что там следующей парой? Латынь? То есть сначала английский, а потом латынь.

– Москоу из зе кепитал оф Рейшен Федерейшен...

Лиля Жукова тянула эту фразу таким жеманным тоном, что уши вяли у всех присутствующих.

– Лиля, не Рейшен, а Рашен.

– Москоу из зе кепитал оф Рейшен Федерейшен...

– Рашен Федерейшен.

– Москоу из зе кепитал оф Рейшен Федерейшен...

– Лиля, Рашен. Рашен Федерейшен...

– Москоу из зе кепитал оф Рашен Федерашен...

Тут уж захохотала вся группа.

Багровая, словно помидор, Лиля сверкнула глазами и поспешно села на место. Салея смысла не поняла, но внимание учительницы своей невозмутимостью привлекла.

– Возможно, вы нам что-то скажете по-английски?

Таня едва под парту не сползла. Вот... попадалово! Впрочем, Салея не смутилась. Длинная фраза протрещала пулеметом. Студенты поняли от силы слов пять, но это точно было на английском...

– У вас американский выговор, – заметила преподавательница.

Салея пожала плечами:

– Возможно. Это не родной для меня язык.

Больше вопросов не возникло. Таня слегка толкнула подругу локтем в бок.

– А как?

– Как и ваш язык. Все, что знает Лес, знаю и я.

– А почему американский вариант?

– Да потому, что в Англии лесов нет. Дикае люди, – вздохнула Салея^[20].

После занятия подруг остановил Руслан.

– Тань, два слова.

Таня кивнула, глядя на однокурсника.

– Чего?

– С Поповым осторожнее. Он у Аньки узнавал, где ты живешь.

– Спасибо, – поблагодарила Таня.

– Не за что. Обращайся, если понадобится.

Таня молча кивнула и собиралась было уйти, но Салея положила руку на локоть Руслана.

– Ты хороший. Что у тебя случилось? Какая беда?

Руслан аж дернулся, словно его крапивой прижгли.

– Ты...

– Я просто вижу. Какая у тебя беда случилась? Она ведь и сейчас – твоя. И тебе больно.

– Не твое дело.

И Таню будто за язык кто дернул:

– Знаешь, может, и не наше. А вдруг помочь сможем? Хочешь, здоровьем бабушки поклянусь, что никому и ничего не расскажу? Без твоего разрешения?

– Поклянешься...

– Клянусь, – просто сказала Таня. – Здоровьем моего самого близкого человека. Если Салея говорит, что у тебя беда, я ей верю. Она просто так говорить не станет. Что случилось? Мы можем чем-то помочь?

И Руслан как-то обмяк. Словно из него стержень выдернули.

– Мать у меня болеет. Рак, химиотерапия... отец опять ее в Москву везти собирается. Только... тут уже никто не поможет. Врачи говорят – полгода максимум, это если с операцией. А если без нее...

И не договорил. Но и так все было ясно от и до. Если в Барске не помогают, если в Москву надо... и там, похоже, тоже не помогут. Но ведь даже месяц жизни, подаренный любимому человеку, стоит любых денег.

Девушки переглянулись. И поняли друг друга с полуслова.

Мать.

Та, кого не было ни у одной, ни у другой. У Салеи родителей отняли, у Тани их и не было, считай, а тут – семья. Настоящая. Где люди любят друг друга и заботятся. Где переживают и цепляются за малейшую возможность. Такое стоит уважения. И помощи стоит.

– Сможешь?

– Чего не смочь... корни нужны. Хотя бы один.

Таня решительно тряхнула головой.

– Хорошо. Деньги на такси у тебя есть?

Руслан даже головой помотал.

– Вы... чего?

– Салея может помочь, – разъяснила Таня. – Только надо к нам домой заехать, взять одну вещь.

– Чем ты помочь можешь? – фыркнул парень, недоверчиво глядя на девушек. Но тут уж Таня не дала ему отступить.

– А если не поможем, я тебе деньги за такси верну. Чего ты мнешься? Что ты вообще теряешь? Кроме пары часов времени?

Руслан собрался было зашипеть, но передумал. Лицо его разом осунулось, стало будто бы старым и усталым. Уж точно не лицом восемнадцатилетнего парня.

– Мать... ее даже в Москве не смогут вылечить. Только поддержать, хотя бы ненадолго.

– Поехали, – решительно потянула его к двери Таня.

На Попова и компанию они вообще внимания не обратили. Мало ли что тут водится? Да тьфу на них!

Такси поймать удалось быстро. И Таня одна залетела домой.

– Бусь.... Дашь мне один корень?

– Да хоть все. А что случилось?

– У моего однокурсника, оказывается, мать от рака умирает.

– Грех не помочь, – кивнула бабушка, не особо задумываясь про конспирацию. Такое дело... – Может, два возьмешь на всякий случай?

Таня подумала и решила:

– А давай. Я же не знаю, что там у Леи получится.

И небрежно сунула в карман многомиллионное состояние. Лея, которая так и сидела в такси, покосилась на подругу и кивнула. Подстраховка – это хорошо. Она-то сразу поняла, сколько корней взяла Таня.

– Куда ехать? – поинтересовался таксист.

– На Сопки.

– Ишь ты...

Сопки в Барске считались элитным районом. Огромные участки, шикарные дома, жуткие цены. С другой стороны, сколько человек могут себе позволить лечить близких в Москве?

По квоте?

Так пока ее получишь, три раза помереть успеешь. А за деньги... вы представляете, сколько стоит снять квартиру в Москве, жить там, питаться, покупать лекарства, большинство из которых никто не выпишет просто так... и работать еще как-то надо. Нереально.

Для обычного человека нереально.

Не из простых у Руслана отец, да и пусть его. Все болеют. И всем бывает больно.

По указаниям Руслана, такси остановилось перед одним из домов. Не самым шикарным, но и далеко не бедным.

– Пошли.

Участок с гектар, кедр, можжевельник, отдельно – сад...

Таня подмечала подробности мимоходом, топая вслед за Русланом по дорожке плитке. Выглядит она полированной, а ноги по ней не скользят. И кажется, что даже если ее маслом полить, все равно не заскользят. Сколько такое стоит?

Наверное, за пару плиточек можно холодильник купить.

Дом тоже был вполне на уровне.

Не извращение под Европу, не гибрид тюрьмы и Эрмитажа, а вполне себе аккуратное здание. Даже комплекс. Центральный дом и два деревянных крыла. Строилось явно на большую семью. Вот женится сын, будет куда жену привести, и родители не помешают. Они в одном крыле, дети в другом. А пока и гостей можно поселить, чтобы и вместе, и врозь. Деревянные срубы явно делались на совесть... Лея погладила мимоходом перила крыльца, задумчиво кивнула.

– Куда дальше?

– В кабинет к отцу. Мать сейчас там.

– Идем, – распорядилась Лея. И так это прозвучало, что Руслан и спорить не стал. И говорить, что они оторвут отца от дел, – тоже.

Кабинет был поделен на две части, и это лучше всего говорило о хозяине дома.

Одна часть – деловая, со столами, несколькими компьютерами, какими-то схемами на стене. А вторая идеально обустроена для больного человека. Тут и удобная кровать, и тумбочка, на которой стоит поднос со всякой снедью... нетронутый. И шкафчик с медицинскими препаратами.

Мало ли что понадобится?

Девушки переглянулись. Все было ясно.

Чем бы ни занимался отец Руслана, жену он любил. Понимал, что теряет ее навсегда, и хотел провести с ней побольше времени. Хотя бы так.

На вошедших удивленно посмотрели оба. И мужчина лет пятидесяти, сидящий за столом, грузный, полуседой, явно очень усталый, и хрупкая, почти бестелесная женщина в кровати. А глаза у нее были удивительные, прозрачно-голубые. Как два кусочка неба. Жаль, Руслан их не унаследовал. Он со временем станет копией отца.

– Что...

Возмутиться и выставить незваных гостей отцу Руслана не дали. Может, Салея и не была вполне обычной принцессой, но властности у нее бы на сорок Франций хватило и на пару Англий еще осталось. Ее приказа сначала слушались, а уж потом... Да, все остальное – потом.

Один жест – и мужчина опустил обратно, словно его на лету подбили.

– Тишина. Таня, где корни?

Таня послушно сунула ей в руку холщовый мешочек с корнями. Салея покрутила их в пальцах, уверенно выбрала один, второй отложила прямо на стол перед отцом Руслана и подошла к женщине.

– Как вас зовут?

– Алеся... Алеся Юрьевна.

– Сейчас будет чуточку больно. И голова закружится. Может носом пойти кровь. Не бойся.

– Я...

– Держи крепче. Руками. Двумя...

Салея сама сомкнула пальцы женщины на корне женьшеня. Выпрямилась, став выше и внушительнее. И дубовый обруч на ее голове вспыхнул зеленоватыми огоньками. Злорадно запищали какие-то приборы. Кажется, что-то электронное скончалось в страшных муках.

Корень женьшеня осыпался прахом из пальцев женщины. Салея качнула головой и положила поверх ее ладони свою руку.

– Еще немного... вот так!

Тане показалось, что зеленые искры пробегали между пальцев женщин. Недолго, секунд пять. Потом Салея расцепила руки, выдохнула и пошатнулась.

– Руслан. Объясни все, что случилось. Таня, мне нужно на воздух...

Таня плюнула на все и потащила подругу на улицу, слыша за спиной удивленное восклицание женщины:

– Не больно... Данечка, мне вообще не больно...

– Леся?!

– Мам, пап, вы только не волнуйтесь...

Судя по взгляду отца... не будет. Но стукнуть сыночка, может, и не отказался бы.

Дотащить Салею до ближайшей скамейки на улице было несложно. Сгрузить ее под симпатичный высокий кедр – тоже. И Салея, сидя на скамейке, прижалась к дереву, как к родному. Стерла пальцем капельку крови под носом.

– Фуууу... очень запущенный случай. Даже корня не хватило.

– Ты свои силы добавила?

– Да. Но это не страшно, я сейчас восстановлюсь.

– Я могла бы помочь?

Салея покачала головой:

– Нет. Если вкратце, твои возможности работать с силой определяются пропускной способностью энергоканалов. У тебя они пока почти не развиты... я покажу потом упражнения. Повредить легко, потом ты бы мучилась. Не надо.

– Покажи, – кивнула Таня. – Раз уж я начала это видеть... а я так когда-нибудь смогу?

– Не знаю, – развела руками Салея. – Королева даэрте – это не просто слова и побрякушка. Это другое. Я могу то, чего не сможет никто из моих подданных.

– А как они тогда... без тебя?

– Родится новая королева. Рано или поздно.

Их тихий разговор прервал Руслан:

– Таня! Салея! Папа очень просил вас вернуться...

Салея подумала и ответила:

– Руслан, я недостаточно хорошо себя пока чувствую. И не слишком контролирую свои способности. Вернуться я могу, но у вас

вся электроника погибнет. Твоего отца не затруднит прийти к нам сюда? И пусть маму приводит, ей тоже будет полезно.

– Хорошо. Минуту...

Руслан вихрем умчался в дом. Салея улыбнулась ему вслед.

– Хороший парнишка. И отец у него неплохой.

– Богачи, – фыркнула Таня со всей классовой неприязнью.

– Посмотри на их ауры.

– Я там увижу что-то привлекательное?

Салея пожала плечами:

– Хотя бы потренируешься.

Долго ждать не пришлось. Отец Руслана поддерживал под руку его мать, та пошатывалась, но шла самостоятельно. Смотрела по сторонам широко открытыми удивленными глазами.

– Кажется, это было в другой жизни...

Она радостно улыбнулась девушкам. Потом Даниил Русланович огляделся и понял, что жену сгрузить некуда... не на сырую же траву? Скамейка была занята Салеей, и попросить друидессу подвинуться никто не решился. Было видно, что она почти лежит не потому, что хочет занять всю площадь, а просто – плохо ей. И лицо бледное, и зрачки расширены, и капельки пота на висках – до сих пор. Девушка не на шутку выложились с этим лечением.

Таня стянула с плеч куртку и бросила на землю.

– Давайте так.

– Спасибо, – мужчина помог жене усесться поудобнее, и та тоже прислонилась к стволу кедра. Салея легонько погладила дерево ладошкой и тихо что-то шепнула.

Таня прищурилась.

Ауры виделись еще нечетко, но, кажется, дерево принялось подпитывать больную. Не слишком сильно, без вреда для себя, но зеленоватые капельки отделялись от его ауры, растворялись в бледной-бледной, едва заметной, словно кислотой изъеденной ауре пациентки, и та на глазах выправлялась. Начинала переливаться нежными розоватыми и голубоватыми тонами, словно небо на рассвете.

Да, пациентки, а как еще назвать? Если она болела, а ее вылечили?

Все молчали.

– Гхм... – первым откашлялся Даниил Русланович. – Девочки... то, что мне рассказал Руслан, – правда?

Салея пожала плечами. Таня решила доверить переговоры ей – и не прогадала.

– Я не знаю, что вам рассказал сын. Нам он сказал, что его мать больна. Я уговорила его принять мою помощь, и мы приехали. Раком ваша супруга больше не болеет, но восстанавливаться будет очень долго.

– Мне говорили – метастазы уже затронули все внутренние органы, – тихо сказала Алеся Юрьевна.

– Все верно. Мне едва хватило сил. Сделать вас такой же, как раньше, я не могу, вы слишком истощены. Но хорошее питание, тепло, солнышко и природа восполнят этот недостаток. Главное, побольше ягод, фруктов, зелени. Поможет.

– Обязательно, – согласился Даниил Русланович. – Так... Таня Углова, верно?

– Да.

– Салея Сантос.

– Можно просто Салея.

– Я Даниил Русланович, можно дядя Даня, так меня родные называют. Это – тетя Леся.

– Хорошее имя, – кивнула Салея. – Сходите завтра на обследование, посмотрите, что скажут врачи. Но я гарантирую, что вы здоровы.

– У меня просто слов нет. Кстати... это то, о чем я думаю?

В руке «дядя Даня» держал корень женьшеня, благополучно забытый девушками на его столе. Тот самый, стосемидесятилетний.

– А о чем вы думаете? – уточнила Таня.

– Корень женьшеня?

– Да.

– И судя по корню... ему лет сто пятьдесят?

– Сто семьдесят.

– Ему цены нет...

– Положим, цена есть всему...

– Не жизни и не здоровью, – решительно отмахнулся мужчина. – Мне это хорошо известно. Поэтому... Отныне и навсегда в этом доме вы – свои. Так же, как и моя жена, и сын. Считайте – еще две дочки.

Салея подумала, что родня у нее преумножается, и резко. Если и дальше так пойдет, до смерти у нее еще с десятков отцов и матерей найдется?

– Может, сначала к врачам сходите? – Салея не иронизировала. Просто чуть-чуть улыбалась, одними краешками губ. – Вдруг мы шарлатаны?

– Девочки, я вам очень благодарна за помощь, – тихо произнесла Алеся Юрьевна. – И могу только повторить за своим мужем. Если вам потребуется... что угодно. Я помогу.

– Мы это просто так сделали, – искренне произнесла Таня. – Салея увидела, что Руслан ходит весь черный, спросила, в чем дело, и он сознался.

Теплая женская рука взъерошила волосы на затылке сына.

– Рус у меня чудесный. Он потому и в колледж пошел. У нас ведь медицинского института нет, уезжать он не хотел, а вот медициной всерьез занялся. Еще и из-за меня.

– После в институт? На онколога? – поинтересовалась Таня.

– Не знаю. Но хирургия мне нравится. Я потом подумаю еще о специальности, – кивнул Руслан. – Девочки... спасибо!

Короткое слово. Всего семь букв. Но сколько же в нем чувства! Кажется, скажи сейчас Руслану в огонь броситься – он бы и бросился. Ради мамы?

Запросто.

– Это все Салея, – свалила с себя ответственность Таня.

– Она к тебе приехала, – не согласился Руслан.

Крыть было нечем. Таня поднялась с травы и потянулась.

– Ну и решили. В общем-то нам действительно ничего не нужно. Мы по дружбе помогли. Разве что можете никому ничего не рассказывать? А то завтра вас врачи атакуют, что да как, а что потом с Леей будет, можете себе представить.

Представить было несложно.

Петровы переглянулись и кивнули.

– Расскажу про НЛО, – озорно блеснула глазами Алеся Юрьевна. – Как давно у нас не было ничего интересного о летающих тарелках!

– Главное, не забывайте подробности, – ухмыльнулась Таня. – А то потом будут допытываться, сколько пальцев у инопланетян или

пуговиц на их комбинезонах.

– А я не помню. Была в шоке. Даже два раза, вот! Но они точно были маленькие, зелененькие и пищали так... противно.

– Как погибшая электроника? Кстати, извините за сбой. Побочный эффект, к сожалению. Чем сложнее электроника, тем быстрее она гибнет в моем присутствии.

– Плевать на нее три раза, – отмахнулся Даниил Русланович. – Девочки, оставайтесь у нас пообедать, а? Пожалуйста?

Девочки переглянулись – и согласились.

Все верно. Они не обедали, так что предложение было очень кстати. А если их потом еще и домой отвезут, вообще шикарно выйдет!

Невероятной сервировки не было. И каких-то серебряных сервизов – тоже. Все накрыли в небольшой столовой, что называется, по-семейному. Видимо, хозяйка распорядилась.

Но обед радовал.

И борщ, горячий и красный, и пампушки с чесноком, и мясо по-французски с гарниром на второе – ни устриц, ни омаров, все просто, сытно и вкусно. Настолько аппетитно, что рука сама за добавкой тянулась... за четвертой по счету.

– Как вам удастся не растолстеть втрое? – удивилась Таня, отваливаясь от стола и чувствуя себя сытой пиявкой.

– От переживаний, – честно признался Даниил Русланович. – Как-то есть не хотелось, особенно в последнее время.

– Извините.

– Не надо. Теперь мы точно попопнеем. Вот эту даму надо будет откармливать, а то во двор без кирпича в руке не выйдет. Ветром унесет.

Салея фыркнула.

– Откармливайте. Зелень, овощи, фрукты...

Алеся Юрьевна тоже сидела за столом. И уничтожала уже восьмой апельсин. Хотелось ей...

Таня подумала о другом – только сейчас эта мысль в голову пришла.

– Даниил Русланович, а вы можете сами кому-нибудь этот корень продать? Чтобы мы этим не занимались?

– Продать? – удивился мужчина. – Такое сокровище?

– Почему нет? Нам не нужен, а кому-то жизненно необходим. Но у меня ни связей, ни знаний, ни защиты... сами понимаете.

Мужчина нахмурился и кивнул:

– Если доверите?

– Отличная идея, – поддержала Салея. – И пять процентов от суммы ваши. За посредничество.

– Я...

– Считайте – на фрукты.

– Да тут целый базар купить можно будет!

– Купите, – без размышлений согласилась Салея. – И можете намекнуть, что есть товар интереснее. Старше.

– Есть?

Салея безразлично пожала плечами:

– Возможно.

Даниил Русланович прищурился. Салея ответила ему совершенно невинным взглядом. И абсолютно непроницаемым. Словно полог леса – сверху. Одна сплошная зелень, а что под ней? Мамонт? Динозавр? Поселение?

Не понять...

– Такие деньги лучше хранить в банке.

– Откроете счет на Таню.

– Как скажете, – глупых вопросов про доверие не последовало. – Девочки, давайте мы отвезем вас домой, а сами поедem к доктору? Я своими глазами вижу, но пока пятьдесят выписок не получу, что моя жена здорова, не успокоюсь.

Девушки переглянулись – и поднялись.

– Вызовете нам такси?

– Какое такси! Доставим до дома с ветерком!

Возражающих не было. Разве что Таня подмигнула Руслану:

– А то такси все равно тебе оплачивать.

Возражающих так и не прибавилось. Было ноль – осталось ноль.

– Все в порядке? – Людмила Владимировна почти светилась своим светом.

– Да, все отлично, – кивнула Таня. – И хорошему человеку помогли, и они нам помогут.

– Это в чем? – Голос Людмилы Владимировны стал строже. Натура такая, воспитанная в СССР. Помочь человеку – правильно. Брать за это оплату – недостойно. Так научили, так она и будет жить. И точка. Таня примиряюще улыбнулась:

– Бусь, оказалось, что у Руслана отец крутой.

– И мальчик учится в медколледже?

– У него мать болела, уезжать он не захотел, а мединститута у нас нет.

– Ага. И?

– Его отец пообещал нам помочь пристроить корень женьшеня. За пять процентов.

– Тогда все в порядке, – успокоилась бабушка. Это уже не вопрос помощи, а товарно-денежные отношения. Вот если бы он корень бесплатно пристроил, в награду за помощь... нет-нет, это нехорошо. А если он тоже свою выгоду получит – нормально.

– Сейчас мы Гнома выгуляем...

Гулять, честно говоря, не хотелось. Набитые животики тянуло в кровать, к подушкам. Но...

– А я его уже выгуляла, – сообщила Людмила Владимировна.

– Как?

– Мы с ним договорились. Он сегодня не рысачит, а я его повожу подольше. Мне тоже надо суставы разрабатывать...

Таня пригляделась к бабушке. Потом Салея.

И обе девушки кивнули.

– Нормально. Воспаления нет, болевых ощущений нет.

– Бусь, но ты тоже не рысачь какое-то время, ладно?

– Обещаю. Давайте в душ и спать, – предложила бабушка.

И предложение было с радостью принято.

– Даня, колись!

– Чего тебе надобно, морда?

– Даня, колись по-хорошему, а то топором на... верну! Откуда дровишки?

– Из лесу, вестимо.

Даниил Русланович, как и его сын, был в превосходном настроении. В платной клинике за энную сумму Алесю буквально по атомам проглядели. Какая разница, какое время?

Плати!

Тебя и в полночь примут со всем радушием!

Так вот, Алесю проглядели вдоль и поперек, никаких следов онкологии не нашли, и Даниил Русланович не удержался от маленькой такой шалости. Позвонил своему приятелю-онкологу. И плевать, что дело к ночи... ради такого случая можно. Тут и приятель возмущаться не станет.

Раньше бы позвонил, но в государственных поликлиниках и больницах даже за деньги анализы мгновенно не проведут. Не получается у них такое...

А убедиться точно хотелось.

Даниил чувствовал себя почти пьяным от счастья.

Помнил, как они стояли в коридоре, проглядывали распечатки, анализы, УЗИ, прочие исследования, – и шалели от счастья.

Какие метастазы?

Какие раки-буераки?

Здорова, здорова, ЗДОРОВА!!!

Истощена, что есть – то есть. И выглядит старше своего возраста, и чувствует себя пока не очень. Но – никакого рака!

Разве это не счастье? Разве для счастья что-то еще нужно? Да гори огнем все те миллионы, которые не дадут и дня жизни близкому человеку!

И позвонил он на душевном подъеме другу Владьке.

Владька, без которого Алеся, честно скажем, и до помощи не дотянула бы, как раз был на работе. Сначала не поверил, потом предложил приехать, потом проверил – и пребывал в таком же шоке. Мало ему было анализов? Ему еще и опыт, и глаза, и руки... все вещало, почти верещало, что женщина-то здорова!

Но – КАК?!

Последний, кто такое совершал, умер аккурат пару тысяч лет назад. На кресте (варвары, дикие люди, такого человека распяли!). А с

тех пор... не, таких чудес не было. А Данька, этот гад, делиться не хочет... гrrrrrr!

Рассказывай, свинтус!!!

А то тромбоном ударю!!!

Против такой страшной угрозы Даниил не устоял. Тем более что друг плотоядно поглядывал на штатив от капельницы и явно собирался заменить тромбон подручными средствами.

– Владя, ты в шаманов веришь?

– Че-го?

– А вот так. Познакомили меня. По большому благу...

В шаманов Владька верил. Как и каждый, кто хоть раз с ними общался. С шаманами, если они настоящие, вопрос ставится просто.

Или ты в них веришь, или ты в них все равно веришь. Но уже в следующей жизни.

Владислав и в этой жизни глупостью не отличался, поэтому почти просительно сложил руки.

– Познакомь? А?

– Владь... шаман один. На всех не хватит.

– Знаю... мне б хоть на нескольких...

Даниил Русланович вздохнул и достал из кармана корень женьшеня, который так и прихватил с собой.

– Владя, ты видишь, что это такое?

– А... э... Офигеть!

Точнее, сказано было почти это. По смыслу.

– Рус, уши закрой. Рано тебе к такому лексикону приобщаться.

– Я уже в курсе.

– Тогда не закрывай. Но услышу – выпорю. Владя, на лечение моей жены такой корешок и ушел. Понял?

– Понял. Дань, все равно... познакомь, а? Если хоть кто-то... ну хоть кому-то... На колени встану! Пусть в жабу превращает – согласен сто лет на болоте квакать! Понадобится – через тайгу поползу на брюхе, но пусть хоть как поможет!

– Я... попробую поговорить, – врать не хотелось. Но и правду – как тут скажешь?

– Пожалуйста. Пусть хоть пару слов согласится... ты пойми... я тоже не каменный! Такие люди... плакать хочется, а слез иногда просто нет!

Да, онкология – один из самых тяжелых участков работы. Даниил это знал.

И похлопал друга по плечу.

– Слово даю. Поговорю. По срокам не обещаю, как будет возможность.

– С корнем что делать будешь?

– Продам. И деньги отдам.

– Шаману?

– Да.

– Тогда и поговоришь, я так понимаю?

– Может, и раньше получится. Не знаю... Владя, я просто не знаю. Леся точно здорова?

– Всем бы так быть! Истощена, конечно, но рак исчез. Словно и не было. И следов не осталось... я сам смотрел, а сейчас биопсия... без подробностей – как новенькая.

Руслан откровенно хлюпнул носом.

Вот так вот... счастье рядом ходило, а он и не знал, и не замечал. А мог бы и сегодня отбрехаться. Мог бы ничего не сказать. Мог бы...

Или наоборот – сказать еще раньше. Ведь неспроста Углова вот так учится? Нет, она не зубрилка, как та же Анька, но она... умная. Это правильное слово.

Она не учит на пятерки все подряд, но то, что имеет отношение к медицине, она знает идеально. Хотя по математике у нее четверка, по русскому, по английскому...

Зато капельницы она влет ставит. И уколы, и перевязки, и...

– Пойду приведу вашу маму, – подмигнул Влад. И ушел.

Даниил выдохнул и, наконец поверив, притянул к себе сына.

– Спасибо, сынок. Если бы не ты...

– Я случайно, – смутился Руслан. – Там так получилось... пап, я тебе завтра расскажу. Давай Тане поможем?

– Это не обсуждается.

Руслан улыбнулся.

Ну, если не обсуждается... это раньше ему дела до Попова не было, хоть он на ушах ходил, а сейчас...

Если он к Тане или Салее хоть на километр приблизится, Руслан его так в стенку вколотит – за барельеф примут! Еще и покрасит сверху для убедительности! Вот!

Глава 7

– Девочки, я считаю, что перед вами поставлена очень серьезная задача, всей сложности которой вы не осознаете.

Таня чуть кофе не поперхнулась.

– Бусь?

Салея тоже посмотрела удивленным взглядом. Чего это мы не осознаем? Подробнее, пожалуйста!

Людмила Владимировна развела руками.

– Если я правильно понимаю, Салея собирается построить портал, чтобы перенести сюда, на Землю, своих сородичей-даэрте.

– Да.

– Миллион... я буду говорить «человек», ладно? Мне так проще.

– Хорошо, – согласилась Салея.

– Я буду рассуждать, а ты меня поправь, если я ошибусь. Ладно?

– Да, конечно....

Салея не считала себя умнее всех. Чего уж там... и возраст не тот, и знания... Дубовая корона дает силу, но не зря, вот не зря она может зазеленеть только после определенного возраста.

А если раньше – значит, случилось нечто, за что и жизнь положить не жаль.

Случилось, да...

– Переход миллиона человек тебя наверняка вымотает. Так, что ты окажешься без сознания...

– Скорее всего, я там и умру, – Салея хмыкнула, глядя на выражение лица Тани. Да, подруге это удивительно, ну что ж...

Смерть – это тоже часть жизни. Как и рождение, бесконечная спираль...

– Твои люди окажутся посреди глухой тайги, с трупом королевы на руках... без еды, без воды, без предметов первой необходимости...

Салея пожала плечами.

– Лес даст нам все необходимое.

– Сразу – и миллиону человек? А еще – ты ведь их через ворота проведешь. Ваши... ша-эмо в том мире так и будут смотреть на это и глазами хлопать? Даже досчитать до миллиона заняло около трех месяцев^[21].

Салея задумалась.

– Тогда что делать?

– Вижу только один вариант. Тебе придется несколько раз посетить родную планету. К примеру, в первый раз ты должна увидеться... есть у вас кто-то вроде министров?

– Совет старейшин.

– Замечательно. Оповещаешь Совет о своем решении, а те сообщают людям, чтобы собрали все самое нужное плюс продукты, вещи, воду на два дня, к примеру, и были готовы в любой момент.

– Это первый этап, верно?

– Да. Если я правильно поняла, между даэрте и ша-эмо общего быть не может, вы как вода и масло...

– Они могут принять наш образ жизни. А мы их – нет. Мы просто умрем.

– То есть тебя не выдадут?

– Не должны.

Бабушка Мила кивнула.

Хорошо уже то, что девочка не принялась наотрез отрицать такую возможность. Даже среди апостолов один предатель нашелся, а там и число было поменьше, и отбор построже...

– Сначала о лучшем варианте. Где тебя не выдадут. Ты пришла, сообщила о своих намерениях – раз. Пришла, забрала с собой команду добровольцев... хотя бы тысячу человек – два. Они подготовят здесь площадки для размещения остальных, минимально устроятся, и ты проведешь всех остальных – три.

– Ша-эмо на все это будут смотреть?

– Вот. Наверняка и посмотрят, и поучаствовать захотят...

Салея криво улыбнулась.

– Хотя одно утешает. Здесь другой мир. То есть перейти сюда они смогут. И все. Останутся отрезанными от своих. Навечно.

– И не найдут дороги обратно?

– Нет. Наша сила и их техника... это две слишком разные сущности. Это как огонь и воду скрещивать.

– Подводные вулканы, кстати, существуют. Но ладно, я поняла. Ты уверена, что за тобой вслед не бросятся из чистого упрямства, не пошлют корабль с воплем «мочи их, гадов!», не накроют всех даэрте после первого же твоего визита?

– Не уверена. Но что тогда делать?

Бабушка Мила вздохнула.

Ей явно не нравилось то, что она хотела сказать, но...

– Показать ша-эмо, что они могут получить желаемое.

– КАК?!

– У даэрте есть какой-то запрет на вранье?

– Мы теряем силу и погибаем. – Впервые Салея почувствовала себя такой душой. А ей-то уже что? Она все равно потеряет силу. Все равно погибнет. Она инициировала Дубовую корону кровью врага, ее срок – до осени, не больше. – Я поняла. Но кто им помешает схватить меня и...

– К примеру, когда ты пойдешь в первый раз к своим людям, ты оставишь письмо для ша-эмо.

– Письмо?

– Можно даже лучше, – ухмыльнулась Таня. – Бусь, зачем бумагу на этих ша... шариков переводить? Идем в магазин, покупаем телефон или камеру, что будет лучше, и записываем ролик. Салею на фоне леса, со всеми атрибутами. Так и так, ты вошла в силу, но, не желая смерти своего народа, предлагаешь переговоры. И назначаешь их тогда, когда уводишь добровольцев.

– Портал должна держать открытым я.

– Правильно. Поэтому на переговоры вместо тебя могу пойти я.

– Таня!

– А что такого? – похлопала ресницами Таня. – Вот смотрите, получат ваши шарики-бобики образец чужой технологии. Заинтересуются?

– Несомненно, – кивнула Салея.

– Разберут все по винтикам, ну и... на переговоры сначала явлюсь я. Вся такая: здрасте, Салея сейчас придет... Надо бы только прикид подходящий подобрать.

– Мотоциклетный костюм надень. Или костюмчик Дарта Вейдера в прокате возьми, – подала идею Людмила Владимировна. Она как раз

накануне «Звездные войны» смотрела. По телевизору гоняли. Еще те, от Лукаса!

– Буся, слов нет.

– Только такой... чтобы не кожаный, а полностью искусственный. Из синтетики.

– Согласна, – Таня перехватила непонимающий взгляд Салеи и разъяснила: – Надо выглядеть необычно. Платья, я так понимаю, у вас тоже в ходу.

– Да. Почти такие же, как у вас.

– Я бы предложила творения высокой моды, но в них нас не за послов примут, а за шизофреников. Психически больных...

– Вполне возможно, – Салея тоже кое-что успела увидеть. Костюм в виде анаконды ей не понравился. Хотя и сделан был весь из чешуи, но как его носить-то? А юбку в виде гигантской люстры? С подвесками?^[22]

– Уж прости, Таня, но ухоженной и холеной ты не выглядишь. И самоуверенной тоже. Те, кто при власти... они просто другие.

Таня вспомнила Попова. И на секунду даже глаза прикрыла, ожидая привычного спазма рядом с сердцем. Какой же он...

А какой?

Да, ухоженный, холеный, небрежно носящий дорогие вещи, только вот... чего-то такого в нем нет. Важного. А чего именно?

Таня и сама не знает... раньше она этого не замечала, а сейчас все видно. Только выводы пока сделать не получается.

– Мотоциклетный костюм закрывает практически всего человека, даже шлем будет в тему. И можешь сказать, что это твое первое задание, вроде практики.

– Хм... Империя наносит ответный удар?

– Мы еще продумаем, что и как надо сказать, – кивнула бабушка Мила. – Итак, Салея держит портал, ты идешь на переговоры. И заявляешь, что вы тоже заинтересованы в даэрте. К примеру.

– А меня там не пристрелят?

– Нет. Скорее подумают, чем можно разжиться уже от тебя.

Таня тряхнула головой.

– Пусть попробуют! Пасть порву, рога поотшибаю...

– Тебе бы свиту...

– Бусь, кому и как мы все это объясним?

– В свиту предлагаю пару черных медведей, – спокойно сказала Салея. – Я смогу договориться. Они выполняют мою просьбу. И... придадут Тане вес на переговорах.

– Тонна медвежатины за спиной кому хочешь веса придаст, – согласилась Таня. – Ты уверена, что они никого не сожрут?

– Уверена, – Салея не сомневалась. – С медведями договориться сложнее всего, они очень капризны и непредсказуемы. Но если дадут слово – сдержат.

– Не пойдет, – отмахнулась бабушка Мила. – Как ни печально это признавать. Вот имперские штурмовики подошли бы. Роботы... да что угодно такое. Но у нас их нет. А медведи... тут любой заподозрит инсценировку. Твою, Салея, руку.

Девушки потупились.

Да, медведь не слишком сочетается с космическими кораблями. Но где ж еще кого взять?

– Значит, пойдешь одна, – как тяжело Людмиле Владимировне это давалось, знала только она. – Выбора нет. Сколько человек смогут пройти в портал одновременно?

– Пять, наверное. Пусть четыре....

– Тысячу делим на четыре, получаем двести пятьдесят переходов. Сколько занимает один переход?

– Секунду.

– Пусть десять секунд, – решила бабушка. – Им же надо подойти, выйти, отойти... даже если бегом, все равно время. Две тысячи пятьсот секунд – сорок минут, даже чуть побольше. Час. Не знаю, как у даэрте, а вот у людей... если и сделают, то обязательно не так, не там или не то. Кладем два часа. И эти два часа Таня должна будет общаться с шаэмо.

Салея даже головой помотала.

– Хорошо, что вы есть. Я даже не представляла сложности задачи.

– Разобьем ее на этапы. Сегодня вечером посидите, составьте круг вопросов для переговоров: сферы влияния, полезные ископаемые, лекарства, что там еще хотели от вас получить?

Таня едва за голову не схватилась.

– Два часа? О чем можно разговаривать с человеком два часа?!

– Обсудите технологии. Накачай на планшет – да, планшет тоже купите – роликов с ютуба. Ядерная бомба, Хиросима, Чернобыль,

лучевая болезнь. Да чего мелочиться? Качай «Звездные войны»! И разъясней, что это – их перспектива.

Таня фыркнула:

– Ну да. Звезду Смерти!

– Почему нет? Им кто-то скажет, что это кино?

– Может, тогда и правда костюмчик Дарта Вейдера прикупить? В интернете все есть, закажем...

– Не переигрывай. Лучше качественная экипировка... скажешь, что там мужской вариант, а здесь – женский. Костюм все же возьми бутафорский. Из дерьма и палок. То есть синтетики и каркаса. А вот мотоциклетная экипировка пусть будет тяжелая. Настоящая. И можно туда какой-нибудь техники напихать.

– Техники?

– Чтобы сигналы шли. Вразнобой.

– Тамагочи по всем карманам распихать. Десяток.

– Тамагочи или еще что-нибудь такое мелкое... да хоть и сотовые телефоны, пейджеры...

– Это все не умрет рядом со мной? – озадачилась Салея.

– Можешь и не рассчитывать. Старые модели где хочешь выживут. Даже в жерле вулкана, – отмахнулась бабушка Мила. – У знакомого овчарка сотовый телефон сожрала, из первых моделей. Так что ты думаешь? Вышел невредимый.

– А звонил после этого?

– Звонил. Как ни удивительно^[23].

– Буся, слов нет!

– И не надо. Лея, вопрос. Можно ли как-то изолировать все это... излучение ша-эмо на время перехода? Как радиоактивность – свинцом?

Салея задумалась.

– Не знаю. Надо пробовать.

– Пробуй и думай. Если тебя слушается вся живая природа – может, какие листья наклеить? Или вообще кокон сделать? Как у гусеницы-шелкопряда?

– Я подумаю.

– Думай. И разбивайте все на три этапа. Первый – объяснить все старейшинам, и пусть готовятся. А ша-эмо передать приглашение на переговоры. Второй – переход группы для подготовки. И они займутся

обустройством места для всех остальных. Поработать, понятно, придется. Но выбора все равно нет. Там же и переговоры проведете. Подумайте, что можно пообещать ша-эмо. Из вкусного, чтобы они заинтересовались – хоть ненадолго. Третий этап – собственно уход.

– Жаль, нельзя им напоследок что-то хорошее подарить. Этим шарикам, – мечтательно вздохнула Таня. – Ядрен-батон там или хотя бы пробирку с плутонием...

– Даже если появятся деньги, все равно у вас не будет физической возможности достать что-то подобное. Максимум – огнестрел. А этим, я так понимаю, ша-эмо не удивишь.

Салея кивнула.

– Бомбу вам никто не продаст. Припать в тот мир тоже не перекинешь, увы. Давайте исходить из реальности. И созвонись с Русланом, Танюша. Если они пообещали помощь с женьшенем... пусть мы даже чуточку потеряем в деньгах, плевать! Время дороже!

Вот тут были солидарны все трое.

– Хорошо, буся.

– А раз хорошо... тут никому на занятия не пора?

Девушки посмотрели на последнюю оладью на блюде, подумали и протянули ее Гному. Ротвейлер открыл пасть, закрыл...

Оладья?

И рядом не было! И вида не осталось...

– Идем, бусь!

Действительно, стоило поторапливаться, чтобы не опоздать на первую пару.

Один день, но как все изменилось!

Руслан ждал девушек у входа. Сидел на перилах, не обращая внимания на Попова и компанию, которые курили рядом с машиной, читал что-то в планшете...

При появлении девушек его с перил буквально снесло. Вихрем.

Сначала поймали и расцеловали Лею.

Потом – Таню.

Затем Руслан покосился на обалдевшего Попова, у которого даже сигарета из пальцев выпала, и повторил в обратном порядке. И по его

лицу все было понятно.

– Здорова?

– ДА!

И что тут еще скажешь? Счастье – есть.

– Тогда бежим на пару, – предложила Таня. – Рус, есть в городе магазинчик, торгующий мотоциклетной сбруей?

– Да, и не один. А что нужно?

– Вот оно и нужно.

– А мотоцикл?

Девушки покачали головами.

– Нет. Мотоцикл не надо, только саму сбрую.

Камеру решили не покупать, а взять пару планшетов – все равно в них есть встроенные камеры. И чего множить сущности? И надо бы ломбард какой посетить. Набрать там старинного барахла за небольшие деньги. Такого неубиваемого.

– Хотите, после пар съездим? Я знаю, куда именно.

Девушки не возражали.

И снова – латынь.

– Non est medicina sine lingua Latina...

Поговорок надо было выучить двести штук. И сдать потом на зачете. Таня старательно переписывала их из учебника латыни в тетрадь. Заодно запомнит получше.

Пожить спокойно, увы, удалось только на парах. На перемене Попов не выдержал.

– Петров, это че за цирк перед колледжем был?

– Это мы в воздушные акробаты готовимся, – не спустил Руслан.

А что?

Раньше ему на все было плевать.

Самоутверждение? Статус?

Да тьфу на вас три раза, идиоты! Какое значение имеет вся эта глупость, когда у тебя умирает самый близкий человек?! Если на то пошло, Руслан и сам мог бы на машине в колледж ездить, но не хотел. Не то было состояние... отвлечься, задуматься – и врезаться в столб? Чтобы отцу еще и с ним хлопот добавилось?

Нет уж!

Поэтому Руслан ездил с отцом. А чтобы тому не приходилось делать крюк, выпрыгивал в одном квартале от колледжа.

Не из маскировки. Просто так было удобнее, а добежать?

Да что такое один квартал для нормального человека? Пять минут ходьбы быстрым шагом! Тьфу!

Но Попов-то некоторых обстоятельств не знал. И со своими понтами и прочим воспринимал Руслана как неудачника. А че?

Отец не башляет? Тьфу, лузер! Предки должны давать бабки! А зачем они еще нужны?

В системе координат Попова как раз все было просто. Как у амебы. Есть деньги, значит, все самое лучшее должно принадлежать ему. К примеру, была Извольская, но Сантос, конечно, экзотичнее. Поэтому можно поменять одну на другую.

Сантос уедет? Найдем третью...

У Петрова есть деньги? Ну так, в общих чертах, Сережа об этом знал. Сильно не влезал в отцовские дела, но был в курсе, кто такой Даниил Петров и сколько всего ему принадлежит. Однако Руслан-то этими деньгами, считай, не пользовался.

Да, у него неплохие шмотки и аксы, но не брендовые. И айфон не последний. И вообще... девчонками он тоже не интересуется, значит – лузер. Уж точно ниже Сереги на иерархической лестнице.

И превращение мирного оленя в голодного крокодила Сергея как-то не обрадовало. Руслан ему скалился прямо в глаза, как бы говоря – и?

Вот что ты тут сделаешь?

Попов такое спустить никак не мог.

– Петров, ты напиток смелости выпил?

– С утра не пью. И не похмеляюсь. А ты жвачку пожуй, а то перегаром на километр шибает. На нормальные напитки денег не хватило?

– Петров, ты че – нарываешься?

– Восстанавливаю историческую справедливость.

– Не, ты точно нарываешься.

– Можем обсудить.

– Рус, не надо! – Таня схватила его за руку. Но тут поверх ее ладони легла рука Салеи.

– Таня, никогда не надо лезть между двумя мужчинами. Они сами разберутся.

– Без сопливых, – кивнул Попов.

– Особенно если один из них – не мужчина, – припечатала Салея, глядя на него в упор.

– Доказать?

– Половая зрелость не делает из сопляка мужчину. Как и наличие половых признаков, – отмахнулась Салея.

– Проверишь лично?

Салея посмотрела на Попова расфокусированным взглядом. Таня последовала ее примеру – и заметила тень в районе паха.

– А ты уже вылечился от дурной болезни? Последствий не осталось? Не капает?

Настолько Сережа себя не контролировал. И покраснел. Особенно уши.

Ну... было дело. Кто триппер не ловил? Но кто мог знать, что Машка... а эта-то откуда знает? Но уточнять было уже поздно. Группа хохотала. Машка, кстати, громче всех.

Стерва!

Все стервы!

Вы мне за это ответите, гадины! И особенно – Сантос!

– Что именно вам нужно в мотоциклетном?

– Вся экипировка, – вздохнула Таня.

– С защитой, с черепахой?

– Увы...

– Тысяч сто выложить придется. Это если брать качественную. А лучше – двести.

Девушки переглянулись.

Брать надо качественную. Но денег таких у них не было. Разве что пока пойти, посмотреть и подобрать? И...

– Рус, а можно твоему отцу позвонить? Когда он этот корень пристроит?

– Я сейчас и позвоню. Или хотите – к нам съездим? Перекусим, а потом в магазин?

– Мне нужно будет на работу, – отказалась Таня.

– Ты еще и работаешь?

– Уколы, капельницы на дому...

Руслан только головой покачал. Он после уроков приходил домой, выполнял домашние задания – и сил едва хватало до кровати дотащить. Мозги взрывались. Первые полгода в меде – это, считай, никакой жизни. Одна зубрежка в три слоя. И второй семестр не лучше.

– Углова, ты как на ногах-то держишься?

– Молча.

Руслан только головой покачал.

– А учить когда успеваешь?

– В автобусе.

Таня не врала. Именно что в автобусе. Или на сиденье, или стоя, одной рукой цепляясь за поручни, а второй держа конспект. Вредно для глаз?

А вы явитесь на анатомию, не зная темы. Вот там и поймете, где польза, а где вред.

– Слов у меня на тебя нет. Ладно, сейчас...

Руслан достал из кармана сотовый и быстро набрал номер.

– Пап, привет. Как там у вас дела?

– Замечательно! Что случилось?

– Ты насчет корня ни с кем не говорил?

– Вот, собираюсь.

– Отлично.

– А ты с девочками поговори насчет Владьки. Помнишь?

– Помню, пап.

– Передавай приветы и приглашения. Если хотят – пусть приезжают, рад буду.

– Ладно. Бывай.

– Давай...

Руслан отключился и кивнул девушкам, которые из вежливости отошли на пару шагов.

– Батя сказал, у него все отлично, насчет корня сегодня переговоры.

Девушкам оставалось только переглянуться и улыбнуться.

Прекрасно! Им того и требовалось.

Даниил Русланович действительно в это время беседовал с одним из своих китайских партнеров. Демонстрировал ему корень.

У бедолаги аж руки затряслись, по скайпу видно было. Хорошо еще, компьютер стоял на столе, стационарно. Телефон бы сейчас завибрировал не хуже отбойного молотка.

– Дан... это... это то, что я думаю?

– Сейчас к камере поднесу поближе, покажу со всех сторон...

Минут пять, пока купец показывал товар «лицом», в эфире слышалось только восхищенное оханье.

– О, да! Какая форма! А цвет! И кольца...

Выплеснув все восторги, партнер перешел уже к конкретике:

– Он ведь дикий?

– Обижает! Чтобы он был культивируемым, надо было питомник за пятьдесят лет до революции построить!

– Прости, Дан, глупый вопрос. Сколько ты за него хочешь?

– Чжао, я тебе скажу так. Мне он попал случайно, но намекают, что есть и еще. Могут быть.

Китаец аж задохнулся.

– Е...щ....е?!

– Да.

– Сколько?

– Давай так. Ты мне сам назови сумму. В расчете на будущее?

Сумма оказалась весьма приличной. Скупердяйничать партнер не стал. Сейчас копеечку сэкономишь, потом рубли потеряешь. Когда другие корни не к тебе пойдут.

– Я пришлю своего человека за этой прелестью! Сегодня же вылетит!

– Присылай.

– И если... когда будут еще корни...

– Ты – первый в очереди.

– С тобой приятно иметь дело, Дан.

Мужчины одарили друг друга взглядами обаятельных крокодилов и откланялись. Даниил Русланович задумчиво кивнул своему отражению.

Хорошие девочки.

Интересно, не сложится ли у Руслана с одной из них? Они хоть и ровесники, но болезнь матери заставила сына рано повзрослеть... ладно! Пусть идет, как идет. Для него девочки в любом случае будут родными. А раз так, не худо бы и справки о них навести.

Понятно, что милостыню они не примут, но ведь можно же узнать потихоньку, какие у них проблемы, – и так же втихомолку помочь. Никто и не узнает...

Леся спала наверху. Спала не под обезболивающими, не на наркотиках, не вскрикивая от боли во сне, а просто обычным сном уставшего и выздоравливающего человека. И за это Даниил Русланович что угодно готов был сделать для девчушек.

Итак... начальник СБ...

Салея о цели их визита догадалась быстро. Когда Таня попросила Руслана высадить их неподалеку от реки.

– Ты хочешь...

– Да. Если ты сможешь сейчас заняться моей... Оляшкой?

– Смогу, конечно. Но ты ведь помнишь? Я могу только лишить ее удовольствия от выпивки, а выбор все равно за ней. Любящей мамой она не станет и на шею тебе не кинется...

– Да мне бы уж хватило, чтобы она к нам шляться перестала, – в сердцах бросила Таня. – При бусе такого не скажешь, но эта зараза мне матерью-то не была никогда. Морду намажет, вырез ниже пупа – и на гулянку. А мне темно, страшно, дома жрать нечего... а то еще мужиков приведет. И слушай всю ночь, как кровать скрипит да эта девка орет! Гулящая... А то еще соседи... хорошо, среди них добрые были, подкармливали. Не то вообще б сдохла. Одежду отдавали, обувь, к себе иногда пускали! Когда буся вернулась, я счастлива была. Я хоть есть начала досыта! И спать нормально! Комната своя появилась... как по мне – сдохла б эта Оляшка под забором, я б слова не сказала. За нее я не переживаю. Но буся этого могла и не пережить, ей-то это все равно дочь! Хоть и гнида! Я уж молилась, чтобы Оляшка сильно никуда не вляпалась, буся б за ней ведь и ходила, и ухаживала, и страдала бы... она все считает, что чего-то дочери недодала...

– А она додала? Я поняла так, что твоя бабушка не могла воспитывать дочь сама?

– Была дома – воспитывала. А так та росла у маминой мамы. У бабушки. Мою бусю ты видишь, Оляшку тоже воспитывали, да не в козу добро. Знаешь, можно учить языкам и музыке, водить на танцы и в лицей. Можно. Но это в детстве. А потом, вырастая, человек во многом и сам решает, какой выбор сделать. Быть или не быть. Человеком. Я уколы хожу, делаю... вот у меня пациентка одна о себе рассказала. Она в свое время отказалась эмигрировать в Израиль. Жених звал, с собой тащил, но у нее тут семья, две сестренки мелких, родители бы их не подняли. Там отец болел сильно, потом умер, мать колотилась, как рыба об лед, еще родня нервы трепала... ну да улеглось, прошло. И не поехала она, и девчонок подняла, и мать с ней век дожила. И сама клиентка живет счастливо. Муж у нее классный, четверо детей, в семье достаток. А она говорит, что могла бы поехать. И может, там тоже были бы деньги, и дети, и достаток, но счастья бы не было никогда. Потому что оно с крови и горя ближних выросло бы. И сгнило. На корню.

– Ты это о выборе?

– Да. Между собой и кем-то другим. Она выбрала семью – и не пожалела.

– А жених ее?

– А что – жених? Он ведь не остался с ней, не помог, он просто уехал. Она говорила – вроде как счастлив. Женился на девушке из хорошей семьи, по уши в кредитах, за дом, за машину, за образование, делом занят, детей растит...

– Но?

– Это не она его нашла, а он ее. Звонит нечасто, раз в месяц – и смотрит. Вроде и послать его не за что, а видно, настоящего счастья у него там нет.

– Почему?

– Потому что у него тоже был выбор. Между любимой женщиной и обеспеченной жизнью где-то там, в перспективе. Я вот об этом. Выбор мы всегда делаем сами. И сами за него отвечаем.

– Как ты.

– Как я. Вот мы и пришли, кстати... блин! Их тут шестеро!

Салея пожалала плечами, глядя на четверых мужиков бомжовского вида и двоих женщин. Одна из которых как раз Танина мать... так вот оно, погулять – попить – повеселиться. Меру знать надо, а не хотелками жить!

– Справлюсь.

– Ты уверена? Ой, чтоб тебя! Заметили!

Один из мужиков как раз встал, чтобы отлить, неудачно повернул голову и увидел девушек. Грязное щетинистое лицо озарилось паскудной ухмылкой, но сказать он ничего не успел.

По Дубовой короне побежали зеленоватые огоньки – и трава под ногами шестерки ожила.

Взметнулась прочными плетьюми, обхватила, притянула к земле за руки, за ноги... порвать?

Кто пробовал рвать осоку, тот поймет! Раньше изрежешься – прочная, зараза! А когда ее еще и много, в два-три слоя... не перервать.

Секунда – и помойка огласилась бы воем и криками, но кто ж даст эту секунду? Уж точно не Салея.

Кляп из осоки оказался ничем не хуже магазинных. Каучуковых. Даже и лучше. Те выплюнуть можно, а этот – нет. Нереально. Он так за лицо цепляется, не хуже маски получилось. И разрастается?

Мужчины и женщины дергались, мычали, но сделать ничего не могли. Трава плотно удерживала их на земле.

Салея еще раз повела рукой.

Трава, повинувшись ее воле, принялась заплетать головы людей. Да так, что через несколько секунд те не могли ни видеть, ни слышать происходящего. Остались только дырочки для дыхания.

– Вот так... А теперь...

Еще один жест.

Со стороны это выглядит вовсе не величественно. И не картинно, и не киношно, и Голливуд бы разочаровано плюнул. Что тут такого, красивого?

Подходит девушка по очереди к каждому из шести человек, проводит рукой над его головой, и мычание, которое доносится из кокона, тут же стихает.

Сама Салея выглядит при этом совершенно спокойно, обыкновенно, и силы словно бы не тратятся, только по Дубовой короне

время от времени пробегают огоньки. Даже не слишком сильные. Когда лечили бабушку или Алесю, та светилась намного ярче.

Таня внимательно приглядывалась.

Оболочки-ауры вокруг людей она видела.

Дранные, грязные, словно эту ауру неделю собака по помойке таскала. Ни одного чистого цвета, все какое-то мутное, пыльное, до тошноты. Гадкое...

Салею это не смущало. Она воздействовала на что-то в районе черепа. Таня понимала, что Салея как-то выбирает и отключает центр удовольствия, но...

Сделать это самой?

Повторить?

Филигранная манипуляция энергией.

Мало того, надо найти, на что воздействовать, а это Тане вообще никак... это не два пятна у старосты...

Салея посмотрела на сестренку, покачала головой.

– Иди сюда.

– А?

– Будем тебя учить. Становись передо мной...

– Лея, учить?

– Нужно тебе начинать пользоваться силой? Вот и начинай.

– Это вообще-то живые люди.

– Которые забыли, что они – люди. Безвинное животное не понимает, за что его. А эти при желании не один десяток грехов найдут. Иди сюда, говорю.

Глаза друидессы на мгновение блеснули красным. Но Таня и не стала больше спорить. Подошла, встала перед подругой.

– Вот. И?

Прохладные пальцы Салеи легли на ее виски.

– Закрой глаза. Отвлекает...

Таня послушалась. И словно рывком перешла на новый уровень. Где все стало на порядок сложнее. И ауры уже не казались пятнами: они были сплетены из множества разноцветных нитей. Такие клубки... и они двигаются, ползают... словно змеи?

Нет. Не змеи. Но все равно дотрагиваться не хочется.

Салея явно что-то делала. Таня видела теперь подробнее и черепные коробки людей, и как Салея воздействует... вот на этот

крохотный красный участок. Где же это?

Гипоталамус? Гипофиз?

Нет, не понять... потом она сядет с учебником и все сопоставит. А пока... пока Таня ощутила, как ее энергосистема внезапно сливается с системой Леи. Как штепсель в розетку включили.

Сама Таня маленькая-маленькая. И словно стоит на берегу громадного океана энергии. Стихийного океана. Как на тайгу с самолета глядеть... он громадный, спокойный, равнодушный. Не злой, просто живой.

Это – Салея?

Мощь стихии в такой хрупкой оболочке?

Невероятно!

Но Салею было не до того. Она тоже чувствовала Таню сейчас как продолжение себя. И осторожно принялась манипулировать уже ее энергией.

Ощущения были чуточку другие. Не самой вышивать, а шить на машинке.

И – бережно!

Если на алкоголиков Салею было наплевать, то сжечь разум и энергоканалы сестре она не хотела. Пришлось действовать еще аккуратнее – и то! Кажется, она отключила одному из них больше, чем планировала.

А, плевать!

Дубовая корона уже начала действовать. Не люди. Не живые существа, которым больно, страшно... просто наглядные пособия.

После шестого человека Салея аккуратно отпустила сестру, поддержала под локоть... Таня мотала головой.

– С ума сойти! Лея, ты...

– Не я, – качнула головой Салея. – Не я.

– А... я же видела!

– Не меня, Танюша. Ты видела тех, кто за мной. Связка: даэрте – Перводрево – королева сейчас активна и полна силы. Потому что Дубовая корона активировалась. Потому что во мне твоя кровь, потому что у меня связь с вашим Хранителем.

– Не понимаю.

– Сила даэрте – сила Леса. Эту силу в единый миг может потребовать себе Перводрево. И я – как самый ближний его потомок.

Считай, дочь. Это ты и видела.

– Ага, – сообразила Таня. – Все как один?

– Да. И этот один – я. Поэтому я и должна созревать постепенно. Незрелое сознание этого просто не выдержит. Разрушится. Сейчас меня спасает Дубовая корона. Но она же и погубит.

Таня хлюпнула носом, и Салея поспешила перевести тему:

– Ты пришла в себя?

– Д-да, наверное.

– Ноги держат?

– Да.

– Тогда идем. Нечего здесь задерживаться лишнее время.

– Да. А ты мне потом объяснишь, как работала? На что действовала?

– Я все расскажу по дороге. Обещаю.

Рассказала Салея чуть позже, когда они с Таней прикупили по мороженому, по бутылочке тоника и уселись в тени деревьев, в парке. Так Салее было спокойнее. Она откинулась на ствол здорового вяза и смотрела перед собой, облизывая эскимо.

– Вкусно. Я так давно не ела ничего подобного...

– Там же химия.

– Знаю, но все равно вкусно. И тоник вкусный, там что-то древесное...

– Хинин. Против малярии.

Салея с блаженным видом сделала еще один глоток.

– Да... О том, что случилось. Я закрыла всем шестерым удовольствие от выпивки. Они теперь будут пить водку, будут получать похмелье и прочие симптомы отравления, будут от нее страдать. А вот удовольствия не будет. Опьянения не будет. Сначала будет питься как вода, потом свалит с ног, потом похмелье и прочее.

– И все?

– Этого достаточно, ты уж мне поверь. Удовольствия не будет, выпивку придется бросить. Смысл пить, если нет радости?

– Тебе бы цены не было в лечении алкашей.

– Ты тоже можешь этому научиться. Да и остальные даэрте это сделают... пусть не рядовые, но сильные – без труда.

– Серьезно? Лея, это же золотое дно!

– Ты о чем?

– За излечение людей от алкогольной, табачной, наркотической зависимости к вам будут ехать лечиться черт-те откуда! И платить дикие деньги!

– Деньги... нам не были нужны.

– На родной планете? Безусловно. Но тут-то вы не одни. Кстати, вы совместимы с людьми?

– Генетическая структура даэрте пластична. Мы даже с ша-эмо совместимы.

– Вот. На своей планете вы были одни. Там можно было строить идеальное общество. Здесь вы не одни, здесь придется жить среди людей, и надо быть в курсе происходящего. Да и просто... одежда, обувь... Лес вам ее даст? Наверное, но на миллион человек? Пища, вода... да много чего! Жилье, транспорт, как подумаю – голова болит и пухнет... я во всемогущество Леса, конечно, верю, но стоит ли так его с ходу перегружать? Лес-то не ваш родной... может и взбрыкнуть?

– Ты умничка, Таня. Мне так жаль, что мы знакомы ненадолго... и ты права. Надо попробовать то же самое на наркоманах, для разнообразия. И ты потренируешься, согласишься. Потом у тебя еще будут и практики, и медитации, но это потом. А сейчас будем учиться в полевых условиях, на подопытных кроликах... то есть наркоманах. Только вот где их найти?

Таню мысль о подобном обучении уже не пугала. Все ведь остались живы? Ну и отлично! Может, и людьми еще станут.

– О, с этим я тебе помогу.

– Да?

– Да. И ходить далеко не придется. Над нами живет Ирина Петровна Новицкая. Сама врач-психиатр, но вот сапожник без сапог. Дочь у нее подседа на наркоте. Причем... плохо так подседа. Понимаешь, мать она любит, поэтому старается и не приходит к ней, и денег не тянуть, но если уж совсем плохо становится... а слезть с этой заразы она не может. Характера не хватает.

– Что значит – плохо становится?

– Наркотики попадают некачественные, или еще что в таком духе. У нее девчонка-то умненькая, программистом могла бы стать. Меня на шесть лет старше. Диплом писала, а привыкла все на грани гениальности делать, ну и – затык. Ей подсунули таблеточку, сказали, поможет раскрепоститься.

– А потом еще одну.

– Да. И зависимость у нее оказалась быстрая. Есть такие, кто годами эту дрянь лопают, и вроде как ничего, а она вот за пару раз крепко влетела. На героин она еще не перешла, держится, но... рано или поздно все плохо закончится. Ирина Петровна к бусе пару раз заходила, плакалась. И она понимает, чем это кончится, и дочка ее, но пока... считай – долгая агония. А у нас Оляшка с той же проблемой... почти той же.

– Поняла. Можем сегодня сходить и попробовать. С алкоголиками все просто. Я пользуюсь силой Дубовой короны, так что могу вытягивать неограниченное количество людей. Даэрте пользуются своими внутренними ресурсами, так что не больше одного человека в сутки.

– И это – каждый даэрте?

– Нет. Только самые сильные, и не все из них, а те, кто ориентирован в медицину. Может, пара тысяч.

– Из миллиона?

– Мы же симбионты с Лесом. У нас это не так распространено – зачем?

– А, ну да... но даже так – вдохновенно! А остальные! Вы же наверняка гении экосистем... вот и подумай, что проще. Прятаться от всех в лесу – или попробовать взаимодействовать с людьми на своих условиях?

– Взаимодействовать – зачем?

– Ну я не думаю, что рано или поздно все люди станут даэрте. Но как минимум для своей безопасности. А там будет видно. Когда буся была маленькой, люди пели песню, в которой были слова: «И на Марсе будут яблони цвести...»^[24]

– Думаешь, будут? Это другая планета?

– Да. Неподалеку от Земли. Алая планета Марс. И кто знает, может, именно с помощью даэрте это станет возможно? У вас снова будет своя планета, а люди выйдут в космос? Я мечтатель, я знаю. Но

понимаю, что надо расти и развиваться... дальше и выше, а не как пауки в банке.

– Нам было хорошо на Дараэ. Но нас было меньше, чем вас.

– И вы симбионты Леса. Вы лучше понимали друг друга, у вас нет разных народов, нет различий, нет многого, из-за чего мы не можем найти общего языка. Вам было легче.

– И поэтому нас завоевали ша-эмо. Так легко. Так небрежно... словно жука убили. Нас ведь было в десять раз больше...

Таня молча погладила ее по руке. Она жила в мире, в котором были концлагеря. Были, и эту страничку не вычеркнешь из памяти.

А число убитых тоже исчислялось миллионами. Мужчины, женщины, дети... прочувствовать до конца она это не могла, но вот понять и посочувствовать – вполне.

– Мы справимся. Лея, ты теперь не одна. Я не бог вещь какая помощь, но это лучше, чем ничего.

– Ты чудесная, Таня. И я рада, что ты у меня есть. Ты права – даэрте не смогут жить отдельно от людей. Мы должны будем не потерять себя, но нам придется пойти к людям. Что ж. Медицина, экология, лесоводство...

– Сельское хозяйство. Так, к примеру.

– Да, я согласна. Давай попробуем сегодня еще с наркоманами?

– А тебе точно тяжело не будет?

– Нет. Дубовая корона – это сила Леса. Всего Леса. Представляешь, на что она способна? Я способна?

– На все.

– Почти на все. Поэтому меня хотели сломать до инициации. Или убить – до нее. Я даже благодарна тому, кого называли Командором. Если бы не он, я бы точно или погибла, или сломалась. А он дал мне шанс.

– Предлагаю тоже дать ему шанс, – Таня спускать никому и ничего не собиралась. – Пусть умрет безболезненно!

За подругу она бы любого Командора загрызла. Даже того, из оперы «Дон Жуан», каменного. Не поддается? А мы приложим усилия и немножко динамита. Вот!

Как и говорила Салея, долго растения не продержались. Опали, съежились на земле, словно самая обычная трава. И шесть человек обрели свободу.

– Эта... эта че было-та? – выразил общее мнение Гусь.

– А ... его знает, – махнул рукой Гвоздь. – Сам понимаешь, не сделали ничего – и ладно.

– За это надо выпить, – практично заметила Оляшка. Она давно уже привыкла жить одним днем. Пожрать, выпить, погулять, по... спать – и так по кругу, по кругу...

Дочь она даже не узнала. Не успела узнать.

Гвоздь хлопнул ее по заднице.

– И то верно. Тащи заначку.

Пузырек спирта (тьфу на те добавки) развели водой и выпили.

Не помогло. И политуры добавили – тоже. И самогону...

Алкоголь пился как вода, не доставляя никакого удовольствия. Ни головокружения, ни приятного отстранения от мира, ни... ничего. Просто – ничего.

Правда, вырубал он всех качественно, такая-то жуткая смесь! Оляшка первой и уснула. А наутро проснулась со столь «приятными» ощущениями, что лучше б сдохла. Удовольствия никакого, а вот все остальное... нет-нет, это алкоголь был паршивый.

Шестеро забулдыг еще не знали, что алкоголь им в принципе уже никогда и ничем не поможет. Ни радости, ни забвения... ничего. Им предстояло все это еще проверить. Опытным путем.

Людмила Владимировна посмотрела на девушек, пожала плечами.

– Попробуйте. Если получится, Ирина Петровна рада будет.

– Давайте попробуем, – решительно сказала Салея. – Только как ей сказать?

– Прямо. Ты моя племянница, восьмьюродная, приехала из Испании или еще откуда там, практикуешь нетрадиционную медицину, вот, если она хочет попробовать, бесплатно, конечно...

– Конечно, – кивнула Салея.

Ценность денег она поняла, но ведь не у всех они и водятся...

– Танечка, детка, сбегай тогда к Ирине Петровне, пригласи к нам?

Таня кивнула и поскакала на второй этаж.

Еще лет пять назад Ирина Петровна была красива. А сейчас...

Горе никого не красит. А вот седых волос, морщин, потухших глаз может отсыпать щедро. Ирина Петровна осунулась, словно бы съежилась, похудела, выглядела ужасно усталой... неудивительно, что Салея ее пожалела. Села рядом, сорвала лист с фикуса, одной рукой растерла его в пыль, а второй погладила Ирину Петровну по руке.

– Все будет хорошо. Не отчаивайтесь.

Ответом ей был тоскливый взгляд карих глаз.

– Ох, детка. Было бы все так просто...

– Ирина, мы тебя по делу пригласили, – не стала разводить церемонии бабушка Мила.

– По какому?

– Твоя девчушка сейчас где?

– На... квартире. Они там все тусуются.

– Скажи, а ты ее вызвать никуда не можешь? Сюда, например?

Ирина Петровна вздохнула так, что кит бы позавидовал.

– Могу. А зачем?

– Знакомься. Салея Сантос, моя племянница. Она занимается нетрадиционной медициной. В том числе лечит от наркозависимости.

Блеска в глазах Ирины Петровны не прибавилось.

– Милочка, я уж столько этих целителей обошла...

– У себя на родине Лея практиковала вполне успешно. Здесь ей интересно попробовать с иностранцами. Поэтому я и предлагаю тебе вызвать дочку сюда. Конечно, все будет бесплатно. Получится – порадуетесь. Нет? Ты ничего не потеряешь...

– Так-то да...

– Вот и решайся. Лея, тебе сколько времени понадобится?

– Один сеанс. Минут двадцать.

– Так мало? – удивилась соседка.

– Можем еще полчаса хороводы поводить. Вокруг фикуса. Иришка, ты рискнешь или будешь через пару лет дочь хоронить?

– Мила!

– Уж сколько лет – Мила. Ты меня сама видишь, я лучше выгляжу?

– Да.

– И тебе сейчас тоже лучше стало. Лея умничка и талант.

Сомнений меньше не стало, но и спорить Ирина Петровна бросила. Действительно, что она теряет? Да ничего! Достала сотовый, быстро набрала номер.

Долго ждала ответа, набрала еще раз, потом еще... ответили далеко не сразу.

– Ладочка, как ты, детка?

Голос из трубки был не особенно счастливым.

– Ладочка, приезжай.

– Зачем? – Теперь уже телефон был поставлен на громкую связь.

– Скажи – денег дашь, – одними губами просуфлировала Людмила Владимировна.

– Мне подработать удалось. А тебе плохо, я же слышу. Приезжай, денег дам.

– Мам...

– Это не ты клянчишь, это я предложила. Так что не страшно. Бери такси и приезжай, я оплачу.

– Ладно, – донеслось из трубки.

Оставалось только ждать.

Лада Новицкая заявила в гости через полчаса. Приводить себя в порядок она и не собиралась, а слово «деньги» – отличный ускоритель. На кого угодно подействует.

Выглядела она ужасно. Какие двадцать пять?

Все сорок дашь – и еще пять добавишь. Так, навскидку.

Тощая, сутулая, страшная, вся какая-то дерганая... это первое время наркоманы могут выглядеть как обычные люди. Но Лада уже переходила на ту стадию, после которой наступает потеря человеческого облика и смерть.

– Мам, привет! А че ты тут?

– Лада, это я попросила тебя позвать, – бабушку Милу Лада знала и не спорила.

– Че случилось? Танька, привет. Надеюсь, ты – не?!

– Я – не. Я вообще с другой стороны, я медик, – спокойно сообщила Таня. – Ладка, ты, если денег хочешь, сейчас ложишься на диван и надеваешь вот это. Двадцать минут лежишь, получаешь деньги – и топаешь колотья.

Лада легла, даже не споря. Видимо, наркотик отшиб последнее, что в ней было. Любопытство.

– Ну, лежу. И че?

– И ниче, – в том же тоне ответила Таня, лично надевая на нее маску. – Лежи, больно не будет.

– Хорошо.

Салея сосредоточилась, положила руку на лоб Ладе, некоторое время вглядывалась в нее, потом поманила Таню поближе.

– Тань, смотри.

– Куда?

– Руку дай.

Таня послушно взяла Салею за руку. Пальцы у дриады оказались горячими-горячими, температура явно была выше сорока градусов. Но кто знает, как они устроены, с пластичным ДНК?

– Вот так... смотри на нее... там ты работала, а здесь просто смотри. Два раза за день я тебя нагружать не буду, опасно.

В следующий миг Таня увидела.

Это было как проекция. Разрез человека в учебнике. Только не всего, а одного мозга.

Ну... и не страшно вовсе. Мозг и мозг. А то она их в анатомичке не видела!

– Вот, смотри. Наркотики бьют сюда, – участок мозга окрасился красным. – Здесь – алкоголь, – и снова почти тот же участок мозга. – А мы его сейчас... вот так!

И алое свечение начало отступать под натиском зеленого. Таня и так могла предположить, что делает Салея. И как бегут, бегут зеленые искры по Дубовой короне, как отражаются в ее глазах...

Хорошо, бабушка Ирину Петровну сразу же на кухню вытащила, как Ладку уложили. Не стоит до конца откровенничать ни с кем.

– Вот так. Принимать наркотики она сможет, а удовольствия от них не будет. Но и ломки тоже не будет, этот центр и за нее отвечал... поняла?

– Да.

– А вот тут у нее повреждения, – под пальцами Салеи бегали зеленые искорки, вытесняя красные. – Наркотики... кажется, я поняла, что это такое, они и структуру мозга разрушают; если ее так оставить, все равно погибнет. Поэтому подлечим здесь и здесь. А остальное восстановится.

– Потрясающе.

– Скоро ты и сама так сможешь. Очень скоро.

От шока Таня даже из транса выпала.

– Лей, ты что?! Я?!

– А что такого? Ты моя кровная сестра, считай. Почти.

– Но это же...

– Ритуал даст тебе такие же способности. А моя кровь – силы. Так что тренируйся. Кто знает, может, во главе нашей лечебницы будешь стоять именно ты?

– А... – Таня взглянула на Ладу.

– Она пока в обмороке. Это не болезненная процедура, но это... резко. Как с горки съехать на всей скорости.

Таня кивнула.

– Пойду за нашатырем схожу.

Дамы ждали на кухне. Ирина Петровна вцепилась в чашку, наполненную чаем по узбекскому обычаю – на доньшке. Руки у нее так тряслись, что больше и не нальешь.

– Вы... вы?..

– Вроде все получилось. Лада просто сознание потеряла от неожиданности. Сейчас приведем в себя и расспросим.

Ирина Петровна кивнула. И выпила горячий чай одним глотком.

– Да. Идем...

Нашатырный спирт – это посильнее, чем «Фауст» Гёте. Тот в чувство так хорошо не приводит. А этот – мгновенно.

Лада расчихалась, подскочила на диване и тут же шлепнулась обратно.

– Ой, ...ля!

– В моем доме не выражаться, – одернула ее бабушка Мила. – Ты себя как чувствуешь?

– Эээээ... – зависла Лада.

Последнее время она не среди джентльменов вращалась, и выражения там были соответствующие. Отвыкла, бедняга, говорить без мата.

– Хочешь таблеточку?

Лада прислушалась к себе.

Нет, руку можно было протянуть. И взять.

А можно было... и не протягивать?

Боль?

Боли не было. И тошноты, и ужасного ощущения, что все тело рвут на части невидимые когти, и в жар-холод ее не бросало, и...

– Не поняла? Что случилось?!

– Тебя вылечили, – просто объяснила бабушка Мила. – Ты можешь теперь не колоться. Вообще.

– Че... Правда?!

– Правда.

– Но это же... так не бывает!

– Как видишь – на свете все бывает. Таблеточку ты не взяла. А при прошлой встрече – помнишь? – сама просила, чуть не в ногах валялась...

– Так вам же колеса на халяву дают...

– А тебе сейчас-то они нужны?

Лада еще раз призадумалась.

Получалось, что нет. Не нужны. Вообще. Самочувствие пока еще было так себе, но...

– А почему я себя паршиво чувствую?

– Потому что долгое время ты о себе не думала. Ела что попало, жила где придется... половых инфекций хоть нет?

– Я не красотка, на меня не западали, – отмахнулась Лада.

Она действительно не была и раньше красавицей. Этакая серость. Средний рост, среднее телосложение, откровенно невзрачная внешность... но мозги – золотые. Так что повезло...

Совсем уж в кисель она их превратить не успела. Да и Салея помогла.

Ирина Петровна хлюпнула носом.

– Ладочка, детка. Ты... здорова?

– Мам, кажется, да...

И тут начался обильный соплезалив и слезопад. Так что понадобилась еще и настойка пустырника. Нет-нет, дело не в том, что она помогает. Не в такой дозировке. Просто у нее настолько гадкий вкус, что плакать некогда. Отплевываться надо.

И все равно – даже с настойкой выпихнуть семейство Новицких удалось только через полчаса. Все норовили то в ноги поклониться, то руки поцеловать, то какой-то гонорар предложить...

Ничего, кое-как разобрались. И Таня помчалась работать.

Глава 8

Когда в поселении даэрте открылся портал...

Да, это стало событием. Потому что через портал шагнула сама королева.

Ее величество! Увенчанная Дубовой короной.

Старейшину и ждать не пришлось: минута – и он примчался к королеве.

– Ваше величество!

Салея кивнула.

Старейшину Мирила она знала с детства. И относилась к нему неплохо.

– Старейшина, это действительно я. Вот этот предмет передайте Командору, он разберется. Наверняка он скоро пожалует в гости. Уже засекли с орбиты...

– Да, ваше величество.

– Всем даэрте сообщите. Я воззвала к Силе Леса и пробудила Дубовую корону кровью врага. Взамен она дала нам возможность найти новый мир для жизни. В котором нет ша-эмо. Там есть местные обитатели, но с ними можно договориться. Мне это уже удалось. Есть место для нашей жизни, есть Лес. Первая группа добровольцев должна быть готова для переселения через четыре дня. Я приду через пять или шесть дней, точно не знаю. Не в это поселение. На север материка. Так будет удобнее. Группа – тысяча даэрте, с собой все необходимое для жизни хотя бы дней на пять. Вот письмо, прочитайте, сообщите другим старейшинам и сожгите его. Сможете?

– Конечно. Ваше величество, вы...

– Все верно. Прячьте письмо, старейшина. И берегите себя. Вы будете очень нужны на новой земле даэрте. Смотрите, какие там леса!

Снимки тайги и сельвы из космоса старейшине весьма и весьма понравились.

– Это...

– Это – из космоса. С орбиты, как у ша-эмо. Но народ, который там живет... они хорошие. Просто еще в начале пути. Читайте письмо, я там все рассказала.

Портал полыхнул зеленой вспышкой – и закрылся.

Показалось старейшине – или с той стороны действительно кто-то стоял?

Какая разница!

Ее величество точно знает, что делает. Таково уж свойство Дубовой короны.

А теперь надо ждать гостей. Только письмо королевы спрятать получше... вот это дерево подойдет. И кора послушно разошлась под пальцами даэрте, приняла бумагу на хранение и сомкнулась вновь.

Не выдаст.

Хоть ты его пили на части – не выдаст.

Ша-эмо действительно прилетели практически мгновенно. Минут пять после ухода Салеи прошло – и вот они, во всей красе!

Командор Дарс Кет, в черных доспехах, мощный и внушающий ужас. На голову выше любого из ша-эмо. Даже больше, наверное, на две головы. Вымахал...

– Командор, – приветствовал его старейшина Мирил.

– Старейшина. Я смотрю, ваша королева проявила инициативу?

Оборудовать все поселение жучками было нереально. Сколько таких поселений, сколько мест? Да и гибнет техника в считанные часы. Поэтому ша-эмо просто настроили спутники на орбите, справедливо полагая, что при появлении королевы будет большой выплеск энергии. Так и получилось. Минус два спутника, кстати говоря.

И теперь Командор ждал ответа.

– Королева просила передать вам вот это.

– Это? – Командор повертел в пальцах самый обычный планшет. Ладно-ладно, хороший планшет, хоть и китайский. Но зато камера у него отличная. А вот операционная система замудренная, только на китайском, что очень одобрила бабушка Мила. Мол, ролик все равно запишем так, что будет понятно.

А с иероглифами пусть враги помучаются. Чего их жалеть-то, врагов? Изолировать планшет от излучений было сложнее, но Салея и с этим справилась. И изолирующим материалом послужила, как ни странно, обычная резина. Не полиэтилен, не пластик, а резина, натуральный каучук. Завернуть в него планшет – и тащи куда угодно.

Где достали?

Да помилуйте!

В интернете сейчас слона заказать можно! И на дом приволокут, только оплати! А деньги были.

Командор принял планшет из рук старейшины, внимательно оглядел.

– Больше она ничего не велела передать?

– Ничего. Но обещала вернуться.

– Допустим.

Старейшина развел руками.

Еще он врагам не выдавал секреты своего народа.

Командор поморщился, покрутил планшет в пальцах, потом разобрался и кивнул.

Активировать ролик было несложно. Девушки специально оставили его значок в центре рабочего стола, удалив все остальные ярлычки на другие странички. Не промахнешься!

Командор и не промахнулся. Ткнул пальцем, благо, у них было нечто подобное.

И на экране появилась Салея.

В Дубовой короне, в зеленом длинном платье, на фоне леса... шесть раз переснимали. Одно утешение: хоть комары и гнус к Тане теперь не лезли. Раньше случалось, а сейчас – как отшептало.

Красота!

И кто бы сказал, что зеленое платье приобретено в секунд-хенде (туда как раз кучу старых бальных платьев завезли), что посох лично Салеей выращен, что на шее у нее бижутерия из того же секунда, – кто там на съемке поймет?

Зато вон какие каменюки! Хоть ты слона глуши! Но сделано неплохо, под изумруды в бриллиантах. А там... пусть гадают, что такое на себя королева нацепила. Ша-эмо эти побрякушки ценят, вот пусть и видят!

Салея стояла посреди поляны и выглядела безмятежной.

– Здравствуйте, Командор. Не могу сказать, что испытываю к вам симпатию, равно как и к остальным ша-эмо. Но договариваться нам придется. Вы уже поняли, что Дубовая корона открыла мне дорогу в новый мир. И здесь весьма заинтересованы в даэрте. Более того, они имеют достаточно сил, чтобы отстоять свои позиции.

Вставка.

Звезда Смерти заходит на позиции. Взрыв...

Палпatina вырезали. Прикладными программами Таня владела неплохо. Да и чего там владеть?

Ролик обрезать, ролик стыковать... понятно, не слишком высокий уровень, но ей и не кино снимать! Так, чтобы сошло на первое время. Недельку бы продержаться, дальше им и не понадобится.

Салея улыбалась, продолжая свою речь:

– Я могу открыть портал и провести их через проход. Но не хочу битвы в небе над моей планетой, хотя эти люди и умеют драться.

Спасибо, «Звездные войны»! Воздушных боев там – ложкой черпай! Спасибо, Джордж Лукас!

Люк летит на своем истребителе от Дарта Вейдера.

– Предлагаю вам договориться с их представителем. Прибытие я обеспечу. Прошу вас оставить корабль и надежных людей рядом с Белой скалой, место вам укажет старейшина, который передаст мое послание. Я не хочу уничтожения даэрте, но и вашим бессильным и безвольным придатком мы не станем. Сырьевым ресурсом, как выражался ваш предшественник. Лучше я уничтожу всю планету Дараэ!

Удар посоха о поляну выглядит не слишком эффектно. А вот ядерный взрыв – очень даже! Компьютерная графика, однако! Не кот начхал!

– Через шесть дней, начиная с сегодняшнего, ждите меня и представителей планеты Россия!

И снова – картинка.

Правда, не о России. Все из тех же «Звездных войн» – там все это круче снято. А почему планета – Россия? И Тане так будет проще не запутаться, и убирается нестыковка.

Земля – и название планеты, и почва под ногами... когда планета одна, это понятно и правильно. А когда их много, каждая должна иметь свое название.

Вставочка опять заканчивается, Салея улыбается.

– До встречи, Командор. И не давите на старейшину, он просто передал вам мое послание.

Ролик был закончен.

Командор заскрипел зубами.

Ах ты ж... зараза! Ну как, как она умудрилась?! И он хорош, упустил... теперь действительно придется договариваться.

Ладно.

Справится, никуда не денется. Договорятся. Послушаем, что эта стерва скажет через шесть дней.

Планшет Командор отдал ученым для исследования. И знать не знал, что поступил так же, как старейшина Мирил.

Тот прочитал письмо, уничтожил его, а фотографии показал другим старейшинам.

И все вместе принялись собирать даэрте. Если королева сказала – другой мир, значит, другой мир и будет! И пусть ша-эмо себя за локти укусят. Приятного аппетита!

Салея свалилась Тане на руки и выглядела при этом так, что девушка всерьез испугалась за подругу.

Вся белая, зрачки расширены, ее трясет...

– Лея! Леечка!

Только вот что тут можно сделать? Что-то подсказывало Тане, что медикаменты не помогут. Оставалось только сидеть рядом с подругой, прямо на земле, гладить по волосам, прислушиваться к дыханию.

Постепенно Салея приходила в себя.

Вдохнула, выдохнула...

– Спасибо...

– Как все прошло? Что с тобой такое случилось?

– Прошло неплохо. А что случилось... разность потенциалов.

– Че-го?

– Ты знаешь, что это такое?

К Таниному стыду – она не знала. Физику она сдала на пятерку, но было это не за понимание, а за старательность. Не хотелось аттестат портить, вот и бегала на дополнительные, и пересдавала по шесть

раз... преподаватель решил, что проще поставить пятерку, чем выматывать и себе, и девчонке нервы.

– Нет.

– Она равна работе по перемещению единичного положительного заряда из точки А в точку Б.

– И что? Или.... Ты о своем перемещении?

– Ага. Все же это два разных мира, две разных силы...

– Поэтому тебя и тряхнуло так?

– Да. Твоя бабушка – молодец. Если бы не ее идея... – договаривать Салея не стала, но все было понятно и так. Накрыло бы ее в сложный момент, и песец переходу. Чем бы это обернулось для даэрте? Смертью и тех, кто был бы в переходе, и тех, кто остался бы на Дараэ.

– А ты первую-то партию переселенцев выдержишь? Сможешь?

– Теперь уже смогу. Знаю, чего ожидать.

– А при длительном воздействии эффект будет больше?

– Определенно. Но и у меня будут плюсы. Наше посестринство.

– Тебе это так поможет?

– Да. Ты плоть от плоти своей земли, и меня она тоже примет. Я знаю. А ты станешь своей для даэрте.

– Я буду рада, – искренне сказала Таня. Салея ей нравилась, да и даэрте, которых она увидела через портал, тоже были симпатичными. Зеленоватый отлив волос их ничуть не портил, хотя такого цвета, как у Салеи, не было ни у кого.

– Я – королева, – напомнила подруга.

– Да-да. Знаю. Встать сама сможешь? Или еще поваляешься?

– Поваляюсь. Особенно если орешков дашь и время есть, – решила Салея.

– Есть. Успеем.

– А орешки?

Таня рассмеялась и протянула Салею кедровые орехи в пакете.

– Приятного аппетита, сестренка. Кстати, а кто из нас будет старшей?

– Планета – твоя.

– Увиливаешь?

– Ну... в силу опыта я буду считаться старшей. Но поменяться местами у нас времени, боюсь, не будет.

– Прости, пожалуйста...

Теперь настала очередь Салеи утешать подругу. Здесь, в Лесу, она прекрасно слышала все ее эмоции, чувствовала, как свои.

Любовь, раскаяние, душевное тепло... пока на Земле есть такие люди – этот мир будет жить.

А скоро уже пора бежать обратно. Тане еще уколы людям делать...

Тоже ответственность. Могла бы отказаться, но сказала, что со всеми закончит курс. И впредь отказываться от подработки не будет, просто распределит, как ей удобнее. И не станет так надрываться. Однако работу не бросит. Это ведь и практика, в том числе.

А еще ответственность перед людьми, которые вверили твоим рукам жизнь и здоровье.

Из Тани получится хороший лекарь. И Салея сунула в рот еще горсть кедровых орехов. Красотищщца!

– Здравствуйте, Людмила Владимировна.

– Даниил Русланович? Здравствуйте.

– Вы меня знаете? – чуточку удивился мужчина.

– Таня показала страничку Руслана в соцсетях. Вы там есть. Еще до болезни супруги.

– Поросенок, – махнул рукой мужчина, впрочем, достаточно беззлобно. – Разрешите мне войти?

– Да, конечно. Проходите. Чай, кофе? Люська, брысь, паршивка! Муська!

Мужчина, на которого с вешалки прилетели в совокупности килограмм пятнадцать кошачьего нахальства, едва не присел.

– Простите, пожалуйста. Обычно они у нас более воспитанные.

– Ничего страшного. Какие красавицы... особенно вот эта! Трехцветная. Кстати – она к деньгам, нет?

– Вот уж не знаю. Лопает она столько, что и миллионера разорит.

– Теперь у вас есть шанс проверить это на своем опыте, – подмигнул мужчина, выкладывая на стол карточку в конверте. – Здесь и пин-код, и прочее...

Людмила Владимировна отлично знала, что такое «Сбербанк Онлайн». И счет проверила быстро.

– Охххх...

– Я продал корень своему партнеру в Китае. Сегодня с утра он звонил, благодарил и умолял, если есть еще...

– Я поговорю с девочками, – пообещала Людмила Владимировна. Взгляд мужчины стал острым и серьезным.

– Людмила Владимировна, вы уж простите, но я навел справки. Кто такая Салея Сантос?

– Справки?

– Поймите правильно, я вообще дал задание своей СБ собрать о вас информацию. Вдруг что... не в плохом смысле. Я считаю вас своими родственниками, а о родных принято заботиться.

– С ними еще и знакомиться принято. До такой заботы.

– Вот я и пришел. С девочками я знаком... так кто такая Салея? Границу она не пересекала, документов у нее нет, в Танину историю о кухне мог поверить только такой напыщенный болван, как директор медколлежа Тапочкин, для него иностранцы приравниваются к небожителям. А все же?

Ответ у Людмилы Владимировны уже был. Геолог-тугодум? Это из разряда баек, так-то тугодумы в этой профессии не выживают. Особенно в поле.

– Конечно, она не Салея. Это условный перевод имени... она из одного племени, с которым я познакомилась достаточно давно. Даэрте, не слышали?

– Нет.

Впрочем, это удивления не вызвало. Это – ТАЙГА! Миллионы квадратных километров, по которым и нога-то человеческая не хаживала. Говорите, неосвоенная и неизведанная лунная поверхность?

Вы с земной сначала разберитесь!

Там не то что неизвестное племя может затеряться, там целая страна запропасть может. Какой-нибудь Люксембург или Монако, к примеру. И концов не найдут.

– Я с ними познакомилась достаточно давно, во времена путешествий по тайге. И сохранила дружеские отношения.

– И поэтому...

– Нет, не только. Меня найти несложно, а им надо было осмотреться. Даэрте хотят в большой мир. Салея, конечно, уникам по их меркам, она многое знает и умеет, но и другие специалисты такого плана у них есть.

Даниил Русланович аж замер в шоке.

Услышанное не просто меняло дело, оно было...

Выгода? Миллионы?

Да тут миллиардами пахнет! Это жизнь, здоровье... есть ли в мире что-то ценнее?

Вряд ли. И сколько будут готовы за это заплатить...

– Даэрте могли бы сотрудничать. В разумных пределах.

Другого намека и не потребовалось. Даниил Русланович почесал за ухом зевнувшего Гнома, в задумчивости даже и не заметив клыков, и решил во что бы то ни стало дожидаться девочек.

ЭТО он не упустит!

Лучше сразу убейте!

Для девочек появление Даниила Руслановича оказалось неожиданностью. Не то что неприятной, но все же. Вот что людям нужно, а? Жену ему уже спасли, корень женьшеня уже продали, чего еще-то? Чего тебе надобно, друже?

Как оказалось – всего остального.

Даниил Русланович улыбался милейшим образом, да так, что Таня махнула рукой и удрала на работу. Заметим, даже отказавшись от предложения повозить ее по адресам. Вот еще не хватало!

Приезжает вам делать уколы медсестра на черном «мерседесе»?

Нет?

А почему, это же так интригует? Все бабушки у подъезда были бы в шоке. Хотя нет, в этот раз они бы разобрали по винтикам «мерседес», а в следующий раз – Таню.

Салея осталась в компании бабушки Милы и Даниила Руслановича. И тот атаковал девушку.

– Салея, Людмила Владимировна мне все рассказала. Скажите, действительно у вас есть такие же уникальные специалисты, как вы?

– Не буду врать, мой случай действительно уникален, – вздохнула Салея. Она все же единственный носитель королевской крови и Дубовой короны. – Но среди даэрте и правда есть специалисты.

– Салея, а что могут вылечить ваши специалисты?

– Алкоголизм, наркоманию... любые вредные привычки. Человек откажется от них навсегда.

– С ума сойти!

– Он просто не будет получать от них никакого удовольствия. А если нет счастья, зачем принимать наркотики?

– Логично. А еще что?

– Такой случай, как у вашей супруги, – вряд ли. Что-то несложное, я думаю, без особого труда и последствий.

Даниил Русланович задумался.

Так-то он понахватался в медицине за последние несколько лет. И идея пришла быстро.

– Хронические болезни?

– Возможно. Надо пробовать.

– Я могу вам организовать... пробы. И еще, мой друг просил о встрече. Он лечащий врач Алеси и до сих пор не может поверить в результаты....

– А что он хочет от меня?

– Чтобы вы его научили.

Салея покачала головой:

– Он не сможет.

– Вы уверены? Владька упорный и целеустремленный, он справится с любыми заданиями.

– Тут дар нужен. Кто-то петь умеет, кто-то нет...

– Хм. Тоже верно. Но посмотреть вы на него можете?

– Вполне. И посмотреть, и поговорить, и на его пациентов – тоже.

Я правильно понимаю, в этом все дело?

– Да, и в этом. Деньги за корень я принес, кстати. И мой друг умолял, если будут еще корни...

Салея пожала плечами и вытряхнула из сумки еще три корня. Правда, среди них не было ни одного старше двухсот лет, но все равно – редкость.

– Продавайте. Деньги на тот же счет.

– С ума сойти...

– Не надо. Что именно вы мне хотели предложить, и как это будет выглядеть?

Даниил Русланович уже успел это обдумать, пока ждал девушек.

– Клинику нетрадиционной медицины. Кому надо – будут знать. А кому не надо, тем и не надо. Небольшую, элитную...

Салея задумалась.

– Можно попробовать. Даэрте умеют лечить, неплохо знают лес, повадки животных, растения... мы прирожденные травники, лесовики, агрономы...

– Этому можно найти применение.

– С нашего разрешения и за соответствующую оплату.

– Безусловно.

Салея кивнула:

– Мы договоримся. А встречу с вашим другом можете назначить на завтра. Мы с Таней придем после занятий.

Даниил Русланович лишний раз доказал, что умен. Он не стал торопить, спорить...

– Хорошо. Завтра я пришлю машину к медколледжу.

И откланялся.

Салея посмотрела на бабушку Милу. Та – на нее.

– Вы думаете, все правильно?

– Не знаю, детка. Вы можете и раствориться в людях, как кусок сахара в чае, но равно можете и вымереть. Миллион... вроде бы так много, но это ведь и мужчины, и женщины, и старики, и дети... а популяция должна расти... я плохо знаю биологию, но мне кажется, что вам будет сложно.

– Будет, – вздохнула Салея. – Мы бы справились, но вы правы в другом. Мы поплатились за свою замкнутость. Может, сейчас настала пора идти к людям? И попробовать влиться в общий поток?

– С другой стороны, вы уникальны.

– Каждый человек уникален. И не стоит бояться, что даэрте растворятся в людях. Носитель Дубовой короны всегда может призвать рассеянную кровь.

– Лея... ты ведь...

– Умру. Безусловно. Но родится новый носитель, новый потомок, которого примет Дубовая корона.

– Но не твой родной ребенок.

– Нет. А зачем? Это должен быть даэрте, остальное не так важно.

Людмила Владимировна только вздохнула. Иногда принципы даэрте сильно напоминали ей дзен-буддизм. Но это можно пережить. Это бывает.

– Что вы можете сказать по поводу этой вещи?

– Это не наши принципы. Похоже, но мы такое давно уже не делаем. С тех пор как открыт бельюор, мы перешли на изготовление полупроводников из него...

– Короче!

– Если своими словами, это достаточно примитивный уровень развития техники.

– Ну, было бы глупо сразу нам показывать все, на что они способны. И рядом с этими даэрте ломается вся сложная техника. Эта, может, и держится за счет своей простоты. А видео?

– Оно смонтировано из нескольких разных отрезков....

– Это тоже понятно.

– Тогда что вы хотите услышать, Командор?

Что-что... да хоть что-то! Но ученые отказывались радовать Дарса Кета какой-то конкретикой. Может ли существовать нечто похожее на ту боевую машину?

Может.

Работать на тех же принципах, что и эта аппаратура? Вряд ли. Или нет?

Вселенная велика, стоит только вспомнить лараджей и их «живые компьютеры». Ведь похоже на биологическую лабораторию – просто мозги в банках, но кто мог подумать, что это процессоры! Так что существовать может все. И открывать свои секреты врагу тоже глупо.

Пожалуй, стоит сходить на переговоры.

И – не одному?

Взять с собой Лакса?

Ну уж нет! Все в Командоре противилось этой идее. Никаких Лаксов! Ощущение рядом с ним такое, словно он наступил ногой в навоз. Перебьются! Но как же неудачно.

Космос, как же все неудачно на этой планете!

Ничего. Разберется...
И Командор плеснул себе вина на дно бокала.

В медколледже ничего не изменилось.
Зверем смотрел Попов, шипела Извольская.

Руслан уверенно держался рядом, не собираясь никому позволять обтачивать когти о девочек. Впрочем, на Машку это не подействовало. Она всегда была бесцеремонной. Просто в молодости это выглядит как обаятельное нахальство и самоуверенность, а не как наглость хабалки.

– Русик, а тебе кто из девочек нравится? Таня или Салея?

Руслан даже брови поднял от удивления.

– Нравится? Ты о чем?

– Ты от них не отходишь...

– И не отойду.

– А почему?

– А по кочану.

– Грубишь?

– Машка, тебе заняться нечем? Иди поучи фарму, опять ведь зачет завалишь.

– Без твоих советов обойдусь. – Ее толстощековое личико скривилось. – Ты скажи прямо, если что, мы тут все свои, мы пойдем.

– Маша, я не могу сказать прямо, куда тебе идти. Хотя не сомневаюсь, что с означенным предметом ты отлично знакома.

Руслан развел руками. Маша, которая сообразила, куда и на какой предмет ее посылают (нет, это не фармакология), тут же разъярилась, но куда там! Преподавательница по фармакологии, одним взглядом оценив картину, сразу принялась распорядиться:

– Маша, к доске. Хочешь поговорить – поговорим. Все по местам, сейчас еще карточки раздам.

Маша засопела, но возражения не принимались.

Галина Борисовна улыбалась милейшим образом. И голова у нее совершенно не болела.

После занятий машина уже ждала рядом с колледжем. Однокурсники проводили устраивающихся в ней Руслана, Салею и Таню самыми разноплановыми взглядами – от равнодушных до злобно-завистливых. Впрочем, и те и другие пропали втуне. Ребятам было совершенно не до любопытствующих.

Дела есть.

И важные.

Онкологический диспансер встретил Салею совершенно особым запахом. Тоски, смерти, безнадежности... и болезнь страшна, и отношение к ней – тоже. Приговор. Так это и звучит.

Так и выглядит, так и пахнет...

Дриада поморщилась.

– Хоть бы что-то такое развели... кусты какие или цветы.

– Дезинфекция все забьет, – поморщилась Таня, научившаяся выделять хлорку, спирт и нечистоты из общей массы запахов. И вот не надо про новомодные средства. Они есть, кто бы спорил. Только вот стоят не в пример дороже, а завхоз на то и завхоз, чтобы слегка... вести переучет в свою пользу. И покупать вместо дорогих импортных дезинфектантов родную дешевую хлорочку. От которой равнодохнут микробы, пациенты и посетители.

Салея промолчала.

Владислав встречал их на пороге, как дорогих гостей.

– Здравствуйте. Проходите. А Салея Сантос... вы, конечно, – его взгляд уперся точно в Салею, которая в своем платье из цветастого хлопка все равно казалась неземной и потусторонней гостьей.

– Я, – согласилась Салея. – Здравствуйте.

Взгляд ее расфокусировался, уперся в мужчину. Потом она подтолкнула под локоть Таню.

– Смотри на него. Что ты видишь?

Таня тоже сощурилась. Так ей пока было удобнее.

– Зеленоватые тона, голубоватые... есть черные. Здесь и здесь, – палец указал на два места. Оба в районе головы, ближе к левому виску.

– Правильно. У вас часто болит голова.

– Да...

– Это потому, что у вас тут сосуды... если не принять меры, получите инсульт, – «порадовала» его Салея, которая уже более-менее

разбиралась в медицинской терминологии. Не просто же так она и с Таней общалась, и в колледж ходила.

Владислав только глазами захлопал.

– Я думал – переутомление.

– Понимаю. Идите сюда.

Плющ – одно из немногих растений, которому было плевать на онкологию. Он вился по стене диспансера, оплетал ее своими упругими ветвями, шелестел зеленой листвой – и казался весьма оптимистичным.

Салея протянула к нему руку, погладила, спрашивая разрешения...

Плющ был не против. Он знал этого человека и хорошо к нему относился, да и человек, случалось, курил, прислонившись к перилам крыльца, перебирал листья плюща, но не рвал. Никогда не обрывал ради забавы.

И плющ это ценил.

Поделиться толикой жизненных сил? Для хорошего человека – не жаль. Таня посмотрела на зеленые искорки, которые снова побежали по Дубовой короне, и только вздохнула.

Ох, Лея-Лея...

Владислав побледнел, пошатнулся, потом выдохнул.

– Голова – не болит. Вообще...

И никто не обратил внимания, что несколько листьев плюща тихо отвалились, рассыпаясь черным прахом. Они отдали свою жизнь ради человеческого здоровья.

Но на следующий год вырастут новые. Живые и сильные.

Салея кивнула.

– А вот с сигаретами заканчивайте. Хватит...

– Не могу, – Владислав развел руками. – Знаете, пробовал бросать, не раз пробовал, не могу. Просто – не получается.

Салея пожала плечами. Для таких мелочей ей даже плющ не требовался. Еще пара искорок сбежала с тонких пальцев.

– Все. Хотите – можете курить, но удовольствия вы от этого не получите.

– Правда?

– Да.

Мужчина пожал плечами.

– Ладно. Как будет, так и будет. Салея, скажите, вы... вы можете меня научить так же, как с Алесей? Чтобы я хоть что-то мог сделать?

Салея снова пригляделась к ауре. Покачала головой:

– Нет, не получится.

– Почему?

– Потому что я черпаю силы из природы. Вы так не сможете. Только свои, в крайнем случае – чужие.

– Я согласен на свои.

– Тогда вам удастся вылечить примерно трех или четырех таких, как Алеся.

– А потом?

– Умрете, – спокойно ответила Салея, которая не видела в этом ничего ужасного. – Лечить больного можно тремя способами. Отдать свои силы, перелить чужие или взять заемные у природы. Первый способ доступен всем, но надолго вас не хватит. Как я сказала, три-четыре человека. Второй надо изучать долго и упорно, или одного вы излечите, а другого убьете. Это как перекачка сил напрямую, но тут нужен строгий контроль. Или ваш больной выздоровеет, а донор отдаст ему лет тридцать жизни и умрет через год.

– Даже на это многие согласились бы.

– Понимаю. Но обучать такому не буду. Не считаю себя вправе решать, кто будет жить, а кто нет.

– Но Алесе вы помогли?

– Мне стало жаль ее сына. Все.

Руслан скромно промолчал. Обижаться? На то, что его пожалели? Да вот еще! А если бы не пожалели и мать умерла?! Пусть ему хоть милостыню подадут, но пусть с мамой все будет хорошо!

– А если бы Руслан предложил отдать тридцать лет, чтобы жила мать?

– Он совершеннолетний, он имеет право на выбор. Но этого не понадобилось. Я нашла, откуда взять силы.

– Вот! Научите меня третьему способу! Черпать силу из природы! Пожалуйста!

Салея впервые разгневалась.

Сверкнули зеленью глаза, топнула изящная ножка.

– Как вы себе это представляете, Владислав?! Природа не бесконечна, ей надо восстанавливаться. А человек, оторвавшись от

нее, будет болеть. В любом случае. Что вы мне предлагаете? Иссушить леса? Загубить поля? Ради людей?

Владислав замолчал.

Кажется, он понял, что перегнул палку. Действительно, людей много, и с такой точки зрения все выглядело убедительно. Болезни не кончатся никогда. А вот природа... тот же плющ отдал несколько листочков и восстановится по весне, но это ради одного человека и незначительной проблемы. А если лечить всех, кто сейчас находится в онкологии? Тут не то что плющ погибнет, тут еще и все клумбы пожухнут.

– Я не подумал. Простите...

Салея безразлично пожала плечами. Осознал – и ладно, за что тут прощать?

– Скажите, а чему меня можно научить?

Девушка задумалась.

– Я не знаю, чему именно вас можно научить. Хотите – покажу упражнения на концентрацию и равновесие. Начинать всегда надо с них. Если будете делать упорно и серьезно, сможете видеть вот так же, как я.

– Диагностика?

– Да, наверное. Сможете видеть, где в организме человека есть повреждения и какие. Исправлять уже придется вашими методами или обращаться к даэрте, но...

– Никаких «но»! Учите!

Даже диагностика! Это не просто подспорье, это – ПОДСПОРЬЕ! Правильно и вовремя определенная болезнь – считай, уже половина лечения.

Салея пожала плечами.

– Запомните или запишете?

Естественно, на память Владислав полагаться не стал. И следующие полчаса тщательно конспектировал упражнения, которые должен будет выполнять каждый день. Желательно не меньше часа в день, тогда через шесть-восемь месяцев выйдет толк.

Затем выполнял в первый раз эти упражнения, под присмотром Салеи, которая тщательно поправляла стойки и посадку. Потом ее рядом не будет, но мышечная память сохранится, за этим она

проследит. Не так много и надо – пару импульсов, после мышцы запомнят.

Затем не удержался и уговорил Салею пройтись по палатам. Сам лично «упаковал» ее в халат и шапочку, чтобы зеленые волосы никого не смущали, сам нашел и даже помог надеть бахилы.

Тане и Руслану такой радости не выпало. Но ребята переглянулись и сами «упаковались». Благо и халаты, и все остальное у них было. В медколледже требуют на занятия ходить именно в халатах. И в сменной обуви.

– Идем?

– Конечно, идем...

Посещение палат оставило у Салеи достаточно тягостные впечатления. Пару раз она не выдержала и помогла. Когда речь шла о многолетней матери и когда увидела больного подростка с неоперабельной опухолью мозга... чуточку бы поменьше, но – упустили момент. Теперь эту заразу не вырежешь.

Салея честно называла места локализации болезни, показывала пальцем, Владислав тщательно отмечал на схемах. Рядом с подростком Салея вообще присела на кровать.

– За руки меня возьми и не отпускай.

– Запросто. А ты кто?

– Салея Сантос.

– С.С.? [\[25\]](#)

– Можно и так сказать, – Салея об этом аниме и не слышала. И не представляла, кто такая С.С. и почему Салея на нее похожа.

– Офигеть!

– Руки дай...

Большого и не потребовалось. Мальчишка послушно протянул Салее ладони и сидел молча, пока та переливала в него силу из стоящего рядом цветка, воздействуя на опухоль.

– Теперь она локализована вот здесь, – дриада пальцем очертила контуры на голове парня. – Стоит сделать операцию, все должно получиться. Только не медлите, а то опять пойдет в рост.

– Я завтра же выпишу направление.

Салея кивнула, погладила цветок, который потерял половину листьев, и взглянула на парня.

– А тебе – поручение. Заберешь его из палаты к себе домой и будешь заботиться. Понял? Он за тебя пострадал.

– Обещаю, – согласился подросток, который от скуки пересмотрел все аниме планеты и серьезно считал, что к нему пришла одна из героинь.

– Вот и договорились, – подвела итог Салея. И вышла из диспансера на свежий воздух.

Страшно.

И больно. И...

– Владислав?

– Да?

– Пожалуй, я передумала. Я научу вас второму способу переливания силы. От человека к человеку. Если кто-то захочет отдать кусочек жизни и здоровья ради близкого человека – пусть. Это правильно. Да и вы должны справиться.

– Правда?! Научите?!

– Не я, но кто-то научит. Возможно, даже Таня, но только когда вы сможете как следует видеть ауры. Раньше никак.

– Обещаю!

Владислав готов был упражняться и днем, и ночью...

Впрочем, долго преклоняться перед Салеей ему не дали.

– Владька, здорово. Студенты на практике?

– Привет, Ген. Да, студенты.

– Вот ведь... девушка, вы своими волосами еще не все шприцы распугали? – проходящий мимо врач неодобрительно покосился на Салею. Та была невозмутима. А вот Владислав обиделся:

– Гена, полегче! Девочка – диагност от бога!

– Диагност – не дай бог?

– Гена, поссоримся...

Врач пожал плечами, а потом вдруг подмигнул из-под темных очков, сдвинутых на кончик носа.

– Может, тогда твоя девчонка моего больного посмотрит? Поступила... всю ССС*[26] проглядели, хоть бы что и где было не так! Но болячка есть, а причины нет.

– Хм-м... – Владислав был бы не прочь утереть коллеге нос, но это не от него зависело. Так что он посмотрел на Салею: – Скажите, Салея, а вы сможете взглянуть на пациента?

– Лечить не буду, – спокойно предупредила девушка.

– Хорошо. Только посмотреть...

– Что с ним? – уточнил Владислав.

– С ней. Аритмия жуткая, девчонке двадцать лет, а пульс под двести шкалит. Сознание теряет, боли за грудиной, головокружения, при этом само-то давление и не такое высокое, выше ста пятидесяти не поднималось. Но пульс – зверь.

– Хм. И сосуды в норме?

– Вообще. Все.

– Тогда уж и не знаю, в чем дело.

– И я не знаю. Может, твоя барышня поможет?

Салея, не обратив внимания на подколку, молча ждала, пока договорятся медики. А потом так же молча проследовала за Геннадием в небольшую палату, в которой лежала симпатичная, но жутко бледная девушка лет двадцати.

Геннадий присел рядом с ней на кровать, взял запястье, посчитал пульс.

– Как самочувствие, Катюша?

– Спасибо, Геннадий Викторович. Хорошо.

– А если не врать?

– Тогда голова кружится и вставать тяжело.

Салея кивнула. Потом посмотрела на девушку. Вслед за ней поглядела и Таня. Аура вроде как здоровая, черных пятен нет и ничего болезненного тоже нет, но словно серые кровеносные сосуды идут по всей ауре. Пронизывают, приглушают здоровое сияние рядом с собой... как паук все паутиной оплел.

– Ничего не понимаю. Никогда такого не видела.

– Что удивительного? – пожала плечами Салея. – Все в порядке, просто это яд.

– Яд?!

Теперь опешили все окружающие. Включая и пациентку.

– Ну да, – Салея снова пожала плечами. – Какие-то вещества в вашей крови, которые привели вас в такое состояние. Не знаю, что именно.

Задумались все.

Первым отмер Геннадий.

– Анамнез мы собирали. И все же... Катенька, перечислите, пожалуйста, все, что вы пили.

– Я таблеток вообще не пью. Только когда гриппом заболела...

– А вот здесь у вас что? – Тонкий пальчик Салеи коснулся левого предплечья девушки. Там серое пятно было ярким и отчетливым, и ощущалось что-то чужеродное. Таня пока такое не почувствует, но носитель Дубовой короны – легко. Катя покраснела.

– Н-ничего...

– А если подумать?

Краснота поползла выше и дальше.

– Ну... я...

– Катенька, поведайте нам, что у вас тут такое? – вклинился врач, понявший, что ему чего-то не договорили.

Катя окончательно побурела.

– Только, пожалуйста...

– Никому. Даже попу на исповеди.

– Геннадий Викторович!

– Катенька, я помню, что у вас муж очень верующий. И что?

– Вот... я доучиться хочу, профессию получить. А он предохраняться не желает и мне не дает, и свекровь у меня такая...

История была грустна и проста. Ну да. Верующая семья, в которую попала Катенька, к детям относилась однозначно. Надо рожать. Сколько и когда Бог пошлет. Аборт – грех, таблетки – кошмар, презервативы – изобретение Сатаны. И точка!

Как потом все это счастье обувать-одевать-кормить?

Не важно! Бог дал детку, Бог даст и на детку. Про миллионы детей, которые умерли от голода, холода, болезней, подобные умники предпочитают не вспоминать.

У свекрови восемь детей, и от Кати они ждали такой же производительности. А девушке хотелось дать детям хоть что-то. Не обноски с распродажи, не однокомнатную халупу... сначала семья должна встать на ноги. А уж потом можно и размножаться.

Поэтому девушка после свадьбы отправилась в Москву к подруге. И там совершила преступное деяние: грохнула все свои деньги на контрацептив. Да-да, такой, который под кожу вводится. И на год...

– Я Мишу люблю, – оправдывалась она, хлюпая носом. – Но детей же не только любить надо, а еще и обеспечивать...

– Понятно, – сообразил Геннадий. – Вот эта зараза и дала осложнения. Может, прореагировала с препаратами от гриппа... Катенька, мы с вами так сделаем. Вы мне сейчас напишете, что вы вкололи, и телефон клиники, в которой были. А я, не внося это все в историю болезни, поговорю с главврачом. Назначим вам симптоматическое лечение, и скоро бегать будете. Заодно и узнаете, что именно вам не надо принимать.

Катя засияла:

– Спасибо огромное! Геннадий Викторович, вы...

– Не благодарите.

Из палаты врач выходил весьма и весьма озадаченный. И уже на выходе из отделения треснул кулаком по стене и выругался.

– Нет, ну надо же! Семья, м-мать, верующая! И эта дуреха молчит, как партизан, чтобы муженька не расстраивать! Так бы и померла ведь!

Салея посмотрела на Таню.

– Не понимаю.

– Я тебе потом объясню, – пообещала девушка. – Понимаешь, мы тоже верим в Бога.

– Ну да. Он же есть...

Салея явно подразумевала Дараэ – Лес. Таня кивнула. Она Бога представляла чуточку иначе, но какая разница?

– Вот. Он есть, и в этом никто не сомневается. Но представь, что нельзя входить в лес с правой ноги, например. Или не поклонившись шесть раз...

– Что за бред? – Салея так распахнула глаза, что они пол-лица заняли.

– Ну, вот так... Есть принципы, которые верны для всех времен и народов. Не убей, не укради, не позавидуй... это и здесь верно, и у вас, и в космосе пригодится. А есть то, что сформировалось просто потому, что народ жил в определенных условиях. К примеру, женщине не входить в церковь с непокрытой головой. Откуда это идет? Да просто давным-давно христиане жили в очень жаркой стране, погуляй там с непокрытой головой – мигом солнечный удар получишь. Вот платки и носили. А потом обычай перешел в глупый запрет. Или женщинам штаны не носить... опять же, в свое время там все ходили без штанов.

И мужчины, и женщины. А окажись те, кто писал заповеди, в нашем климате, мигом бы тулуп, штаны и валенки напялили, не разбирая пола и возраста. Понимаешь? Есть то, что действительно от Бога. А есть то, что от людей. Не всегда умных, порядочных или хотя бы верующих. Просто им так удобнее было. Верующие люди это различают четко. А религиозные – не всегда. У девочки второй случай: она попала в семью, где считают нужным соблюдать не дух, а букву.

Салея вздохнула:

– Я понимаю. У нас такое невозможно, но я... жалко ее.

– Мне тоже жаль, – кивнул Геннадий Викторович. – Дурочка же... спасибо вам, синьорита Сантос.

– Можно просто Салея, – девушка глядела на него, чуточку прищурившись. И что-то такое видела... – Вы тоже так сумеете.

Владислав хмыкнул:

– Салея, то есть вы и его можете научить?

– Могу. Дать упражнения, дать толчок, и он тоже начнет видеть, как и я, и Таня, и вы в перспективе.

– Вроде того, что вы увидели? – сообразил врач, который был отнюдь не глуп.

Салея кивнула:

– Именно.

– Научите, пожалуйста, – тут же решил Геннадий. – Если деньги нужны, я заплачу, сколько нужно, займу, кредит возьму... ведь схоронили б дуреху, если б не вы.

Салея сомневалась, что все было бы так страшно. Но...

– Конспекты упражнений возьмете у Владислава.

Мужчины переглянулись, один с вопросом, второй кивнул:

– Хорошо. И дам, и пригляжу...

– А я... дайте мне руки. Оба.

Салея не собиралась как-то сильно воздействовать. Или пробуждать мужчин. Или...

Просто каждый человек живет в своего рода скорлупе. При рождении ребенок воспринимает мир остро и ярко, именно потому, что не сформировалась еще защитная оболочка, та самая скорлупа, которая закрывает его от негативного воздействия. Но ведь и от позитивного тоже – закрывает.

И воздействовать человек потом ни на что не может, как цыпленок не может клюнуть, находясь внутри яйца.

Обычно цыплята вылупляются сами. Или – не вылупляются.

Люди тоже или открываются миру под воздействием каких-то внешних факторов или не открываются. Но есть и третий вариант. Как тот же цыпленок, который даже не пробивает клювом дырочку, а просто – надламывает изнутри скорлупу, а выбраться-то не может. И не знает куда и как, и силенок не хватает, все ведь на инстинктах...

Вот оба врача такими «цыплятами» и казались. Вроде бы и пытались, и ломались, а как, куда... нет, не знали.

И можно было им самую чуточку помочь. Вот капельку. Дальше они и сами справятся. Если на то пошло, Владислав и так «проснулся» бы. Поделал бы годик-другой упражнения – и скорлупа бы треснула. Но это время, время... почему бы ей немножко не ускорить процесс? Не помочь двум хорошим людям? Ведь правда, умей они видеть, как Салея... хотя бы как Таня, то могли бы определить болезнь раньше, могли бы помочь своими средствами. И были бы счастливы и тому!

Салея подумала, это потому, что они равнодушны к человеческой боли. Врачи ведь тоже разные. Есть и те, которым наплевать, они пренебрежительно чувствуют себя в скорлупе, платили бы деньги. А есть те, кто приходит и горит на работе. Только вот первым и живется легче, и кушается вкуснее, и в семьях у них достаток. А вторым всегда очень-очень сложно. Вот и выбирают люди, что попроще.

Владислав касался тонких пальцев девушки не без внутреннего трепета.

Геннадий – равнодушно и спокойно. Не ожидал он ничего *такого*. А такое – получилось.

Ровно на долю секунды ладонь в его руке вдруг налилась жаром, полыхнула таким огнем, словно он не руку держал, а уголь раскаленный. А потом мгновенно заледенела, да так, что холод до плеча пробежал. И – потяжелела. Словно ладонь Геннадия сдавили в каменном кольце и сейчас пальцы расплющат, хотя касалась Салея его едва-едва....

В глазах от неожиданности поплыли круги, или...

Не круги?

Просто все, совершенно все виделось теперь иначе. И у каждого живого существа имелся свой ореол. Даже над травяной клумбой он был – зеленоватый, невысокий, ровный такой...

У Тани – смесь белого, зеленого, голубого и золотистого цветов. Причем зеленый сейчас пронизывал всю ее ауру, словно кровеносная система.

У Владислава – более яркие тона, белый, синий, почему-то коричневый, два алых пятнышка, совсем небольших... в районе легких. Но это и понятно, он же курит. И если не прекратит – будет у него рак. Гена это четко понял, словно кто-то на ухо шепнул. Пока это просто источник воспалений, бронхитов и прочих болячек, но во что переродится потом?

Салея...

Геннадий перевел на нее взгляд – и зажмурился. Такой неистовой зеленью полыхнуло на него, такой яркой и искристой глубиной, что смотреть дальше стало невозможно.

Кто бы... что бы ни стояло рядом с ним... это – не человек. Такого у людей не бывает.

Но тогда...

Рука упала, освобожденная. Геннадий сделал шаг назад, пошатнулся, сел на клумбу, которую только что рассматривал.

– Ты... вы... Бог?

Салея покачала головой, отпуская и Владислава:

– Нет. Я не Бог. Я его ребенок, равно как и вы – дети Бога. Только в вас кровь спит, а во мне проснулась.

Геннадий, который выглядел сейчас так, словно его по голове пыльным мешком ударили, дернулся всем телом.

– П-проснулась... и м-мы так же?

– Да. Вы тоже так сможете. Только не сразу. И заниматься надо будет.

Геннадий закивал.

Заниматься? Учиться? Развиваться?

Да хоть что, только дайте, ДАЙТЕ!!!

Ольга Алексеевна Углова, мать Тани, чувствовала себя странно.

А как тут будешь себя ощущать, если НЕ ЗАБИРАЕТ?!

Выпила? Не зашло.

Покурила? Только что раскашлялась.

Устроиться с каким-нибудь мужиком? Таких вариантов у нее давно не возникало. То есть, когда она выпивала, ей было все равно, и где, и кем, и что с ней делают. А сейчас... попробовала. Но удовольствия-то никакого!

Она не знала, но Салея чуточку перестаралась. Убирала удовольствие от алкоголя, но отрезалось и все остальное. От табака, от мужчин, от наркотиков... хоть бы Оляшка и героин сейчас себе вколола, все равно не забралó бы.

И что дальше делать?

Раньше все было просто.

Выпила, получила кратковременный кайф – и упала. То есть улетела. Потом проснулась, поискала деньги на новую выпивку, и мир снова окрасился в розовые, голубые, искристые тона. И жизнь стала приятной, и мужчины вокруг – обаятельными.

А сейчас что?

И холодно, и под мостом мокро, и от мужика воняет, и удовольствия никакого...

А делать-то что?

Пропитые мозги ворочались с тяжелым скрежетом. Не привыкла Оляшка думать над своей жизнью, да и вообще думать не привыкла. Порхать в поисках удовольствий гораздо легче. А делать-то дальше что?

Куда-то идти?

Чем-то заниматься?

А куда? А чем? Ничего не понять. И ничего пока не придумывается. Единственное, до чего додумалась Оляшка... сходить к матери. А что?

Там-то и примут, и помогут, и покормят... наверное. Они ж обязаны! В этом Оляшка даже и не сомневалась. Ни минуточки. Вот сейчас посидит немножко, а потом встанет и пойдет!

Вот!

– Пап... это была королева?

– Да.

Элран поправлялся. Уже почти и следа не осталось от страшных ожогов, и есть он мог нормально, и вставал, и ходил, и даже упражнения делать порывался.

Физически парень был почти в порядке.

А вот душевное его состояние...

День за днем Элран просто уничтожал себя. Не мог себе простить смерти Шавеля.

Шавель – Щавель... такой же легкий, беззащитный, такой же наивный... это Элран должен был все предусмотреть! Должен был понять.

Должен...

Он старше, он умнее, он знает... знал, что Вель, занимаясь своими опытами, теряет всякое чувство реальности. И не предусмотрел.

Не остановил, не подумал, не помог...

Смерть Веля – его вина.

Старейшина Мирил видел, что творится с сыном, но полагал, что разговаривать с ним еще рано. Мальчишка же...

Глупый, бестолковый мальчишка, как и все его приятели. Все им кажется, что они сейчас одной левой дракона за хвост, одной правой крейсер об метеорит, что ногой махнут – ша-эмо разлетятся...

И думают они, что бессмертны, и не понимают ничего ни о своей, ни о чужой жизни.

Нет, не понимают...

А она короткая, конечная. И сам пропадешь, и друзей подведешь.

Старейшина Мирил знал, что дерево может погибнуть. Но тогда из семян поднимется новый лес.

А как быть, если выжигают семена? Вот этих? Молодых, зеленую поросль? То-то и оно...

Пусть Элран подумает еще. Умнее будет. Но если вопрос был задан...

– Пап, зачем она приходила?

– Она нашла для нас новый мир. Но пока молчи об этом.

Врать сыну старейшина не хотел. Да и нет в этом ничего секретного. Как Мирил и предполагал, сын аж подпрыгнул.

– Новый мир?! Пустой?!

– Нет. Там живут лю-ди. Че-ло-ве-ки.

– Ша-эмо?

– Королева сказала, что нет. Они похожи, но лучше...

– Такие бывают? – засомневался Элран.

Мирил отметил, что размышления пошли сыночку на пользу. Уже не рубит сплеча. Уже спрашивает, думает, пытается что-то узнать, уточнить...

– Они тоже отравлены техникой. Но у них есть Лес. И они пытаются его беречь.

Элран кивнул.

Ага... видимо, и так бывает. Когда на распутье? Между даэрте и ша-эмо?

– А мы там... нас примут?

– Королева не поведет нас в неизвестность. И на смерть не поведет.

Элран помялся. И спросить хотелось, и совесть не позволяла. Старейшина только улыбнулся.

– Если выздоровеешь – отправишься в первой волне. Понял?

И, увидев, какими огнями вспыхнули глаза сына, подумал, что все правильно. Элран чувствует вину за смерть Шавеля. Оставить его сейчас себя поедом есть?

Так и скушает, не подавится. Совесть – она хуже короеда источит.

А в другом мире, в центре событий, он и при деле окажется, и как бы вину перед другом искупать станет... все правильно. Выздоровлявай, сынок. И – вперед.

Родители ведь не будут детей при себе держать неотрывно. Но подстраховать?

Это святое.

Оляшка чувствовала себя странно.

Впервые она была полностью трезвой. За столько-то лет!

Непонятное ощущение. Неприятное?

Не понять...

Денег у нее закономерно не было, в автобус ее не пустили – пахла она так, что голуби за три метра разлетались, а уж эти «короли

помоек» к любым запахам привыкли. Оставалось идти пешком.

А это долго...

Барск город немаленький, да еще таежный, и расстояния там соответствующие. Из одного квартала в другой можно часа два идти, если ножками. А Оляшке не один квартал нужен был.

Да и...

Салея убрала удовольствие от алкоголя. Но лечить последствия его приема она и не подумала.

А зачем? Вот просто не пришло в голову, да и сил на это нужно больше, и времени, и... зачем?

Лечат тех, кому это надо. А если человек продолжит себя разрушать, стоит ли ему помогать? Пусть сначала докажет, что он нормальный!

Так что у Оли болело все. От ног до ушей.

Отдохнуть, что ли, вот на остановке? Она и пустая почти, сидит на скамеечке малявка, книжку читает. Явно же школьница, может, ей лет десять или около того. Забавная такая, со светлыми косичками и в красной курточке.

Никакого умиления у Оляшки не возникло. И с дочкой она эту школьницу никак не соотнесла. Если уж вспоминать, Таня для нее всегда была обузой. Надоедой.

Помехой, которая не давала устроить свою жизнь так, как нравится.

Маркером – ей уже не семнадцать! У семнадцатилетней девушки не может быть подростковой дочери...

Тошно, скучно, тоскливо...

Таню она не любила.

Но это ж дочь! И родную мать она не выгонит! Обязана помочь! Оля вот не сдала ее в приют, кормила-поила, одевала, крышу над головой дала... чего еще надо? Вот пусть дочка и заплатит добром за добро!

Ноги гудели.

Оля смотрела по сторонам, ожидая, когда снова сможет встать и пойти. Возможно, потому она его и заметила.

Что уж случилось с водителем маршрутки? Она не знала. Только за стеклом никого не было, а маленький белый фургончик ехал напрямиком на остановку и тормозить не собирался.

И...

Заденет и ее, и девчонку.

Не увернуться. Не удрать.

Только вот думала об этом Оля, уже летя к девочке в таком великолепном прыжке, которого и Лев Яшин не постыдился бы.

Врезалась, отбросила в сторону, а сама уже не успевала – буквально метр, всего одно усилие, но искалеченные алкоголем мышцы не справились.

Сильный удар.

Ослепительная вспышка.

Темнота...

– Как ты думаешь, я не зря им помогла?

Вечером Таня и Салея гуляли с Гномом. Шли по переулкам, по промышленной зоне – Гном не возражал. Обнюхивал столбики, оставлял информацию для других собак...

Можно бы и поближе к людям, но ротвейлер же...

Поди объясни человеку, что это совершенно необязательно собака-убийца или страшное злое чудовище. Что от иного двуногого хомо сапиенс вреда побольше будет.

Бесполезно.

Просто – нереально. И отбиваться от налетающих «борцунов» за права всего человечества в своем лице тоже неохота. Считаю, вечер испорчен.

Проще гулять там, где потише и спокойнее.

– Я думаю, не зря, – искренне сказала Таня. – Самое главное в медицине – определить болезнь. Лучше на ранней стадии и правильно, тогда и вылечить ее можно. Практически всегда.

– Теперь они смогут. Не сразу, конечно... со временем. Может, через месяц или два, как заниматься будут.

– Вот и правильно. Считаю, ты сегодня много жизней спасла. Это ведь во вред не применишь?

– Нет.

– Все правильно. Не переживай.

– Я внимание привлекла...

Таня только отмахнулась:

– Лея, милая, ну какое там к нам внимание? Так, на местном уровне. Думаешь, мало у нас экстрасексов и мегаексов? Вагонами грузи! Открой газету – там постоянно объявления. «Почищу карму, открою чакры, почешу эго и сверх-эго». Даже если заинтересуются – решат, что ты одна из таких. Будут думать, приглядываться...

– Я уйду раньше, – кивнула Салея. – Да, пожалуй.

– Ты так спокойно об этом говоришь...

Салея пожалала плечами:

– Мне не страшно. Это люди почему-то боятся, а я все знаю. Дерево уйдет, но семена останутся. И прорастут.

– Это будут другие деревья и другая жизнь.

– Разве это важно? Мы все равно остаемся...

Таня только вздохнула.

Неизвестно, что бы она ответила, но тут заворчал Гном. Девушка, удивившись, остановилась – перед ними появились трое парней. И она их знала.

Попов, Мельников, Жаров...

– Вам тут что нужно? Гном, рядом!

Ротвейлер рыкнул, как бы говоря – какое рядом? Рвать нужно! Но хозяйка командовала твердо, и пес пока что держался у ее ноги.

– А ты как думаешь?

– Думаю, Попов, – Таня говорила достаточно резко, – ты хочешь пожелать нам спокойной ночи и пойти восвояси.

– Ошибаешься, Углова.

– Хорошо. Можешь просто пойти. К чертям, – огрызнулась Таня.

– Но ведь могу и остаться.

– Боюсь, Гном будет против, – Таня смотрела жестко и холодно. Рассеивались иллюзии, с хрустальным звоном осыпались стекла розовых очков, больно царапая кожу.

Любимый парень?

Нет. Враг. Друзья не поступают так, как он. И явно не с добрыми намерениями парни их тут подкараулили.

– Плевать на твою шавку, – Попов сделал шаг вперед.

Гном тоже.

А в следующую секунду в нос собаке ударила струя чего-то едкого.

Газовый баллончик – страшная штука при правильном употреблении. Бедный Гном завизжал, словно щенок. Едкая дрянь обожгла глаза, пасть...

– Димка, хватай Углову, Олег – Сантос...

Сережа уже торжествовал победу.

Уже видел, как опрыскивает из баллончика гадкую шавку, чтобы та точно не могла помешать, как друзья хватают девушек и тащат их в подходящий подвал... да, есть тут один неподалеку, и матрасы там есть – сам купил парочку надувных и привез, не зря он несколько дней следил за девчонками. Они тут постоянно гуляют.

Взвизгнула Таня, выдираясь из сильных рук, и получила пощечину. Пока не сильную, раскрытой ладонью по лицу. На светлый свитерок закапала кровь. Олег шагнул ко второй девчонке.

Попов уже чувствовал под собой горячее девичье тело... он обеих попробует. Но сначала – Сантос.

И что они сделают потом?

Да ничего!

Их слово против его! А парни подтвердят, что все было добровольно... на языке уже ощущался пряный вкус победы.

Смысл тут даже не в сексе.

Во власти! Полной власти над другим человеком, который, может, и умнее, и лучше тебя, и заслуживал уважения, а теперь – теперь лежит под тобой и только стонет...

О, да...

Он уже ощущал все это. И предвкушал триумф, когда по лицу хлестнул порыв ледяного злобного ветра.

– Ничтожество....

Слово было произнесено и упало, словно камень. Потому что девушка, которая его произнесла, она... она... ой, мамочки!!!

На Таню сейчас никто из троих не обращал внимания, потому что парней сковал жуткий страх.

Безумный, нечеловеческий, при котором сам собой расслабляется кишечник и хочется, слабо повизгивая, забраться под одеяло с головой. И молиться, чтобы ОНО тебя миновало.

И знать – не в этот раз.

Не обойдется, не минует...

Салея смотрела гневно. Что с ней хотели сделать, она тоже поняла. Да и чего тут сложного – в алых всполохах похоти и багряно-черных протуберанцах агрессии все читалось, как на ладони...

И Гном.

И Таня. Пусть у Димы и разжались руки, пусть Таня вырвалась, но кровь так и бежала тонкой струйкой по лицу, капала тяжелыми красными каплями. И Салея испытывала такую ярость, что даже стоять было тяжело. Кинуться, вцепиться, рвать, рвать когтями, пока Танина кровь не будет смыта потоками крови ее обидчиков...

Да как они посмели?!

Гнев хлестнул так, что Салея едва сама на ногах удержалась. Дубовая корона – это не просто так. Это – сила, которая сейчас рвалась в мир. Гневная, яростная, безжалостная... не моли о милости. Она не знает такого слова.

Девушка казалась теперь выше, потому что от ее хрупкой фигурки во все стороны расходился зеленый мертвенный свет. Накатывал волнами, словно в проулке кто-то включил прожектор.

Дубовая корона горела зелеными огнями. И такими же зелеными отблесками сияли глаза Салеи. Сейчас в них не было ни зрачков, ни белков – только зелень.

Безудержная сила Леса.

– Стоять...

Тихий голос, почти шепот. Но слово давит, слово повелевает. Олег упал на колени, заскулил тоненько, словно щенок, и почувствовал, как по ногам течет что-то горячее. Обмочился? Но – какая разница? Если страшно так, что сейчас просто помрешь на месте...

Салея сдвинула брови.

Слова?

К чему Лесу лишние слова, клятвы, молитвы... Сила рванулась через нее так, что на миг потемнело в глазах. Таня подхватила подругу, не давая упасть...

– Лея! Осторожно...

Салея кивнула. Посмотрела вперед...

– Да. Вот так все правильно.

– Ой, – тихо сказала Таня. – Это...

– Да.

Там, где стояли парни, теперь высились три дерева. Три дуба. Молодые такие, зелененькие...

А Таня где стояла, там и села.

Вот это да!

Такого она никак не ожидала. Да и как тут подготовишься... ладно – исцеление. Ладно – лес. Ладно еще, когда Салея пропадает с глаз долой и вроде как переносится в другой мир... это почему-то не воспринималось так остро. А когда она просто рукой повела, и вместо трех парней – три дуба?

Это – как?!

Полный шок.

Впрочем, долго Таня в нем не пробыла, некогда.

– Гном! Гномушка!

Вот воды-то у нее с собой и не было. А промыть бы сейчас пасть, глаза... как же они ротвейлера потащат... куда за водой бежать... да где здесь колонка или хоть что... хоть бы дождь был и лужи, так сухо же!

Сейчас, маленький, потерпи... секунду...

– Отойди.

Салея скомандовала так, что Таня тут же дернулась в сторону. И увидела зеленые всполохи на руках подруги. Они бежали, впитывались в ауру Гнома – и собака успокаивалась. Стихали болезненные красные пятна в районе его головы, вот Гном перестал тереть лапами глаза и нос, вот встал на ноги; слюни, конечно, бегут, но это уже мелочи, такие мелочи...

– Гномушка!!! – обняла его за толстенную шею Таня. – Чудо мое...

– Все в порядке, – кивнула Салея. – Вот сволочи! Он мог бы и ослепнуть...

– Твари, – разозлилась Таня. Посмотрела на три дуба, которые росли поперек дороги, и замолчала. Вот ведь... и решать с ними что-то надо. – Лея, это... это с ними надолго?

Салея прислушалась к себе.

– На любой срок, который я загадаю. Хоть навсегда.

Искушение было громадным. Вот честно – бешеное искушение. Пусть стоят тут, растут и никому не мешают. Их же никто не убивает, верно?

Абсолютно. Жить будут, а что дубами, так меньше вреда принесут. И вообще, привычное состояние. Дубовое такое...

– Я знаю, Олег в семье один.

Салея вздохнула. Она понимала, к чему клонит Таня, да и сама уже успокаивалась.

– Сколько ты предлагаешь?

– Год, – приговорила Таня. – За Гнома надо бы и десять лет, но это много для человека, а год им в самый раз...

Деревья задрожали всеми веточками. Кажется, от ужаса.

Салея качнула головой.

– Надо бы года три. А лучше пять.

– У них родители с ума сойдут.

– Напиши им письмо, что дети живы, здоровы и активно исправляются.

– А их за это время не спилят?

Салея только вздохнула. Она уже успокоилась. Пока полечила собаку, пока помогла Тане, совсем чуть-чуть, незаметно срастив обратно сосуды, – агрессия и ушла. Выплеснулась вовне. Враги наказаны, чего их добивать?

– Что ты хочешь с ними сделать?

Таня подумала несколько минут. И стала излагать. Салея послушала – и кивнула:

– Да, пожалуй. Так будет правильно.

И принялась командовать. По Дубовой короне побежали яркие зеленые всполохи.

Когда девушки уходили из проулка, там все было тихо, чисто и спокойно.

Три дубка своим ходом добрались в расположенный неподалеку парк и укоренились на окраине. Там их срубить не должны, но на всякий случай Салея еще набросила на них отвод глаз. Пока прохожие в них лбом не врежутся – не увидят, а потом быстро позабудут. Так спокойнее будет. А еще к отводу глаз – пробуждение. Ладно уж. Если их начнут рубить или пилить раньше, чем через год, чары спадут. Смерти соплякам девушки не хотели. Только проучить.

Пусть постоят, подумают, каково это – зависеть от других. А может, и поумнеют немного. Если повезет.

Огласки не боялась ни одна, ни другая. Пусть через год парни хоть в голос кричат, что они дубами в парке простояли. Ага-ага, у нас же такое через раз случается...

А если мстить будут – уже навечно одревеснеют. Накладывать такое заклинание Салея не стала, ни к чему. Но сказать – запросто. И кто проверит? Это же на себе придется...

Не рискнут. Жить им хочется.

Девушки никому об этом не расскажут, даже Людмиле Владимировне. Незачем ей волноваться лишний раз. Все правильно?

Да...

Глава 9

– Углова, Сантос, к директору.

Девушки переглянулись.

– А что случилось? – поинтересовалась Таня.

– Идите, – отмахнулся Сергей Юрьевич. – Вроде бы ничего страшного....

Ничего?

В кабинете девушек ждали аж восемь человек. Настоящее столпотворение. Родители всех троих оболтусов, плюс Ваня Цыган, плюс еще какой-то незнакомый им мужчина, в джинсах и худи с капюшоном, ну и сам директор. И Сергей Юрьевич.

Атмосфера в кабинете явственно потяжелела, кондиционер не справлялся.

– Углова, Сантос, проходите.

– Добрый день, – поздоровалась Таня.

Кольнула совесть.

Все же родители – волнуются, переживают, вон у матери Жарова глаза заплаканы, да и две другие мамы не лучше... а что ж вы сыночков-то не воспитывали? Что ж они вообразили, будто можно насиловать?

На самомнение им наступили? И они решили ударить в ответ?

Как пишут в интернете – *ачетакова*?

Действительно, что тут такого? Отказала девушка? Посмеялась? А мы вот ее изнасилуем да по кругу пустим! В следующий раз не засмеется небось!

Потрясающие моральные принципы! Просто чудесные мальчики, аж восторг прет! Совесть стусевалась и уползла куда-то в район печени. Салея и вовсе ничем таким не страдала, подумаешь... трое идиотов! Они подняли руку на носителя Дубовой короны.

С ними еще милосердно поступили, могли бы и на двести лет дубами оставить.

– Где мой сын? – с ходу надавил Попов-отец.

Таня подняла брови, надеясь, что уши у нее не покраснеют. Хотя под волосами могут и не заметить.

– Не знаю. А должна знать?

– Тань, – Ваня выглядел смущенным, но не заткнулся. – Я знаю, что вчера Серега, Олег и Димка... они к вам пошли. И не вернулись.

– Ко мне домой?

– Нет. Они вас хотели встретить на прогулке с собакой.

– Зачем? – продолжала издеваться Таня.

– Поговорить, – выкрутился Цыган, у которого уши пламенели уже всеми оттенками пурпурного, да и физиономия не отставала. – Пригласить...

– Изнасиловать, – любезно подсказала Таня.

– Не придумывай! – грохнул кулаком Жаров. – Мой сын не такой!

– Неужели? – Таня тоже сдаваться не собиралась. Это раньше она бы в уголок забилась и дрожала. А сейчас... сейчас за ее спиной была Салея. Подруга нуждалась в защите, но она же могла и превратить всех присутствующих в фикусы. Так что... не время бояться! Время кусаться! А то потом придется объяснять, откуда тут еще десяток деревьев пророс. В кабинете директора. – А тебя, Цыган, они тоже пригласили? Остаточки подобрать?

– Я... я просто их ждал.

– Где ждал? С какой целью?

Попов взмахнул рукой. Таня замолчала – вдруг что-то умное скажут?

Ан нет... не сказали.

– Полагаю, сейчас это уже не столь важно. Я вижу, что вы целы и невредимы, девушка. А вот мой сын и его друзья домой не вернулись. И я хотел бы узнать, что с ними случилось.

Таня вздохнула.

Вчера они с Салеей договорились, что будут отвечать. И сейчас она собиралась отстаивать свою версию событий.

– Они сбежали.

– Сбежали? Отчего и куда?

– Вчера мы гуляли с собакой, – произнесла Таня. – Они подошли втроем, начали угрожать, попытались обидеть Гнома. У Сергея был с собой перцовый баллончик, собаку можно осмотреть. Ему до сих пор плохо.

– Да сдалась мне твоя собака! – рыкнул отец Олега.

– Причинение вреда личному имуществу, угроза... между прочим – уголовщина, – меланхолично заметила Таня^[27].

– Ты натравила на мальчиков собаку? – вежливо поинтересовался Попов.

– И в мыслях не было никого травить. Гном у меня воспитанный и умный. А вот они едва не отравили собаку... как он мог кого-то цапнуть, если на него газовый баллончик извели?

Родители переглянулись.

Да, если в морду собаке, да таким баллончиком... мать Жарова, у которой был чихуахуа, даже посочувствовала собаке. Ее песик от такого, может, и помер бы сразу. На месте.

Но дети-то где?

– А вот этого я не знаю, – Таня развела руками. – Я не стала терпеть это молча, поднялся шум, люди заинтересовались – и все трое сбежали. А вот куда и зачем?

В кабинете снова повисло молчание.

В принципе, выглядело логично. Да, скорее всего, так все и было. Напали, но опыта ведь никакого, нашумели; пока разбирались с собакой, девчонки успели закричать, привлекли внимание... Попов-папа своего сыночку отлично знал. Не мог тот на такое пойти?

Еще как мог! В полное свое удовольствие! И пойти, и поехать, и вообще – *ачетакова*? Но куда потом-то парни подевались? Не медведи ж их загрызли?

В то, что две достаточно хрупкие девчонки могли справиться со спортивными и накачанными парнями, Попов вообще не верил. Не потому, что был хорошего мнения о женщинах, просто знал, что Татьяна Углова никакими единоборствами не занималась, только аэробикой и растяжкой, про Салею Сантос вообще не знал, но... она Сергею чуть повыше пояса! Пигалица, как есть. Ей, чтобы ударить кого-то, сначала допрыгнуть нужно. И что там сил? Как воробей чихнул!

И самое главное – тела тоже не найдены! Даже если бы девчонки их оглушили, убили... да что угодно – куда бы они трупы спрятали?

На себе утащили?

На собаке увезли?

Нет, такое вообще на голову не натянешь. Просто нереально. Но что и кто тогда?

А вот если парни сбежали... опять же – не под КАМАЗ ведь они попали втроем? Не на летающую тарелку? Не к маньякам в лапы... бред!

Но мальчишек-то нет!

А потому...

– Татьяна, вы понимаете, как это неправдоподобно звучит?

Таня преспокойно фыркнула в ответ:

– А ЧТО для вас звучало бы правдоподобно? Что ваш сыночек решил поразвлечься и вам его надо отмазывать от обвинения в изнасиловании?

– Да как ты смеешь, дрянь! – взвилась Мельникова-мама. – Ты что сказать хочешь?!

– Что у ребят были самые плохие намерения, – жестко отчеканила Таня, – и вы это преотлично понимаете. И Цыган их ждал тоже не просто так, да, Ванечка?

Под взглядом Таниных глаз, в которых вдруг парню почудились зеленые искры, соврать он не решился. И опустил голову. Правду-то тоже говорить не с руки. Его потом любящие родители на клочки порвут. Хотя прекрасно знали, и что будет, и как, и что задумали деточки.

– Они их не осуществили.

– Не по своей вине. Мы закричали, кто-то зашумел...

– А мне не рассказали, что кто-то кричал, – заметил Попов.

– А ваши дети специально район промзоны выбрали. В котором ори, не ори... это собачники какие-то тоже были.

А, ну так звучало понятнее. Вот если собак несколько... и собачники – тут парни могли и удрать. Но даже собачники – ну натравили бы собак, ну покусали бы те парней, однако ведь это не собака Баскервилей! И не Гримпенская трясина! Тела все равно где-то быть должны, а их – НЕТ!

– Тогда объясните, почему ребят нет дома?

Таня даже головой помотала.

– А почему я должна об этом знать? Цыгана спросите, с ним планами делились, а с нами – нет.

Неизвестно, что было бы дальше, но в кабинет постучали, и, не дожидаясь разрешения, быстрым шагом вошел Даниил Петров.

– Добрый день. Танечка, Салея, все в порядке?

Реакция у всех была разная. Директор вжался в кресло, понимая, что в поединке между тигром и слоном побеждает тот, кто удрал подальше. Родители поглядели на Даниила Руслановича то ли с надеждой, то ли с вопросом, Таня и Салея улыбнулись.

– Здравствуйте, – ответила за обеих Лея. – Все хорошо.

И получила ответный кивок.

– А если хорошо – марш на занятия. Нечего прогуливать. И так, какие к девочкам вопросы остались?

Вопросов не было, но и отпускать их просто так? Только вот Петров и спрашивать никого не собирался. Уселся в кресло и приглашающе повел рукой. Мол, слушаю...

За дверью ждал Руслан.

– Тань, все в порядке?

– Более чем, – кивнула Таня. – Спасибо.

– Не за что. Я как узнал, сразу отцу позвонил. Не знаю, что с этой троицей случилось, но ты здесь явно не виновата.

– Напали они на нас, к сожалению, – вздохнула Таня. А вопрос своей вины...

Она себя и правда виноватой не чувствовала. Не побила. Не убила, не... сколько еще этих «не»? Много. А могла и не останавливать Лею. Еще как могла.

– Тем более за это не с вас спрос.

– Родителей жалко. Они не виноваты.

– В том, что вырастили полных уродов? Которые считают, что можно изнасиловать девушку и им все сойдет с рук? – ядовито уточнил Руслан.

– Ну...

– Тань, я тоже не под забором родился. И денег у меня хватает. Я это выпячиваю? Или особого отношения к себе требую?

Таня внимательно, будто в первый раз, поглядела на Руслана.

Ну, парень и парень. Высокий, достаточно симпатичный, волосы русые, глаза серые, лицо приятное... одежда – совершенно не брендовая. Все это продается в обычных сетевых магазинах, уж столько-то она понимает. Аксессуары? Часы, браслеты... Кстати, у

того же Попова – и то и другое, и два кольца на руке, и очки фирменные. У Руслана ничего такого нет. И зачем, если у каждого сейчас с собой телефон, а в нем часы?

А уж кольца-браслеты медикам частенько просто мешают.

Обувь?

Разве что обувь у Руслана качественная и дорогая. Но опять же в рамках, а не английский индивидуальный пошив. И если брать отношение, тут тоже все нормально. Списать даст, поговорит нормально, через губу не фыркает... мог бы он вот так, как парни вчера?

Таня еще раз подумала. Попробовала представить Руслана в том переулке.

Нет. Не сходится. Решительно не срастается. Чтобы Руслан пошел мстить и насиловать просто потому, что девушка ему отказала? Калечить собаку?

Хватать, как вчера?

Нет.

– То-то же, – Руслан понял, о чем она размышляет, без всякой телепатии. Вот еще, глупости какие! – Родительские деньги не делают ребенка особенным. И требовать к себе такого отношения – полный отстой. А Попов считал себя центром Вселенной только потому, что мог себе позволить более дорогие шмотки... глупо.

Таня хмыкнула.

Глупо, не глупо... считал же! Может, постоит реальным дубом – поумнеет? Есть шансы?

– Идем на лекцию? – вмешалась Салея, как самая разумная.

Ребята переглянулись да и пошли. А что еще делать прикажете?

Родители их больше не беспокоили. Что тут сказалось – воздействие Даниила Руслановича, рассказанная история или письма, которые Таня честно отправила почтой России по адресам парней и в которых уверялось, что мальчики живы и здоровы, просто находятся на перевоспитании и вернутся домой через год? Кто ж их знает?

Тане и с письмами хлопот хватило.

Требовалось переодеться и сходить на почту – так, чтобы не оставить отпечатков пальцев или других следов, а это ведь непросто. Кругом камеры, поэтому надо маршрут продумать: через дворы, где их нет, и не засветиться. Но родителей-то все равно жаль.

В истории с письмами был только один бонус. Почта России – почувствуй себя черепахой. К тому времени, как письмо дойдет до адресата, все следы с камер уже шесть раз сотрутся. Таня вообще подозревала, что каждое письмо они везут на оленях через Таймыр, два раза^[28].

– Танька, ты чего с Поповым сделала?

Таня фыркнула:

– Машка, ты об дерево с разбегу хряснулась? Так сходи, пролечись! Что я могу сделать – Попову?! Он меня в полтора раза крупнее!

– Убить! – ляпнула Машка.

– А труп кто прятать будет? Салея? На себе потащит?

– Ты его могла убить в подвале.

Таня только пальцем у виска покрутила.

– Маш, ты сходи, закуси, что ли? Или занюхивай. Бред несешь...

– Почему же бред? – вступила уже Извольская. – Не верю, что ты могла кого-то убить, но какую-то пакость ты, безусловно, сделала.

Таня снова повертела пальцем у виска.

– На урановые рудники продала? Попова? Или сразу инопланетянам скормила?

Тоже звучало неубедительно. Но Извольская сдаваться не собиралась.

– Вот нюхом чую, Углова, ты к этому причастна.

Таня лишь отмахнулась:

– Меньше ревнуй.

– К тебе, что ли?

Руслан встал перед Таней, словно загораживая ее от Извольской. И заговорил, жестко и отчетливо, давая понять, что он все же сын своего отца:

– У закона к Угловой никаких претензий нет. Если у тебя есть – скажи. Нет? Тогда втяни жало и не шипи. Попову не пять лет, разберется сам, куда ему идти и что делать. Ясно?

Катерина скрипнула зубами.

– Он...

– И тебе отчитываться не обязан. Пока вы не женаты вроде как.

– И не собирались, – заржала Машка. – Извольская, или мы чего не знаем?

Катерина прикусила губу и удрала в сторону, благо прозвенел звонок. Таня и Руслан переглянулись. И оба подумали об одном и том же.

В курсе дела был не только Цыган, но и Извольская. И знала, и одобряла, и слова не сказала.

Вот ведь... дерьмо на тонких ножках!

И к гадалке не ходи – проблемы с ней будут. Но это потом, потом. А сейчас Тане было не до Извольской, что бы она там о себе ни воображала. На первом месте – Салея.

Вот там все серьезно. А в медколледже...

Извольская может плевать ядом хоть сутки, только от этого никто не умрет. А вот даэрте надо помочь. Срочно.

У них действительно вопрос жизни и смерти. Их смерти. Целого народа. Вот где страшно-то...

Возвращаешься ты с работы, довольная жизнью, счастливая, и – здрасте-нате! У порога встречают три человека.

Двое тебе преотлично знакомы. И ты за них искренне рада. Это Ирина Петровна и Лада Новицкие. Лада выглядит уже гораздо лучше, не такой землисто-серой, а уж как ее мать шикарно выглядит! Улыбка, взгляд...

Когда можешь больше не волноваться за своего ребенка, сразу так легче на душе становится... все, деточка больше не подсядет на наркоту. Никогда.

И это – счастье.

А вот третью женщину Таня раньше не видела.

– Добрый вечер?

– Танечка, здравствуй, – Ирина Петровна чуть в пояс не поклонилась девушке. Вовремя спохватилась. Но и кланялась бы, и ручки целовала... есть за что.

– Здравствуйте, Ирина Петровна. Все в порядке?

– Да, деточка. Все замечательно... спасибо тебе! Какое же вам спасибо...

Таня поежилась. Благодарности ей не нравились. Это ведь не она, а Салея. И вообще...

– Тань, – вступила Лада, понимая, что мать сейчас рассыплется в прелюдиях. – Это Ольга Ивановна.

– И что с ней не так? – подняла брови Таня.

Салея и бабушка сейчас дома. На диване валяются, какую-нибудь ерунду в интернете смотрят. И кошек гладят. И вообще...

Домой хочется.

– Танечка, у нее сын...

Таня только глаза закатила. Понятное дело, просто так ее поджидать не будут. Тем более с таким видом. Умоляющим, беспомощным, жалким. Да, именно жалким. Когда надежды нет, и все же как хочется на что-то надеяться... ну пожалей же Ты меня, Господи, помоги!

– А к нам позвонить было нельзя?

– Я заходила, спрашивала, – созналась Лада. – Салея сказала, что без тебя никаких решений принимать не будет.

Попросту – перевела стрелки на подругу. Вот паршивка!

Но злиться у Тани сил не было. И желания тоже. Да и чего тут?

– Заходите, – махнула она рукой, открывая дверь, – что с сыном-то?

– Да то же, что и со мной, – Лада выглядела откровенно несчастной. – Только еще хуже. Он геймер, ну и на наркоту подсел. Сначала играл в кайф, потом подсел на игры, начал энергетики пить, чтобы дольше продержаться, потом ему таблеточку посоветовали... ты ж знаешь, сейчас через интернет что хочешь заказать можно.

Таня догадывалась. Радоваться тут было нечему.

– Я поняла. Все дома?

– Мау, – сообщила Муська, приземляясь на разуваящуюся Таню всеми своими килограммами.

– Совести у тебя нет, морда мохнатая, – сообщила ей Таня.

Кошка и не спорила. Нет. И не будет. К чему кошке совесть, ей бы колбаски...

Салея и бабушка вышли в прихожую, встречать гостей. Мгновенно стало тесно и даже немножко душно – в небольшом

пространстве оказались одновременно шесть людей, две кошки и скромный ротвейлер.

Ольга Ивановна молча встала на колени.

– Девочки, милые... помогите. Пожалуйста! Я уже куда только ни ходила... ему всего четырнадцать лет! Умоляю... ведь умрет мальчик.

Салея потерла лоб. Она сомневалась, и Таня озвучила ее ответ. Она-то это тоже понимала.

– Ольга Ивановна, у вас другой случай. Хорошо, допустим, ваш сын... как его зовут?

– Петенька.

– Он избавится от тяги к наркотикам. Но от игр так не избавишь. Это не сможем ни я, ни Лея. Это нереально. А значит, он опять на что-то подсядет. Уже не ради кайфа, а ради вот самой скорости... или не спать, или еще что придумает.

Ольга Ивановна кивнула:

– Я понимаю. Но хоть бы с наркотой справиться. А с играми этими, будь они прокляты во веки веков, я тоже знаю, что делать!

– Да? – удивилась Таня.

– У меня двоюродный брат – охотник. Я его попрошу, он Петеньку с собой возьмет. На заимку, на всю зиму.

– А это поможет? – удивилась Салея.

Таня покачала головой:

– Вряд ли. Приедет – и по новой начнет. Геймер – это не лечится. Игромания, или лудомания, как это правильно называется. Нам в психушке таких показывают. Жуткая штука.

Салея вздохнула:

– Ладно. Давай ему хотя бы с наркотой поможем. А насчет этой мании... надо посмотреть. Вдруг что и придумаем?

Таня была только за.

Жалко человека. Не Петю, нет. Хотя и его тоже, чего там мозгов-то в четырнадцать? Раньше в этом возрасте и замуж выходили, и женились, а сейчас – штаны в шкафу по часу ищут. Беспомощные нежные орхидеи.

Акселерация-с...

– И вот ЭТО – последствия игрушек в компьютере?

Салея почти с ужасом разглядывала парня, который сидел перед монитором. Петя на девушек и вовсе не смотрел. Он на экране проходил по замку, и отвлекаться на каких-то девах? Вот еще не хватало!

Чучело? Монстр?

Да кто ж его знает... больше всего Петенька был похож на вампира. Бледный, красноглазый, невымытый и нечесанный...

Таня уверенно кивнула:

– И похуже бывают. Этот хотя бы без памперсов.

– Зачем?

– Чтобы от компьютера пореже отрываться и в туалет не бегать.

Салея выразительно скривилась.

– Почему бы ему просто не давать денег на наркоту?

– Сам зарабатывает, – тихо пояснила Ольга Ивановна. – В этих играх можно как-то...

Таня в данный вопрос не вникала. Но вроде онлайн действительно можно заработать. Только надо знать и как, и где...

С этим мальчишкой Салея и церемониться не стала. Просто подошла сзади, положила ладони на виски – и крепко нажала.

Петя как был, так на спинку кресла и повалился. Бессмысленным воняющим кульком.

Ольгу Ивановну девушки предусмотрительно отправили на кухню, чтобы под ногами не мешалась. Нечего ей тут, и так переживает – смотреть на человека страшно.

– Тань, посмотри. Вот я блокирую то, что дает удовольствие от наркоты.

– А от игр? Есть такой центр?

– В том-то и беда, что нет. Что можно придумать? Ты как считаешь?

Таня серьезно задумалась.

– Даже не представляю. Это как с телевизором, как с книгами... да, игры. Но это не лечится, наверное. Азарт убрать? Так у него тоже определенной точки приложения нет... чтобы был центр азарта.

– Нет, – согласилась Салея. – Хотя кое-что я сделать могу.

– Что именно? – Тане было откровенно любопытно. Вот как можно с подобным справиться? Заблокировать ребенку саму

возможность садиться за компьютер? Так они сейчас везде и всюду. Учиться же ему как-то надо будет?

И работать потом...

– Я ему чувствительность повышу, – Салея манипулировала тонкими потоками в ауре. Если бы она не отработывала год за годом упражнения с мельчайшими токами силы, то сейчас точно не смогла бы такое проделать. Ювелирная работа. – Он сможет читать на компьютере. Слушать музыку. И все. Если будет что-то подобное смотреть... у него через час так глаза разболят, что ничего не поможет. Это надо с мышцами поработать и с нервами.

Таня подумала.

– Он и телевизор смотреть не сможет?

– Не больше часа. А потом придется минимум три часа отдыхать.

Или вообще будет с ума сходить от боли.

Таня решила, что это и не худший вариант.

– А на обычные вещи это никак не повлияет? По лесу ходить, на огороде, допустим, вкалывать...

– Нет. Только вот на такое электронное мельтешение...

– Можно попробовать, – кивнула Таня. – Я про кошмары думала...

– Кошмары?

– Поиграл в игрушку – получи кошмарный сон.

Салея качнула головой:

– Нет. Так может и сердце не выдержать.

И она была целиком и полностью права. Таня, снова кивнув, просто наблюдала за тем, что делает подруга. Удивительно тонкая работа. Линии сил в ауре скрещивались, переплетались...

– Как ты думаешь, я так смогу? Когда-нибудь?

– Надеюсь. Но работать придется много.

Таня была не против. И работать, и работать...

– А Руслан?

– Я могу с ним сделать то же, что и с врачами. Сделать?

Таня кивнула:

– Если можно. Он неплохой...

– Он тебе нравится?

Таня пожала плечами:

– Не знаю. С Поповым все было просто – он яркий, броский... А Руслану было не до игрушек. Да и какой смысл? Просто гулять я не

хочу, налюбовалась на мамашку, а серьезные отношения... это не для нас.

– Почему?

– У него семья богатая.

Салея только вздохнула.

– Танечка, сестренка, ты не представляешь, что такое даэрте! Ты уже сейчас можешь стать богаче отца Руслана. А если мой народ окажется здесь, на Земле... что может быть ценнее здоровья?

Таня захлопала глазами, как сова.

– Я как-то не подумала...

– Вот именно поэтому я тебя и люблю, – тихо сказала Салея.

Таня обняла ее.

– Я тоже... сестренка. Лея, ну неужели обязательно... с этой Коронай? Нельзя ее на кого-то перекинуть или как-то... это так несправедливо! Почему ты должна погибнуть?! Почему?!

– Ничего нельзя сделать, – Салея качнула головой. – Это закон.

– Несправедливо!

– Таня, уже сейчас я сильнее многих. Этот закон не дает появляться на свет самым страшным чудовищам.

– Ты не станешь чудовищем!

Салея пожала плечами.

Она подозревала, что станет. И может. И... и уже становится. Таня рядом, и это удерживает ее, поддерживает в ней человечность. А так бы...

Дубы? Которыми стали трое глупых сопливых мальчишек?

А червей не хотите? Или глистов?

Она могла бы. Или убить. Медленно и мучительно. Или сделать так, что дубы за год сгниют до трухи. Это несложно: есть множество древесных болезней.

Но Таня рядом.

И люди, которые просят ее помощи, вот как этот мальчик...

И Салея остается сама собой. Пока... но как долго она сможет бороться? Сколько еще ей придется сдерживаться?

Салея не знала. Но до конца лета...

Это проще.

Это – намного проще.

Она потерпит. Уже совсем недолго осталось.

И Салея незаметно поправила зубец Дубовой короны. На ее внутренней стороне потихоньку появлялись острые шипы, вращались в кожу... не больно, нет. Но и не снимешь.

Никогда.

До самой уже очень скорой смерти.

Полнолуние наступило быстро и незаметно. Таня и Салея выгуляли Гнома, но с собой в лес его брать не стали. Все же он городской пес. А там...

Кто знает, что будет – там?

Вряд ли Хранитель Леса спокойно воспримет ротвейлера, который попробует его загрызть.

Или сам ротвейлер спокойно отнесется к здоровущему медведю?

Это не лайка. И не собака для охоты на медведя. Лучше не рисковать.

А девушки преспокойно доехали на автобусе до леса, потом еще прошли пешком и оказались на той же поляне, что и в прошлый раз.

– Раздеваемся, – скомандовала Салея.

– До трусов?

– Догола.

Таня смущаться не стала. Это не эротика, а необходимость. Так что она сняла с себя все, даже серьги из ушей вытащила, и сложила вещи аккуратной кучкой, чтобы на теле не было ничего постороннего. Посмотрела на Лею.

– Так?

– Да. – Салея тоже разделась догола, ничуть не стесняясь. Стояла прямая и свободная, увенчанная Дубовой короной.

– Что дальше?

Салея молча достала нож, самую обычную чашку...

– Вот это. Давай сюда руку.

Таня повиновалась.

Лезвие ножа аккуратно прошлось вдоль локтя, вскрыло вену, и Салея собрала кровь в чашку. Повторила то же самое со своей рукой, даже не дрогнув.

Кровь у нее была не вполне обычной. Если с Таниной кровушкой все было ясно и видно, то у Салеи кровь оказалась темной, почти черной. Такой оттенок получается, если смешать красное и зеленое.

Таня поежилась.

Ей тоже больно не было. Такое странно-восторженное состояние, наверное, как под наркотой. Так и с пятиэтажки прыгнуть можно, и ноги переломать, и потом еще бегать, ничего не чувствуя.

Салея воткнула нож в землю – и над ним взвился зеленый язык пламени.

– Повторяй за мной. Это ритуальные фразы.

Таня кивнула.

– *Моя кровь – твоя кровь.*

– *Моя кровь – твоя кровь.*

– *Мой народ – твой народ.*

– *Мой народ – твой народ.*

– *Мой даэрте – твой даэрте.*

– *Мой даэрте – твой даэрте.*

У губ Тани оказалась чаша – и девушка отпила три глотка. Раньше бы ее стошнило от вкуса крови, но сейчас... она не ощущала ее. Что-то другое, хмельное, странное...

Салея тоже сделала три глотка – и поставила чашу на землю.

– Прими нашу жертву, Хранитель, и скрепи клятвы.

Точно – магия.

Потому что как иначе ТАКОЙ медведина мог засунуть в чашку язык... она ему на коготь не налезет! Здоровый, как неизвестно что!

Но кровь он выпил.

И – торжествуя взревел. И лес ответил ему. Криками зверей и птиц, шумом листвы, треском деревьев... теперь Таня его понимала.

Он – счастлив.

Хранителю было тяжело одному, а сейчас у него появился шанс. И помощь пришла.

Его слышали. Он дозвался.

Салея подняла руку и приложила ее к Таниной руке так, чтобы две раны соприкоснулись.

– Именем даэрте!

Взлетел зеленый язык пламени, обвинил кисти сплетенных рук – и угас.

И волшебство закончилось.

Две девушки стояли на траве и держались за руки. И все.

Или нет?

Раны не было. Шрама не было. Руку Тани, от запястья до локтя, покрывала сложная татуировка. Не синяя, нет.

Изящная зеленовато-золотая сложная вязь, которая напоминала то ли об узоре листвы, то ли о колышущейся на ветру траве...

– Это...

– Навсегда, сестра.

И Таня счастливо улыбнулась.

Навсегда...

Картина, достойная кисти Бориса Вальехо [\[29\]](#).

Поляна в лесу, вековые деревья, громадный медведь раскинулся в зарослях высокой травы – и на него непринужденно облокотились две обнаженные девушки.

Салея не испортила бы картины художнику. И уши, и цвет кожи, и волосы – длинные, зеленые, сливающиеся с травой так плавно, что не отличить, где заканчивается одно и начинается другое.

Таня...

Здесь и сейчас она тоже походила на лесную дриаду. Той же прозрачной зеленью наливались серые прежде глаза. Светилась молочным цветом кожа, сияли волосы... темные? Может, и так. Но сейчас в них словно вплетались золотистые и зеленые нити. И было это красиво. И правильно.

– Хорошо, – тихо сказала Таня. – Действительно хорошо.

Салея кивнула.

– Теперь ты одна из даэрте.

– Я не похожа на вас.

– Это не важно. Деревья тоже все разные. Теперь ваша земля стала родной и мне. И ваш Лес меня принял.

– А ваш? Примет меня?

– Обязательно, – Салея смотрела в небо, на котором сияли крупные чистые звезды. – Сама увидишь, когда мы будем на Дараэ.

Таня тоже кивнула.

Она действительно начинала видеть.

И линии силы, пронизывающие мир, и их взаимосвязь, и ауры – намного четче, чем раньше...

– Мне придется делать упражнения.

– Да. И постоянно, – отозвалась Салея. – Пока ты не освоишь полученное, тебе придется сложно.

Таня снова кивнула.

– Ты мне можешь показать что-то такое... с чего проще начинать?

– Могу, – сказала Салея. – Хочешь, попробуем *почувствовать Лес?*

– Как?

– Дай мне руку.

Таня повиновалась. Салея сжала ее ладонь – и мир начал таять, расплываться, уходить куда-то вдаль...

Она была человеком. Да, когда-то она была человеком.

И еще – она была Лесом.

Биоценоз? Система?

Какие странные и нелепые слова для такого древнего и мощного существа. Живого, разумного, чувствующего боль и знающего жизнь.

Лес безмятежен.

Он величав и спокоен, равнодушен и любопытен, дружелюбен – и опасен одновременно.

Он протягивает свои зеленые ладони, разворачивает их, мягко качает девушек, словно на громадных качелях. Он так рад...

Ему хорошо и спокойно, потому что рядом есть люди, которые его любят и понимают.

И...

– Салея?

По нервам словно ножом резанули.

Салея тоже выглядела встревоженной.

– Лесу плохо. Я это чувствую.

– И что мы будем делать?

– Попросим Хранителя доставить нас туда.

– К-как?

– В своем Лесу Хранители почти всеильны. И могут открывать для нас лесные тропы... мы пройдем туда, где Лес кричит от боли.

– И что мы там будем делать?

Салея качнула головой:

– Не знаю. Посмотрим, что случилось, а там и решим.

Таня и не спорила. Лес...

Сейчас она уже не смогла бы развернуться и уйти. Это и ее Лес. И зеленая кровь в жилах пела и звенела, приветствуя новую... нет, пока еще не Хранительницу. Но ее сестру, помощницу, девушку, которая может ею стать.

Власть – это ответственность. И Таня ее приняла.

Лесные пожары...

Песня была такая когда-то^[30].

Только вот песня – это красиво. А пожар...

Это ужас.

Это бегущие во все стороны звери, обезумевшие от страха.

Это гибнущие деревья.

Это уничтоженный подлесок... пожар бывает низовой и верховой. И если огонь пошел поверху, перепрыгивая с верхушки дерева на соседнее, – это самое страшное. Это не остановишь, не потушишь...

И гибнет Лес.

Гибнет, корчится, кричит от боли, умоляет о помощи... много ли надо, чтобы начался этот кошмар? Да практически и ничего. Каждый год, каждый горят леса, каждый год корчатся от боли деревья, и не стоит говорить, что потом на усыпанной золой земле вырастут новые.

Тем, кто гибнет в огне здесь и сейчас, не станет от этого легче.

И стоит сказать о тех, кто грудью встает на пути огня. Кто борется, ищет, тушит, сбрасывает с вертолетов пену, бесстрашно летит чуть ли не в эпицентр пылающего ада, рискует жизнью, зачастую за копейки...

И все равно – идет.

И умирят жестокого рыжего зверя.

А как часто огонь берет жизни пожарных взамен спасенного куска леса?

О таком не напишешь и не расскажешь. Но тот, кто видел лесной пожар, не станет бояться ада. Он уже побывал в его земном филиале.

Впрочем, Гена Суворов об этом не думал.

Он делал то, что нужно, – боролся с огнем. Сбивал его с деревьев, кое-как держался... в костюме было жарко и душно, по лицу ручьями тек соленый пот... да, можно сбить верховой огонь пеной, но низовой-то останется.

И не дай бог – пойдет на болота. Там же торфяники, которые могут тлеть годами...

Не допустить, не дать прорваться, стоять... а огонь все ближе и ближе. И рвется вперед... словно знает, что его ждет богатая пожива. Словно чувствует...

И что ему огнетушитель в руках человека, раскалившийся так, что его даже держать больно? Огонь шепчет, насмешничает, издевается...

Словно громадная змея сверкает бешеными рыжими глазами.

*Оссстановить меня хочешшшшь, человечшшшка?
Расссмечталссссся....*

Скоро, очень скоро у тебя закончатся и силы, и оружие. А я вечен, я бессмертен и практически неуязвим...

Гена только зубы стиснул.

Огнетушитель...

Дождя бы!

Ливня! Такого, чтоб смыло все к чертовой матери, чтобы промочило насквозь... вот где пожалеешь, что не существует облакопрогонников!^[31]

Гена сейчас бы все отдал за их помощь...

А это еще что?

Затрещали кусты так, словно через них зубр ломился. Другие животные мелковаты... Гена напрягся.

Ну, зубр не зубр, а те же лоси...

Тонна мяса с весьма своеобразным характером. Плюс рога и копыта. Звезданет – мало не покажется... если вовремя не увернешься, вмиг стопчут.

Гена напрягся, думая, в какую сторону бежать, но... на поляну вывалился медведь.

Лесник похолодел.

Вот это куда серьезнее лося. Лоси глуповаты, а медведи... самые умные и коварные таежные хищники. От лося ты хоть на дерево залезть можешь, а от медведя...

Он и за тобой залезть не поленился, и стряхнуть тебя может. Очень даже запросто.

Гена так растерялся, что даже не сразу заметил на спине у громадного, наверное, размером больше иного лося, зверя две женские фигурки. Сначала не заметил, а потом, когда они спрыгнули на землю...

– Лея?

– Пожар. Надо тушить...

– А как?

Гена молча упал мордой в лопухи.

Девушки просто не обратили на него никакого внимания. Пожар же! Где там смотреть, есть ли кто рядом или нет... А вот Гена жадно впитывал каждую деталь их внешности. От зеленых волос до зеленых глаз...

Это – кто?!

Фрики какие-то?

Но верхом на медведе?

Может, хиппи или кто там и практикуют слияние с природой, но медведи точно не практикуют ничего подобного. Разве что скушать могут особо умных.

Хотя... тоже единение.

Нечто древнее, мудрое, сильное властно шепнуло: «Замри и молчи!» И Гена повиновался. Жить хотелось...

Лесу было плохо, жарко, тошно... И Таня, и Салея ощущали эту боль как свою. Салея острее, Таня пока еще так не умела, но быстро училась. А сейчас...

– Что нам делать? Как?

Таня спрашивала не из праздного интереса. Ощущения были такие, словно ей половину внутренностей жгучим перцем натерли. Или она этого перца наелась, получив язву желудка с прободением. Больно же...

Страшно и больно.

Салея прикрыла глаза.

– Давай руку.

Таня повиновалась. И ощутила Лес, как видела его Салея. Таня начинала, делала первые шаги, но до такого филигранного контроля и владения своей силой ей еще далеко. Салея была мастером, Таня же

только приступила к обучению. И кровь тут не поможет, хоть ты банку выпей. Или вылей.

Сейчас Таня видела и пожар, и захваченное им пространство, и куда он распространяется... огонь – неразумен?

Может, так.

А может, и нет, недаром же был у индийцев бог Агни^[32].

Огонь рвался туда, где его не потушат. Он стремился к торфяникам, проникнуть под шкурку болота, нырнуть в глубокие ямы – и тлеть, тлеть, пока не получится вырваться на волю снова и снова, распуская по лесу огненные щупальца боли и отчаяния.

И что они смогут с ним сделать?

– Следи за мной. И если потяну силу – не сопротивляйся, – Салея не тратила времени на объяснения. Да и как можно рассказать такое?

Показать, ответить на вопросы, а уж потом...

Может быть, Таня и научится. Кто знает?

Салея потянулась разумом в верхние слои атмосферы, присмотрелась к воздушным потокам.

Да, так дождя еще неделю не дождешься, а то и больше. А им нужен ливень. Здесь и сейчас. И потому...

Ветер...

Да будет ветер. Вот этот, холодный, северный, который может принести к ним кучевые грозовые облака, который заставит их пролиться на пожарище...

Но сколько же нужно сил, чтобы договориться с ветром...

Таня почувствовала, что из ее тела уходит нечто незримое, но очень важное. Похолодели руки. Потом уши, губы... было страшно, но надо ведь остановить пожар?

Надо.

Она потерпит.

Гена с ужасом наблюдал за девушками. Сначала они просто стояли, держась за руки. А потом вдруг резко зашумели деревья. Лесник поднял глаза к небу – и ахнул.

Ошалел.

Облака на небе крутились, словно их кто-то размешивал большой ложкой. Получался водоворот, и центр воронки – ее основание, если продолжить, – находился как раз над головами девушек. Или – они сами были оком урагана?

Гена не знал.

Но тучи набирали ход, появлялись невесть откуда. Резко похолодало, однако он воспринял этот холод как благо. А потом одна из девушек – та, что была ниже ростом, – повелительно вскинула свободную руку.

И начался дождь.

Тяжелые капли упали, побежали по щитку, прикрывавшему Гене глаза, застучали рядом по листве, по траве...

Если бы Гена смог, он бы сейчас на колени упал и кланялся. Но сил хватило только перевернуться и посмотреть в небо.

И понимать, что оттуда льет, льет, льет сплошным водопадом, серой завесой, стеной – и ничего лучше этой стены он не видел.

Что где-то садятся на поляны вертолеты, но пилоты совершенно не злятся на оказию. Они просто счастливы: сегодня больше не придется бороться с пожаром, и никто не погибнет, и лес – цел. И это так восхитительно...

Огонь шипел где-то рядом, извивался, но куда ему было спорить и бороться? Он ругался, плевался искрами – и тихо угасал под натиском серых восхитительных струй, льющих с неба.

А куда делись девушки?

И медведь?

Гена перевернулся на живот, но отыскать их взглядом уже не смог. Только ветки качнулись...

Рассказать?

А кому? И о чем? О том, что приехали две хиппи верхом на медведе и одна из них вызвала дождь? Можно, конечно.

Тебя даже выслушают. Минуты три. А потом примутся ржать, щупать лоб и тащить к врачу. Ясно же – перегрелся человек. Совсем мозги растерял. Или байки травит, вроде как про черную руку и красную простыню... сейчас вот про девушек на медведях. Потом будет про мальчиков на оленях.

Или вообще – а че так мелко?

Надо вдохновенно! Летел НЛО, а оттуда зеленые человечки ка-ак высунулись! Да как на лес пописали...

И это еще не полный список издевок и насмешек, которые себе представил Гена. У него фантазия была богатая, так что...

Лучше помолчать.

Опять же... как лесник Гена преоотлично знал, что в лесу всякое бывает. О многом и не расскажешь, а о чем-то и говорить не нужно. Не стоит. Или не поверят тебе, или полезут куда не надо, да там и сгинут...

Ни к чему.

А еще – ему в лесу жить. И по дорожкам ходить, еще долго-долго... нет уж. Лучше – помолчать. Целее будешь.

Почему-то Гена был свято уверен, что ему *дали увидеть*.

Что это все произошло не случайно. Что две девушки могут еще ему встретиться. И это будет важно, и нужно, и очень-очень ценно. Но пока...

Чудеса, равно как и счастье, любят тишину.

Так что Гена откинул с головы капюшон, тут же вымокнув до нитки, подобрал огнетушитель – и потопал в сторону своей сторожки. Пусть темновато, и дождь как из ведра, и видно плохо...

И пусть!

До дома он доберется.

А вот спасенный лес – это счастье. Настоящее. Без преувеличения.

И лес стоил даже небольшой простуды, которую-таки подхватил разгоряченный Гена, прогулявшись под проливным дождем. Он просто того стоил.

На поляне, куда вернулись девушки, дождя не было. Так вот странно: вокруг он льет, а над поляной словно кто-то зонтик держит.

Или что-то...

Подвинулись деревья, сомкнули кроны, защищая девушек от ливня, да так, чтобы и капелька лишняя на них не упала. Хранителей надо любить и беречь. И защищать.

А они, в свою очередь, помогут Лесу.

Медведь раскинулся на поляне, теплый, словно печка, и Таня, уже окончательно наплевав на все опасности, зарылась в его шерсть. Да и какие там опасности?

От него и медведем-то не пахнет!

Душицей пахнет, разогретой сосновой иглицей, смолой... такой очень лесной и летний запах. А медвежатиной – нет.

Ни капельки.

Закроешь глаза – и словно на громадном ковре лежишь. Живом и теплом.

Таня полностью расслабилась. Ощущения у нее были не из приятных. Словно после серьезного кровопускания. Или после трех рабочих недель подряд, без выходных и праздников. Такое у нее тоже случалось. Чуть не померла...

Как-то ее наняли за одной бабушкой приглядывать, ночами. И раз по шесть-восемь за ночь ее будили. Заработала она, конечно, очень много: хватило и на зимнюю обувь для себя и бабушки, и на лекарства, и на квартплату еще осталось. Но ощущения были – вот как сейчас.

Упасть, уснуть и видеть сны.

– Лея, ты как?

– Я почти в порядке. Я быстрее восстановлюсь.

Таня только вздохнула.

– А я?

– А ты попробуй поспать.

– Домой надо...

– Бабушка потерпит. Я ей говорила, что мы раньше утра не вернемся, а то и к обеду. Лучше поспи здесь, так ты быстрее восстановишься.

– Да?

– Конечно. Лес тебя подпитает. Спи...

Таня послушно сомкнула ресницы. Не сильно-то ей и спорить хотелось... правда, спаааааать! Хотя бы пару часов.

Салея покосилась на младшую сестренку, которая крепко спала на спине Хранителя.

Встала, потянулась.

– Нет-нет, за мной ходить не надо, – шепнула она в мохнатое круглое ухо.

В глазах Хранителя загорались и гасли красноватые искры. Салея знала: такие же и в ее глазах. И есть причина.

Она у всего есть. В том числе и у лесного пожара.

Да, иногда случается.

Сухая гроза, удар молнии или просто случайная искра... да, бывает. Если дерево долго тереть о другое дерево, можно добыть огонь. И такое в лесу тоже происходит.

Не в этот раз.

Этот пожар устроили вполне осознанно. И Салея даже знала, кто именно. И знала – почему.

Дурость?

Или мерзкие гнусные понты? Да кто ж его знает? Но Лес поделился сведениями.

Не с Таней, нет. Таня была еще маленькой и не могла увидеть все то же, что и Лея. А именно – начало пожара.

Компанию молодых ребят, которые жарили шашлычки, купались в лесной речке, «употребляли» к пиву симпатичных девушек во всех позах...

А заодно – загадили всю поляну. Закидали мусором.

И не затоптали за собой костер. Так, пописали в него перед тем, как уехать. И не обратили даже внимания, что угли-то остались горячими. И не просто горячими.

Порыв ветра, неудачно упавшая ветка... много ли надо, чтобы случилась беда?

Мало, очень мало.

Салея видела этих существ так ясно, словно присутствовала при несчастном случае. И собиралась как следует поквитаться.

За что?

А за все!

Случайность? Бывает? Надо понять и простить? Увы, ярость застилала глаза дриады кровавой пеленой, туманила разум, толкала на безрассудные поступки. Та самая ярость, с которой она вонзила стекло в шею охранника. Ярость Дубовой короны.

Кто сказал, что Лес – милосерден?

Может, Таня смогла бы помочь, но она спала. А Лея...

Лея не выдержала. Коснулась уха Хранителя, попросила побережь сестру – и встала на лесную тропу.

Она знала, откуда приехали эти, с позволения сказать, люди. И где они отдыхают.

И даже – что сейчас делают. Может, если б не это, Салея бы и стерпела. Попробовала хоть. Ладно... ограничилась бы обычной трепкой. Но парни сами на себя накликали беду.

Электросачок.

Удочка – это для лохов. Сеть – тяжелая, неудобная, да и навык нужен, чтобы с нею работать. Это в книжках красиво пишется: и закинул он в море невод. А кто хоть раз невод из воды тянул...

Ох, нелегкая это работа.

Динамит?

Тоже неплохо бы, но вот беда! На коленке его не сделать без риска для этой самой коленки. И в магазине как-то прикупить сложно.

Совершенно у нас полиция не понимает человеческих нужд.

А уж как их не понимает лесничество! Не успеешь в воду динамитика бухнуть – найдут и такого навешают... вплоть до терроризма.

Как тут быть?

А вот!

Берется электросачок – и всплывает рыба в радиусе удара током. Вода-то в озере не дистиллированная. Ток проводит. Собирай тем же сачком да и хвастайся.

А что потом озеро как отравленное, чтодохлая рыба на дно опускается, что природа гибнет...

Это тоже для лохов возражения!

Реальные пацаны понимают, что планета большая, на их век хватит. А потом – хоть оно травой порастит!

Компания из четырех молодых людей все понимала реально и конкретно. Сейчас они расположились у озера, попивали водочку, поглядывали на дом, в котором занимались их «уловом» две девушки облегченной морали, разговаривали о важном: телки, машины, бабки...

А куда спешить?

Сначала водочка, потом рыбка, потом девочки...

Они на заимке уже неделю отдыхали и собирались продолжать в том же духе. Главное, чтобы водочки хватило.

Пьяному за руль нельзя? Это вам, лохам, нельзя, а реальным пацанам – можно!

Чего они точно не ожидали – это появления на берегу озера невысокой девушки. Почти девочки. С зелеными волосами.

Только вот ни у кого язык не повернулся пошло приколоться или отпустить шуточку ниже пояса. Куда там!

Салея выглядела так, что хотелось визжать и бежать. Зеленые глаза горели яростными огнями, волосы, не связанные никакими резинками и завязочками, шевелились без всякого ветра, словно живые змеи, и становился неважен рост, неинтересен возраст...

Как-то сразу доходит, что вот эта девушка тебя в тонкий пласт раскатает, одним только пальчиком.

– Э-э-э... – глубокомысленно вякнул один из парней.

Им бы визжать, бежать... авось Салея и не стала бы за ними гоняться. Но – не успели.

Просто не сообразили. Затуманенные алкоголем мозги не были способны генерировать какие-то импульсы кроме мычательных и плевательных. За что и поплатились. В ту же секунду.

Салея вскинула руку – и Лес вокруг парней ожил.

Взметнулись вверх травы и корни деревьев, оплели, притянули к земле, заткнули рты...

Сдвинулись сами деревья, закрывая всю компанию от посторонних глаз.

А крики и вопли... какие тут крики? Когда рот и открыть-то не получается. Трава его забивает, душит, давит... не вырвешься, не крикнешь, не вымолишь милосердия. Да Салея и не собиралась никого прощать.

Ей хватило одного движения даже не рукой – ресницами, чтобы водоросли выползли из воды, словно длинные склизкие змеи, обхватили поверженных врагов за ноги и потянули в воду. Медленно и неотвратно.

Вот вода дошла до колен, до пояса, вот она уже заливается в разинутые рты, в широко распахнутые от ужаса глаза, вот тела под

водой перестают шевелиться...

Салея снова повела рукой, отпуская растения на свои места. Пусть живут, как им и положено. Посмотрела на озеро, на дом, в котором ощущалась жизнь, но... непричастная к произошедшему.

Невиновная.

А если так – и забирать ее не стоит. Ни к чему. И чужого внимания дриада не ощущала.

Пусть живут.

Салея развернулась и отправилась обратно. Туда, где мирным сном на спине Хранителя спала Таня. Дриада ничего не расскажет сестре, ни к чему. Таня будет переживать, нервничать.

А сама Салея ощущала себя намного лучше. И понимала, что происходит.

Если она не умрет, то превратится в Хранителя. Только не такого, как медведь, нет...

Безумного, страшного, нападающего на каждого, кто причинит хоть малейшее зло Лесу... нет, такого она для себя не желает. И вспышки ярости все сильнее, и бороться с ними уже не хочется.

Иногда смерть – это лучший выход.

Когда спустя час поджарившие рыбку девушки соизволили выглянуть наружу, они были весьма и весьма удивлены. Нигде не было и следа парней.

Костерок был, сачок валялся, водка, закуска, стопки...

Все на месте, а ребят нет.

Поиск и крики результатов не дали, потом уже более сообразительная догадалась заглянуть в воду. Побелела, позвала подругу... та прибежала и завизжала. И было отчего. Утопленники – зрелище не для слабохарактерных и тонких натур.

Вытаскивать они никого не стали. Вместо этого прыгнули за руль машины и помчались в город. Подальше от места происшествия. А кого еще могут сделать крайними?

Было шесть человек, четверо умерли, двое осталось... кто виноват?

То-то и оно.

И доказывай потом в полиции, что ты ни при чем! И как тут докажешь?

Впрочем, забрать все свои вещи и вообще все ценное, стереть отпечатки пальцев и бросить машину с открытой дверцей там, где не было камер, девушки догадались. И алиби себе обеспечить постарались.

Авось и пронесет?

Вдруг им повезет?

Как-нибудь да обойдется.

– Милочка, спасибо тебе! И Танечке, и Лее... их сейчас дома нет?

– Нет. Что случилось? – удивилась Людмила, глядя на Ольгу Ивановну.

Впрочем, они друг друга уже по именам называли. Подружились...

– Спасибо сказать хотела. За Петеньку!

– Ты сказала уже.

– Милочка, ты просто не понимаешь. Я после того хотела Петеньку сразу из города увезти – не успела. Всю эту технику, будь она неладна, из дома убрала, а все равно не уследила! Сосед ему свой планшет дал!

– Вот гад!

– Петенька и играл в него... часа три играл.

– А потом?

– Как ему ночью плохо было! Милочка, это жуть какая-то! Я «скорую» вызвала, его кое-как скрутили, в больнице уже судороги сняли... зато как отрезало! Он даже телефоном пользоваться не хочет, разве что старым, кнопочным.

– Даже так?

– Говорит, там никаких игрушек точно нет! И он к ним не прикоснется.

– Что ж, – Людмила Владимировна только улыбнулась. – Все к лучшему.

– Не знаю, чем и тебя, и девочек благодарить... брат вот, передал...

В узелке оказалась банка меда. Запах по комнате пошел такой, что даже кошки заинтересовались. Не говоря уж о наглой ротвейлерской морде...

– Гном! Фу! Оля, спасибо. Но девочки это сделали не ради денег.

– Знаю. Вы нам с Петей жизнь спасли, Милочка. Один он у меня, без него я умерла бы. Если девочкам что понадобится – только скажи. Луну с неба достану!

Людмила Владимировна заверила собеседницу, что Луна не нужна. И без звезд они отлично обойдутся.

А потом проводила подругу, да и села поплакать.

Девочки, девочки... и защитить вас не получится, и помочь толком не выйдет. И Лея обречена.

Что ж в жизни все так грустно складывается-то, а?

– Пап, мам, привет...

– Русик, – мама просияла и поцеловала Руслана в щеку. Сама встала, поцеловала, и никакой отдышки. И никаких болей.

И улыбка...

Вот оно – счастье!

Руслан обнял маму за плечи и поцеловал в ответ.

– Как самочувствие?

– Восхитительно! Как учеба?

– Нормально, мам. Все пучком.

– Как девочки? Как Танечка, Лея?

– Отлично. Грызут гранит науки.

– Может, пригласишь их к нам на выходные? Шашлыки пожарим, отдохнем... Я буду рада пообщаться и с ними, и с Таниной бабушкой! Русик?

– Присоединяюсь, – кивнул Даниил Русланович в ответ на вопросительный взгляд сына. – Приглашай, если захотят прийти. Буду только рад. Кстати, тебе никто из девушек не нравится?

Руслан пожал плечами.

– Я как-то не думал. А что?

– Если понравится, я тоже против не буду. Девчонки хорошие, это сейчас редкость.

– Пап, я...

– Рус, я все понимаю. И не до того было, и Таня не из тех девушек, что умеют себя показать, и Салея недавно в России. Но ты к ним все равно приглядишься. Умная жена – великое благо. А в данном случае свекровь будет заранее счастлива такой невестке.

Руслан хмыкнул.

– А погулять?

– Если нужно – на здоровье, – пожал плечами Петров-старший. – Запрещать не буду. Но мне кажется, ты в меня пошел. И количеством качество не заменяешь.

Руслан задумчиво кивнул.

Есть такое. Да и не заменишь его. Не получится.

– Подумай. И приглашай девушек. Мы будем рады их видеть.

– Хорошо. Приглашу.

Руслан невольно подумал о Тане.

Салея – нет. Слишком она не такая, чуждая, нездешняя. А вот Таня....

Она не красавица, не яркая, не броская, как та же Извольская. Но она умная, решительная, смелая, настоящий друг и надежная опора. Много это или мало?

Сложный вопрос для восемнадцати лет. Но Руслан над ним еще подумает. Обязательно.

– Шикарно выглядишь!

– Танечка, ты просто великолепна, – подтвердила бабушка.

Таня подтянула ремень на «черепaxe». Действительно, Дарт Вейдер сейчас мог бы ей позавидовать. У нее тоже все черное, блестящее, хромированное, лакированное... и ей мотосбруя очень к лицу. Даже жаль, что не пригодится.

Мотоцикл Таня не понимала. В принципе. Вот машина – да, это интересно, приятно, ты сидишь, она едет. А мотоцикл...

А если с ней что-то случится? С кем бабушка останется?

Да, в машине тоже может быть опасно, но машина все же надежнее. И пользоваться ею можно круглый год, а не только когда дороги сухие и более-менее чистые. Нет, мотоцикл – не то.

А вот мечта...

Должна же быть у девушки своя большая любовь?

У Тани была.

Джип «хаммер». Из самых-самых ранних, на военных мостах... кто видел, тот поймет. Это почти мирный танк.

Только вот стоит бешеных денег, достать его практически невозможно, а содержать тяжело. Тот самый белый слон из индийских преданий. Животное, может, и важное, и священное, но содержать такое – удавишься^[33].

– Салея, ты тоже выглядишь великолепно, – вернула Таня комплимент.

Зеленое шелковое платье стоило бешеных денег. И стоило каждой монетки.

Салея в нем выглядела восхитительно. И это еще мягко сказано. Платье, пошитое в стиле древнегреческого хитона, оставляло открытым одно плечо, мягко ниспадало к маленьким ступням, облакивало, подчеркивало, окутывало невесомым зеленоватым облаком.

К нему не нужны украшения. Такое платье само по себе – украшение.

Дубовая корона начала раскрываться. И теперь на ней вместо почек были маленькие зеленые листики. Пока еще совсем крохотные.

– Красиво, – вздохнула Таня.

Салея промолчала.

Она знала. Если она не справится, Дубовая корона станет алой. Но она должна. Просто – должна.

– Нам пора...

Таня принялась раздеваться, складывая сбрую в мешок. Не идти же так по городу? Ладно еще – комбинезон, можно оставить. А остальное надо снимать.

Но какие ж дорогие все эти мотоигрушки!

Глава 10

Ее величество даэрте ждали, как богиню. Да она и была ею – в какой-то степени. Первая близ престола Дараэ.

Тысяча даэрте были готовы. В любой момент соберутся и пойдут. У всех заплечные мешки с запасом всего самого-самого нужного, даже с продовольствием на первое время.

Все – мужчины, молодые, все вооружены, все готовы к чему угодно. Ее величество сказала, что опасности не будет?

Замечательно. Но с оружием-то оно надежнее, правда?

Когда открылся портал, старейшина Мирил едва за сердце не схватился.

Пришла!

Она – пришла!

И первым делом впился взглядом в Дубовую корону.

Листочки. Пока обычные, зеленые, пока еще ничего страшного. Время еще есть.

Вслед за ее величеством из портала вышел... вышла... вышло – кто? Больше всего это было похоже на боевиков Командора. Все в черном, блестящем, какое-то... но ее величество улыбалась вполне весело и спокойно.

– Старейшина Мирил!

– Ваше величество! Я рад...

– Объявите сбор – и пусть первые добровольцы начинают проходить в портал. Знакомьтесь, это – Таня.

Черное и зеркальное в районе головы существа щелкнуло, забрало поднялось, открывая нежное девичье лицо. И глаза...

У нее глаза изначально были серыми. А сейчас серую хмарь окружал отчетливый искристо-зеленый ободок. И старейшина знал, почему это могло случиться.

– Ваше величество, – поклон Салее. – Ваше высочество, – поклон Тане.

Таня подняла брови.

– Лея?

– Ты считаешься моей сестрой по крови. Соответственно, высочеством.

Таня молча кивнула.

– Как я могу поговорить с ша-эмо? Я прибыла на переговоры.

– Ваше высочество, позвольте вас сопровождать? – предложил старейшина. Знак он уже подал, первые добровольцы уже мчались к порталу... вот, сейчас уже...

Первый даэрте влетел туда чуть не кубарем, вперед головой. Старейшина жестко подчеркивал, что НЕЛЬЗЯ задерживать ее величество. Ни на минуту.

Второй, третий...

Но их – тысяча. Время, на все требуется время.

Старейшина Мирил предложил Тане руку и повел ее к окраине села. Там была стоянка для кораблей ша-эмо.

– Ваше высочество, позволено ли мне будет задать вам несколько вопросов?

– Да, конечно, – махнула рукой Таня. – Спрашивайте, отвечу. Лея разрешила.

Старейшина подумал об излишней фамильярности с королевой, но...

Если ее величество не против, то кто он такой, чтобы рот открывать?

– На вашей планете есть леса?

– Да. И в них есть достаточно места для вашего народа.

– А как к нам отнесется ваш народ?

Таня пожала плечами.

– Сложно сказать. Везде есть свои дураки – и свои умники. Но внешне вы от нас практически не отличаетесь, Салея сказала, что мы отлично совместимы, так что – промолчите и сойдете за своих. Салея сказала, что даэрте не нужно государство, границы, какие-то установления... просто вы хотите жить спокойно. А это вполне реально в нашем мире.

– У вас нет войн?

– Есть. Но выкопать вас из тайги и отправить воевать? Вряд ли...

– Мы не боимся войн. Но сейчас речь идет о полном уничтожении народа даэрте.

– У нас это называется геноцид.

– Если называется – в вашей истории такое было?

Таня кивнула.

– Было, к нашему общему позору. Мои предки воевали на той войне, и существо, которое пыталось уничтожить целые народы, было убито. К сожалению, идеи всякой мрази бывают весьма живучи. Слишком уж это приятно – считать себя выше других не потому, что ты умный, добрый или сделал что-то полезное. А просто – выполз на свет в нужной стране. Или принадлежишь к нужному течению, носишь на шее какую-то символику... мразь очень живуча. Увы.

– Таких надо давить с их идеями.

– Полностью с вами согласна. Но дуракам не докажешь.

Старейшина кивнул.

Это Таня думала, что с ней ведут светскую беседу. А на самом-то деле даэрте прислушивался к ней. К ее эмоциональному фону, к ее словам, искренности...

Девушка не врала. Или сама верила в то, что говорила. Это давало определенные шансы. И старейшина радовался.

Ему хотелось жить. И хотелось, чтобы жили его родные, близкие, его народ... если там есть шанс – им надо пользоваться. Потому что здесь их ждет только смерть.

Вот и стоянка для кораблей.

– Офигеть! «Тысячелетний сокол»!

Откуда было знать старейшине, что личный челнок Командора был ужасно похож на того самого «Тысячелетнего сокола» Хана Соло? Разве что цвет черный.

Таня взирала на корабль с безмолвным восторгом. Правда же! Почти-почти!

Но кто б ее пустил на киностудию?

А тут все вживую! И настоящее! Просто – вау!!! А еще – ав-ав и мяу!

Долго ждать не пришлось. Вопреки всем киноканонам и фанонам – из «Тысячелетнего сокола» вышел Дарт Вейдер!

А что? Таня так Командора и восприняла! Весь в стильно черном, плащ развеивается за плечами, разве что шлем немного другого фасона, но с фильтрацией.

Даэрте одно время пытались бороться с захватчиками с помощью дурманных веществ, вот и приспособились ша-эмо хоть как, но защищаться.

Двое людей остановились друг напротив друга. Таня задрала голову – Командор был выше сантиметров на сорок. В полированном стекле мотошлема отразилась его черная маска.

– Командор Дарс Кет, – жестко представился мужчина.

Таня не отвела взгляда.

– Татьяна Углова. Представитель Российской Федерации на этой планете.

А что? Она тут одна, значит, она и представитель! Может, даже полномочный посол.

– И что вам нужно от этой планеты? Как представителю Российской Федерации?

– Все, – нагло ответила Таня. – Ресурсы. Растительные, ископаемые, человеческие, и как мне кажется, местные жители не будут против.

– Зато буду против я, – Командор понял самое страшное. Появились конкуренты.

Лакс, может, и почуял бы подвох. Но Лаксу пришлось солоно, за кляузы Командор ему устроил невеселую жизнь в «отстойнике», то есть в отделе кадров.

А что?

Все кадры, которые нужны лично Командору, у него уже есть. Сильно напортить Лакс там просто не сможет. А брать его с собой или доверять бывшему наместнику что-то важное...

Может, еще и гадюку на шею повесить? Для украшения?

– Вы пока ничего хорошего, кроме геноцида, тут не устроили, – парировала Таня.

Страшновато было, конечно. Но был еще и оттенок нереальности. И...

Салея.

Вот за кого Таня могла порвать на тонкие ленточки и навязать макраме – так это за своих.

Да, за бабушку. И ротвейлера, и двух кошек. И сестру.

За мать – нет. Мать для нее была не своей, а так. Где-то рядом. Но не своя, не любимая и вообще – ходит тут всякое, бабушку нервирует, прибить бы, да так бусе еще больше будет.

А вот Салея...

Она бабушку вылечила. И для Тани стала родной. Поэтому девушка не испытывала ни смущения, ни сомнений. Перед ней был ВРАГ.

Враг, который обижал ее обожаемую сестренку, враг, которого надо было дурачить и морочить или даже вообще прибить, враг – и точка!

Почти как на «неукротимой планете Пирр»^[34].

Убить врага? Не-ет, это слишком быстро и весело. Пусть поживет, помучается, в идеале хорошо бы его свои же под плинтус загнали! И Таня приводила в действие их с Салеей план.

– А вы из благотворительной организации? – парировал Командор. – Вы эту планету не удержите!

– Вы наши орбитальные комплексы видели? Нашу «Звезду смерти»? Еще как удержим, поставим тут четыре штуки – и вы Дараэ будете облетать почтительно, по большой дуге и с поклонами.

– Вы, юная дама, не видели нашу атаку, – парировал Командор. – И наш «Разрушитель».

Таня даже не фыркнула.

– Будем мериться – или договариваться?

Командор скрипнул зубами.

– Договариваться? О чем?

– Российская Федерация может выделить вам три процента от прибыли. Если вы не будете мешаться под ногами, – «благородно» предложила девушка.

Командора аж затрясло.

– Три. Процента?

– Ладно. Три с половиной, – согласилась Таня. – Хотя это вы нам платить должны.

– За что?!

Вот где, где справедливость? Это – женщина! В морду ей не дашь, и шею сворачивать тоже нельзя, пока неясно, кто за ней стоит. Но какова наглость?!

– Мы вас избавим от такой проблемы! Сколько вы уже на Дараэ? Лет двадцать? И все это время травите местное население и не получаете никакой выгоды! Решительно фу! Мы вот прийти не успели, а нам уже рады.

Командор скрипнул зубами.

– Думаю, это ненадолго.

– Да что вы! Просто рядом с вами кто угодно сокровищем покажется! Ладно... четыре процента – за помощь!

Таня издевалась и торговалась.

Лея ждала, пока через портал не пройдет последний даэрте.

Потом коснулась старейшины Мирила, которому все это время рассказывала о своих делах на Земле и о ее укладе, о населении, обычаях, Лесе. Главное – о Лесе!

– Вы все поняли, старейшина? Готовьте народ к уходу с этой планеты. Мы подготовим временные лагеря, а там и вообще сможем жить рядом с людьми.

– Мы не перестанем существовать как народ? Ваше величество?

– Конечно, нет. И сходите, поторопите Таню.

Старейшина поклонился.

– Да, ваше величество. Я все сделаю, как вы прикажете.

Салея кивнула. И дотронулась до Дубовой короны.

– Когда все закончится... позаботьтесь о моей сестре. Пожалуйста.

– Я все для вас сделаю, ваше величество.

– Знаю, Мирил. И именно потому прошу, а не приказываю. Это не повеление королевы, а просьба воспитанницы. Пожалуйста.

И в зеленом глазу старейшины блеснула слеза.

Ваше величество...

К моменту прихода старейшины высокие стороны не договорились ни о чем.

Таня решительно отказывалась дать Командору больше восьми процентов. Командор готов был свернуть наглой дряни шею.

Переговоры уверенно зашли в тупик, поэтому появление старейшины Командор принял даже с радостью.

– Что...

– Ваше высочество, народ Дараэ подготовил петицию...

Таня приняла тяжелый свиток. Зеленый, толстенький, свернутый из какого-то листа. Кто бы сомневался, что даэрте не станут перерабатывать живые деревья на бумагу, не будут выделять пергамент или драть бересту. Они найдут свой путь.

Вот и лежит в ее ладони туго свернутый в трубочку здоровущий лист. Широкий, толстенький, на таком хоть пиши, хоть черти – не порвется.

– Я передам этот свиток правительству Российской Федерации. Ло Кет, полагаю, наши переговоры зашли в тупик?

Командор скрипнул зубами.

– Вы просто пришли из ниоткуда и собираетесь отобрать у нас то, что принадлежит нам...

– По праву сильного? Но вы точно так же поступили с Дараэ?

– Они слабы и глупы...

Иронично вскинутые брови девушки заставили Командора ощутить себя идиотом. Действительно... если на него нашелся кто-то сильнее? «Звезда смерти» внушала почтение одним своим видом. И думать не хотелось, что *такое* встанет вокруг Дараэ.

Это ведь и мимо не пролетишь...

Или...

– Почему бы нам не решить этот спор дипломатически?

Таня прикусила язык. Дипломатически? В понимании данного амбала это как? Бить друг друга по голове дипломатами?

Очень похоже...

– Предлагаю провести учения... к примеру, на орбите Шанды? – Командор указал рукой в небо. Таня тряхнула головой, вспоминая... Шанда, что такое Шанда?

Да, одна из планет местной солнечной системы.

Дараэ, кажется, вторая, а Шанда – седьмая? Салея рассказывала, но вскользь.

– И по результатам учений определить, чего нам ждать друг от друга? – Таня задумалась. – Пожалуй... Я изложу ваше предложение моему правительству. Но вы понимаете, что на переход нам понадобятся силы и время?

Командор кивнул.

– Отлично понимаю.

А еще в это время вы будете практически беззащитны. Чего проще – обстрелять то, что появится из портала? Вы сюда навеки дорогу забудете! И про вас забудут!

Дарэ – НАША!!!

– Я доложу президенту. И вручу ответ... да вот, хотя бы старейшине Мирилу.

Командор не стал спорить.

– Хорошо. Когда?

Таня развела руками.

– Сегодня я возвращаюсь, завтра на доклад, потом несколько дней на рассмотрение, согласование... вы военный человек и знаете, что за один день такое не организовать.

Командор знал. Вот если бы девчонка сказала – завтра...

Тогда точно врала бы. А так все правильно. Требуется время.

– Пять дней?

– И вы получите ответ. Дату и время проведения учений... если президент согласится.

Дарс кивнул:

– Хорошо.

Развернулся – и широкими шагами направился к кораблю. Поднялся по трапу так быстро, что услужливая автоматика даже дверь не успела распахнуть.

Вы у меня получите учения...

Памяти вашей в Космосе не останется.

Стоило кораблю оторваться от земли, как с Тани слетела вся важность.

– Тут нет следилок?

– Могут снимать с орбиты, – старейшина оценивал Командора вполне здраво.

Таня кивнула и последовала за старейшиной под кровлю Леса. Да, именно кровлю, так тесно были переплетены кроны деревьев. Тут не то что с орбиты, с трех метров не поймешь, что под ними происходит.

И там вся сдержанность покинула девушку.

Салея лежала на траве ничком. Лежала, и кровь текла у нее из носа и из уголков глаз. И из-под Короны – тоже.

Таня упала на колени рядом с подругой.

– Лея!

– Все... хорошо...

– Как же! Бледная, словно смерть! Живо, пей!

Таежный бальзам на семнадцати травах, в который бабушка щедро натерла корень женьшеня, подействовал – и быстро. Лея хотя бы кровью истекать перестала.

– Это... тяжелее.

Старейшина смотрел на нее с тревогой. Он видел опасные признаки... бляшки Дубовой короны сильно вросли в кожу ее величества. И глаза у нее светились не зелеными огнями, а красными. И...

Клыки и когти.

Сразу их не заметишь, но ему видны все признаки.

Он знает...

Салея зажевала настойку шоколадным батончиком и выдохнула.

– Ничего, сестренка. Я держусь. Но всех даэрте мне не увести.

– Может быть, и не надо, – отмахнулась Таня. – Лея, давай пойдем домой. А поговорим потом, когда ты отдохнешь.

Салея прикрыла веки.

– Старейшина?

– Я помогу, ваше величество.

Мирил и хотел бы, чтобы королева осталась. Но здесь для нее слишком опасно.

Слишком.

Он бережно поднял с земли хрупкое тело дриады и понес к portalу, в котором уже исчезли тысяча даэрте.

И его сын тоже...

Ему здесь тоже опасно. А там?

Да кто ж его знает?

Идти в неизвестность – опасно. Остаться здесь – смерть. Есть ли сомнения, что надо выбирать? У старейшины их не было. Но... королева не сможет провести через портал весь народ. Не сможет, не выдержит... кто останется здесь на верную смерть в лапах ша-эмо?

Он – точно. Но пусть у сына будет шанс.

Или... жертвоприношение? Но жизни одной королевы тоже не хватит. Тогда кто? Кто умрет, чтобы смогли жить остальные?

Таня коснулась его плеча.

– Старейшина, я кое-что придумала.

– Что именно?

Старейшина сомневался в том, что у девочки могут быть хорошие идеи. Но вдруг?

– Мне только надо кое-что знать. Ваши порталы – они подпитываются лишь Лесом, или их можно запитать... снаружи?

– Это как?

– К примеру, молния? Это же столько энергии!

Старейшина недоуменно пожал плечами.

– Ну да. И молнии, и разность высот, и ветер... наши порталы впитывают любую энергию.

– Только природную?

– Эм-м...

– Старейшина, скажите, могут ли ваши порталы подпитываться от оружия ша-эмо? Так, к примеру?

– Я не знаю. Мы не пробовали...

– Есть ли у вас возможность достать образец и попробовать?

Старейшина Мирил ненадолго задумался.

– Да, у нас есть оружие. Но я не понимаю...

Таня коснулась его руки. Еще раз.

– Лея не сможет провести весь народ.

– Неужели? – сварливым тоном откликнулась королева.

– Факт, – заверила ее иномирная нахалка. – Ты тысячу провела – и вот, лежишь тряпочкой. Еще десять тысяч – и от тебя даже ленточек не останется. Оно бы ладно, но им-то каково?

Салея горько вздохнула.

Таня – нахалка. Но ведь права же...

– Да. Я не смогу.

– Вот. Поэтому у меня появилась идея. И старейшина сегодня попробует ее осуществить.

– И где мы возьмем столько оружия?

– Разберемся, – отмахнулась Таня. – Старейшина, я могу на вас рассчитывать?

– Да, ваше высочество. Но...

– Мы придем через несколько дней, чтобы передать ответ для Командора. И вы мне обо всем расскажете. Хорошо? А мы пока посоветуемся в своем мире... я плохо знаю физику, к сожалению.

Мужчина кивнул:

– Хорошо, ваше высочество.

– И скажите даэрте, пусть готовятся. Провизия, одежда, что там еще... все на несколько дней для выживания. Лучше – дней на десять. Может, как-то организовать повозки... вам виднее. Вы лучше справитесь.

Старейшина снова кивнул.

Да, он справится лучше. Тут иномирянка права. Каждый должен заниматься тем, что умеет делать, а он – отличный организатор.

– Я буду ждать весточки.

– И проведете эксперимент.

– Да, ваше высочество.

– Благодарю, Мирил.

Королева кое-как встала на ноги. Иномирянка тут же подхватила ее, не страшась прикоснуться к чудовищу, не страшась неизмеримой силы королевы. А ведь не могла не понимать, что королева ее даже не пальцем – движением ресниц в пыль развеет.

И – не боится?

Глупость?

Старейшина посмотрел на девушку еще раз. Нет, не глупость. Судя по выражению на лице Та-нии, она искренне беспокоится за свою названую сестру. Любит ее. Переживает.

И не боится.

Подобные чувства заслуживали уважения.

– Держишься?

– Да...

– Тогда пошли, бабушка волнуется.

И ответом Тане была слабая улыбка.

Действительно... нельзя волновать бабушку.

Две женских фигурки шагнули в закрывающийся портал.

Старейшина вытер пот со лба. Да, нелегко ему дался этот день. Ох как нелегко. Но впереди еще более серьезные и сложные задачи. А отказаться нельзя.

В себе Мирил был уверен полностью. Он-то сделает все наилучшим образом, и стыдиться не придется, и вообще... он из кожи вон вылезет, чтобы оправдать королевское доверие. А другие?

Хочешь, чтобы все было сделано хорошо, – сделай сам.

С этой мыслью старейшина и отправился в святилище. Сейчас он отдохнет с полчасика, а потом начнет действовать.

Организовать миллион даэрте...

А гору не проще срыть? Детским совочком для песочка? Нет?

А надо...

Дарс Кет был зол, как ударный отряд боевых шершней. Литанских. Тех, которые размером с кулак, и одного их укуса хватает, чтобы сдох даже литанский дановр – зверюга размером с крейсер. Человеку и того меньше.

Но кто его спрашивал?

Сволочи!!!

Королева?!

Тварь, гадина, стерва... если перебирать все эпитеты, которыми Дарс осыпал Салею, тут бы как раз сесть и отдельный словарь составить. Космического мата. Военного такого...

Это ж надо!

Побег! Союзники! И...

Вспомнив наглого представителя союзников, Дарс еще сильнее заскрежетал зубами.

Присссслали! Какую-то дрянь мелкую! Даже не мужчину! Правда, девушка сказала, что отец обучает ее в реальной обстановке. Конечно, они заинтересованы в Дараэ, но даже если сделка сорвется, у них достаточно сил, чтобы отстоять свое.

Свое!!!

Явились тут, не запылились! Какая-то Российская Федерация! На готовенькое!

Командор хищно оскалился.

Как явились, так тут и останетесь! «Звезда смерти», говорите?

А у нас тоже своего хватает! Не видели вы бортового залпа крейсера! Надо только узнать, где именно они откроют портал, ну и

навалиться, ударить, не дать им пройти сюда...

Обучение?

А у нас будут реальные учения. На реальных объектах.

В боевой обстановке.

Ты у меня, тварь, кровью умоешься! Вместе с этой поганой планеткой!

Но кого Командор имел в виду – Салею или Таню, он и сам бы не ответил. Обоих, наверное.

Мерзавки...

Миновав ворота, Салея пошатнулась, запнулась ногой и упала бы навзничь, не подхвати ее с другой стороны сильная мужская рука. Таня старалась, но тут еще и недостаток веса сказывался.

– Ваше величество...

Салея подняла глаза на мужчину, который вовремя помог.

– Элран?

Сын старейшины Мирила улыбнулся.

– Да, ваше величество.

– Лея. Не в моем положении церемониться.

– Лея...

– А это моя сестра. Таня.

Элран покосился на девушку без особого восторга. Слишком уж она ему напомнила Командора своими доспехами. Таня фыркнула в ответ из-под шлема.

Вот таких парней она вообще терпеть ненавидела. И иначе тут никак не скажешь.

Бывают же некоторые вот такими красивыми! Просто глаз не оторвать!

Элран был ненамного выше самой Тани, может, на полголовы, но пропорциональное сложение, широкие плечи, осанка, гордая посадка головы – все это визуально прибавляло ему роста, заставляло смотреть на парня снизу вверх. И словно этого было мало...

Внешность.

Лекари сотворили чудо, не оставив от ожогов и следа. И Элран казался воплощенной девичьей мечтой. Высокий лоб, точеный прямой

нос, полные губы, твердый подбородок, аккуратные скулы, громадные зеленые глаза, а ресницы... это просто веера какие-то!

Увидь Йен Сомерхолдер и Джастин Бибер это ходячее совершенство – заплакали бы и пошли в монастырь. В женский. А про к-рор и говорить нечего: там сначала надо найти тех, кто обошелся без пластических операций. Здесь-то все свое, натуральное...

Да-да, на Таню такие красавчики никогда внимания не обратят. И что? И не завидует она, и вообще...

Салея, которая отлично понимала, о чем думают эти двое, усмехнулась.

– Мне надо чуточку отдохнуть. Ран, вы пока приступайте. Знакомьтесь с Лесом, осваивайтесь, только далеко от этого места не уходите. Я сейчас призову Хранителя, и через полчаса...

– Час, – перебила Таня.

– Хорошо, через час я поговорю со всеми. А пока – за дело!

Элран почтительно склонил голову, довел Салею до удобного места под большой сосной – и откланялся.

Таня с интересом смотрела на даэрте.

Вот казалось бы – внешне они похожи на людей. Но... перекинь в незнакомое место тысячу человек – и получишь толпу, рядом с которой стадо баранов – интеллектуальная тусовка.

Даэрте себя вели совершенно иначе. Они спокойно и уверенно разворачивались и шли в лес. По всем четырем направлениям.

На север, юг, запад, восток...

Таня откуда-то знала, ЧТО именно они там будут делать.

Кто-то ложился на траву, кто-то прикивал к деревьям... не важно каким. Сосна, береза, осина, пихта... что угодно. То, с чем было сродство у данного конкретного даэрте. Кто-то садился в позу медитации... как это называлось у даэрте – в позу слияния с Лесом, и мужчины, и женщины (старейшина отобрал поровну и тех и других) принимались вслушиваться.

Или наоборот? Разговаривать?

Отвечать Лесу?

Спросить Таня не успела, из-за кустов появился Хранитель, и Салея со вздохом облегчения почти нырнула вперед, в густую медвежью шерсть. Еще и Таню за собой потянула.

Пахнуло смолой и душицей.

Таня расслабилась.

– Лея...

– Дыши и ни о чем не думай. Я рядом, я помогу тебе с каналами.

– Лея, ты...

– Я устала, но надо восстанавливаться. И ты права, Таня. Я не проведу через порталы миллион даэрте. Умру намного быстрее.

– Вот.

– Расскажи, что именно ты придумала?

– Это зависит от того, что мне поведает ваш старейшина. Может ли техника даэрте подпитываться от техники ша-эмо?

– Эм-м?

– Я понимаю, вы не пробовали. Но вот ты рассказывала, что ушла в портал. Он был заряжен? Ша-эмо смогли его зарядить? Не активировать, а именно подзарядить?

Салея задумалась.

– Нет, вряд ли. Для этого им не хватает понимания. Но в принципе наши... пусть технологии способны воспринимать любой вид энергии. От воды, земли, воздуха...

– Молнии?

– Да.

– А если молния рукотворная?

– Это как?

Таня вздохнула, было в этом нечто сюрреалистическое. Лежать на туше здоровущего медведя и показывать подруге-дриаде ролик из ютуба. О шаровых молниях, сделанных чьими-то шаловливыми ручками^[35].

Салея искренне задумалась.

– Таня, я не знаю. Мы никогда не пробовали...

– А если попробовать? Я попросила старейшину...

– Значит, он сделает. Но зачем?

– Как – зачем? Вот представь себе, я тут чуточку поморочила Командора, и он предложил провести учения. Чтобы якобы оценить наш потенциал.

– Ты в это веришь?

– Лея, я что – с сосны упала?

– С дуба...

– Сосна – выше.

– Понятно. Нет, не упала.

– Вот, и Командор наверняка предложил это не просто так. Мы приходим и через старейшин передаем ему письмо, что флот готов, что он выйдет из пространства в таких-то координатах. Что может сделать ваш Командор?

– Скорее всего... устроить засаду?

– Правильно. И если там что-то такое появится – шарахнуть всей мощностью.

– Ну... да.

– А вот смогут ли даэрте перенаправить эту мощность? В своих интересах и на свои установки?

Салея схватилась за голову.

– Ох... Таня! Так никто и никогда не делал!

– Но другого выхода у нас нет! Вы не станете выдаивать досуха планету, ты сама переход не потянешь, десяти лет, чтобы накопить нужную мощность... или сколько там времени понадобится?

– Чтобы зарядить все порталы и накопители? Лет пятьдесят...

– Вот, их у нас тоже нет. Вывод прост. Кто нам мешает – тот нам поможет! – произнесла Таня голосом Фрунзика Мкртчяна. Понятно, у него лучше получалось, ну уж чем богаты.

– Я не знаю... это надо советоваться с учеными. Я могу многое, но это сила Дубовой короны... это не знания. А инстинкты.

Таня вздохнула:

– Это уже вопрос к даэрте. Я бы предложила создать объемную иллюзию для Командора...

– Как?

– Как это происходит в природе. Также надо смотреть, я не сильна в физике, но есть же миражи! И водяные зеркала, и прочие атмосферные явления? К примеру, берем проектор и с помощью оптических иллюзий показываем противнику все в увеличенном виде... это надо думать – как.

Салея медленно кивнула:

– Враг видит все это, бьет всей мощностью...

– Даэрте подхватывают ее – и перенаправляют на планету. И замыкают устройства в одну сеть, чтобы не мчаться через порталы, а, к примеру, накрыть сразу большую территорию, на которой все в тот момент и соберутся? Несколько территорий?

– У тебя совсем другая логика.
– Да. И что?
– Это хорошо. Я не видела такого пути решения, Таня. Ты помогла мне. А вот реализация...
– Думай, Лея. Мне кажется, ты уже что-то придумала.
– Да. Мне надо поговорить с Элраном.
Таня кивнула.
Надо – отлично!
– Только сначала отдохни положенный час. И вот... съешь.
В руки Салеи переключал еще один шоколадный батончик.
Друида усмехнулась, сняла обертку и принялась жевать.
Вкусно.
На Дараэ шоколада не было, а здесь есть. Еще одна причина для переезда...

Элран привычно распоряжался среди даэрте.
Казалось бы! Все знают и куда идти, и что требуется, и как это нечто должно выглядеть, но вот пришла пора действий – и что?
И половина молодежи просто ошалела.
Новый Лес!
Королева рядом!
Хранитель!!!
Вот и закружились головы у молодняка. Себя, кстати, Элран к молодежи не относил. После смерти друга он резко повзрослел. Или поумнел?
Может быть, и то и другое. Неизвестно, сколь надолго этот эффект, но сейчас Элран чувствовал себя ответственным за всех и за всё. Пока ее величество не примет бразды правления.
И пока...
Элран прекрасно понимал, что значит раннее пробуждение Дубовой короны. Знал, что если королева пошла на это, другого выхода у нее не оставалось. И все же, все же...
Будьте прокляты, ша-эмо!!!
Будьте вы прокляты с вашим вечным стремлением к наживе, с вашей жадностью, с вашей страстью захватить все и еще немножко

сверху... даэрте могли понять эти чувства. Просто сами их никогда не испытывали.

Больше?

Еще больше и еще?

А зачем?

Все мы выросли из семечка, и все уйдем в перегной. Ты заберешь туда сорок нарядов? Или золотые кольца? Или космический корабль? Даэрте и жить-то на корабле никогда не смогут, погибнут среди мертвого металла. У них на планете отродясь никакая руда не разрабатывалась. Так, если уж очень было нужно... но – зачем?

Лес даст тебе и дом, и стол, и скрепы, и оружие, и все, что угодно. Только попроси!

Зачем рвать из глотки? Элран мог понять ша-эмо, но принять эту уродливую философию? Даже одобрительно подумать о таком?

Жить, чтобы жрать, и жрать, и жрать все больше, и больше...

Фу.

– Так, девочки, потом посплетничаете, – шикнул он на трех подруг, которые решили не ко времени обсудить спутницу королевы... нашли время!

ТЬфу!

Воля б Элрана – он бы только парней с собой взял, но отец настоял. Сказал, что, если ша-эмо что-то придумают и эвакуация сорвется, у даэрте должна быть возможность выжить. Как биологическому виду. Поэтому в первой партии было поровну парней и девушек. Все молодые, сильные, готовые к воспроизводству... обратная сторона – ведь обязательно начнут себе женихов-невест приглядывать!

Ничего, Элран справится.

– Карн, тебе особое приглашение нужно?

Невысокий сумрачный даэрте коротко кивнул и тоже растворился под сенью Леса.

Нового Леса. Или – старого?

В любом мире Лес – это ЛЕС. Не важно, какого он цвета, под какой звездой произрастает, кто в нем живет. Там, где есть Дараэ, смогут жить и даэрте. Элран это точно знал...

На поляну к королеве он пришел далеко не сразу. Девушки беззаботно валялись, облокотившись о бок здоровущего медведя-

Хранителя, и выглядели поразительно беззаботными.

Даже королева. Хотя жить ей оставалось всего ничего.

Элран почтительно поклонился, не приближаясь. Ее величество взмахнула рукой.

– Ран, не изображай из себя селезня. Иди сюда.

Юноша повиновался.

– Почему селезня? – заинтересовалась спутница королевы. И только тогда Элран обратил на нее внимание.

И... это было как солнце в глаза. Как яркая вспышка, от которой не укроешься, как... как истина.

Бывает по-разному. Но бывает и так.

Смотришь на кого-то – и понимаешь, что если... вот именно с этим человеком у тебя и может быть то самое «если». И между двумя душами словно бы тоненькая ниточка протягивается.

Нет, это еще не любовь.

Это – шанс.

И если открыться ему, если сделать шаг навстречу, если поверить – то может быть и все, и немножечко больше. Может быть и семья, и любовь, и доверие, и что угодно. Может.

Или – сейчас не время?

А девушка смотрела в ответ своими удивительными глазами – серыми, с прожилками зелени, словно пасмурное небо над Лесом...

Таня и сама не знала, что, обменявшись кровью с Салеей, она начала резко хорошеть и расцветать. Просто не замечала этого.

Но стали гуще волосы и насыщеннее их цвет, чище и нежнее кожа, ярче и зеленее глаза...

Да и сила Леса сыграла свою роль.

Таня иначе двигалась, иначе смотрела... она бы удивилась, скажи ей кто-то об этом. Но так было. Постепенно она менялась, однако заметить эти изменения пока было сложно. Переход количества в качество еще не произошел.

А Элран ее *видел*.

Видел даже не внешность – это как раз мелочи. Человек может быть любим, хоть со шрамами, хоть с горбом, хоть лысым... разве это – так важно?

Нет, не важно. Потому что Элран, чуточку владея силой Леса, видел ауру вокруг Тани. Яркую, искристую, чистую, золотисто-

зеленоватую...

Отвага, искренность, доброта, надежность... сколько всего в отражении ее души! И нет черных грязных пятен, нет зла, нет зависти, нет ненависти, которые так легко поселяются в душе человека.

И какая у нее чудесная улыбка...

Таня смотрела на даэрте, который подошел к ним, чуточку исподлобья. Сначала.

Потом начала смягчаться.

Ну и что такого? Необязательно же, что все красавчики – сволочи! Совершенно необязательно! И этот вот... тоже.

Хотя красивый. Очень красивый.

Волосы черные, с зеленоватым отливом, а лицо словно скульптором вылеплено... Единственное – странно смотрятся скулы. У него такая же форма скул, как и у Леи. То есть лицо – практически идеальный овал.

И уши тоже в форме листа. Обруч стягивает волосы, и уши сейчас видно.

Фигура тоже отличная. Какие там лепки-кубики-рубрики-бодибилдеры?

В том-то и дело, что они – искусственные. До мозга костей ненатуральные. Продукт гормонов-стероидов-тренировок-шлифовок, а кто и пластикой не брезгует. И если перестать все это совершенство поддерживать, оно начнет рассыпаться на глазах, словно домик из кубиков.

И чувствуется.

Не от природы тебе, дружок, такое дано. Слепил ты себя? Хорошо, молодец, посмотришь в зеркало, красивых фотографий на память наделай и радуйся этому. А дальше-то что?

Куда ты это применишь?

Это же киношная красота, картинная, она ни для чего не пригодна, даже тяжести поднимать [\[36\]](#).

Элран был образцом совершенно другой красоты. Безусловной.

Гибкая фигура, крепкие, проработанные мышцы, с виду сухощавый – но это как рапира. Она тонкая, легкая, изящная,

смертельно опасная. Хотя таковой и не выглядит.

Небольшие кисти и ступни... Таня с грустью поглядела на свой тридцать девятый размер. Вздохнула.

– Лея, вам, наверное, надо поговорить наедине?

– Не надо, – отмахнулась Салея. – Наоборот. У меня нет секретов от тебя, ты же моя сестра по крови. И будешь помогать моему народу, когда я уйду. Верно?

Таня молча кивнула. Думать о смерти не хотелось. Лея... Так горько, обидно, несправедливо!

Воля бы Тани – убивала бы она этих ша-эмо! Сама! Вот... сссссволочи!

– Сестра по крови?

– Отец не сказал? Мы приняли посестринство, – взмахнула рукой Лея.

Правильно было бы сказать – побратимство, но это для мужчин. А они-то две девушки, разве нет?

– Он не сказал.

– Тогда скажу я. Таня помогла мне. Я обязана ей жизнью, обязана кровью и буду еще сильнее обязана, если наша идея о переселении даэрте на Землю удастся. Тогда мы все будем обязаны ей. Навеки.

Элран прижал руку к груди и поклонился.

– Пусть побелеет кровь неблагодарных.

Салея кивнула. О возвышенном поговорили, теперь о деле.

– Ран, я не так сильна в науках, мне многое не успели дать. А ты тесно общался с учеными... Вель? Шавель, кажется, твой друг... он здесь?

Таня смотрела на красавчика внимательно. Ждала подвоха. И только потому заметила, как на секунду исказилось его лицо от боли. Искренней боли, не наигранной.

– Вель... погиб.

– Как это случилось? – тихо спросила Салея.

– Он... мы хотели перехватывать информацию от ша-эмо. Хотя бы попробовать. – Элран не щадил себя. Честно рассказал и про попытку Веля, и про результат. Ожидал укоров и попреков, может быть, наказания, но вместо этого девушки переглянулись, и Таня только головой покачала.

– Представляешь? Эти гаврики полезли даже не в компьютерную сеть! В планетарную!

– Вель просто... сгорел? – Салея уже смогла оценить мощности местных компьютеров. А у ша-эмо они были на несколько порядков сильнее.

– Может, он и пытался что-то сделать, – сказала Таня. – Но потом, видимо, просто выжег себе разум.

Элран кивнул.

– А откуда... то есть лекарь примерно так и сказал, но...

Салея махнула рукой.

– Ран, здесь тоже есть компьютеры. И я считаю, что даэрте надо научиться с ними обращаться. Может быть, вырастить свои аналоги.

– Вырастить?

– Интересная это штука. Программные коды, двоичное исчисление, а чего стоит интернет? Это полезно и важно. Представь сеть, в которую можно войти и получить ответ практически на любой вопрос!

– Это как?

– Вот так. Не из книг или рассказов, а напрямую.

– Ну, не совсем, – пробормотала Таня. – Интернет – такая помойка...

– Это не столь важно. У нас все равно так не выйдет, – отмахнулась Лея. – Но сама идея мне безумно нравится. Сеть, в которой можно получить любые знания!

– Вель был бы в восторге от этой идеи.

– Вот, и назвать ее «сеть Шавеля», к примеру. Ради памяти.

Элран снова кивнул.

– Я пока плохо представляю, как это должно выглядеть, ваше величество.

– Р-ран!

– Прошу прощения.

– Таня, как ты думаешь, мы сможем ненадолго пригласить Элрана в город? Он вас сильно не стеснит?

Таня честно задумалась.

С одной стороны, подумавшись – даэрте? Штукой больше, штукой меньше... комнат три, так что мешать сильно не будет. А будет – уложим на кухне. Гном ради такого дела уступит свою подстилку.

– Можно. Только он наш язык не знает. Засыплется.

– С этим я помогу, – взмахнула рукой Салея. – Ран, подойди ближе.

Элран повиновался, почувствовал, как на виски легли тонкие прохладные пальцы королевы, – и в следующий миг, упав на колени, взвыл от боли.

Таня ахнула, потянулась помочь.

Салея убрала пальцы и остановила подругу:

– Не надо. Я дала ему знание вашего языка. Это больно, сейчас пройдет.

Таня только вздохнула.

– Ему можно, остальным нет? Где подвох?

Она уже поняла, что сила не дается даром.

– Одного через портал провести можно, тысячу сложно, а потом надорвусь, – пожала плечами Салея. – И с языком так же.

Элран уже поднимался, вытирая со лба пот и благодаря. На русском языке.

Таня только рукой махнула.

Дали одному из даэрте знание языка – уже хорошо.

С другой стороны... Как она поняла, Элран тут всем и распоряжается? И хорошо бы начинать приобщать к человеческой культуре не одного даэрте, а хотя бы десяток. И на этот счет у бабушки была хорошая идея.

– Лея, а что, если пригласить не одного Элрана? А пятьдесят даэрте, к примеру?

– Куда? К вам?

– Нет. Бабушка предложила, а я подумала, что так тоже можно. У нас неподалеку от города куча туристических баз. Деньги сейчас не проблема. Снимем базу на десять дней, а то можно и до конца сезона выкупить... да, влетит в копеечку. Но зато у даэрте будут все возможности цивилизации. Сеть, телевизор, на людей посмотрят, как-то ассимилируются...

– А ничего, что мы... такие?

Таня фыркнула.

– Лея, милая, вот на это как раз чихать три раза. Мы просто скажем, что вы – ролевики.

– Кто?! – не понял уже Элран.

Пояснить было делом минуты, и Салея глубоко задумалась.

А правда, почему бы нет? Даэрте придется жить бок о бок с людьми, разговаривать, ассимилироваться, может, даже семьи создавать, документы какие-то... почему нельзя начать с малого? Вот с такого?

Лагерь – или туристическая база – он как раз в лесу, то есть даэрте не будут чувствовать себя плохо. И там есть и кому показать, рассказать, научить, помочь, если что.

С другой стороны, это все равно цивилизация.

– Нужны будут деньги. Обязательно.

Таня пожалала плечами:

– Оставшиеся корни продадим.

– Я попрошу у Леса еще парочку, – решила Лея. – Ради такого – можно.

– А я попрошу бабушку обзвонить туристические базы. Или... кстати, отец Руслана нам мог бы помочь, но я не уверена, что стоит давать ему столько информации, – засомневалась Таня.

Благодарность за спасение любимой – одно. А вот дела финансовые...

Здесь и благодарности маловато будет. И лучше придержать коней. Потому что есть у людей такая универсальная отмазка: они своего счастья не понимают! Бегают тут и не соображают, что так-то всем будет лучше. А вот барин приедет, да и рассудит по справедливости, и разберется по надобности...

Кто знает, окажется ли Даниил Русланович лучше или порядочнее? Благодарность? Так на словах-то чего не скажешь! А на деле...

Говорим ртом, делаем руками, вот и выходит по-разному.

– Я думаю, надо самим, – махнула рукой Лея.

– Если что, скажем – не хотели его утруждать, – решила Таня.

Элран из этого разговора понял одно. С собой его девушки не возьмут. Но просить и настаивать не решился.

Он себя и виноватым чувствовал за смерть Веля, и вообще...

Салея дотронулась до его руки.

– Ран, на тебе тысяча даэрте. Это большая ответственность.

Так звучало приятнее, хотя бы по форме.

Да, ответственность...

Девушки переглянулись – и поднялись. Лея коснулась умной морды Хранителя, безмолвно прося о чем-то. Медведь встал и вперевалячку направился куда-то за сосны, чтобы через секунду раствориться в лесу, как и не было его.

– А теперь о первостепенном. Смотри, это планшеты, это блоки питания, вот зарядка, генератор...

Да, Лес – это прекрасно. Но даэрте следовало хотя бы начинать знакомиться с людьми. Пока – через подборку, которую сделала Людмила Владимировна.

В два десятка планшетов была закачана одна и та же информация. Фильмы на русском языке. Книжки. Буквари, курс русского языка для начинающих, путеводители по городам России, фотографии, модные журналы – вполне приличный объем информации.

Элран запоминал почти дословно. Ему предстояло следить за тем, как ребята будут осваивать этот курс.

А еще ее величество пересказала ему Танину идею. И юный даэрте искренне загрустил.

Ах, как же сейчас не хватало Веля, с его гениальными мозгами, с его выкладками...

Можно его заменить. Наверное. Элран знал среди тех, кто перешел, нескольких ученых, примерно уже представлял, кому можно доверить поработать над этой идеей. Что должно получиться, как все будет выглядеть.

А Вель справился бы сам.

До конца жизни Элран будет нести груз этой вины. Сколько бы он ни прожил.

Выдав инструкции, девушки попрощались и направились в город. Элран проводил взглядом – кого? Королеву?

Да, наверное.

А рядом с ней шла Та-ния. И солнце играло в ее волосах, высвечивая то каштановые, то медные пряди. Другая, не такая, как даэрте. Но очень красивая.

Очень...

Оля с трудом разлепила глаза.

Было жарко. Тошнило. Хотелось пить. И было... да, было больно. Не так, как при похмелье, не так, как после побоев... как-то иначе.

Что с ней?

Где она?

Рядом что-то истошно запищало.

– Вы очнулись?

«Идиотский вопрос», – хотела огрызнуться Оля. Но сил не хватило даже ресницами шевельнуть. Зато к ее губам приложили что-то холодное. А потом...

О, это было лучше самой вкусной водки! Внутри полилась вода. Смочила пересохший язык, горло... так мало?! ЕЩЕ!!!

– Нет-нет. Больше пока нельзя, вы после операции, едва отошли от наркоза.

Оля попробовала сказать хоть что-то, но с губ сорвался только стон.

– Нет-нет, вы лежите спокойно, – заволновалась рядом молоденькая медсестричка, – а то нам от врача попадет. Да вы не переживайте, ничего особенно страшного у вас нет. Ну, селезенку удалить пришлось, люди и без нее до ста лет живут. Ребра сломаны, это неприятно, но тут вам повезло. Осколков нет, легкие целы. Рука тоже сломана, пока на штифтах, но все нормально срастется, доктор сказал! Кровопотеря большая, но в целом вы легко отделались. А девочка, которую вы спасли, и вовсе не пострадала. Весь удар на вас пришелся.

Оля прикрыла глаза.

Остановка.

Девчонка.

Дура она, да? Надо было самой драпать, а не эту соплюху спасать. Вот, лежи теперь!

Но пока она здесь лежит, можно ни о чем не думать. А это уже неплохо. Кормят, поят, крыша над головой есть – чего еще надо? С этими мыслями Ольга и провалилась в очередное наркотическое забытие. А медсестричка поспешила обрадовать врача.

Как же! Больная начала приходить в себя!

Теперь точно выживет, никуда не денется!

Господин Чжао Гофэн^[37] совершенно искренне считал себя счастливым человеком.

А что еще-то надо?

Семья есть, сын – умничка и в делах помогает, женат, внук и внучка уже есть, благо политику «одна семья – один ребенок» недавно отменили, супруга – золото, дом – полная чаша. Дело свое, и хорошее дело, доходное, серьезное.

А недавно еще и сокровище в руки попало!

На свое сокровище – корень женьшеня, который уже был помещен в специальный хрустальный сосуд, господин Чжао смотрел особенно ласково.

Что может быть ценнее жизни и здоровья?

Это сокровище и ему послужит, и его сыну, и внукам. Это ведь счастье!

Даниил хоть и мудрый человек, но все же лаовай^[38].

Он не понял, какое чудо попало ему в руки, а Чжао... что ж. Он этим воспользовался, он дал справедливую цену. Но менять годы жизни на глупые монеты? Смешные лаоваи.

Пискнул телефон, принесся сообщение, и Чжао поднял брови. Кажется, у русских есть такая поговорка? Что-то про сто лет жизни – и подумать о человеке?^[39]

– Дан?

– Друг мой, Чжао, ты сможешь сейчас побеседовать со мной по видеосвязи?

– Конечно...

Гофэн отметил, что кончики пальцев у него даже похолодели. От волнения.

Он отлично помнил разговор с другом. Что может... могут быть еще корни.

Это – ОНО?!

Где эта проклятая кнопка?!

– Полагаю, нет нужды спрашивать, берешь ли ты эти корни? – Даниил Русланович с улыбкой глядел на компаньона. Тот выглядел так,

что одно фото навсегда разрушило бы мифы о китайской невозмутимости. Мог бы – через монитор бы пролез!

– Дан! Конечно!!!

– Тогда эти пять корней – твои.

– Пять... есть еще?

– Чжао, я пока не знаю. Могут быть. Могут не быть.

Китаец закивал. Да так, что Даниил немного испугался – вот действительно, сейчас как треснется друг лбом о монитор...

– Да! Да, за мной!

– Хорошо.

Лицо Чжао чуточку помрачнело.

– Дан, друг мой. У меня сейчас нет такого количества свободных денег.

Даниил Русланович пожал плечами.

– Чжао, в знак нашей дружбы я могу передать эти корни твоему представителю. Ты их реализуешь, скажем, за пять процентов от стоимости?

Предложение было не просто щедрым. Оно было королевским. Чжао и торговаться не стал. Но как человек искренний и благодарный, да и просто порядочный, счел нужным предупредить друга:

– Дан. Ты не представляешь, ЧТО даешь мне в руки.

– Почему же. – Даниил долго думал, сказать или нет. Но после того, что услышал сегодня от Тани, решил, что надо начинать движение в нужном направлении. – Ты знаешь о ситуации в моей семье, Чжао.

Китаец медленно склонил голову. Да, он знал.

И про болезнь супруги Даниила, и про отношения в семье друга.

Лаовай? А что – они не люди?! Они не умеют страдать, любить, они как-то иначе рожают детей? Да, у них странные обычаи, и вообще лаоваи многого не знают и с ними сложно.

Но больно всем – одинаково.

– Даже женьшень не сможет помочь. Прости, друг.

Анализы Даниил ему показывал. Увы. В Китае хорошая медицина, но не настолько.

– Моя жена здорова.

Чжао так раскрыл глаза, что и герои аниме позавидовали бы. На пол-лица.

– К-как?!

– С меня взяли обязательство хранить молчание. О человеке, который помог. Но у него есть ученики. Они могут... Меньше. Но – могут.

Чжао ранее думал, что речь идет о золотом дне?!

Зря он так думал. А вот сейчас... это – не золото. Это бриллианты!

– Дан... я правильно понимаю...

– Да, Чжао. Ты слышал о шаманах?

Чжао не удивился. Слышал, конечно, и верил. И побаивался.

– Это... один из них?

– Одна из них. Это племя, которое жило в глубине тайги. И сейчас им надо ассимилироваться, – чуточку приоткрыл тайну Даниил Русланович. А что?

Одному ему не потянуть. Нужны будут документы, одежда, еда... да чертова прорва всего будет нужна! И если Чжао будет в доле и в деле...

Может, он и китаец. И что? Главное, что человек, а не сволочь! Даниил с ним не первый год дела вел и доверял, насколько это можно в бизнесе. Чжао отличался почти болезненной честностью с партнерами, и несколько проверок это подтвердили.

Такой своеобразный кодекс чести, что ли?

Сейчас это слово не в моде и вызывает насмешливые ухмылки. Что ж, тем хуже для ухмыляющихся. Чжао был полностью честен, но достаточно избирательно. Человек получал от него ровно столько, сколько давал сам. Даниил вел дела честно, не пытался урвать, украсть, подставить – и Чжао это оценил. Постепенно партнерство перешло в дружбу, а там и в понимание.

Как ты ко мне, так и я к тебе. Все очень просто и понятно. Ты меня предал? Предательства я не прощу. Ты со мной честен? Так и я буду честен с тобой, даже иногда в ущерб себе. Это окупится сторицей, просто не все понимают такие простые вещи.

– Дан, я готов помогать. Это они принесли?

– Да.

И есть еще. Наверняка есть. А если эти люди лечат...

– Хочешь, я перешлю тебе анализы Алеси и заключения врачей? – предложил Даниил.

Чжао кивнул.

Хочет. Он их тоже покажет знакомым врачам. Пусть скажут, может ли такое быть...

– Хорошо. И твой представитель придет за корнями, я приглашаю его на ужин.

Чжао мотнул головой.

– Дан... Я прилечу. Сам.

– Буду рад принимать тебя, – китайский церемониал давался Даниилу... да вообще никак не давался, если честно. Но для Чжао главным была искренность. А еще...

– Я понимаю, что просить о таком – наглость с моей стороны. Но мой внук...

– Что случилось с малышом?

– Бронхиальная астма.

Даниил кивнул. Есть такое... раковые заболевания, болезни легких – это обыденность для Китая.

– Я надеялся на корень, – Чжао потупил взгляд. – Но это будет не сразу, а плохо малышу уже сейчас. И если возможно...

– Я буду рад видеть тебя с внуком, супругой... только скажи, сколько человек придет, – и я распоряжусь готовить комнаты, – улыбнулся Даниил. – И поговорю. Если она справится...

Чжао выпрямился во весь рост перед монитором и отдал глубокий поклон. Иногда церемониал все же помогает. Когда не хватает слов, а выплеснуть все, что в сердце, хочется.

К счастью, Даниил понял, не вовсе уж он безнадежный лаовай. И ответил таким же глубоким поклоном.

– Четверо, – сказал Чжао. – Мы будем вчетвером. Я, моя супруга и внуки. Оба.

Ответом ему была улыбка партнера.

Русский? Китаец? Да хоть бы и марсианин!

Какая разница, кто ты, если ты умеешь любить, дружить, если твое сердце болит за родных и близких? Два умных и порядочных человека всегда смогут договориться.

Глава 11

– Фууууу, как же я умоталась. Гном, имей совесть, а? Делай свои дела и пошли домой...

Таня действительно умоталась, как три ездовые собаки разом. И было отчего. С утра – визит на другую планету, да еще дипломатические переговоры.

Каково?

Хорошо, что бабушка вспомнила о «Звездных войнах». Тане эта киноэпопея тоже нравилась – все части! И на полочке стояли несколько книг – с них и началось. Со старенького томика Джорджа Лукаса.

Таня просто-напросто копировала принцессу Лею. Уж как могла.

А что? Той тоже не сорок лет по книге, девчонка совсем. Но как разговаривает! И держится! И вообще... она – принцесса!

Правда, в Тане нет вообще ничего королевского. Ну и что? Если от этого судьба целой планеты зависит? Тут и не такое изобразишь, и не так раскорячишься...

Признаться честно, Таню попросту трясло, когда они вернулись на Землю. Адреналиновая передозировка, вот это как называется! До ледяных конечностей, до тошноты, до крика...

Помог Хранитель.

Лея потом разъяснила, что Хранитель – он как... фамильяр для ведьмы. Не самая подходящая аналогия, он намного больше, но в основе нечто близкое. Он так же помогает, поддерживает, дает силы и знания, снимает любые болезненные проявления и состояния... к Хранителю может приползти калека после взрыва. И он поможет. И ты уйдешь здоровой.

Это такая связь, которую не разорвать вовек. Хотя бы потому, что фамильяра можно убить. И ведьму можно.

А вот Хранителя нельзя.

И даэрте... у людей сложнее: у них рай, ад... а души даэрте возрождаются в родном лесу. Рано или поздно. Они как деревья. Вот и

Танина душа тоже рано или поздно возродится в даэрте.

Поэтому Салея и не боится смерти.

Она вернется. Просто не будет помнить груза предыдущей жизни, но это не так страшно.

После леса Таня и Лея отправились к Даниилу Руслановичу. И выложили ему еще пять корней женьшеня – общим возрастом за тысячу лет.

Петров аж дара речи на время лишился.

Но корни взял, пообещал разобраться в ближайшее время, спросил, нужна ли какая-то помощь...

Кстати!

Никто не забыл, что медколледж не отменяли? И на дворе апрель, поэтому на носу экзамены?

Майские праздники? Х-ха!

Таня так и так собиралась провести их в работе и зубрежке. Так что...

Даниил Русланович, потом пациенты, потом конспекты... она и сейчас гуляла с собакой, уставившись в телефон.

Соцсети?

Игрушки?

Ага-ага... она сфотографировала конспект и сейчас сосредоточенно читала с экрана. Таня бы и тетрадь с собой взяла, но в сумерках в ней половину не увидишь. Нет у нас тетрадей с подсветкой. Не изобрели. Совсем не думают о нуждах потребителя...

Гном не торопился.

Ротвейлера тоже можно было понять. Это не комнатная собачка, ему движение требуется, зарядка, погонять как следует, силушку молодецкую потешить, бревнышко потаскать, с друзьями-собаками пообщаться. Таня это понимала, так что ворчала больше по привычке.

Лея на прогулку не пошла.

Лежала дома и пила молоко. Ей этот день дался намного тяжелее, тут и Хранитель не помог. Лея сама отказалась принимать его силы, объяснив Тане, что это будет... слишком.

Лес тоже не стоит перенапрягать, он живой. Ему тоже может быть плохо и больно... кто-то думает, что тайга неисчерпаема?

Вы ошибаетесь.

Она огромная, но не бесконечная. К сожалению. Это кажется, что ой-ой-ой, миллионы квадратных километров, Европу упихать можно... несколько раз, и еще на сдачу останется.

Любой ресурс исчерпаем.

В принципе – любой. А к Лесу каждый даэрте относится бережно. Потому что это – Лес. И если Салея может восстановиться сама, она так и сделает. Пусть потратит больше времени, сил, пусть ей будет чуть сложнее. Она справится.

Таня не спорила. Хорошо, если так.

– Татьяна Михайловна Углова?

Таня притормозила.

– Да. А что?

– Добрый вечер.

– Наверное, добрый, – согласилась Таня. Разговаривать с неизвестными она совершенно не боялась. Ротвейлер – это аргумент. Большой такой, серьезный аргумент в пользу вежливости и человеколюбия. Особенно по отношению к хозяину ротвейлера. А кто с первого раза не поймет, тому Гном и второй раз может разъяснить. Когда пациента из больницы выпишут.

– Простите, что побеспокоил. Мы с вами не знакомы...

Таня согласно кивнула.

Наверное. Память на имена у нее была плохая. Вот на лица лучше, однако это интеллигентное лицо – чутьчку вытянутое, с бородкой-клинышком – она точно раньше не видела. Запомнила бы.

Может, в медколледж приходил? Профессор?

Похож, но Таня все равно не могла его припомнить. О чем честно и сообщила.

Мужчина качнул головой:

– Нет-нет, я по другому вопросу. Скажите, Ольга Алексеевна Углова – ваша мать?

– Моя, – помрачнела Таня. – Что она натворила?

– Простите, Татьяна Михайловна...

Таня вздохнула.

Это не первый раз, что уж там. Будем честны. Случались у маман и приводы в полицию, и сроки – и условные, и обычные. И что? А вот то...

Все зависело от очередного пострадавшего. Кто-то просто шел в полицию, а кто-то и с Тани и бабушки Милы пытался свое стрясти. А что тут стрясеешь, когда в кармане – вошь на аркане?

Бабушка только опять расстроится, плакать будет... У Тани напрочь вылетело из головы, что сейчас это не принесет никаких фатальных последствий для бабушкиного здоровья. Салея ведь ее подлечила.

Вот просто из головы выскочило. От усталости, от всего-всего навалившегося за день Таня напрочь забыла про Салею. Осталось только привычное: «Что эта дрянь натворила?! Сколько платить?!»

И тем удивительнее были следующие слова:

– Я очень обязан вашей маме. Она спасла мою дочь.

Таня только рот разинула.

– К-как?!

Мужчина кашлянул. Чутьочку даже смущенно.

– Они с Лидой ждали автобус на остановке. В результате автокатастрофы ваша мама пострадала. Мою дочь спасла, а сама не убереглась. Сейчас она в больнице...

– В какой?

– В пятой.

– Что врачи говорят? Она в реанимации?

– Пока да.

Таня кивнула.

– Простите, а вы...

– Игорь Викторович. Пылаев Игорь Викторович.

– Приятно познакомиться, – машинально ответила Таня. Потом достала телефон и быстро скользнула пальцем по списку контактов.

Чем хороша учеба в медколледже – это большим числом знакомых в самых разных сферах медицины. Студенты проходят практику повсюду. От детской больницы до хосписа. Везде нужны бесплатные рабочие руки – да хоть бы и судно вынести, и полы протереть!

А как насчет компьютеризации? Заполнения долбанных (иначе не назовешь!) карточек? Ах электроника, ах программы, ах все будет в сети...

Вы знаете, сколько раз за день виснет эта сеть?

Сколько раз теряется информация, сколько раз виснет, глохнет, ломается компьютер? Нет?

Ваше счастье. А вот у несчастных, которые вынуждены иметь с ним дело, иногда кроме зубного скрежета и высказать ничего не получается. Никак. Не надо старых шуток насчет разборчивости врачебного почерка^[40]. Просто на все нужно время. Время и на само дело, и на то, чтобы его отладить, переделать, и много еще чего. А времени-то и нет...

И бумажные карточки, заметим, никто не отменял. Вот приходит врач по вызову. Он за собой компьютер на веревочке тащит? Нет?

Опять писанина. Опять, и снова, и еще раз...

А какими словами поливают электронные дневники и журналы? Не знаете? А что так? А вот то! Их надо заполнять, равно как и бумажные, а когда? А вот тогда, в свободное от работы время, отрывая его от семьи, детей, да просто от своего отдыха...

Не нравится?

Ну так заведите при школе и поликлинике полезную должность, назовите «писарчук», и пусть этот человек вносит все в реестры. Во все базы, дневники, журналы... финансов не выделено?

Пересадите мэра с «мерседеса» на «жигули». Как раз на разницу в цене пять лет можно будет роту писарей содержать! И на школы хватит, и на больницы.

– Риточка, милая, привет! – заговорила в телефон Таня.

– Танюша? Вечер добрый, что случилось?

– Риточка, там у вас Ольга Алексеевна Углова лежит? Есть такая?

Рита, которая как раз и работала медсестрой в реанимации, подтвердила:

– Есть такая. А что, Тань? Или... Углова?

– Ага...

– Родственница?

– Да...

Таня не соврала, мать – тоже родня. Просто умолчала о степени родства.

– Есть такая. Девчонку из-под машины вытащила, сама, правда, пострадала. Но все нормально, завтра переводить будем в отделение. В хирургию.

– А что с ней?

– Селезенка, ребра... жить будет. Это точно.

Таня перевела дух. Вот... если бы эта пакость умерла, она бы ее второй раз убила! Ей-слово! Сколько можно бабушке нервы мотать?! Что, Таня слепая, что ли?! Не видит, как бабушка Мила расстраивается? Не знает, что та иногда плачет... вот не надо глупости про лук рассказывать! Кого вы хотите обмануть вашим луком? Фрррр!

Таня дружески попрощалась с Риточкой и обратилась к мужчине:

– Скажите, Игорь Викторович, а от нас вам что нужно?

Он замялся. Какой-то странный разговор получался. Мать же! И вместо волнений, криков, нервов... да что тут происходит?!

– Н-ничего. Просто сообщить...

– А как вы узнали, что это моя мать?

– Попросил друга в полиции пробить ее по базе. Пальчики есть, – махнул рукой мужчина.

Пальчики-то были. Документов при Оляшке не имелось, даже паспорта. А как лечить? У нас медицина, конечно, бесплатная и благодаря Пылаеву бабу на улицу не выкинули, но хотелось бы все же знать, и как, и что...

Узнали.

И про Таню – тоже. Да-да, в медколледже тоже есть база данных. И сайт. И мордашки студентов в общую сеть залиты: их на студенческие фотографировали, и на пропуска, и просто фото есть с первого сентября... найти – можно. Просто по случайности так вышло, что Игорь Викторович наткнулся на девушку на улице. А мог бы и домой прийти.

– Понятно. Спасибо вам большое, что сообщили. Ко мне какие-то претензии у вас есть? Или к ней?

– Нет-нет, что вы! Я поблагодарить хотел...

– Меня?

– Ее... ну и вам сказать...

Таня вздохнула. Вот как и что можно объяснить этому милому интеллигентному человеку? Может, сказать как есть?

Да, нехорошо, некрасиво выносить мусор из семьи! А как тут иначе поступить? Что, если алкоголика как-то иначе назвать – он пить перестанет? Пить, гулять, тянуть со всех на бутылку, являться под дверь похмельным, клясться, что завязал... до следующей бутылки? Таня в этом сильно сомневалась.

– Игорь Викторович, моя мать – запойная алкоголичка. Потому при ней и документов не было. Никаких. Что она делала на остановке, я не знаю, она дома даже не живет. Мы ей водку не покупаем и денег не даем. И собака у нас пьяных не одобряет.

Гном рыкнул в знак подтверждения.

Пылаев моргнул несколько раз. А потом сообразил, что именно ему сказали, сопоставил факты – и медленно кивнул.

– Понимаю...

– Я очень вам благодарна. Я обязательно к ней приеду, и... я очень рада, что с вашей дочерью.... С ней все в порядке?

– Да, слава богу.

– Замечательно. Но если решите мою мать отблагодарить – учитывайте этот фактор в ваших расчетах.

– Обещаю.

Таня кивнула.

– Это все?

– Д-да...

– Тогда еще раз спасибо вам огромное. С вашего позволения, мы пойдем. Поздно уже и спать хочется.

– До свидания, Татьяна Михайловна.

– До свидания, Игорь Викторович.

По дороге домой Таня обдумала сложившуюся ситуацию. Быстро. И приняла твердое решение – она молчит. Молчит, ничего не говорит, никому не говорит.

Справки наведет, может, апельсинчиков родной мамочке принесет, ну и хватит с нее. И того много будет!

– Гном, ты меня тоже не закладывай, понял? Ничего и никого мы не видели и не знаем.

Ротвейлер качнул тяжелой головой. Он понял. Для него Ольга Углова тоже была источником проблем. Придет, воняет, орет, бесится, визжит... покусать нельзя, а хозяйки расстраиваются. Предпоследний раз он, правда, без укусов обошелся. Просто пихнул алкоголичку всей грудью так, что та кубарем за дверь вылетела. Но хозяйки все равно расстроились.

Вот ведь пакость недогрызенная...

Конечно, он промолчит! И даже кошкам ни гава, ни полгава. А то мохнатые метелки все разболтают! Это уж точно...

Есть власть, а есть должность. И лишение второй никоим образом не отражается на первой. Вот так с наместником Дараэ и произошло.

Лакс Рей, хоть и был смещен Командором с поста наместника, все равно остался Лаксом Реем. Пауком в сложной паутине, которую выстраивал не один год. И сейчас нити раскачивались, звенели, натягивались...

Новости были интересными.

Лакс перебирал варианты, прикидывал их так и этак, складывал и разбирал, словно кусочки мозаики.

Итак, королева сбежала. Она активировала Дубовую корону кровью врага и смогла призвать свою силу. Что ж, в той ситуации это был единственно возможный поступок. Логичный, по крайней мере.

То, чем грозил ей Командор, было не лучше смерти. Какие тут варианты? Сдаться на милость победителя, превратиться в овощ – или поставить все на одну карту и попробовать сыграть? Конечно, девчонка выбрала последнее. Хотя бы потому, что сдаться и умереть не поздно никогда.

За прошедшие годы Лакс хорошо изучил принцессу, которая попала ему в руки. Салея очень старалась не разговаривать, не общаться, не реагировать, но есть вещи, которые сильнее человека. И уж точно сильнее даэрте.

Принцесса не глупа. Не склонна к напрасному риску и авантюрам, не слишком расчетлива, но это недостаток ее возраста. Резковата, иногда агрессивна – тоже возраст.

Верит во всякую чушь вроде честного слова и склонна доверять людям. Вообще смешно.

Только вот она ни разу не дура. Очень умненькая девочка, очень серьезная, очень рано повзрослевшая...

Лакс не мог поставить себя на место Салеи, но честно старался. Итак, принцесса бежит. И... могла она найти союзников?

Лакс представил себя. Вот он, наместник Дараэ, к нему являются с историей... нет! Не так! Активированная Дубовая корона – это уже доказательство. Серьезное. Он бы поверил и прислушался.

К тому же... судя по рассказам, с принцессой прислали какую-то малолетку... нет, это тоже мало о чем говорит. Скорее это даже логично. Посмотреть, что тут происходит, проверить реакцию хозяев, а если что....

Если что – и не жаль.

А может, это еще и экзамен на зрелость. Посылают же к нему в секретари детей высокопоставленных родителей? Да, и такое есть. Потому что школа жизни. Школа интриг, связей, навыков...

Это логично. История знает и случаи, когда на трон садились несовершеннолетние правители. Такое бывало, возможно, и в других мирах...

Ладно. Гадать тут можно долго, главное в другом. Логике такой визит не противоречит.

Чего могут хотеть пришельцы?

А вот это сильно зависит от того, что может пообещать им королева. Не дать, нет. Именно пообещать. Показать, поманить...

Лакс знал, за что готовы продать жизнь и душу его хозяева. Не свои, конечно, жизнь и душу, вот еще не хватало! Они всегда найдут, кем пожертвовать во имя добра и справедливости.

Здоровье, молодость, ресурсы Дараэ... стоит ли игра свеч?

Вполне. Уж разведки точно стоит.

А вот что будет делать Дарс Кет? Хотя это как раз самый простой вопрос. Верзила Командор предсказуем, как пробка от бутылки. Конечно, он постарается уничтожить незваных гостей. Лакс поступил бы по-другому. Он бы сначала поговорил, посмотрел, что можно от них получить, попробовал получить это нечто, а уж потом...

Потом можно и уничтожить. Но сначала выжать досуха. Кету такие сложные вещи недоступны. Остается еще один вопрос. Как лично ему, Лаксу, обернуть сложившуюся ситуацию в свою пользу?

К примеру, если Кет одержит победу – это хорошо, а если поражение?

Если чуть-чуть помочь противнику... нет-нет! Никто не говорит ни о каких диверсиях, вот еще не хватало! Взрывы, сражения... это все так скучно, вульгарно даже, просто фу!

Победы и поражения определяются не взрывами, а информацией. К примеру, если даэрте получают информацию о данных противника, что они сделают?

Передадут ее своим друзьям. А уж те смогут правильно воспользоваться случаем.

Если Дарс Кет потерпит поражение, им преотлично воспользуется Лакс Рей. Так что...

Лакс Рей улыбался, как могла бы улыбаться ядовитая змея. Салея, вспоминая его улыбку, до сих пор вздрагивала.

Итак, что задумал этот мужлан Кет и где будет засада?

– Углова, к доске.

Таня послушно поднялась и отправилась отвечать гигиену и эпидемиологию. Тоже важный предмет, кто бы спорил. Получила заслуженную пятерку. Даже несмотря на то что время от времени запинаясь. И тому была причина.

Извольская смотрела такими глазами...

Сожрала бы.

Это ж надо – такое счастье и такой... Угловой!

Попов на нее внимание обратил! Правда, что с мальчиками, до сих пор неизвестно. Ищут. Но найдут ведь! В то, что Попов, Мельников и Жаров пропали навсегда... погибли...

Нет, в это Катя Извольская верить не будет. Вот еще, глупости! Они ведь ничего такого и не замыслили. Ну, попугали бы немного эту Углову... отвалилось бы от нее, что ли? Еще и благодарила бы потом!

Куда могли пропасть мальчишки?

Загадка...

И Петров от нее не отходит! Вообще... стоит Угловой прийти в колледж, как он тут же прилипает к этим двоим. И к Таньке, и к ее подруге... вот тоже еще! Хиппи недоделанная!

Выражалась Катерина намного резче, но про себя. А вот глазами сверкала так, что прожекторов не надо. Хоть ты ночью дорогу освещай.

Катя и себе бы не призналась, что ее злость рождена самой обыкновенной вульгарной завистью. Увы. Салея была на порядок красивее признанной королевы первого курса. Просто старалась не привлекать внимания, не выделяться, но если бы захотела...

Катя точно знала, что Салея могла бы! И выделиться, и блистать...

Не хочет? Но ведь может... что сделать с этой гадиной?

Хотя стоит ли что-то делать? Она скоро уедет домой. А вот Углова – останется. И станет еще красивее! Вот что обидно-то!

Катя сознавала, что ее красота – результат тщательного ухода за собой. Спасибо косметике, парфюмерии, салонам красоты, новейшим достижениям медицины.

Волосы можно нарастить, как и ресницы. Сделать татуаж, отшлифовать не слишком ровную от природы кожу, мало есть, проводить часы в тренажерном зале, поддерживая фигуру в идеальном состоянии...

И как же обидно жевать лист салата, когда рядом Углова преспокойно лопают беляш с лотка! И не толстеет! Вообще!

И как обидно ходить раз в неделю в салон на чистку, когда у кого-то рядом идеально чистая кожа! И глаза большие, и брови словно нарисованы... свои-то Катя татуажем подправила. И волосы раньше хоть были тусклые, словно солома, и связаны в хвост, а теперь густые и блестящие. Словно Углова их тонировала. Может и такое быть, кстати.

Катя-то свои волосы лет с пятнадцати красила, никто и не догадывался, что она не натуральная блондинка.

Где, где справедливость?!

Одежда?

Это козырь Кати. У Угловой просто нет денег на брендовые шмотки. Но кому это может помочь или помешать? Ты же не носишь вещь ярлычком наружу? И мужчины нечасто разбираются, фирменные на тебе штаны или рыночные. А дешевенькие шмотки Угловой сидят на ней очень ладно, подчеркивая стройную фигурку.

Ууууу... оставалось только зло скрипеть зубами.

Погоди, дрянь, я найду, как на тебе отыграться!

Надо только проделать все аккуратно. Чтобы не попасться. Катя готова была стереть соперницу в порошок, но нести за это ответственность? Это она поручит другим. Найдет кому.

Уже ищет!

Таня хотя и видела Катины взгляды, но чихать ей было на ту Извольскую. Ну, смотрит. Ну, злится. И что? Раздражает – и только.

Если разбирать, кто, как и на кого посмотрел... это сразу повеситься можно! А если еще и причины выяснять... да может,

критические дни у Извольской! Вот она и бесится! Запросто!

У Тани были задачи поважнее. Ей надо было сегодня навестить мать.

Подумав, она поделилась с Салеей, когда они шли на занятия. И друидесса с ней согласилась.

Мать есть мать. К тому же это посещение Таню ни к чему не обязывает. Она не будет забирать Олечку домой и не станет оплачивать ее лечение... ладно! Если нужны какие-то медикаменты, их можно купить. И ночнушку, к примеру. Только дешевую. Все равно пропьет.

В исправление своей мамы Тانيا не верила ни на минуту. Можно отнять у алкоголика бутылку. Но куда денешь характер?

Взглядов Руслана она не замечала.

Салея, кстати, тоже, а зря. Руслан смотрел на нее явно заинтересованно. Последние несколько дней он мог жить спокойно. Уже не беспокоился за мать – она здорова. Не переживал за отца: как-то он перенесет смерть матери, не думал о плохом – и мог обратить внимание на девушек. На Салею, да.

С Таней он учился и изменений в сокурснице пока не рассмотрел. А вот экзотическая красота Салеи привлекала всех мужчин без исключения. Если бы она еще и замечала кого-то...

Руслана замечала, но как друга, только как друга. И улыбнулась ему вполне дружелюбно:

– Как дела?

– Хорошо. А вы как?

– Тоже нормально.

– Лея, а вы к нам не зайдете после занятий?

Салея сдвинула брови.

– Мы не планировали. Что-то случилось?

У Тани – мать и работа. У Салеи никакого желания ходить в гости – зачем? Или есть серьезный повод?

Руслан закивал:

– Я... услышал. Случайно.

Салея сдержала улыбку. Услышал он, ага. Скажи честно – подслушал! Осведомлялся. Ничего плохого она, правда, в этом не видела.

– О чем?

– К папе собирается приехать его китайский компаньон. Который... корень пристроил.

– Ага, – кивнула Салея. – И?

– И привезет с собой детей. У него внуки болеют, вот...

Салея кивнула еще раз. Ладно, ради такого дела она и внуков посмотрит. И поможет, конечно. Дети – они и в Лесу дети, и здесь тоже дети.

– Когда он прилетает?

– Я понял так, что сегодня днем.

– Таня приехать не сможет, – сказала Салея. – Она будет занята.

– А ты?

– Я? Я смогу, да...

Салея ненадолго задумалась. Отпускать Таню одну в больницу к матери ей не хотелось. И на то были свои причины. Таня умничка, она сильная и добрая, но именно потому... сердце у нее не камень. И обидеть ее очень легко. Люди живут штампами.

Мать – это святое. Дочь должна любить мать...

А как насчет мамыши, которой ребенок и даром не нужен был? У которой Таня чудом выжила? Но кому и что ты сможешь объяснить?

Да никто просто не будет слушать! Салея могла бы оторвать голову любому, но Таня так не сможет. Сестренка расстроится.

С другой стороны, Салея и затягивать не хотела. Людмила Владимировна вчера прошерстила интернет и нашла целых два лагеря. Один им вполне подойдет, там двенадцать домиков, в каждом шесть комнат, в комнате по две кровати. То есть можно разместить сто сорок четыре даэрте.

Более того, этот лагерь принадлежит заводу. А завод, увы, разорился. Сейчас он пребывает в состоянии между банкротством и распродажей имущества. Заезда не будет, рабочие в бессрочном отпуске. То есть его можно снять на все лето. Да, это влетит в копеечку... нужны деньги. И оказать услугу человеку, который их принесет, – несложно. Лишь бы побыстрее.

В лагере есть котельная, то есть будет горячая вода. Есть столовая, есть телевидение и сети связи. Так что... да, подходящее место для первого выезда даэрте. Но это надо бы сделать в ближайшие несколько дней.

Салея не обольщалась. Скорее всего, переход даэрте с Дараэ закончится ее гибелью. Поэтому ей нельзя тянуть. Некогда...

А Таня...

На губах друидессы появилась коварная улыбка. Она поняла, что именно надо сделать.

Зов настиг Элрана, когда тот сидел вместе с учеными. Не так уж много их оказалось среди перешедших в другой мир даэрте. Ни одного, если честно.

Но и Шавель не был ученым. Он просто был гением!

А остальные... Элран знал каждого из шестнадцати даэрте. Десять парней, шесть девушек, которые сидели сейчас рядом и ожесточенно спорили, едва не переходя на крик. А поди рассчитай все правильно! Когда ни одного четкого параметра и уйма неопределенности...

С другой стороны, им не нужны пока цифры, им нужна принципиальная схема воздействия. Куда и какие векторы будут направлены, как все это станет взаимодействовать...

Это можно посчитать.

Попробовать хотя бы.

Шавель точно справился бы. Ребята? Они молодцы. Но гениев среди них нет. Остается работать, с чем Лес послал.

Зов вторгся в его сознание быстро и резко.

– Ран, ты мне нужен!

Элран аж подскочил на месте. Он слышал, что ее величество может позвать любого из даэрте, но не подозревал, что это – так.

– Эм-м... ваше...

– Да, это я. Лея. Я сейчас призову Хранителя, он проводит тебя к границам Леса. А потом иди ко мне. Ты будешь меня чувствовать, я оставлю нить.

К чести Элрана, он не стал рассуждать, спрашивать, допытываться о чем-то... королева сказала?

Он сделает.

– Да, ваше величество. Я уже иду.

– Иди-иди...

И почему у нее был такой жутко довольный голос?

– К нам что – лично президент приехал?

– Не думаю, – отмахнулась Салея, глядя в окно.

Перед зданием медколледжа было какое-то подозрительное оживление. Студенты буквально клубились перед входом. И те, кто уже закончил занятия, и те, у кого еще продолжались пары. Их можно было отличить друг от друга по белым халатам.

Без халатов на занятия не допустят. Равно как и с длинными ногтями, и с неубранными волосами – ты будущий медик. Как ты станешь лечить пациента? Отплевываясь от прически? А если волос попадет в рану?

Ограничений много. Но после занятий парни и девушки избавляются от униформы, девушки иначе причесываются и прихорашиваются. А тут...

Что происходит?

Таня задавалась этим вопросом ровно пять минут. Пока они не вышли на улицу. А потом все стало ясно.

Элран.

Конечно же, даэрте. Кто еще это может быть? Сидит такой весь невозмутимый, на перилах крыльца, причем сидит не так, как люди, – найдя хотя бы две-три точки опоры. Сидит, как эльфы в кино. Небрежно так, подтянув одну ногу к подбородку и свесив другую. Если упадет – то с высоты в два метра и на камни. Или на крыльцо.

Но этот – не упадет. Таня язвительно подумала, что даэрте слезли с пальмы намного позже людей. И лезут лучше. Вот.

Девушки вели прицельную стрельбу глазами, но даэрте игнорировал даже самых смелых. А подойти и пообщаться.... Нет, не получалось. Элран, конечно, не принц, но подойти к нему, хлопнуть по плечу, сказать: «Привет»? Это как английской королеве в жилетку высморкаться.

Решимости не хватит.

Увидев девушек, Элран соскочил с перил в пируэте, которому позавидовала бы и Анастасия Волочкова. И поклонился Салее.

– Ва... Сеньорита Сантос. Сеньорита Углова.

Еще и ручки поцеловал, гад!

Проделано это было с таким изяществом и непринужденностью, что оставалось только головой покачать. Не игра, не позерство, не издевка. Так надо. Все правильно.

– Ран, ты сегодня съездишь с Таней? Пожалуйста. А Руслан меня проводит.

Салея ничего особенного в ситуации не видела. Подумаешь...

– Все продумала? – покосилась на нее Таня.

– Частично, – не стала скрывать подруга.

Таня тоже не стала спорить. Ладно уж. Надо так надо. Салея не вредина и не сводница, просто так она ничего делать не будет.

– Хорошо.

– Таня, я могу забрать с собой ваши халаты и учебники, – предложил Руслан. – Потом Лея уедет на машине, таскать все не придется. Я правильно понимаю, ты сейчас еще на работу?

Таня кивнула:

– Да... пожалуй. Забери, если нетрудно.

– Буду рад помочь, – обычно Руслан выражался проще и короче, но в присутствии Элрана как-то хотелось подтянуться, выпрямить спину, расправить плечи... и вообще! Чего этот самец явился на территорию Руслана? А?

Даже если самому Руслану не нужны ни Таня, ни Лея... как подруги нужны, а любви у него пока нет, и, может, даже никогда не появится. Все равно... лучший двигатель отношений – здоровая конкуренция.

Салея фыркнула и подхватила Руслана под локоть.

– Идем?

– Конечно.

Руслан уже все решил: они сейчас пройдутся до стоянки такси, а оттуда уже доедут до дома. Таня вручила ему свой мешок со сменной обувью, халатом и частью учебников и кивнула:

– Спасибо.

– С вашего позволения, – склонился перед ней Элран. Таня положила ладонь на его локоть, и две пары направились прочь от колледжа.

Потемневшими от ярости глазами смотрела на это Катерина Извольская, но на нее никто не обратил внимания. Даже однокурсники.

Все обсуждали происходящее.

В такси Салея молчала. Руслан, впрочем, тоже. А как подобные вещи обсуждать при постороннем человеке? Ни к чему. Руслан решил спросить, уже когда расплатился с таксистом и они направлялись к особняку.

– Лея, это твой брат?

– Похож?

– Да, сильно.

Салея вздохнула.

Этого следовало ожидать. Для постороннего человека многие даэрте окажутся на одно лицо. Как китайцы или японцы, к примеру. У всех даэрте треугольные лица, высокие лбы, большие глаза и примерно одинаковые надбровные дуги, у всех одинаковая форма ушей... как это называется? Эта наука? Антропометрия?

Не важно.

– Элран мне не брат. Скорее дальний-дальний кузен.

– Вы похожи.

– Мы все похожи, – взмахнула рукой девушка. – Пусть Ран сопровождает Таню. Ей нужна помощь. Особенно сегодня.

Уточнять Руслан не стал. Разве что...

– Я могу помочь?

– Нет. В этом Тане никто не поможет, она обязана справиться сама. Это как экзамен на взросление.

Дальше расспрашивать Руслан не решился. Да и пришли уже.

А спустя пять минут он и вообще рот закрыл. И даже нижнюю челюсть рукой придерживал – чтобы не отвисла. Потому что Салея улыбнулась, поклонилась и заговорила на путунхуа, как на родном. А потом, послушав пару минут господина Чжао, спокойно перешла на кантонский диалект. Да так легко, словно всю жизнь жила в Гуанчжоу^[41].

Господин Чжао явно был удивлен. Руслан не понимал и десятой части из их разговора. Вроде как пару слов уловил, но и только.

Да, нет, хорошо... имена вот проскальзывают...

В детстве он китайский не учил. Взятся в четырнадцать лет, от скуки, кое-как по верхам нахватался, а потом мама заболела. И стало не до языков.

А Салея разговаривает так, словно родилась в Китае и всю жизнь там прожила, переезжая из одной провинции в другую.

Вот господин Чжао ей еще и поклонился. А Салея, остановив его небрежным жестом, подошла и положила руку ему на лоб.

Между пальцами побежали зеленоватые искорки. А вот дубовые бляшки на лбу девушки явно стали темнее. Насыщеннее, что ли, оттенком? Как будто их в кровь окунули. Господин Чжао пошатнулся, медленно опустился на траву. Рядом уселась Салея.

Выглядела она очень и очень уставшей.

– Водички? – Руслан поднес ей высокий бокал. Благо графин с водой стоял неподалеку, на столике... Салея выпила его залпом и тут же получила второй.

– Благодарю.

– Не за что. Ты его лечила, да?

– У вашего друга рак мозга. Правда, в зародышевом состоянии, опухоль еще не начала расти, – отмахнулась Салея. – Но года через три было бы поздно.

– Оперировать?

– Оперировать и сейчас нельзя было. Она в очень неудобном месте... туда скальпелем не доберешься. Ладно, сейчас посижу пару минут, и надо детей посмотреть.

– Давай помогу перебраться на скамейку, – предложил Руслан.

Салея кивнула.

Скамеечка под кедром ей очень нравилась. Не слишком большая, удобная, накрытая теплым покрывалом – хоть сиди, хоть лежи. Главное, не деревянная, а из пластика и металла. Деревянные вещи Салея не любила. Ладно бы еще – их так вырастили! Но ведь нет же! Дерево сгубили, распилили, сделали с ним что захотели... кому-то тут нравится глумление над трупами?

И ей не нравится. Она потерпит, но природу не изменишь.

Господин Чжао так и сидел на траве. Поднять его Руслан даже и не пытался. Китаец весил раза в полтора побольше, и вообще... сложно у них с этикетом. Не так полезешь – навеки варваром

останешься. Пусть посидит; как придет в себя, так сам разберется, чего ему хочется.

– Добрый день, – Даниил Русланович сделал вид, что ничего удивительного и странного здесь не происходит. – Салея, рад вас видеть. Чжао, давайте помогу... Руслан, иди сюда.

Теперь Руслан и сомневаться не стал. И помог, и объяснил, что произошло. И получил благодарный взгляд от отца.

– Салея, вам нужна какая-то помощь? Может, все остальное в другой раз?

Салея качнула головой:

– Нет-нет. Если меня покормят, то и детьми надо будет заняться сегодня. Они маленькие, сил нужно немного...

Руслан вовремя успел подхватить господина Чжао.

А вот не надо кланяться, когда у тебя голова кружится и ты едва на ногах держишься. Сейчас клюнул бы носом с размаху... очень даже запросто!

Салея отправила в рот горсть кедровых орехов и улыбнулась.

Забавные они, эти люди. Это не ша-эмо... совсем другие. Более чистые, более яркие. Они тоже могут стать ша-эмо... нет. Уже не станут. Даэрте пришли сюда – и помогут им.

Все будет хорошо. И у людей, и у даэрте. Судя по тем людям, которых она знает, у них есть шанс понять друг друга и ужиться.

А детьми она тоже займется. Там ничего серьезного нет, она уже посмотрела. Вон они, бегают... тут сил особо и не надо. Взрослому помочь труднее.

А некоторым и помогать нет смысла, они сами себя отлично гробят. Интересно, поймет ли что-то Танина мать – или все напрасно? Кто ж ее знает...

И Салея сунула в рот еще горсть орехов.

О чем можно разговаривать с даэрте? Ну... то есть...

Вот Салея – это другое. С ней проще и легче. А Элран – он красивый. И Таня откровенно смущалась. Впрочем, недолго: стеснительность и медики плохо совмещаются. Придумать тему для разговора было сложно, но потом Таня сообразила и предложила

парню спрашивать. О том, что ему кажется интересным или необычным.

Знание языка дал им Лес. При переходе. И на это ушло много сил у той же Салеи.

Но говорить по-русски – и знать местные обычаи, привычки, забавные истории, цены, обращения – это не одно и то же, правда? Вот Элран и расспрашивал обо всем, что видит.

Вот забавный лохматый пудель сидит рядом с киоском. Привязан за поводок, чтобы не удрал и дождался хозяина.

И пошел разговор про собак.

Вот по рельсам идет трамвай. Ладно-ладно, про электричество Таня ничего рассказать не могла: она вообще не понимала, как электрический ток помещается в проводе. А уж устройство батареи, даже самой простой, для нее было тайной за семью печатями.

Но такие тонкости Элрану тоже не были нужны. Таня пообещала ему учебник по физике – потом. Когда он сможет читать по-русски. А пока можно и букварь купить.

Вот, кстати, книжный магазин...

Покупать книги Элран отказался. Наотрез. Просто вошел в магазин – и мгновенно вылетел оттуда с такой скоростью, что Таня едва перехватить успела. Что подумали продавцы, она и представлять не хотела. Явно что-то непечатное.

– Это... это дерево?

Таня задумалась.

– Сейчас, наверное, уже не всегда. Вторсырье, растения, шерстяные волокна, кажется, что-то еще. Я не помню, нам на гигиене рассказывали, но не очень много.

– Я чувствую... там столько убитых деревьев!

Девушка только лоб потерла.

– Именно убитых?

– Эм-м... – Теперь настала очередь Элрана задуматься. Даэрте обожали и обожествляли Лес, но, на минуточку, деревья и от естественных причин падают. И от грозы, и от урагана, погоду-то не отрегулируешь. А еще есть болезни деревьев, есть старость, когда гиганты сами хотят уйти, а иногда лес надо и просто прореживать...

Это – естественно.

При этом деревья погибают. И если тут из них стали делать бумагу – почему нет? Но взять в руки книгу Элран просто не мог. Для него это было... вот как для Тани – испечь булочку из костной муки. Или в печи, сделанной из человеческих костей.

Девушка не настаивала, просто пометила, что надо отменить заказ на буквари. Придется закупить дешевые планшеты и раздать даэрте.

– Элран, а ваш народ может вырастить что-то такое... из чего можно получать бумагу? Чтобы деревья не трогать?

Теперь настала пора даэрте рассказывать, как все было устроено на Дараэ. Так и до больницы добрались незаметно...

– Углова? Есть такая. А вы ей кем приходитесь?

– Дальней родственницей, – отрезала Таня. – Шестиюродная племянница по линии прабабушки.

Медсестра поглядела с сомнением.

– Ну, не знаю...

– Я тоже не знаю. Она хоть выживет? – Симпатии там и взяться было неоткуда.

– Выживет, – кивнула медсестра. – Вчера из реанимации перевели, лежит... пройдете к ней?

Таня покачала головой:

– Нет... если можно узнать о ее состоянии и поговорить с врачом – пожалуйста. Купить ей что-то я могу. А видеться не хочу.

– А еще родственница, – проворчала медсестра, которая явно положила глаз на Элрана и составила план. Вот сейчас девчонка пойдет к Угловой, а она останется с красавчиком и поговорит. А там и еще что-то может сложиться?

Где эта моль бесцветная, а где – она? Красотка, вон халат на груди лопается! Надо бы только пуговичку расстегнуть...

– Вам родственники-алкоголики сильно нужны? – Таня, хоть у нее и покраснели уши, стояла на своем. Медсестра ничуть не смутилась.

– Уж какие есть...

– Я вам сочувствую. Но сама с Ольгой общаться не буду. Хватит и того, что она постоянно с нас на бутылку стрясти пыталась.

– Где ее... лечащий врач? – вступил в разговор Элран.

Медсестра повела плечами так, что пуговицы на груди затрещали. Выдержали, хорошие у нас нитки. Крепкие...

– В ординаторской. Только он занят...

– Благодарю.

Элран подхватил Таню под руку и направился в сторону двери с непонятной надписью. Но, кажется, именно туда, куда надо. Глаза медсестра скосила точно в эту сторону...

– Спасибо, – тихо шепнула Таня.

– Не стоит благодарности.

А вот и доктор. Элран покрепче сжал тонкое девичье запястье и изобразил вежливый полупоклон.

– Добрый день. Мы бы хотели узнать, что можно, про Ольгу Углову.

Таня потихоньку перевела дух. Хорошо, что рядом с ней даэрте. Как-то он действует на людей... рядом с ним и ее спрашивать не торопят, и не давят, и не скандалят... приди она одна, точно бы медсестра что-нибудь учинила. У нее на... в вырезе халата написано: «склочница».

А сейчас может и сойти.

Пусть им только расскажут, что с этой пакостью, и они пойдут. И никаких угрызений совести Таня чувствовать не будет. Скандала не хотелось, бабушку тревожить не хотелось, а все остальное... да помри эта зараза – только б так, чтобы бабушку не травмировать! Вот!

Элран тихонько подтолкнул ее, мол, не отвлекайся, спрашивай. И Таня послушно включилась в разговор. Действительно, откуда даэрте знать про плевру или про плазму крови...

Но жить мамаша точно останется. Такое – не добьешь.

Поздно вечером в гостиной роскошного дома сидели двое мужчин.

Да-да, именно господин Петров и господин Чжао.

Сидели, потягивали гранатовый сок, задумчиво глядели на огонь в камине.

Под такой разговор больше подошло бы вино, но его господину Чжао запретила Салея. Года на три любое спиртное, любая табачная

продукция для него под запретом. Не то болезнь вернется.

Только здоровый образ жизни.

Только соки, овощи, фрукты, мясо раз в три дня, рыба тоже не чаще... даэрте побывала на основах диетологии и прониклась. Действительно, сколько болезней от неправильного питания?

Считай, семьдесят процентов.

Даниил Русланович сок пил из солидарности.

Давно уснули все обитатели дома, спала еще слабенькая Алеся, спал Руслан – завтра на занятия, спали дети, которых Салея таки подлечила вечером, и они попросту отключились, спали где-то у себя слуги, остающиеся на всякий случай в доме...

– Не знаю, как благодарить и что говорить, – нарушил молчание господин Чжао. – Я держал в руках корень женьшеня и повезу домой другие, но... я не ожидал такого.

Даниил Русланович развел руками. Мол, я тоже не ожидал.

– Ты понимаешь, Чжао, деньги им не слишком нужны. Но помощь, может быть, документы, ассимиляция...

– Я сделаю все, что смогу, – Чжао даже не шевельнулся, но как-то стало понятно, что его слова прочнее алмаза. – За жизнь и здоровье нет достойной оплаты.

Господин Петров кивнул.

Да, за такое не расплатишься. Никогда.

И подумать только, если бы он отказал сыну, если бы настоял, чтобы Руслан поехал учиться в Москву, если бы...

На какой тонкой ниточке иногда повисает удача! Даже подумать страшно!

Вот, лучше и не думать.

И мужчины выпили еще немного сока.

Лакс Рей ненавидел действовать самостоятельно. И лес он ненавидел – мерзкое место. Как здесь вообще можно находиться? Все зеленое, все какое-то расплывчатое, размытое, никакой геометрии, никакой стерильности... ладно! Это еще можно пережить!

А все эти мухи, блохи... кто вообще в этой зелени водится?

Комар, прилетевший на лысину экс-наместника, намекнул, кто еще водится. И кушать хочет.

Лакс злобно убил насекомое... нет, промазал. Тварь издевательски жажужжала над ухом.

Гады, сволочи!

Высказать свое мнение на весь лес Лакс не успел. Рядом появился даэрте.

Вот еще одна тварь... Их Лакс тоже ненавидел. И за это, кстати... за то, что вот так, тихо появляются из ниоткуда, за их... да за все! А если уж честно – за внешность, здоровье, молодость, за нечто такое, чего Лакс понять не мог, но обидно же, господи! Понимаете? О-бид-но!

И вовсе даже это не зависть! Не зависть, он сказал! Просто почему-то одним дается все, а другим... Лакс искренне пытался полюбить себя, проходил тренинги, участвовал в семинарах, лично общался с психологами, но обожать свое невыразительное плоское лицо так и не научился. А пластику делать не хотел – может повредить карьере.

Одно дело, когда надо исправить какие-то дефекты. Другое – когда это твои личные комплексы. Подобные вещи отражаются в личном деле и сильно мешают продвижению по служебной лестнице.

А кто там такой?

А, этот? Он в себе не уверен, склонен прислушиваться к мнению окружающих, легко управляем... много чего можно написать. Лакс точно знал, у него мать работала в отделе кадров. Вот сыночек и получил доступ к личным делам... что там взламывать-то мамин пароль? Всего девятнадцать знаков, тьфу и растереть!

А даэрте....

Они попросту были красивы. Элегантной красотой диких животных в родной среде. И как ни уговаривай себя, что они умственно недоразвиты, как ни утешай, все равно свербит в подсознании...

Лакс пару пальцев бы отдал за такую осанку. И за густые волосы.

И за большие глаза, и улыбку... впрочем, сейчас никакой улыбки не было.

– Что привело вас сюда, ло Рей?

Лакс скривился еще сильнее. Да, и голос тоже. У самого Лакса он был совершенно невыразительным. Глуховатым, визгливым, а если

попробовать говорить громче – то и с отчетливым подхрюкиванием. А тут такое сокровище – мягкий, бархатный баритон. Сейчас, впрочем, совершенно ледяной.

Век бы его в этой чащобе не видели! Но есть вещи, которые никому другому не доверишь.

– Вот это, – просто ответил Лакс, протягивая планшет. – Знаете, как пользоваться? Он должен продержаться некоторое время. Даже с вашими особенностями.

Даэрте молча кивнул, пробежал пальцами по чутким сенсорам, посмотрел на голограммы.

– Не понимаю?

Лакс сдвинул брови. Чего тут непонятного? Да, ему в руки попала схема расположения оборонительных поясов вокруг Дараэ. И он решил поделиться с даэрте.

– Вам нужны объяснения, что это такое?

– Нет. Почему вы решили нам это отдать.

Не вопрос. А требование объяснить. И понятно, что Лакс может развернуться, уйти отсюда, махнуть рукой...

И так же понятно, что планшет полетит в ближайший куст и никому эта информация не поможет. И не мешает Кету добиться своего.

– У меня есть свои причины передать вам эту информацию. Для ваших союзников. Новых...

– Причины?

– Дарс Кет, – имя было произнесено так, словно Лакса тошнило. Несколько секунд старейшина Мирил молча смотрел на него.

– Вы его ненавидите. Просто за отставку?

– Вы бы его любили – на моем месте?

Мирил пожал плечами. Вот уж чего у даэрте никогда не водилось – это честолюбия. И сифилиса тоже. Эти явления были для них равноценны.

– Вы хотите ему напакостить – нашими руками?

– Руками ваших союзников, – поправил Лакс.

Смешно? Шпиономания?

А вот вас бы так! Когда никому не можешь доверять! И положиться ни на кого нельзя, и вообще... люди – сволочи! Это же ясно! Как им можно дать в руки хоть капельку компромата?

Никак!

Обязательно напакостят и донесут. А то и шантажировать возьмутся... Лакс точно знает, он умный! Вот и пришлось лететь самому, под предлогом прогулки... мол, хочет устроить моцион. Лакс такое иногда проделывал, и сейчас никто не удивится. Нет, с самого начала он не рассчитывал, что это пригодится. Просто приятно было полетать над Дараэ, посмотреть сверху, ощутить, что планета вся его, и только его, что это следующая ступенька к успеху....

Почему в одиночестве?

А кому можно доверить такие чувства? С кем их можно разделить?

Жена? Х-ха! Да бабы предают всегда! Натура у них такая... и жены пока нет. И когда еще появится – неизвестно.

По непонятной причине все женщины мира для Лакса делились на две категории: те, кто хотел с него что-то получить, и все остальные. Первые приходили сами, льстили, кланялись, ложились под него – и убирались вон достаточно быстро. Иногда с наградой, иногда без нее.

Вторые же... то есть все остальные просто шарахались от Рея. «Он как большая мокрица, – подслушал однажды Лакс разговор двух официанточек. – Вроде и ничего так, а по коже мурашки бегают. Гадкий он до предела...»

Девчонку-то он проучил. А куда память деть?

Никуда.

Менять что-то в себе Лаксу и в голову не приходило. Разве что внешность.... Вот Дарсу он... не завидовал! НЕ ЗАВИДОВАЛ, ЯСНО?!

– Хорошо. Я передам им этот планшет, – решил старейшина Мирил. – Что-то сказать на словах?

– Да. Вас ждет засада.

– Он решил расстрелять конкурентов? – проявил интерес старейшина Мирил. – Или...

– Не знаю. Судя по действиям этого солдафона – все просто. Устроить засаду и расстрелять вражеские корабли на выходе из гиперпространства.

Старейшина Мирил пожал плечами.

– Это его право... попытаться. Я благодарю вас за помощь, наместник.

– Уже не наместник, – почему-то поправил Лакс Рей.

– Мы оба понимаем, что это ненадолго.

Лакс вздохнул.

– Если бы не этот кретин... вашей королеве повезло.

Старейшина едва сдержал ругательство.

Повезло?!

И в чем же это везение? В том, что нас выгоняют из собственного дома?!

В том, что погибло несколько миллионов даэрте?!

В том, что королева обречена на гибель?! И все из-за вас, жадные твари?!

Где, ГДЕ это везение?!

Но что толку метать золото перед свиньей? Лакс Рей никогда этого не поймет, для него он сам – альфа и омега всего сущего, точка отсчета и конечный пункт назначения. По его мнению, ценнее и важнее, чем он, в мире нет ничего. Просто – ничего.

Объяснять ему что-то? Про самопожертвование, про вещи, которые неизмеримо ценнее жизни любого из даэрте, про Лес...

Не смешно.

И старейшина попросту поклонился гостю. Не из уважения, просто из вежливости. И так же из вежливости проводил Рея до его летающей машинки и подождал, пока диск поднимется над лесом и отправится восвояси.

Планшет он проглядит. И отдаст королеве при следующем визите.

Вот убиться ему о дерево, если Лакс Рей не говорил правду. Или, во всяком случае, он свято верил в то, о чем говорил. Это чувствовалось.

Это было.

Использовать этого человека втемную? Нет, такого старейшина даже представить себе не мог. А потому...

Он все расскажет королеве.

Глава 12

Утро началось с негромкого бабушкиного вскрика на кухне.

Спи Таня менее чутко, она бы и проспала, но... гавкнул Гном, мявкнула кошка – и девушка даже не поняла, как оказалась рядом с бабушкой.

– Бабусь, что случилось?

– Беда, Танечка.

С утра Людмила вставала и готовила завтрак. Обычно варила кашу на всю семью. Ей несложно, а девочке лишних десять минут поспать. Ну и новости она включала потихоньку. Интересно же, что в мире произошло.

И вот сейчас...

Катастрофа. Другого слова и не подберешь.

Крушение поезда...

Это в любом случае не подарок, а уж когда оно происходит в тайге...

Это – страшно.

Нет, не так. Это смертельно страшно. Потому что складываются вместе несколько факторов.

На аханье примчались обе девушки. Обе – заспанные, растрепанные, и с ужасом слушали сообщения.

Пока, по предварительным данным, по рельсам ехал поезд. И ему навстречу выкатились четыре цистерны с нефтепродуктами.

Что они там делали?

Стояли!

То ли их какая-то зараза не закрепила, то ли они от предыдущего поезда отцепились – пока не ясно. Катастрофа произошла всего пару часов назад.

По счастью, у людей сейчас есть мобильники, все могут позвонить, попросить о помощи... не везде берет сеть, но кому-то повезло прорваться. И даже фотографии скинуть.

Удар получился такой силы, что несколько вагонов просто слетели с насыпи, лежат рядом, вот, в отдалении чье-то тело...

А еще...

Не забывайте про нефтепродукты.

Начался пожар.

Пока он еще не захватил несчастный поезд. Но этого тоже долго ждать не придется. На своих двоих от лесного пожара не убежишь, реки рядом нет, опять же, кто ранен, кто с детьми, а самолеты и спасатели...

Пожар.

Все упирается в проклятый пожар.

Или?..

Таня поглядела на Лею.

Салея поглядела на названую сестру.

– Мы поможем.

– Заодно и легализуетесь, – усмехнулась Таня. – Частично. Скажете – племя, кочевое, по тайге шли, случайно наткнулись, решили помочь...

Салея только рукой взмахнула.

– Потом решим, что сказать. Сейчас я оденусь, и пойдем.

Таня рысью метнулась в свою комнату, к шкафу.

– Медикаменты!

– Бери, но они не понадобятся, – отмахнулась Лея. – Поспеши.

Людмила Владимировна прижала руки к груди.

– Девочки, осторожнее там!

Сколько же ей хотелось сказать! И про риск, и про опасность, и вообще не пустить девочек... а они потом ей простят?

Она потом себе простит?

То-то и оно. Детей при себе до старости не удержишь, это не жизнь будет, а банка со спиртом. Кунсткамера. И плавает в банке грустный человечек....

Она закрыла рот и не произнесла ни слова. Вместо этого пошла и проверила пауэрбанк. Сунула Тане. Заряжен. Мало ли что...

Салея, конечно, сила Леса... подзаряжать сотовые они пока не научились. А так хоть шанс будет позвонить.

Мало ли что?

Мало ли сколько они там пробудут? Потом такси вызвала. До леса еще доехать надо. Сунула Салее свою ветровку, так, на всякий случай. Поправила на Тане рюкзак. И кроссовки надень старые, нечего новые гробить. Наверняка там и грязь будет, и кровь...

Девушки вышли за дверь дома. Такси уже ожидало в полной боевой готовности.

Салея положила руку на запястье водителя.

– Нам срочно. В лес, туда, где ближе.

– Зачем?

– Вези, не спрашивай, – рыкнула Таня, доставая из кармана деньги (примерно вчетверо больше, чем нужно за такую поездку) и протягивая их таксисту. – Побыстрее.

– Было бы уплóчено, – философски кивнул водитель – и старенькая «лада» сорвалась с места.

Десять минут – доехать до леса. До места, где клин леса вдавался в город.

Девушки выпрыгнули из машины чуть не на ходу, помчались в лес. И показалось на секунду водителю, что мелькнула за кустами тень громадного медведя... да что вы! Это только показалось!

Бред какой-то... куда девчонки делись?

Да какая ему разница! Главное, что деньги никуда не делись. И точка.

Витя знал, что помощь не успеет.

Вот просто так – знал, и все. Не дурак же. Понятно, что они тут, в тайге. На перегоне длиной черт знает во сколько километров. Пока до них доберутся...

Да, кто-то уже вышел.

Кто-то уже помчался на аэродромы и железнодорожные станции.

Кто-то может сесть в машину и рвануть по лесным дорогам.

Увы – они тут. И пожар разгорается все сильнее. А реки рядом нет... она есть, но до нее километров пятьдесят.

Можешь бежать, можешь не бежать... кто-то решил уйти – их право. Витя даже не ругался. Даже вслед этим умникам не плевал – к

чему? Человек ты или нет – выбор каждый делает сам для себя. Понятно же.

Ему точно не уйти. Кровопотеря большая, и голова до сих пор кружится... еще повезло. Он был в одном из первых вагонов и помнил, как выскочил в коридор и что-то заорал машинист... что-то непонятное, то ли «бегите», то ли «прыгайте»...

А потом – жуть.

Именно это слово хорошо описывало происходящее. Когда именно что жуть. Когда сходят с рельсов и переворачиваются вагоны, когда ты теряешь всякую ориентацию в пространстве, когда дико кричат люди – и их крики заглушаются лязгом искореженного металла.

Витя так головой треснулся, что все звезды одновременно увидел. А то и еще пару галактик. Сам себе, по юношескому опыту, он уверенно поставил сотрясение мозга. Плюс рваная рана на голове – сейчас замотана полотенцем, ну хоть так. У других и того нет.

А Вите надо.

Лежать? Лежать бы ему тоже надо, но некогда. И нельзя. Есть люди, которые больше его нуждаются в помощи. Вот кричит бедолага, которому зажало ногу, словно в тисках. А ведь если его не вытащить...

От гангрены он умереть не успеет. Но задохнуться или погибнуть от пожара – вполне.

Витя нашел подходящую железяку и попробовал применить знания физики на практике. Законы рычага...

Ага, видимо, учебники писались в более спокойной обстановке. Потому что рычаг не действовал.

Мужчина молчал. Потерял сознание – оно и к лучшему. Витя попробовал еще раз – безрезультатно. Да что ж такое... сил не хватает, и голова кружится...

Витя отвернулся от лежащего, и его стошнило. Пришлось присесть подождать, пока перестанет кружиться голова, а потом снова попробовать. Сдохнет он здесь. Но человеком сдохнет.

Пытаясь помочь другим.

Организовать кого-то?

Смешно. Это в газетах гладко пишут: вот, после катастрофы некто Н. или там М. организовал людей, они пошли, сделали...

Поди докричись. До ошалевшего, полубезумного стада, в котором каждый сам за себя. Может, кто другой бы и смог, а у Вити таких

способностей просто нет. Не дано.

Поэтому Витя махнул рукой и делал то, что мог. Нашел воду, еду, помог устроиться десятку людей, вот сейчас пробовал вытащить еще одного пострадавшего.

А из цистерн вылилось горючее.

И оно постепенно горит... а когда начнется лесной пожар – им не уйти. Пока еще пламя только подбирается к лесу, но когда полыхнет – не уйти никому. Вообще.

Витя это понимал, а остальным объяснять – бессмысленно. Даже то, что он делает... какая разница, когда этим людям умирать? Сейчас?

Через полчаса?

Но ничего не делать он не может. Потому что слишком это страшно – бездействие. Потому ползет до последнего раненое животное, потому кидается на врага загнанный в угол зверь, потому... потому что до последнего хочется – жить.

Жить любой ценой.

Жить...

Витя скрипнул зубами и снова поднял палку. Должен ведь сработать когда-то закон рычага?

Обязан!

Держись, Витек. Хоть как-то, но справимся...

Когда Салея успела позвать Хранителя?

Таня так и не поняла. Но мелькнуло за кустами мощное тело, рыкнула морда, от которой у любого охотника родимчик бы приключился, блеснули на миг клыки, а потом Таня поняла, что она сидит на медвежьем загривке. Салея рядом, а зверь плавно движется через лес.

– Куда мы?

– Я послала весточку даэрте. Они ждут, но коридор буду пробивать для них я, – коротко ответила Салея.

Таня застонала.

Она уже понимала, что происходит. Отлично понимала... Салея снова будет жертвовать своей кровью и силой, чтобы открыть дорогу даэрте. Если идти пешком... этот перегон слишком далеко. Даже на

вертолете туда часа три-четыре. Это – тайга, расстояния здесь соответствующие.

Даэрте быстро не дойдут или добегут, но измотанные и уставшие.

А там еще пожар.

Там еще люди, которые нуждаются в помощи... вроде как есть погибшие, есть раненые...

Салея может открыть проход через Лес своей волей. Отдать свою кровь, свою силу, упасть потом без чувств... и проклятая Дубовая корона возьмет еще больше власти над ней. Но они сэкономят время. Может, час, может, еще больше...

Страшный выбор.

Между жизнью сестры и жизнью десятков людей.

Салея крепко сжала Танино запястье.

– Ты обещала мне, что не оставишь даэрте. Ты моя сестра.

– Возьми мою кровь? – предложила Таня. – И силы?

– Не получится. Ты просто выгоришь, у тебя еще каналы не прокачаны.

– Но...

– Я буду брать силу напрямую, и от Хранителя, и от Леса. Твоих сил мне не хватит, а если попробуешь пропустить через себя больше – просто выгоришь.

– Я – бесполезна?

Салея качнула головой:

– Нет. Соберись, сестренка, нам сейчас предстоит много работы.

И командовать придется тебе.

– М-мне?

– А кому? Мне будет плохо, даэрте пока не общались с людьми – так кому еще распоряжаться? Только ты. Своя для обеих сторон.

Таня лишь застонала.

Да лучше б она пластом лежала. Но выбора не было...

Жар стоял адский.

Пожар еще не слишком разгорелся, но пассажиры отлично понимали, что это ненадолго. Час, может, два...

Спасти их не успеют.

Аня прижимала к себе дочку, пыталась кое-как успокоить...

Как все случилось, она помнила очень смутно. Им еще повезло, они были в пятом вагоне. Он тоже, конечно, сошел с рельсов, но на него хотя бы такого сильного удара не пришлось.

Хотя что это меняет в их судьбе?

Она, кажется, сломала ногу, во всяком случае, та на глазах опухает, и наступать на нее сложно. У дочки рана на голове. Кровотечение остановить удалось, но малышке явно плохо. Сотрясение мозга – это уж точно. Сильно их тряхнуло...

Куда они уйдут?

Она бы на четвереньках поползла, но отчетливо понимает, что все бесполезно, все...

От удара перевернулись цистерны с нефтепродуктами, все вылилось, начался пожар... и это еще – счастье.

Да-да, просто пожар. Не взрыв. А могло быть и так.

И второе счастье – все вытекло под склон, и ветер в ту сторону. Пока огонь медленно продвигается по лесу.

Но это – пока.

Стоит чуть поменяться ветру, стоит огню распространиться посильнее....

Они не уйдут.

Не смогут.

Почему так, поодиночке – люди, а вместе – стадо? Вот стадо и металось сейчас по насыпи... кто-то уже удрал.

Самые ответственные пытались приподнять вагоны, вытащить людей, оказать хоть кому-то помощь... один из мужчин сунул Ане бутылку с водой, которую выдрал из автомата. Хотя это все бесполезно.

Час, может, полтора. Дальше им не выдержать. Когда разгорится всерьез, они тут и изжарятся.

Аня поглядела на дочку.

Ксюша снова потеряла сознание. Плохой признак.

Или наоборот? Пусть дочка не почувствует... если повезет, они задохнутся в дыму. Говорят, это быстро. И уж точно легче, чем сгореть заживо.

Кто-то кричал, кто-то бился в истерике.

Аня молча сидела и ждала своей судьбы. Куда уж тут уйти от нее, со сломанной ногой?

Некуда... а МЧС и прочие...

Они прилетят. Наверняка. Но вряд ли успеют вовремя.

Как больно.

Как страшно...

Когда рычаг хрустнул и сломался, Витя едва зубами не закрипел.

Идти, искать...

Ыыыыыы...

Сил не было. Ни на что. Но...

– Айс. Арео...

Чего?

Что происходит?

Сильные руки надавили на плечи, заставили опуститься на землю.

Рядом что-то говорили... что?

Нет, не понять.

Но не так важно, что говорят! Важно, что делают!

Витя обвел взглядом место катастрофы.

Да что тут происходит?! Ведь только-только... никого же не было!

И вдруг...

Момент появления людей он откровенно пропустил. Вот их не было – и вот все место катастрофы кишмя кишит людьми, словно муравьями. Только какими-то странными. Это явно не МЧС, не спасатели. Они какие-то невысокие, смуглые, все в чем-то зеленоватом.

Но... что они будут делать?

И как тут появились?

И – пожар никуда не делся.

Тут будет еще больше жертв? Витя схватил за рукав ближайшего мужчину, показывая на огонь.

– Надо уходить. Будет плохо...

На большее его просто не хватило. Но мужчина понял. Покачал головой, протянул флягу. Мол, выпей. Все будет хорошо.

Витя послушно отхлебнул. По телу пронеслась волна бодрости, в голове прояснилось. Но не спиртное, что-то травяное. Что это?

И кто это?

И что делают две девчонки? Зачем они идут к огню?

Витя попробовал встать, что-то сказать, но один из «зеленых» начал разматывать с его головы полотенце, и мужчина застонал от боли.

Присохло.

Ладно... пусть делают что захотят. У него точно сил не осталось, а эти вроде как знают, что делают?

Пусть...

Володя работал в МЧС два года.

Навидался он за это время всякого. И по лесу людей разыскивал, и из-под завалов спасал, и на воде поработал....

Количество идиотов, которые мечтают самоубиться, в стране превышало все разумные пределы. И неразумные – тоже.

Ладно еще, ты профессиональный биолог. Спелеолог! Ученый! И в пещеру лезешь, как положено, с картой со страховкой, с веревкой... да много всего придумано! Для страховки, для спасения, для удобства и безопасности. Только не ленись использовать!

А когда ты паршивый экстремал, которому хочется побывать в пещере...

Володя вот уже год мечтал написать на сайт президенту. И попросить возродить в кодексе телесные наказания.

К примеру, за кретинизм!

За попытку слазить в пещеру без страховки, за сплавы по реке пьяной компанией! За попытку прокатиться на поезде, как на трамвае – прицепом, и спрыгнуть потом, за гонки на предельной скорости...

За идиотские «адреналиновые падения». Это когда ты хоть и привязан, но... к примеру, прыгаешь с девятиэтажки спиной вперед^[42].

Сработает страховка – ты жив.

Нет?

Ты клиент морга. Но иногда – МЧС.

Вот брать бы таких идиотов – и пороть! Ремнем, на главной площади, а потом еще фото с голым задом выставлять во всех соцсетях! То-то бы адреналина получили уроды! У них бы каждая вылазка из дома была как на войну!

Володя мечтал, но подозревал, что президент не ответит. А жаль. Каждый раз ему было так жаль... времени, сил, других людей, которые гибнут из-за паршивых экстремалов! Ууууу... сам бы порол! По всем законам садо-мазо!

Но есть и другие случаи. Вот как сейчас.

Катастрофа – и без МЧС никуда. Только вот иногда и МЧС бессильно. К своему ужасу и боли. К отчаянию и горю...

Володя прекрасно знал о таежных расстояниях. И о том, как быстро распространяется пламя.

Они не успеют. Они никого не спасут.

И это знание ложилось бетонной плитой на плечи парня. Ей-ей, мог бы – что угодно бы сделал! Хоть сам бы с крыши без страховки прыгнул! Только б очутиться ТАМ, только б помочь!

Не бывает такого в жизни. Маргарите удалось заключить сделку с дьяволом, а скольким – нет?

Хотя много кто пошел бы на такую сделку. Душу, жизнь... Да что угодно бери, только помоги моим близким!

Нет?

Ну и где эти черти шляются, когда они нужны?

Володя сидел в кабине вертолета и думал, что все очень, ну ОЧЕНЬ плохо. И примерно подозревал, ЧТО они увидят на месте катастрофы. Но выбора у него все равно нет... работа такая. Не романтическая, грязная, кровавая, на выгорание и выжигание себя. И кто-то ее должен делать.

Хоть бы кого спасти удалось!

Когда Аниного плеча коснулась легкая рука, она дернулась, охнула от боли в ноге...

Не завизжала только от удивления – дыхание перехватило.

В какой момент все изменилось? Она и сама не поняла. Но...

Рядом с ней стояла девушка. Невысокая, с темными волосами, отливающими зеленью, одетая во что-то непонятное... балахон какой-то?

Кто это?

Откуда?

Выглядела она так, словно только-только вышла из дома. Легкая, свежая, она – улыбается? Аня даже головой помотала. Точно, шок – и галлюцинации.

Бред. Откуда тут кому-то взяться?

Но бред покачал головой, глядя на Аню, и опустился рядом с ней на колени.

– Шаэ? Алаашш...

Половину звуков Аня просто не разобрала. Мягко говоря – шум вокруг. И пламя, и люди, и лес шумит. Но как-то поняла, о чем ее спрашивают. О травмах.

И показала на голову дочки, на свою ногу...

Девушка протянула ей флягу. Сначала сама сделала глоток, потом поднесла к ее губам, а после принялась доставать из своей одежды какие-то ветки, листья, корни...

Аня махнула на все рукой и послушно отпила. Вкус был ей незнаком. Что-то травяное, горьковатое. Но спустя минуту перестало шуметь в ушах, потом прошла боль в ноге, и Аня с удивлением смотрела, как девушка ловко перевязывает ее, накладывает лубки, затем просит показать Ксюшу и начинает перевязывать ей голову.

Как-то странно: не бинтами, а чем-то зеленым, и листья накладывает. А вреда от этого не будет?

Но как тут спросишь?

Аня на секунду отвлеклась от дочки, посмотрела – и рот раскрыла.

Людей в зеленом было много. Очень много – наверное, сотня или даже больше... Они были везде.

Кто-то отвел в сторону от поезда усталых и измотанных мужчин, кто-то помогал женщинам, вот несколько человек поднатужились... они что – вагоны переворачивают?!

Но КАК?!

Это же не в человеческих силах!!!

Только ни спросить, ни сказать что-то Аня не успела. Потому что тут две женские фигурки уверенно направились в сторону огня.

Женщина ахнула, схватила за рукав девушку, которая как раз закончила бинтовать Ксении голову, потянула...

На ее запястье легла теплая сухая ладонь. Смуглая кожа, зеленоватые ниточки вен...

– Чшшшшш. Ла вайс араэ...

И Аня точно поняла, что ей сказали.

Не беспокойся.

Эти двое отлично знают, что делают.

Всех даэрте Салея с собой не потащила. Сказала, что сотни хватит за глаза. Элран, конечно, оказался в числе первых.

Если бы кто-то смог увидеть в тайге эту процессию!

Медведь, рядом с которым пещерные – котята. Две девушки на его спине, одна поддерживает другую. Салея шаталась, как одинокое деревце под ветром, едва не падая с медвежьей спины, и Таня вцепилась в нее клещом. Было тяжело, но Элрана Хранитель на спину допускать отказался. Клыки показал, а у такого мишки это аргумент.

За медведем ровным шагом идут сто даэрте. Парни и девушки, все в зеленом, все серьезные и сосредоточенные, все готовы помогать.

Пусть они пока не знают русского языка. Это не важно!

Все еще впереди, научатся. Главное сейчас не язык, а руки. Рабочие, сильные, готовые помогать... Лес послушно раздвигался перед ними и снова смыкался. И даже примятая трава не показывала, что здесь прошли даэрте.

Только Лес.

Таня едва за голову не схватилась, увидев место катастрофы.

Это в кино выглядит эффектно. А по-настоящему – как?

А вот так. Страшно...

Перевернутые вагоны, мертвые и раненые люди, кто-то сидит, кто-то лежит, несколько человек пытаются помочь другим, но их мало.

Очень мало.

А ведь поезд огромный.

– Человек пятьдесят ушли. Туда, – махнула рукой Салея.

– Надеются, что до них огонь не доберется? – поняла Таня.

Друидесса поглядела на небо. Подумала.

– Доберется. Примерно через три часа. Быстро они идти не смогут... настолько быстро. Догонит.

Таня вздрогнула.

Три часа жизни для тех, кто успел уйти. И... час? Два? Для тех, кто идти не может...

– Часа полтора, – кивнула Лея. – Скоро ветер поменяется.

– Но мы же не допустим?

Салея даже плечами пожала.

– Конечно. Пойдем?

– Я тоже?

– Ты моя сестра. Смотри и учись, – даже слегка удивилась Салея. – Прошлый раз я делала, но ты ничего не видела. Сейчас я буду делать, а ты смотреть. Если будет третий раз, делать будешь ты.

– А если я не смогу?

– Сможешь, – уверенно заявила Лея. – Еще как сможешь.

– Мне страшно.

– Мне тоже. Идем?

– Идем....

Салея не любила лесные пожары. Что тут удивительного? Даэрте живут в лесу, и прежде чем они научились с этим бороться, не одна сотня тысяч погибла от пожаров. Удар молнии, случайное возгорание – иногда хватает двух веток, которые терлись друг о друга, и вот!

Вспыхивает пожар, и ты никуда от него не денешься. И тлеют торфяники, что еще опаснее.

Или – огонь перелетает с дерева на дерево, по верхам, и снова не спрятаться, не скрыться.

Гибнет Лес. Гибнут даэрте.

Так было. Было до того, как появилась первая королева даэрте.

Истинное дитя Леса, его сила и воля, его спасение и продолжение. За все приходится платить, но Салея справится. Сейчас придется чуточку сложнее, ей надо показать сестре, как и что делается, но Таня умная и талантливая. Она тоже справится и все поймет.

Салея взяла кровную сестру за руку и потянула за собой.

Шаг, еще один – ближе не надо.

Огонь.

Едкий и вонючий, жестокий и неукротимый, пожирающий все на своем пути. До дождя. До сильного дождя, ливня...

Нефтепродукты?

Да, они будут гореть даже под дождем. Но в воле королевы многое. В том числе и земля, и воздух. Только вот заплатить придется.

Салея готова.

Девушка крепче стиснула Танину руку – и сосредоточилась.

Таня не поняла, в какой момент дрогнул и растаял окружающий мир. И осталось только хаотичное переплетение нитей.

Синие, зеленые, алые, белые...

Лея.

Линии силы. Силы жизни, силы огня, воздуха... и Салея что-то делает с ними. Ага... вот она воздействует на землю. Вот на воздух.

А что происходит в реальном мире?

Потом Таня поймет. Сейчас она просто запоминает. Салея ведь не дергает за веревочки, она едва касается, подправляет траекторию, чуточку смещает одну нить, вторую...

Почему-то стало холодно.

Ничего, дискомфорт – ерунда. Надо сейчас запоминать, что и как делает Лея. Она и силы-то своей почти не тратит, вот, поднялась одна черная ниточка с земли, вторая... остро запахло перегноем.

Вот переплелись с прозрачными, искристыми нитями воздуха.

А вода? Чуть позднее?

Таня внимательно смотрела и училась. Салея работала.

Витя глазам своим не верил.

Ладно, невесть откуда появившихся людей он еще кое-как мог понять и принять. Мало ли что?

Может, мимо проходили?

В тайге?

Из ниоткуда в никуда?

Да запросто! Это – тайга! Тем, кто не был, и объяснять-то сложно! Это как слепому про красный или синий цвета толковать – можно, но долго, муторно и неудобно.

Тайга – это миллионы и миллионы квадратных километров. И что на них можно найти?

Что угодно.

Вот в озере Лох-Несс живет чудовище, и в него верят все лохи. И несссы, наверное, тоже верят. Хотя дураку ясно, что это нереально. Нужна популяция особей, кормовая база, пространство... и за столько лет ни разу никого не выловили? Даже дохлого?

Там что – дырка в озере? В четвертое измерение?

Ха!

Даже если добавить сообщение с морем, все равно не прокатывает. За столько лет уж что-то могли бы и выловить.

А вот в тайге может и сотня тысяч таких лох-нессов ползать. И их даже не заметят. Их даже со спутника не разглядишь – нереально. Это тайга.

И будет эта сотня тысяч ползать без малейшей гарантии выползания к людям. Кто-то не доползет, кто-то не в ту сторону поползет, а кого-то сожрут по пути. Очень даже запросто.

Просто в Шотландии есть люди, которые хотят кушать. А в тайге... там тоже есть люди. Но сравните сами? Площадь Шотландии – семьдесят восемь тысяч квадратных километров. Если округлить. Площадь тайги – пятнадцать миллионов тех же квадратов!

Сколько тут Шотландий потерять можно? То-то и оно.

Может на территории тайги найтись какое-то новое племя? Какие-то аборигены?

Да запросто! И найтись, и к людям выйти, и именно сейчас – увидели пожар, к примеру. Решили пойти, посмотреть, увидели людей, помогли.

За уши притянута, но бывает. А вот что сейчас происходит...

Перед полосой огня стояли две девушки. Держались за руки. Одна просто стояла, вторая водила перед собой свободной рукой, словно рисуя в воздухе. И начиналось что-то такое...

Поднялся ветер.

Но вместо того чтобы погнать огонь, он начал поднимать – землю?

Витя, онемев, смотрел, как порывы ветра поднимают с земли настоящие пылевые буранчики, как эта земля попросту засыпает огонь, как забивает его...

Все верно. Тушить нефтепродукты водой – дурость. Они просто будут гореть на воде, разве что растекутся по большой площади. И справиться с бедой будет еще сложнее. Их надо песком забрасывать, землей засыпать, доступ к воздуху перекрывать.... Вот это сейчас и происходило. И перекрывали, и засыпали. Сначала медленно, а потом все сильнее и сильнее, жестче и интенсивнее, вот уже целые пласты дерна летят в костер, сбивают пламя, прижимают его к земле, отрезают от деревьев... девушки так и стоят.

Минута?

Час? Витя потерял счет времени, глядя, как гаснет их погибель. Как засыпается землей самое страшное – горящая нефть. Сама засыпается! Ветром, без помощи лопат, без людского труда. Просто природа так решила. А потом, когда основное было сделано, – девушка повела рукой. И ветер взвыл освобожденно и голодно, уже выше, в кронах деревьев.

Плеча Вити коснулась теплая рука. Кто-то накинул на него плащ, Витя повернулся – и даже головой помотал.

Нет, ну как так-то?!

Так и в американских фильмах не бывает! Бред это и чудеса! Уж сколько сценаристы врут, но подобное и им не снилось – навес. Готовый навес из веток и листьев. И сразу видно – плотный, такой никаким дождем не прошибешь. И закрытый с трех сторон... да чтобы его соорудить, наверное, сутки нужны. Или двое. Но вот же он! Готов, стоит, глаз радует. И даже что-то вроде травяных ковриков в нем есть. И часть людей уже там, а остальных провожают эти... в зеленой одежде. Видно, что первую помощь уже всем оказали, что люди перевязаны, накормлены и напоены и могут спокойно дожидаться МЧС, или кто там прибудет первым. Вот пожилая пара – сидят, крепко обнялись. У нее сломана рука, теперь локоть поддерживает нечто плетеное, зеленое, вроде корзинки из ивовых ветвей.

У него серьезная рана, была... Витя сам его вытаскивал, там ожог был во всю спину. А сейчас сидит – и ничего? Даже улыбается?

Вот мама и дочка. Девочка прижалась к матери, спит. А во сне сжимает ручкой что-то вроде игрушки, искусно сплетенной из веток и листьев. Забавная такая куколка – мишка. Мама прижимает малышку к себе, а сама завернулась в длинный темно-зеленый плащ. И ребенка укрыла собой, и сама согрелась, и успокоилась. Отпивает что-то из фляжки знакомого вида, смотрит по сторонам уже без страха, с любопытством.

Те, кто здесь остался, – спаслись. Это явно. А те, кто ушел? Вдоль рельсов, к людям? Надеюсь обогнать огонь?

Витя потер лоб, потом попробовал изобразить целое, отделил от него часть, показал направление. Показал на остаток, обвел рукой тех, кто сидел под навесом.

Поймут ли его?

Молодой парень смотрел внимательно. Потом кивнул, соглашаясь. И изобразил вопрос. Мол, и что? Мы-то тут при чем?

Витя еще раз показал в ту сторону.

Люди же!

Надо идти, спасти...

Элран, а это был именно он, только качнул головой. Нет. Не надо.

С его точки зрения, это были НЕ люди. И спасти их ни к чему.

Даэрте мало. Но все даэрте – один народ, среди них нет предателей, нет перебежчиков, мнение одного даэрте – это мнение всех даэрте. Практически всегда.

Да, это именно симбиоз. Леса и даэрте. Что хорошо для Леса – хорошо и для них. Что решит королева, то и станет волей народа. И преотлично с этим все уживаются. А тут...

Даже не будь Элран даэрте, он бы все равно побрезговал этими ушедшими. Это – дрянь.

Они вместе со всеми потерпели крушение. Явно пострадали меньше других, раз уж у них хватило сил уйти. И вместо того чтобы помогать – ушли. Бросили своих.

Бросили тех, кто нуждался в их помощи.

И не надо рассказывать, что здесь все были обречены, а там – нет.

Вот за навесом лежат тридцать два человеческих тела. Те, кому смертельно не повезло находиться в первых вагонах. Вот несколько человек в форме. Явно вели этот по-езд. Смешное название.

Вот еще погибшие. Основной удар пришелся на первые вагоны. По счастью, они оказались купейными, с дорогими билетами, и народа там было не так много.

Кто-то погиб от огня. Кто-то получил травмы, когда вагоны ударились, сошли с насыпи... мужчины, женщины, даже двое детей есть. Жалко.

Эти погибли сразу.

Те, кто остался рядом с поездом, – умерли бы через час-полтора, когда переменялся бы ветер. И погнал огонь на беспомощных людей, погнал по деревьям...

Те, кто ушел... ну, было бы у них на час больше. Они – дураки? Не понимали таких вещей?

Там есть шанс, а здесь – нет? Ошибка в условии. Не было шансов ни у кого. Ни там, ни здесь. Но те, кто остался, вот как этот мужчина с забавным птичьим именем Вить, пытались помочь. Что-то делали, невзирая на свои травмы и раны. И остались людьми. Почти даэрте.

А те, кто ушел...

Пусть сами выбирают как хотят. Авось их кто и найдет.

И Витя это понял.

Два мира соприкоснулись – и слились.

Витя не знал даэрте, Элран ни слова не понимал по-русски. Но отношение к беглецам у них было одинаковое. И мужчины отлично понимали друг друга. Те, кто знает не понаслышке о чести, порядочности, о совести. О том, что мужчина – это не только возможность оплодотворить несколько миллионов женщин и буква «М» на двери туалета. О том, что мужчина еще и обязан помогать слабым. Защищать, поддерживать...

Витя не ушел бы.

И Элран признавал его равным себе. Он ведь тоже не сдавался. И не ушел бы с Дараэ. Он и сейчас мечтал вернуться и как следует настучать ша-эмо. Но это пока неосуществимо. Ну, хоть помечтать.

Пока. А потом и правда – вернуться.

Пока мужчины мерились взглядами, Лея наконец-то сделала последние движения.

И по деревьям застучал дождь.

По деревьям, по траве, по оставшимся искоркам огня... и в этом дожде начали потихоньку растворяться даэрте. Они уйдут,

практически все. Останутся два десятка, не больше. Этого будет достаточно до прихода помощи. И Салея сможет говорить за всех.

Сможет начать... легализацию. Надо только немного подождать... уффф! Все же она тоже устала. Салея почти упала Тане на руки.

– Все, можно отдыхать.

Рядом тут же оказался Элран, поддержал, помог встать.

– Ваше величество.

– Проводи меня к людям. И оставайся с нами. Так будет лучше.

– Да, королева.

Кстати, как такового титула королевы у Салеи и не было. Было «дараэсса». Старшая на Дараэ, дитя Дараэ, свет и солнце Дараэ. А величие?

При чем тут величие?

Смешно...

Садясь в вертолет, Володя уже знал, что они увидят на месте катастрофы.

Уже готовился к неизбежному. Да все знали, что уж там! Работая в МЧС, и не к такому привыкаешь! Ей-ей, воля б Володи, он бы всех экстремальщиков сюда в обязательном порядке определял. Чтобы посмотрели, гады!

А потом еще заставлял тела по моргам развозить и работать там в обязательном порядке.

Чтобы тоже полюбовались... [\[43\]](#)

Тот, кто знает, кто видел, кто понимает, кто хоть раз вытаскивал из обломков человеческие тела – обгорелые, раздавленные, и хорошо, если человек умер сразу...

Володя заранее готовился к сильнейшему стрессу. И он таки случился.

– Слушай, что там такое? Дождь?

– Похоже...

Володя приободрился.

Судя по тем обрывкам, которые они узнали, на месте происшествия начался пожар. И... это еще страшнее. Даже косточек может не остаться. И достать их не получится...

А если дождь?

Да, нефть может гореть и на воде. Но... но верхового-то пожара уже не случится? И дым к земле прибьет? И по тайге пал не пойдет? То есть кто-то да уцелеет?

Как же это замечательно!

Вплотную вертолеты подлететь не смогли. То есть смогли бы – пилотов в МЧС готовят строго. И опыт полетов «под шторкой» у них громадный^[44].

Смогли бы и подлететь вплотную, и сесть попытаться, но... уже видели, что пожара – нет. Что есть дождь. И зачем под него лезть? Проще подобрать подходящие поляны неподалеку, сесть, а уж до места происшествия дойти ножками. Потом уже и вертолетчикам легче будет, когда потребуется грузить пострадавших. Но сначала все равно будет сортировка, первая помощь, много чего. Уж очень место неудачное выбрал поезд, чтобы кувыркнуться! Хуже не придумаешь!

Вертолет и то нормально не посадишь, максимум – один, а их-то больше!

Так что Володе и остальным спасателям пришлось пройти по тайге порядка шести километров. Для тренированного человека, даже с рюкзаком на плечах, – ерунда. Полтора-два часа при везении. Кто-то может сказать: средняя скорость человека как раз шесть километров в час. Ну так это по ровной прямой. По асфальтированной дорожке, по стадиону...

Там – да. Даже и восемь километров в час, если напрячься и идти быстро.

А в лесу такие номера не прокатят. Даже шагая рядом с насыпью, сильно не поторопишься. Тут тебе и деревья, и камешки под ногами скользят, и трава, и нога на глине поехала...

А ведь надо не просто дойти и упасть! Нужно, придя, оказывать первую помощь, помогать людям, работать. Так что получилось около двух часов. Но зато потом...

Увиденное настолько порадовало Володю, что он бы и сорок километров по тайге намотал! Без перерыва на сон и еду! И сто сорок!

Это ж СЧАСТЬЕ!

Вот так, даром и для всех спасателей.

Сидят пострадавшие под навесом, смотрят себе по сторонам, переговариваются, что-то едят, пьют, и первая помощь им явно уже

оказана – кровь ни у кого не течет, никто без сознания не лежит.

Володя так был рад, что даже не сразу обратил внимание на людей, которые сидели не под навесом, а рядом. Станных таких людей...

Все невысокие, зеленоглазые, все спокойные, словно подобное каждый день происходит... все в чем-то зеленоватом, и волосы у всех зеленою отливают. Красиво. Но... кто это такие?

– Добрый день. Наконец-то...

Все внимание спасателей обратилось на симпатичную девушку лет семнадцати. А та шагнула вперед.

– Разрешите представиться. Углова Татьяна Михайловна. Случайно оказались рядом, не смогли оставить людей без помощи. Тех, кому срочно нужно в больницу, – двенадцать человек. Вот там, в левом углу под навесом. Пара часов у них в запасе еще есть, но лучше поторопиться. Остальных можно эвакуировать постепенно, в течение суток. Погибшие... есть. Тела сложены за навесом. Есть те, кто ушел вдоль рельсов, надеются выйти к людям. Не знаю, сколько их, мы догнать не стали.

– Вы – это кто? – прищурился подполковник Черный, которого поставили руководить операцией.

– Я сама по себе. А рядом со мной, – Таня широким жестом указала на Салею, которая встала рядом, на остальных даэрте, подтянувшихся поближе, – народ даэрте.

– Да... чего?

– Одно из кочевых племен. Как те же долганы, нганасаны, саамы, дауры...

– Так... а вы к ним каким боком? Не похожи.

Пока подполковник расспрашивал Таню, остальные спасатели уже зашли под навес, началась привычная работа, в этот раз приятная: помогать живым – хорошо.

– А я и не даэрте. Разве что как принятая в племя, – развела руками Таня. Ну да, джинсы и свитер на фоне даэрте, которые были одеты во все зеленоватое, сплетенное из травы... сразу ясно, кто и откуда. Да и внешность у нее подкачала. – Моя бабушка работала геологом, вот и установила контакт. И дружить стала. Я тут была в гостях, неподалеку, попросила их прийти, помочь...

Подполковник понимающе кивнул.

Ладно, ситуация нестандартная, но... она не противоречит логике жизни и здравому смыслу. Далеко не все племена желают общаться с людьми, креститься, получать паспорта, интегрироваться в общество. Кому-то жизнь в тайге милее жизни в городе. Так и живут, как предки завещали. И найти их в тайге... да нереально это! Просто произнесите сами. Пятнадцать миллионов квадратных километров. Сто Англий разместить можно, и еще на сдачу штук двадцать останется. Не захотят – и ты их век не найдешь.

Спутниковая съемка? Ага, расскажите, посмеемся вместе. Попробуйте полетать над лесом хотя бы на вертолете, посмотрим, сколько вы там увидите грибников. Если они сами не захотят показаться, конечно.

Что с кем-то эти племена все же торгуют, общаются... ну, тоже неудивительно. Случается.

Что решили помочь? Так ведь люди!

– Я могу поговорить... кто у них главный в племени?

– Можете. Со мной, – сделала шаг вперед Салея. – Я главная среди даэрте. Салея Дараэ.

Она уже более-менее пришла в себя. Даже чуточку помогла оставшимся даэрте. Сразу писать по-русски они не смогут. Но разговаривать – вполне. А остальное сами освоят. И письмо, и чтение...

– Вы? – не поверил подполковник.

– Я. Раньше были мои родители, но они погибли. Это сложно объяснить, у нас есть свои традиции. Впрочем, Таня тоже может говорить за нас. Она – друг. Она своя.

– Товарищ подполковник, – подошел Володя. – Разрешите доложить...

Выслушав доклад, подполковник искренне обрадовался. Хорошо же! Считай, приехали на готовенькое. Всегда бы так!

Нет, не в смысле отсутствия работы. А просто – хорошо, когда людям помогли. Даже ДО тебя.

Вертолеты скоро прилетят, погрузить людей не так сложно, а там и поезд прибудет... вообще отлично! Осталось разобраться с этими... даэрте?

Пусть будут даэрте. И как ее там?

– Скажите, гражданка Дараэ, а что вы собираетесь делать дальше? Спасенные ведь молчать не будут.

Салея сделала вид, что задумалась. Ненадолго.

– Мои родители были против общения с миром. Но мне кажется, что надо... начинать. Если вы возьмете на себя труд... немного помочь нам? Допустим, рассказать о нашем народе...

Подполковник кивнул. И про себя порадовался.

Разве плохо?

С его точки зрения – замечательно! Люди спасены, к сожалению, не все, но многие. Больше, чем успели бы спасти они. Людям оказана первая помощь, и оказана хорошо, качественно. До больниц дотянут все, кто живы.

Пожара больше нет.

Есть племя, которое жило в тайге, и оно желает общаться с людьми?

Да и отлично! Шума будет много, но вроде как народ мирный, адекватный...

– Вы хорошо говорите по-русски.

– Среди нас таких не очень много, но мы быстро обучаемся. И мы... готовы дружить. Соблюдать законы и вливаться в общество. Я не хочу, чтобы мой народ выродился.

А вот это тоже понятно.

Беда малочисленных народов – отсутствие свежей крови. Все друг другу родня, и, судя по лицам... да, родня, точно. Вон как похожи. Красивые, конечно, но генетику не обманешь. Близкородственные скрещивания ведут к вырождению. Это сейчас каждому известно.

Подполковник довольно улыбнулся.

Что ж. Это будет интересно. И поучаствует он с удовольствием.

Говорите, даэрте? Журналисты взвоят! Такая тема...

– Да, Танюша?

Чувствовала сейчас себя Людмила Владимировна на двадцать лет моложе. И просьбу выгулять Гнома восприняла спокойно. Ничего не болит, можно и с собакой погулять.

– Бабуся, мы сегодня, наверное, поздно придем. Тут такое...

– Я уже новости видела. Неизвестное племя, говорите?

– Ага. Бусь, ну такой случай! Надо пользоваться моментом!

– Пользуйтесь, – великодушно разрешила Людмила Владимировна. – Турбазу я забронировала на все лето. Деньги мне с утра перевели, вы уже уехали, а я сделала.

– Отлично.

– И планшеты заказала. И книги.

– Бусь, ты – чудо!

– Знаю. Удачи, детка.

– Целую – пока, – протараторила Таня по телефону. И отключилась. Людмила Владимировна положила сотовый на стол и поглядела на кошек, которые лежали там же. Негигиенично?

А ты попробуй сгони этих мохнатых со стола! Не уйдут. Есть только одна возможность – им должно надоест. Тогда они сами на стол лазить перестанут.

– Дети вырастают?

– Мяу, – высказалась Муська. И боднула головой оказавшуюся рядом руку. Кошечек надо гладить! Ясно же! Мяу!

И хорошо, что дети вырастают. Тогда кошечек можно гладить уже в четыре руки.

Людмила Владимировна послушалась. Заодно и новости по телевизору посмотрела.

Катастрофа на железнодорожном переезде!

Тридцать погибших, есть раненые!

Все доставлены в больницу, жизни людей ничего не угрожает!

Открыта новая, доселе неизвестная народность! Даэрте!

Таежные люди!

Новый народ! Сенсация!!!

Надолго журналистов не хватит. Такие новости примерно раз в год появляются. То там, то здесь... то в лесах Амазонки, то где-то в горах, на островах – да много их где находят! И везде что-то новенькое, свое...

И что?

Покричат недельку, а потом все утрясется и успокоится. И можно будет общаться уже с чиновниками. Получать паспорта, участвовать в переписи населения, построить хоть какую деревню... так, для

видимости! Нужно же даэрте где-то прописываться? Платить налоги, участвовать в жизни общества... они будут.

Люди не вызывают у них отвращения.

Может, при других обстоятельствах и показались бы люди глупыми, грязными, излишне замороченными техникой. Но после шаэмо?

Уживутся. Даэрте нужен Лес, тайге нужны те, кто станет за ней присматривать, а что будет дальше? Посмотрим!

К вечеру и Таня, и Салея едва ноги передвигали.

Понятно, что их потащили по всем кругам ада. Для начала – полиция. Салея послушно оставила свои отпечатки пальцев, их пробили по базе и убедились, что раньше она туда не попадала. Затем начали опрашивать, составили протокол...

Потом девушки пойдут за документами в паспортный стол.

Конечно, Даниил Русланович поможет и поддержит. Однако зачем усложнять жизнь хорошему человеку? Можно бы и фальшивые документы сделать, но – зачем? Нарушать закон, идти на подсудное дело... нет, ни к чему.

Потом в полицию прорвались репортеры – и начался кошмар. Таня молчала.

Она упорно, усердно и целеустремленно молчала, покрепче сжимая зубы. Понимала: если она сейчас откроет рот, то так репортеров в три этажа обложит, что о хороших статьях навек забыть придется.

А вот Салея преотлично справлялась. Видимо, генетика. Даэрте не знают, что такое журналистика и дипломатия, но вела себя Салея как настоящая принцесса.

– Расскажите о своем племени?

– Полагаю, нас правильнее называть не племенем, а народностью.

– В чем разница?

– Сначала племя, потом народность. Я считаю, что, пока мы жили отдельно, мы были племенем. Когда мы решили эволюционировать дальше, пусть даже в ущерб нашей культуре и самобытности, мы стали народностью, – вежливо разъяснила Салея.

Не соврала. Действительно, даэрте не племя. Они – народ. Национацией их называть все же неправильно, но биологически они отличаются от людей. Этнос? Группа?

Таня запуталась в тонкостях этнографии и этнологии и махнула рукой. А вот как-то да определятся.

Что радует – никто не задумывается об иномирном происхождении даэрте. На Земле живут люди – и точка. Смуглые? И что?

Уши странной формы? А это спасибо Толкину, кстати говоря. Вот написал человек, что у эльфов уши острые, – и все! Они обязаны быть острыми! Видел ли писатель хоть одного эльфа?

Да кто ж его знает! Но у даэрте уши в форме скорее дубового листа. Выглядит странно, но вполне симпатично. А главное – не как в голливудских фильмах.

Значит, не эльфы. Точка.

Внешность? А она тоже недоумения не вызвала. Что похоже, так понятно. Близкородственное скрещивание. А что лица непривычные... и что?

Негры есть, китайцы есть, эскимосы есть – и у всех свои характерные особенности внешности. У кого губы вывернутые, у кого складочка на веке, у кого еще что... люди?

Люди! И сомнений не возникает.

– Вы собираетесь переселяться в города?

– Не сразу. Может, сначала в деревни. И нам будет легче, и хватает брошенных деревень, которые мы с радостью заселим, если власти дадут на то официальное разрешение.

Тоже не в бровь, а в глаз.

Полно таких. Брошенных, умирающих деревень. И вопят власти: надо реанимировать деревни!

Ага!

А вы для начала там инфраструктуру создайте! Дорогу проложите, школу откройте, медпункт, специалистов найдите в эти полезные заведения. А то как в анекдоте.

При царе в селе были церковь и кабак.

При Советском Союзе – школа, больница, клуб, библиотека.

При демократии – снова церковь и кабак.

А с сердечным приступом ты в храм не пойдешь, нет... тебе помощь потребуется. И в кабаки с этим не пойдешь. Вообще не выживешь при таком раскладе.

Вот и получается, что брошенные деревни идеальны для даэрте. Которым даром те дороги не нужны. И все остальное тоже: они у Леса любую помощь получают.

Правда, церкви и кабаки им тоже без надобности. Но это уже неинтересные подробности.

– Вы верите в Бога?

– Мы не сомневаемся в его существовании.

– Вы не носите кресты?

– А что – крест обязателен для веры? Написано же: не сотвори себе кумира.

С Библией у журналиста явно были проблемы – он заткнулся и отстал. И атаковали другие.

– А у вас есть деньги?

– Безусловно. В тайге можно найти много интересного.

– Вы будете документировать находки?

– И платить налоги, и вести добропорядочный образ жизни, и соблюдать законы, – даже не задумалась Салея. – Если мы живем на территории России, мы принимаем на себя все обязанности. В том числе гарантируем полную лояльность к существующей здесь власти.

– Вы могли бы жить в Китае?

– Там лучше, чем в России? Я слышала, там есть ограничения рождаемости. И свалки жуткие. И казни есть?

– Эм-м, – замялась журналистка. Но тут же нашлась: – Вас может принять любая другая страна.

– Вам не нравится эта страна? Тогда почему вы в ней живете?

– Ну...

– Я считаю, что если ты живешь на территории страны, ты обязан уважать ее обычаи. Защищать ее и не давать никому в обиду, – сверкнула глазами Салея. – Родина, как и мать, может быть только одна. Не нравится? Откажись от обеих и уезжай. Но хаять – не смей!

– Закрывать глаза на все недостатки?

– Нет. Исправлять то, что от тебя зависит. Вы давно подметали у своего дома?

– Эм-м?

– Грязно? Помой подъезд, подмети двор, поставь урну. Для начала. Не жди, что за тебя это лично президент сделает, у правительства другая функция, – разъяснила Салея.

– Какая же? – занесло на повороте журналистку.

– Внешняя и внутренняя политика. А не личная уборка за каждой свиньей, – отрезала Салея. – И вы не ответили на мой вопрос. Полагаю, вам и в голову не приходит начать уборку со своего двора?

Явно не приходило. Журналистка скромно отошла в сторонку, пока не последовали и другие неприятные вопросы. К примеру, а кому ты помогла? Пожилой соседке продукты принесла? Бродячую кошку приютила или хотя бы накормила? Пошла, купила сорок маек да и отвезла в детский дом?

Нет? Только власть ругать? Ну вот, с вами начинает что-то проясняться...

– Вы замужем?

– Нет. Я вообще скоро умру, поэтому должна сделать для своего народа все возможное.

– Умрете?

– У меня неизлечимая болезнь. Такое бывает, к сожалению. Но ни одна болезнь не освободит меня от ответственности за свой народ.

Теперь журналисты вцепились в эту тему. Как же!

Такая трагедия!

Такие жареные новости! Аж слюнки текут! Это так красиво можно расписать! Обреченная на гибель выводит свой народ к людям...

– Что означает название вашего народа?

– Даэрте? Дети Леса.

– Но в паспорте у вас будет написано – русские?

– Полагаю, что да. Как решат чиновники.

– Вы готовы утратить свою самобытность?

– Что это за самобытность, которую можно уничтожить одним словом?

– И свое право на самоопределение?

– Как наше определение пострадает от одного слова?

– Как же! Вот в Америке, к примеру, афроамериканцы. А вы...

– Лесорусские? Таежнорусские? Даэртесские? Или еще чего поглупее придумаем?

Журналисты зафыркали. Действительно, как-то не срасталось.

– Но ваши гражданские права...

– Ничуть не пострадают. Равно как и наши обязанности. Что, про обязанности не принято говорить? Но они есть! Я считаю, что сделала наилучший выбор для своих людей, – отрезала Салея. – Те русские, которых я знаю, не считались ни с чем. Они помогали мне и поддерживали, не рассчитывали на какие-то выгоды или доходы. И я начала уважать их.

– Не все такие.

– Вы будете судить о человеке по его глистам?

Вопросы, вопросы...

Журналисты атакуют, Салея отбивается.

А в кабинетах чиновников идут разговоры. В частности, к губернатору на прием явились господин Петров и господин Чжао.

Губернаторы далеко не всегда любят бизнесменов. Но в данном случае в кабинете царили мир и дружба. Петров был не то чтобы другом губернатора. Он был правильным и удобным бизнесменом. Который лишний раз не лез в аферы, не стремился урвать копейку вот здесь и сейчас, а там хоть трава не расти, не мошенничал больше необходимого, а главное, понимал, что работать можно долго и успешно, только если делиться вовремя.

Де-литель-ся.

Не хапать все в одно рыло, но и не угодничать, не пресмыкаться... такое нормальное отношение. Я работаю, ты работаешь, вместе мы заработаем больше. Хороший правильный подход.

Не как некоторые, которым лишь бы денег из федерального бюджета загрести под очередной тендер, а что с ним потом делать, они и рядом не подумают! Главное ж сейчас рвануть! А потом хоть ты травой порости!

Таких не любит никто. Но Петров просто работал, не забывая вовремя благодарить. Нет-нет, речь не о взятках. Взятка дается ДО какого-то дела. А благодарность заносится ПОСЛЕ. Первое – обязательно, второе исключительно на усмотрение самого человека.

Петров был благодарен – в меру. И губернатор это ценил.

Чжао Гофэн?

Да, китайца он тоже знал. Видел раз или два, так, больше слышал. Да, партнер. Из Поднебесной. И что? Хоть откуда, если с ним работается нормально, пусть гонит свои комплектующие для станков. Жалко, что ли?

Китай, как известно, тоже разный. Есть ширпотреб – барахло, которым и помойку засорять жалко. А есть качественный и фабричный, который сделан на совесть. Вот, у Чжао был именно такой, и губернатор относился к нему вполне адекватно. А что их сегодня сюда привело?

Оказалось... даэрте.

Губернатор даже опешил.

– Ну, допустим. Что в этом такого страшного? Перепишем, паспорта выдадим, детей будем в школы принимать... все как с малыми народностями. Что в этом такого?

Мужчины переглянулись.

– Дело в том, что даэрте занимаются траволечением, – аккуратно разъяснил Петров. – И достигли в этом больших успехов. Мы хотим построить лечебницу, в которой будут работать исключительно даэрте. Может, санаторий, курорт, а потом реклама...

– Точно работает? – Губернатор потер то место, где была печень, которая регулярно побаливала. Особенно после принятого на грудь бокала коньяка или двух.

Да, есть даже такая профессиональная болезнь чиновников – цирроз печени.

Мужчины переглянулись.

– Госпожа Салея сегодня должна приехать к моему другу Даниилу, – поддержал Чжао. – Если вы, господин Никольский, захотите с ней побеседовать, это будет очень удобно...

Губернатор подумал.

Печень болела. И если это возможно...

Глотать таблетки? Ходить по врачам, даже самым дорогим?

В том-то и беда, что они – лечат. Не вылечивают. Просто лечат. Ходи, глотай препараты, подсаживай все остальные органы, носи денежку – и лечись. Упорно и долго.

А вылечить? А зачем? Кто ж дойную корову-то вылечивает?

– Я буду не против. Во сколько можно приехать?

– Я сейчас позвоню и уточню. Полагаю, часов в восемь. Вечера.

Даниил набрал Танин номер, задал пару вопросов, получил ответы – и кивнул.

– Да. В восемь вечера будет вполне удобно. Девушки как раз успеют отдохнуть. Они уже дома, но репортеры их замучили. К восьми они успеют отдохнуть и приедут.

Губернатор хохотнул.

Есть такое у журналистов. Самое забавное, не сравнивают их ни с котиками, ни с цыплятами. Кто-то слышал выражение «акулы пера»? Шакалы пера?

Но ведь не котята пера. Не голубки пера... нет! Исключительно хищники, и не самые приятные. Немцы вообще приложили: рептильная пресса. Явно не от большого уважения и любви.

– Эти могут. Неужели даэрте так рано отбились?

– Эти могут, – вернул выражение Петров. – Я скорее удивлен, что Салея потратила на журналистов столько времени.

Губернатор безразлично пожал плечами. Подумаешь.

– Как ваша жена, Даниил Русланович?

– Благодарю. Полностью здорова.

– ЧТО?!

Губернатор тоже был в курсе ее диагноза. А вот новости об излечении до него дойти еще не успели. Слишком мало времени прошло.

– Вы не ослышались, Олег Михайлович. Алеся здорова. Полностью.

– Но...

– Только благодаря даэрте. Никто другой не брался за ее излечение.

Печень заныла еще сильнее. Ну и пусть ее... Губернатор лихорадочно обдумывал информацию. Если... если – ТАКОЕ?!

– Это... можно поставить на поток?

– Нет. Это скорее разовый случай. Но на поток можно поставить многое другое, – не стал врать Даниил Русланович.

Губернатор прижал болевшее место ладонью.

– Хорошо. Я приеду.

Если бы высокие договаривающиеся стороны видели сейчас Салею...

Не состоялись бы никакие переговоры. И договоры тоже. Потому что Салея сейчас убивала человека. Хотя выбора у нее не было. Пришлось убить.

Глава 13

После общения с журналистами, после тяжелого утра девушки едва доплелись до дома. Даэрте так и остались в лесу, и отбивались от репортеров только Лея и Таня. Да так и проще.

Одежды-то у даэрте пока нет – нормальной. Современной. А то, что на них надето, – достаточно самобытное. Из травяной ткани – смеси льна, крапивы, конопли и еще нескольких десятков растений – получается замечательная ткань. Но вид у нее своеобразный. И реакции у даэрте пока тоже своеобразные. Могут и микрофон вырвать, и запихать его журналисту куда-нибудь поглубже... примут интерес за агрессию – и готово!

Так что девушки остались одни и домой добирались одни. На такси.

А в дверях наткнулись на Людмилу Владимировну, которая шла выносить мусор. Переглянулись, отобрали у нее ведро – и направились к помойке. Тут недалеко, за два дома завернуть, сто метров пройти – и вот он, закуток. Удобный такой, образован забором и двумя домами. Правда, мусоровозы в него заезжать не любят, и водители периодически матерятся, но зато жильцы довольны. Сюда выходят только глухие стены, то есть никакой вони в квартирах. И смотреть на помойку не приходится.

Девушки как раз дошли до помойки, Таня выкинула мусорный пакет, не обращая внимания на бомжа, который копался в мусорном баке. Обычно такие люди не агрессивны... не в этот раз.

Бомж перегородил проход.

– Бабки есть? Гони сюда, б...

И изрыгнул матерную тираду.

– Пошел на... – в том же духе ответила Таня. Она устала, она хотела есть, на диван, хотела отдохнуть... еще Петров позвонил, нужно будет к нему приехать. С губернатором пообщаться... ладно, это – надо! А силы где взять?

Сил нет. Их просто нет...

И тут еще этот... бомжей Таня не любила. У человека могут быть разные обстоятельства, но вот этот образ жизни ей не нравился. Когда сегодня есть пожрать, выпить, а завтра... а завтра – будет? После того, что она видела у своей мамы, ее это все бесило до крайности.

– Ах ты... – В руке бомжа блеснул нож.

И тут в дело вступила Салея.

Пока ничего не угрожало ни ей, ни Тане, она кое-как сдерживалась. Да, именно терпела. Стискивала зубы, сжимала кулаки, чтобы не сорваться. А легко, что ли?

С утра – работать с силовыми линиями. Потом вместо отдыха – полиция, МЧС, чертоты журналисты! Не успели до дома добраться – вечером надо опять ехать. И снова переговоры. И снова работать. И еще – ЭТО?!

Так, до кучи?!

Тут бы и у кого-то более терпеливого взрыв случился, а Салея никогда не отличалась долготерпением. Одно движение руки. Лишь одно движение.

Дубовая корона полыхнула алым, и алым полыхнули искры в глазах друидессы. Бомж и вскрикнуть не успел.

Сорняки, которые обильно росли в переулке (где их нет?), вдруг вытянулись, в единую минуту оплели его не хуже кокона, спеленали, заткнули рот, чтобы не привлекать внимания... и на них проросли шипы.

Блеснула кровь.

Алые капли дождем посыпались на старый потрескавшийся асфальт – не долетели. Растения слизнули их на подлете.

– Лея...

Но было необратимо поздно. В тело несчастного ввинчивались все новые и новые шипы... сначала он дергался и хрипел. Через пару минут – перестал.

Таня прижала руку к губам, чтобы не закричать. Смотрела с ужасом, как перестает капать кровь, как растения сноровисто утаскивают свою добычу куда-то в угол, туда, где асфальта и вовсе уже не осталось...

– Лея...

Салея резко развернулась к названной сестре.

– Таня?

– Ты... это Корона?

Друидесса посмотрела на перепуганную девушку. Сейчас все висело на волоске. Если бы Таня отшатнулась, проявила отвращение, закричала, побежала...

Было от чего. Салея была сейчас не похожа сама на себя. Алые глаза, резко удлинившиеся клыки и когти, алые искры, бегущие по Дубовой короне, осунувшееся лицо, словно череп, обтянутый коричневой кожей. Уже не друидесса – уже только дух Леса. Его боль, страх, жестокость – кто сказал, что природа добрая? Смешно!

Безумие Дубовой короны не знает ни привязанностей, ни родства. С ней на голове можно убить даже собственного ребенка. Но Таня только смотрела. И алые огни начали угасать. Медленно, очень медленно, Салея приходила в себя.

Хотя Таниной заслуги здесь не было. Кстати говоря. Была инстинктивная человеческая реакция на угрозу – замереть на месте. Авось мимо пройдет опасность.

Вот и прошла. Или нет?

Но алые огни исчезали, глаза Салеи приобретали свой нормальный зеленый цвет, лицо возвращалось к прежнему. Исчезли и клыки с когтями, словно втянулись внутрь. И девушка пошатнулась... она бы так и упала на грязный асфальт – но Таня подхватила, почти поволокла подругу. Куда и страх делся?

Дотащила до дома и почти свалила на диван в комнате.

– Разувайся!

Лея послушалась. Кроссовки полетели в коридор, Таня укутала подругу пледом.

После взрыва ярости накатило отупение. Салея едва двигалась, ее подташнивало, голова кружилась... было страшно. Просто дико страшно терять себя.

Вот оно что...

Оказывается, иногда лучше умереть. Лучше и для тебя, и для твоих близких.

Все равно ты погибнешь. Тебя как личности уже не будет. Останется полубезумное кровавое чудовище, опасное для всех... только не это!

Людмила Владимировна, видя ее состояние, приволокла чашку горячего молока с медом и принялась вливать Салее почти по капле.

Ложечкой...

– Вот так, еще выпей...

Салея послушалась. Глоток за глотком она пила молоко. Таня сидела рядом, придерживала плед, и дрожь постепенно отпускала несчастную друидессу.

– Что это было? – наконец спросила Таня, понимая, что самое страшное миновало. Кризис прошел, теперь можно и поговорить.

– Тоже я. Дубовая корона, напитанная кровью. Когда она активизируется сама, мы можем и принять ее силу, и выдержать, и все будет хорошо. А когда приходится вот так, преждевременно... мои предки несколько раз так поступали. И каждый раз старались погибнуть быстрее. Я не понимала почему.

– М-да...

– Я тоже постараюсь умереть побыстрее. Пока осознаю себя, – тихо сказала Салея.

На колени с двух сторон ей прилетело примерно пятнадцать килограмм кошатины. Замурчали, принялись греть и успокаивать. Они тоже все понимали. Вообще все...

Иногда можно помочь.

Иногда помочь нельзя. Никак. Никогда. Это надо просто принять, это закон жизни. Закон Джунглей, закон Тайги – не важно. Таков Лес.

Таня хлюпнула носом.

– Лея, я...

– Я тебя сильно напугала?

– Немножко. Я знала, что это ты, а ты мне ничего плохого не сделаешь.

Лея улыбнулась краешком губ.

– В том-то и дело, сестричка, что я – не сделаю. Но то, что ты видела, уже не я. Полубезумное кровожадное чудовище, в котором все меньше будет разума, все больше инстинктов...

Людмила Владимировна, которую Таня парой слов посвятила в произошедшее, только головой покачала.

– Ты же не просто так. Ты защищала себя и Таню.

– Да. Но я могла его не убивать. Не поить его кровью землю. Могла сдержаться.

Людмила Владимировна пожала плечами. Как геолог, она была достаточно цинична. Навидалась по экспедициям, наслушалась...

- Ты сдержалась и не причинила вреда Тане.
- Но могла.
- Так и я могу. Хочешь крысиного яда в молоко?
- Не хочу.

– А я могу. Успокойся, детка. Ты больна, это верно. Но ты осознаешь свою болезнь, ты ее контролируешь, ты можешь с ней бороться. Поэтому все не так страшно.

Таня кивнула.

Салея потихоньку перевела дыхание. Да, ей было плохо. Но если бы Людмила Владимировна от нее отвернулась, если бы Таня... ей было бы намного хуже. Эти два человека ей дороги по-настоящему.

– Спасибо.

– Дыши ровнее, детка. Давай я Петрову позвоню, на фиг того губернатора?

– Нет, – покачала головой Салея. – У меня мало времени, завтра нам надо снова прийти на Дараэ, уточнить все и через три-четыре дня назначать Исход.

Салея точно знала: она его не переживет. Но говорить об этом не стала.

– Мы не слишком торопимся? – усомнилась Таня.

– Ша-эмо ждать не станут.

С этим было сложно спорить.

– Тогда выпей еще молочка с медом. Или хлебушка тебе с медом сделать? С вареньем?

– Шоколада, – попросила Салея. – И молочка.

И вскоре получила просимое. И обняли ее, и по голове погладили, и друидесса прижалась к Людмиле Владимировне. Хоть на минуту почувствовать тепло, любовь, заботу, ласку... это – не игра! Не поиск родителей. Это другое. Родители любили потому, что Салея была на свете. Людмила Владимировна ее тоже любит безусловно. Может, слабее, чем Таню, но искренне. В ней нет лжи.

И на долю минуты Салея позволила себе забыть. Уже через несколько часов она будет лечить губернатора. Улыбаться, играть в политику, говорить нужные слова.

Завтра она навестит Дараэ.

Еще через несколько дней ее не станет. Но здесь и сейчас... тепла! Хотя бы тоненький лучик! Иначе ей просто не выдержать...

Олег Михайлович Никольский, губернатор области, на которой можно было спокойно потерять Европу, а то и не одну, смотрел на стоящую перед ним девчонку.

Салея тоже в упор смотрела на губернатора. И они друг друга не впечатлили.

Подумаешь, девчонка! Слегка эльфийского вида, ну да сейчас косметология и не такие чудеса творит. И зубы имплантируют, и уши, и татуаж делают, и макияж... хоть кого из тебя изобразят! Два раза! Позерство.

Подумаешь, губернатор. Стоит тут оплывший кусок сала, с прожилками на носу, и все пороки у него на лице написаны. Большими буквами. Пфу.

Но вежливость проявлять стоило.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер... Салея?

– Олег Михайлович. Мы будем вежливыми – или перейдем к делу?

Друидесса еще не полностью оправилась, так что некоторая резкость была оправданна. Да и губернатору придирааться не хотелось.

– Даниил мне сказал, что вы хотите легализоваться. Стать гражданами Российской Федерации.

– Да. Это возможно?

– Вполне. Это хороший пиар.

Салея кивнула. Это слово она уже знала.

– И мы хотели бы заниматься лечением людей. Открыть свои клиники, санатории...

– Нужны дипломы.

– Даэрте будут их получать – постепенно, – разъяснила Салея. – Мы многое знаем о медицине, вот у вас проблемы с печенью, почками – в левой камень, а еще какая-то старая беда с легкими.

Это губернатора не сильно впечатлило. Это все было в официальной карте.

– И в паху тоже. Начинается, – локализовала заболевание Салея.

Вот это было уже интереснее. Губернатор пока только подозревал у себя простатит. Но уверенности не было, и анализы он не сдавал...

– Вы можете что-нибудь с этим сделать?

Салея даже не задумалась. Они с Таней уже обговорили алгоритм действий, так что...

– Могу. Но предупреждаю: таких, как я, – единицы. Вот, может, потом Таня будет, остальным придется лечиться долго и упорно.

Губернатор кивнул:

– Я понимаю.

– Я тоже понимаю, – без всякой доброты улыбнулась Салея. – Вы здесь хозяин и господин всего края, от вас многое зависит. Но сразу хочу предупредить – любое действие сначала надо будет согласовать с Таней.

– Простите?

– Самое ценное в мире – это жизнь и здоровье. Я могу многое, но не все. А остальные даэрте смогут еще меньше меня. Так что о мгновенных исцелениях мечтать не стоит. И торговать ими тоже не получится, и обещать здоровье за прянички. По крайней мере, не поделившись и не посоветовавшись. Сначала – история болезни и диагностика, потом вы точно узнаете, что мы можем сделать, а после за это торгуетесь. А не наоборот. Когда сначала наобещают сорок бочек мухоморов, а потом даэрте окажутся во всем виноватыми.

Губернатор аж скуксился. Явно что-то такое планировал.

– Я...

– Дайте мне слово. И если его нарушите – сгниете заживо.

– Мы так не договаривались.

– А мы пока еще никак не договаривались. Здесь все от вас зависит. Хотите – будет и здоровье, и ваше личное участие.

– Но...

– Угроза пугает? И правильно, чего стоят угрозы, которые нельзя претворить в жизнь.

– А если я... приму меры?

Салея безразлично пожала плечами.

– Принимайте.

А потом подняла руку. И на ее ладони возник цветок. Тюльпан, один из многих росших в саду у Петрова. Садовник их холил и лелеял, и то! Стоили милые цветочки дороже иной машины. Импортные,

заказаны из Голландии или из Германии... откуда-то оттуда. Таня мигом выкинула это из головы. Не цветовод она, ни разу.

– Принимайте, – еще раз улыбнулась друидесса.

И цветок на ее ладони скукожился. Съежился, потемнел, поблек за пару секунд, а потом, как был на ладони, начал рассыпаться в прах. Черный, грустный такой...

Ветер сдувал крупички праха прямо на побелевшего губернатора. Кажется, тот понял. И прочувствовал. Не только умом, нет. Чем-то внутренним, чутьем, которое хватается за руку, кричит внутри пожарной сиреной, требует – замри! И останешься жив... рядом стоит чудовище.

Вот Салея чудовищем сейчас и была. Куда там голливудским страшилкам? Смешные они... клыки, когти, чешуя – чушь. А вот когда на тебя из темно-зеленых глаз смотрит вечность... смотрит, облизывается, явно собирается пополнить рацион твоей тушкой...

Олег Михайлович вздрогнул.

Несколько секунд он серьезно думал – развернуться и уйти?

Можно. И никто его останавливать не будет, это понятно. И уговаривать – есть соседние области, есть Китай, есть... да человека с такими способностями где угодно примут. С радостным визгом!

А он лишится и выгоды, и здоровья.

А условие не такое уж и страшное. Ему же в принципе не запретили! Его попросили соразмерять аппетиты. И то... если он наобещает кому, а слова не сдержит? Что с ним потом сделают?

То-то и оно...

А так он поговорит заранее с даэрте, согласует...

– Я дам клятву. При условии, что мои просьбы будут приоритетными.

– Это я могу пообещать, – кивнула Салея. – Ваша земля, ваши правила. Мы будем лояльны.

И протянула руку, с которой ветер унес последние частицы тюльпанового праха.

Несколько секунд губернатор все же колебался.

А потом решительно сомкнул пальцы вокруг ее ладони.

– Договор.

– Подтверждаю, – кивнула Салея. – Все сказанное...

И глаза ее полыхнули зелеными огнями. И Корона.

Олег Михайлович глухо вскрикнул, выгнулся, медленно опустился на колени, прямо на землю, но руку не убрал.

С чем это сравнить?

Как будто через тебя пропустили электрический ток. И он бьет и бьет, только не больно. Наоборот, тебя словно очищает изнутри. И это – восхитительно!

Первой разжала пальцы именно Салея.

Олег Михайлович где стоял, там и сел.

– Это... клятва?

Голова у него кружилась, вид был ошалелый.

– Нет, – равнодушно ответила Салея. – Это ее гарантия. То есть – лечение. Я вернула вам здоровье, если обманете, оно уйдет.

Глаза ее снова были обыкновенными. Человеческими, разве что слишком большими. Но кого этим удивишь в эпоху манги и прочих анимешек? Там у всех глаза такие, словно они на ежика уселись. Даниил Русланович вздохнул и подхватил губернатора под руку.

– Ну-ка... вставайте. Незачем на траве сидеть!

Только-только простатит вылечили. Впрочем, об этом – не стоит. Вот так, и на скамеечку...

А где девочки?

Салея отошла к ближайшему дереву, прислонилась, почти слилась с ним. Таня рядом с ней. Чжао... китаец словно растворился в пространстве. Умеет человек.

Уфффф... а теперь губернатора на скамеечку. Вот отожрался же! Ничего, главное – начать, а потом пойдет и хорошо.

– Лея, как ты думаешь – получится?

– Если заставишь себя уважать. Элран поможет, – ответила Салея. Таню аж затрясло.

– Я... но...

– Таня, ты же понимаешь, что мы, при всем внешнем сходстве, НЕ люди. Мы иначе думаем, иначе делаем свой выбор. Более того, это – другой мир. Я потому и упомянула Элрана, что он – подходящий кандидат. Старейшины не смогут... просто не адаптируются. Они

привыкли к Дараэ, они твердо знают, что мы единственные, они... они будут стараться, но возраст. Просто – возраст.

– А я вообще человек.

– Ты – человек, и ты моя кровная сестра. Для людей хватит первого, для даэрте – второго.

– Ыыыыыы...

– Неубедительно.

– И когда ты стала такой язвой?

– Наверное, всю жизнь ею была. Просто шансов проявить это не подворачивалось.

Таня устыдилась и обняла сестру за плечи.

– Лея, прости. Я свинюшка.

– Не думай о плохом, – шепнула ей Салея. – Все правильно.

Девушки смотрели в окно, на звезды. Мурчали кошки, сопел рядом Гном. Несколько минут уюта. И счастья. Да, оно и такое бывает...

Смотрели в земное небо даэрте. Звезды были новыми и незнакомыми. И Лес тоже. Но это – Лес. И это – небо. И здесь нет шаэмо. Здесь их могут принять, а что придется называть себя людьми... все эти ритуальные танцы? Ничего страшного. Они знают, что такое дипломатия.

И только Элран, глядя в небо, видел не звезды, а нежное девичье лицо. Каштановые волосы, глубокие ясные глаза...

Та-ния...

Отец не одобрит, но это и не важно. Уговорим маму, а она убедит отца.

А в красивом большом доме мужчины обсуждали перспективы дальнейшего сотрудничества. В области есть брошенные деревни – их много. По документам разобраться, что там и чье, и отдать бесхозное даэрте...

Можно!

Особенно если они это самое бесхозное не просто возьмут, а выкупят. За золотой песок, к примеру.

Или за женьшень. Губернатору все не показали, но он и один корень оценил. Купил бы, да денег с собой столько нет. И пока вроде незачем. Родные?

Им такой радости, как мгновенное полное исцеление, не достанется, но приоритет пообещали.

Клиенты? Тоже будут...

Итак, заселяем даэрте пустующие деревни, проводим перепись населения, вносим в реестры и списки, а потом строим лечебницу, а лучше несколько, и начинаем работать.

Конечно, смущало количество даэрте. С другой стороны, в области пара миллионов жителей, и среди них двести тысяч легко растворятся.

Про миллион Салея и Таня никому не сказали. Решили, что даэрте будут постепенно прибавляться.

Жить они могут и в лесу, очень даже прекрасно, документы по ходу дела оформятся, и вообще интеграция в общество – это не разовая акция, а долгосрочная программа. Лет так на десять-двадцать. А еще не все даэрте смогут жить рядом с людьми, и это тоже надо учитывать.

Так что...

Дети – практически все. Их родители. Это на первое время. А остальное...

Постепенно приложится.

Шавель ощущал напряженность информационных потоков.

Что-то происходит. Что-то готовится такое, неприятное... что именно?

Надо узнать.

Защищенные каналы связи? Линии, экранированные от хакеров? Компьютеры, отключенные от сети?

Остановить Шавеля можно было одним способом – писать пером и на бумаге. И не произносить ничего вслух. Ноосфера – это информационное поле планеты. Все сказанное, все случившееся, все, что попало в информационное поле, можно в нем найти. И сейчас Шавелю было намного проще и искать, и работать с информацией.

Он еще приходил по ночам в сон к матери, заглядывал к сестре. Один раз и к отцу заглянул, успокоив того: мол, папа, все в порядке,

все будет хорошо. Но это, пожалуй, было единственным, что оставалось от прежней личности.

И яростный интерес к знаниям.

Шавель все больше встраивался в ноосферу Дараэ. И откопать там информацию о планах Дарса Кета было совершенно несложно. Как конфетку у ребенка отнять.

Убить хотим?

Союзников?

Тех, кто дал даэрте шанс на выживание? Встречу Татьяны и Командора Шавель видел. Правда, считать что-то из разума девушки он не мог, пообщаться с ней тоже – она не спала. Поэтому ее намерения оставались для Шавеля закрытой книгой. Но королева-то не ошибется!

И врать не станет!

Надо помочь ее величеству. Нужно дать ей знать о коварстве ша-эмо. Только вот... королева пока еще не пришла.

А что это у нас? Лакс Рей? Бывший наместник?

Шавель считал из ноосферы все, что касалось мерзавца, чувствуя себя при этом так, словно окунулся в выгребную яму. Души могут туда попадать?

Неизвестно. Но некоторые люди ничем не лучше. Шавель успел наглядеться на ша-эмо. Большинство из них были обычными: работягами, специалистами, они просто функционировали и старались не задумываться. Простые радости, простая жизнь... Какая разница, работает человек в кузнице подмастерьем или в фотонной лаборатории помощником лаборанта, если хочется ему одного и того же. Расслабиться после работы, посмотреть что-то незамысловатое, закатиться под бочок к теплой женщине, может, семью создать, детей завести...

Почему нет? Это и среди даэрте не редкость... почему мы воюем?

За что?

Если мы с ними так похожи, неужели мы не договоримся? Вселенная ТАК велика. Она бесконечна, как разум, а мы все равно не можем договориться. Но об этом Шавель решил подумать потом. А сейчас...

Кто сможет воспринять его информацию?

Старейшина Мирил. Отец Элрана.

Лучше бы рассказать обо всем другу, но друг ушел. Ушел с королевой, ушел оберегать ее и защищать, как мечтал. Что ж, Шавель постарается достучаться до старейшины. Благо они знакомы. Ему это будет несложно.

Надо только дождаться ночи.

Ночь...

Салея шла по городу.

Она понимала, что это опасно, что она может попасться, что... да все она понимала. Но и другого выхода у нее уже не было. Уже сейчас.

Дубовая корона...

С этим ничего не поделаешь, Дубовая корона требовала крови. И если Салея останется дома и будет спать... она может сорваться в любой момент – и кто тогда пострадает? Кто-то из глупышей, которые учатся вместе с ее сестрой?

Другие люди?

Она бы с радостью сорвала злость на ша-эмо, но открывать переход на Дараэ ради того, чтобы сбросить напряжение? Глупо.

Снова слишком большой расход сил, и получится в результате то же на то же.

Она пойдет другим путем.

И идет она сейчас по ночному Барску, и ни о чем не думает, и выглядит крайне безобидно... то ли школьница, то ли студентка начальных курсов. Невысокая, хрупкая, в льняном платишке – провокация. Иначе это и не назвать.

И результат не заставляет себя долго ждать. Из тени выступают три силуэта. Очередные шакалы подворотни, которых милует и защищает закон.

Попадешься таким в руки – или искалечат, или убьют, уж точно ограбят, изнасилуют, поиздеваются. А будешь сопротивляться – превышение самообороны. Так-то...

Есть тут недоработка в законах. Или начинай сопротивляться, когда тебя убьют, или садись в тюрьму. А что? Вдруг они только побеседовать хотели? О Канте и Гегеле?

– Что вам нужно? – Голос Салеи не дрожит, хотя мужчины плотно перегородили дорогу. – Расступитесь.

Настоящей силы в ее словах тоже не слышно. Зачем? Распугивать дичь? Непозволительная роскошь... эти трое появились очень удачно. И быстро, и переулочек темный, и о ее безопасности эти гопники сами позаботились. То есть о своей – камеру из строя вывели. И не подумали, что работает это в обе стороны.

– Девушка, куда же вы так торопитесь?

– Давайте посидим вместе, выпьем...

Ага, эти двое поумнее. Или погнуснее. Им поглумиться интересно. А третий?

– Чего на нее водку переводить? Так трахнем...

Салея сморщила нос.

– В зоопарк, юноша. В обезьянник.

До третьего не дошло, видимо – тупое бычье, взято для силовой поддержки. Дошло до двух других, и мужчины сразу ощетинились.

– Ты... – заговорил первый. Много он не сказал, да и Салея не слишком вслушивалась – противно. Словно грязью плюется. А смысл-то прост. Раздевайся, ложись – и может, тебя оставят в живых. А может, и не оставят.

Добыча.

Салея нежно улыбнулась.

– Ко мне, твари!

А вот теперь она силу в голос вложила. Ровно столько, сколько нужно, чтобы мужчины качнулись вперед. Те, кто поумнее, – не сильно, а третий сделал шаг, второй... и оказался в пределах досягаемости.

Один взмах рукой. Всего один взмах тонкой нежной ручки, на которой откуда ни возьмись отросли здоровущие когти. Кровь хлынула потоком. Гопник еще падал, подламываясь в коленках, и на лице его было тупое недоумение: он так и не понял, что происходит, что случилось, даже не осознал, что умирает. А Салея сделала шаг вперед – и еще раз махнула рукой.

Второй негодяй скорчился на земле, тишину разорвал дикий вой. Жаль, конечно, но выбора у Салеи не было. Рваная рана живота – такая штука... впрочем, никто их не услышит. Пока.

Минут на пять ее сил хватит.

Третий рванулся было в сторону, хотел убежать... сообразительный. Но поздно, слишком поздно. Салея уже оказалась рядом с ним. Совсем рядом, спичку не просунешь, прижалась...

– Ты хотел меня убить?

А ответ ей и не нужен был. Хватило страха, хватило ужаса, который окатил ее с головы до ног.

И – крови.

Ее вкуса на губах, на зубах – она впиалась клыками в нежную шею, туда, где под тонкой кожей так соблазнительно бился в бешеном ритме пульс – и в горло ей хлынула восхитительная солоноватая жидкость.

Еще, ещеeee....

Это продолжалось недолго, может, минут десять. Потом Салея оторвалась от обескровленного тела и посмотрела на второго негодяя. Он так и пытался упихать свои кишки обратно.

Зря.

Шаг – и друидесса оказалась у него за спиной. Рука на плечо, рука на голову – один поворот...

Свернуть шею, сломать позвонки – невозможно? Для человека. Таким образом действительно очень сложно убить, но сейчас в жилах Салеи поет чужая кровь. Алая, горячая. И Дубовая корона сияет алыми огнями.

И девушка удовлетворенно облизывается. Потом проводит перед собой рукой. Воздух чуточку искажается, преломляется... она не облилась кровью? Практически нет. Вот, несколько пятнышек на подоле. Это не страшно, это она стирает.

Салея даже не оглянулась на три тела, которые остались в переулке. Подумаешь...

Земля чище стала. А все остальное – в храмы. Там и послушают, и сопли вытрут, у них работа такая. А Салею сейчас нужно было убить, чтобы поддержать свои силы. И она убила.

О моральной стороне вопроса она даже и не задумалась. Впрочем... хищник тоже о ней не задумывается. Он хочет кушать, и плевать ему, что о нем думает добыча. Пусть думает. Лишь бы несварения не было.

Людмила Владимировна слышала и как ушла Салея, и как вернулась.

И как девушка застирывала в ванной платье – тоже.

И новости она с утра посмотрела. И про три трупа узнала. Но высказывать Салее ничего не стала. Просто пошла и еще раз постирала ее платье. В хлорке. Чтобы уж точно изничтожить все следы ДНК.

Она знала о ситуации девушки. Она все понимала. И выбирала – своих.

А если уж покопаться в глубине души...

Да хоть бы Салея и всех гопников Барска на ноль помножила! Если бы это подарило девочке лишний день, если бы дало хоть шанс на жизнь... да Мила бы и сама ей помогла! Только вот не получится так. И от этого очень больно.

Старейшина Мирил устало откинулся на ложе.

Сплетенная в уютный матрас трава приятно пружинила под его телом, но расслабиться все равно не получалось. Бывает такое... хочешь не думать, хочешь закрыть глаза и уснуть, а не выходит. И тут уж ничего не помогает. Даже если ты полностью властен над своим телом – все равно. Тебя трясет, тебя покачивает, тебе плохо...

От мыслей плохо.

Что происходит сейчас в другом мире?

Как они туда перейдут? Как их там встретят? Что даэрте там будут делать – без королевы? А если она ошибается? Такое ведь тоже... может быть?!

Может.

Только цена ошибки будет – смерть. Для всех даэрте.

А если они останутся тут? На Дараэ? То же самое. Та же цена, та же жизнь...

Старейшина долго жил, многое видел и хорошо понимал людей. Если бы Дарсу Кету и Лаксу Рею сказали, что они похожи как две капли воды, – они бы оскорбились. И еще раз подтвердили бы свое сходство.

Потому что для них обоих даэрте были – грязью.

Просто грязью. Существами заведомо низшими, существами, которых не жалко, которым цена – плевков, которых хоть всех загони под топор палача – не важно. Мужчины, женщины, дети...

Это даже не чудовища. Это как-то иначе называется, наверное. Нет таких слов в человеческом языке. И не надо, чтобы были. И слова, и такие существа.

А есть вот. И ничего ты с ними не поделаешь. Хотелось бы... ах, какое чудесное удобрение для корней из таких получается, даже перегнивать не надо – считай, навоз и есть! Но силы своего народа старейшина оценивал очень точно.

Не потянут.

Даже если все даэрте полягут здесь, для ша-эмо это будет капля в море. Даэрте – миллион. Ша-эмо – миллиард. Или что-то близкое к тому.

И кто тут победит? Если бы Дараэ обладала каким-то защитным поясом, если бы даэрте были другими, если бы... выхода Мирил все равно не видел. Только бегство.

И старейшине было страшно. Но он пойдет в другой мир. И будет делать все, чтобы служить своему народу. Мирил и сам не заметил, как провалился в беспокойный тревожный сон. И оказался...

Больше всего это было похоже на белую сферу. Матовую, непрозрачную, внутри которой и оказался старейшина. А напротив него сидел Шавель.

– Ты?

– Я, старейшина.

– Но ты же погиб?

Мирил ощущал себя удивительно странно. Вроде бы и сон, и он уверен в реальности этого сна, и ощущения такие... странные. Все чувства кричат, что это действительно Шавель. Но он же умер!

– Старейшина, вы считаете, что я – игра вашего подсознания?

– Да. – Именно так Мирил и считал. А кто-то на его месте думал бы иначе?

– Я реален. Только не знаю, как вас в этом убедить.

– А зачем меня в этом убеждать? – Старейшина даже улыбнулся во сне. Что ни говори, а приятно. Последнее время ему все больше кошмары снились. Горящие леса, гибнущие даэрте, мертвая Дараэ, а тут – такая прелесть! Поговорить о хорошей жизни с умным

человеком! Это ж радость, а не сон! Даже если Шавель мертв, он говорит разумно, и с ним – спокойно?

Да, именно так. В этой сфере, чем бы она ни была, спокойно. В кои-то веки.

– Чтобы вы предупредили королеву.

– О чем? – насторожился старейшина. Даже если сон – это всего лишь творение его подсознания, тревога-то никуда не денется! Может, это разум так ее оформил?

– О том, что Командор Кет хочет уничтожить союзников даэрте. Когда они откроют переход, он прикажет разнести его в клочья вместе с союзниками, палить из всех орудий. Линкоры и крейсера уже наготове.

– А координаты?

– Семнадцать-сорок...

Шавель четко называл все то, что наместник слышал от Лакса Рея. Подсознание? Да, наверное. Но это все равно логично. Вот почему тревожился старейшина! Он боялся подвоха, и подвох грядет.

– Просто расстрелять.

– Да. Пусть открывают выход в других координатах. Или что-то еще придумают, иначе их уничтожат на подходе. Может, даже и ворвутся в другой мир.

– Могут...

– Я знаю, что даэрте уходят.

– Да. Если получится.

– Старейшина, я не могу сейчас вас убедить в своей реальности. Но я прошу вас о другом. Пожалуйста, посетите мою семью.

– Хорошо. Даю слово. И лично все проконтролирую.

– А еще – попросите Кайру забрать мои кристаллы. Девочка талантлива, кристаллы ей понадобятся. Чтобы она их у меня не тырила, – Шавель выглядел в этот момент удивительно забавно, как мальчишка... да и был он мальчишкой, и как же больно, что его больше нет! – я спрятал их в дупле семнадцатого дуба. Она поймет; я договорился с деревом, и оно их прикрыло сверху.

– Хорошо. Я передам.

Старейшина не боялся показаться нелепым. Пусть он ошибется – это лучше, чем не выполнить волю мальчика. Завтра же с утра сходит.

– Спасибо, старейшина. Передайте королеве, Дарс Кет готовит засаду. Я знаю, что сказал вам Лакс Рей. Он говорил правду, передайте ей эти сведения.

– Хорошо.

– Позаботьтесь, пожалуйста, о моей семье. И – прощайте.

Шавель исчез. А старейшина из белой сферы вывалился в темный и глубокий омут сна без сновидений. И утром все помнил.

Все-все, что увидел.

Говорите, сходить? Обязательно сходит!

– Лея, ты точно в порядке?

Людмила Владимировна смотрела с искренней тревогой.

– Да. Я уверена.

– Если тебе нужна будет помощь, умоляю, только скажи об этом.

Салея вздохнула.

– Скоро мне уже ничего не будет нужно. Жаль, вы стали мне семьей.

– Жизнь несправедлива.

– Безусловно.

Хрюкнул что-то непонятное телевизор.

– Ужасное преступление совершено сегодня... трое молодых людей...

Салея смотрела с равнодушным видом. Ее это точно не касается. Она преступлений не совершала, она просто защищала себя, как могла.

Таня вошла на кухню, зевая.

– Лея, что смотрим? Ба, а кофе есть?

– Есть. И больше четырех ложек на турку не клади, сердце посадишь!

Салея фыркнула.

– Таня сейчас может скушать ложкой урожай целой плантации. Тетушка Мила, не волнуйтесь за ее здоровье, ничто из растущего на земле никогда не причинит ей вреда. Если она хочет кофе – пусть пьет.

– Это хорошо, – согласилась бабушка. – Тогда пей, Танюша.

Таня поглядела на экран.

– Ага... опять гопники что-то не поделили?

– Наверняка.

– Ну и фиг с ними, – подвела итог девушка и принялась варить кофе. Спать хотелось зверски, а сегодня еще будет тяжелый день. На занятия, потом в Лес, устроить даэрте на турбазе, потом на Дараэ, обратно...

– Когда даэрте перейдут сюда, я буду спать, спать и спать, – помечтала она.

Салея промолчала. Она искренне сомневалась, что Тане удастся отоспаться.

Старейшина Мирил коснулся древесного ствола. Одного из тех, что образовал дом семьи Ваэлрон. Долиш тут же отреагировал, появляясь на пороге.

– Старейшина?

– Долиш, доброе утро. А Маира дома? И Кайра?

– Обе дома. Что-то случилось?

– Нет, ничего такого. Я ненадолго, буквально на пару минут.

– Сейчас позову их, – кивнул Долиш, но не успел и обернуться.

– Мы уже тут, – Кайра, симпатичная девушка лет семнадцати от роду, смотрела серьезно. Улыбаться ей не хотелось. Причин не было.

Маира, как ни странно, выглядела бодрее. Даже уголки губ приподняла.

– Старейшина? Мы рады вас видеть. Проходите под кров нашего дома?

– Я ненадолго, Маира. Прости. Я... понимаю, это звучит странно, но мне сегодня приснился Шавель.

Кайра ахнула.

Маира промолчала, просто впиалась взглядом в лицо старейшины. И показалось Мирилу, что его слова... ее не удивили. Словно... словно Шавель и ей снился?

Может быть.

– Он много всего сказал. И добавил, чтобы Кайра забрала его кристаллы.

– Да?

– Он сказал, что договорился с семнадцатым дубом. Они в дупле, просто дерево их прикрыло.

Кайра сдвинула брови.

– Разве?

– Я могу попросить тебя проверить эти слова?

– Да, конечно. Пройдемте...

Дома даэрте не похожи на человеческие. Они деревянные, безусловно, но живые. Рубить деревья ради досок? Никогда даэрте не смогут так поступить! А вот посадить деревья так, чтобы они выросли, переплелись стволами и кронами, образовали комнаты...

О, это как раз несложно!

Вот и комната Шавеля. Действительно – дубы. Породу дерева каждый выбирает для себя сам. Кому что нравится.

– Два, три... восемь... семнадцать. Наверное, этот, – отсчитала дубы Кайра. – Но я была уверена, что тут ничего нет! И дупла тоже нет.

Старейшина сдвинул брови, но девушка уже приникла к дубу, зашептала что-то, глядя бугристую кору. На пороге комнаты застыла изваянием Маира. Ей было страшно.

Правда?

Сон?

А если правда, то ее сыночек жив? Такое ведь может быть?

Долго уговаривать дерево не пришлось. Пара минут – и шевельнулись ветви, расходясь в стороны, открывая небольшое дупло, в которое Кайра и запустила руку. И извлекла небольшой мешочек, сшитый из листьев.

На ладонь девушки высыпались кристаллы. Алмазы, аметисты, сапфиры... неграненные, но от этого не менее редкие.

– Шавель сказал, у тебя талант. Тренируйся, – старейшина не узнал свой голос.

Ему неоткуда было узнать – ЭТО! Значит... значит, все правда! Надо предупредить королеву!

– Аххх...

Долиш едва успел подхватить супругу. Даэрте там или ша-эмо, а в обморок женщины падают одинаково, во всех мирах. Особенно по такому достойному поводу.

– ...да, колечко с бриллиантом. Дорого, конечно! Но папа считает, что у меня должно быть все самое лучшее.

Катя Извольская крутила на пальце колечко. И сразу было видно, что стоит оно немалых денег.

Белый металл, небольшой квадратный камешек, который брызгает во все стороны разноцветными искрами.

Вообще бриллианты надевают вечером именно поэтому. При искусственном свете они играют, при естественном – не особенно. Но какой естественный свет может быть в аудитории в полвосьмого утра? Конечно, включены лампы.

И камень играет.

Одна из девушек все же заметила, что с утра такие вещи не носят, но бунтовщиков Извольская не терпела.

– Тебе не покупают – не носи. А я буду делать, что захочу!

Спорить больше никто не решился.

Бриллиант и был главной новостью сегодняшнего утра. Не Таня и не Салея. Хотя у них брали интервью, и Таня всерьез опасалась проснуться знаменитостью, когда даже за хлебом спокойно не выйти. Обошлось. Самое забавное, что разрушительное воздействие даэрте на аппаратуру никуда не делось. А потому...

Интервью на бумаге?

Пожалуйста, пишите.

Только писалось все на «цифру» и в результате – не сохранилось. Это вышло случайно, просто Салея не рассчитала, хуже себя контролировала от усталости, сила ее росла...

Интервью с представительницей нового народа просто нигде не появилось. Лиц нет, съемок нет, официальные представители тоже информацией не делятся.

А нет съемки? Нет подтверждения?

Ну и... все равно напишем, но мало ли там, про кого и кто написал? Вот видео смотреть интересно, а читать всякую чушь – нет. Поэтому кольцо Извольской и было предметом обсуждения, а девушки смогли жить спокойно.

Салея скользнула по кольцу равнодушным взглядом. Потом посмотрела на Таню.

– Я знаю, эти камни имеют ценность. Тебе они нравятся?

Таня качнула головой.

Вот чего не было, того не было. Когда-то она мечтала... нет, не о бриллиантах! Дай ей хоть гору самоцветов, она бы их тут же продала и повезла бабушку лечиться. А на себе носить?

Зачем?

Вот чего у Тани не было, так это сорочьего инстинкта. Или пока не было?

Не до побрякушек, когда еды не на что купить! Были бы животные сыты, ботинки теплые...

– Как-то все равно.

– И правильно, Углова! У тебя таких и в старости не будет! – Катерина услышала их разговор и не смогла промолчать.

– Мне и не надо.

– Всем надо. Просто у тебя психология нищевродки!

Таня и Салея переглянулись.

– Извольская, тебе не приходит в голову, что у людей разные вкусы? Вот если б ты мне рукопись Авиценны предложила – да! Либо книгу Атгара или бин Ильяса... так, к примеру^[45].

– Это еще кто?

– А что ты на истории медицины делала? Штаны просиживала? Ты еще скажи, что про де Китама не слышала и про «Fasciculus medicinae»^[46].

Судя по туповатому выражению лица, на истории медицины Извольская как раз мечтала. Может, даже и о бриллиантах.

Таня только головой покачала.

Ну вот НА ФИ-ГА?!

Объясните кто-нибудь, зачем такие девицы идут в медицину? Иди ты на филфак, там хоть никого не зарежешь! Или на иняз! Но людей-то зачем?!

– Кстати – хороший вопрос, – прозвучало сзади. – Извольская, можешь сразу готовиться к доске. У вас мой предмет как раз первой парой.

Лицо Катерины приобрело этакое озверело-затравленное выражение. Судя по всему, историю она действительно не выучила. Но виновата в этом, конечно же, Таня.

А кто ж еще?

- Углова, тебя я на следующее занятие оставляю.
- Можно и на это, я выучила, – честно ответила Таня.
- Я уже это поняла. Вот чтобы ты и в следующий раз выучила...

Таня кивнула. Такие вот плюшки и пинки. Извольская, судя по всему, сегодня влетит на отработку по истории медицины. Таня получит шанс на пятерку. Несправедливо? Судя по взгляду Извольской – она будет мстить. Ну что за люди, а?

Как назло, следующей парой была физкультура, которую Таня тихо ненавидела. Понимала ее полезность, но гrrrrr! Имеет она право не любить физические нагрузки? У нее их и так с избытком! Поди, побегай по городу, потаскай сумки, а то и ротвейлера оттащи от ужасно интересной дряни, типа дохлой вороны! Гном, конечно, умница, но ворона же!

И дохлая. И так пахнет... людям не объяснишь! А кому потом его лечить? И комнату оттирать, которую он заблюет?

То-то же...

К тому же Тане не давались некоторые упражнения. Вот вообще.

К примеру, мячом она могла попасть куда угодно, но не в цель. С ее меткостью надо к врагам в артиллеристы записываться – и она гарантированно не попадет в противника. Последний мяч вообще треснул по лбу Ваню Цыгана. Как?

Да кто ж его знает, срикошетил так, что и просчитать-то не получится! Цыган хоть и погрозил кулаком, но тоже понял, что это не нарочно. И связываться не стал.

Двойку физрук ей не поставил. Но наслушалась она о криворуких идиотках достаточно, чтобы в раздевалку вернуться дико злой.

И...

- Углова, кольцо мое отдай?
- Чего? Извольская, ты об забор треснулась?
- Мое кольцо! Ты его сперла, я знаю!

Таня едва пальцем у виска не повертела. Катерина явно рехнулась.

– Ты больная, что ли? Ты с этим булыжником не расстаешься...

Кольца на пальце Катерины не было.

– Я ж не дура – в бриллиантах идти на физкультуру? Еще сломаю лапки у оправы!

Насчет дуры Таня могла бы поспорить. Надевать в колледж бриллианты? Не есть ли сие признак кретинизма?

– Хорошо, а чего ты ко мне примоталась?

– А кроме тебя, никто в раздевалку не заходил.

– Ты следила?

– Конечно! Ты бы тоже следила, будь тут твое кольцо!

На Салею спорщицы внимания не обращали. А между тем девушка повела себя странно. Она ловко передвинула Танину сумку поближе к окну. Туда, где на подоконнике раздевалки стоял здоровущий фикус.

Обычно растения в таких помещениях не ставят. Но одна из вахтерш в медколледже была страстным цветоводом. И фикус она принесла жене физрука. Просто мужчина его еще не успел донести до дома. Третий день нес...

Сейчас Лея передвинула сумку поближе к широким листьям – и тут же отошла на шаг. Даже в стену смотрела подчеркнута безучастно. А спор разгорался.

– Да не брала я твою побрякушку!

– Тогда докажи!

– И как?

– Сумку покажи! Если оно там найдется...

– А на нем будут мои отпечатки пальцев?

– Ты что – уже сознаешься?

– Нет. Я считаю, что мне его могли подбросить. Но и только.

– И кто?

– Да кто угодно! Хотя бы и ты!

– Зачем?

– Потому что дура, – честно ответила Таня.

Извольская едва не вцепилась ей в волосы, и быть бы драке. Помешал физрук.

– Так, Углова, Извольская, обе сумки сюда. На стол. И выгребайте из них содержимое. И вещи потом покажете, поняли?

Девушки кивнули.

Катерина – радостно, Таня – неохотно... опоздают на генетику? С них потом три шкуры спустят, препод – зверь! Куда там драконам!

Но выбора не было. А где сумка? А, вон она... Таня послушно взяла ее за пухлые бока – и вытряхнула все на стол.

Извольская скривилась при виде бутерброда и термоса. Таня привычно не обратила внимания. Да плевать три раза! Кофе в буфете – сотня. Поесть – тоже под сто рублей, а если сложить все потраченное? В месяце тридцать дней, получается порядка шести-семи тысяч, а то и побольше. И? Только на столовую работать? Таня себе такое позволить не может... не могла раньше. А сейчас и не хотела. Она кофе себе лучше сварит.

Тетрадки, расческа, флешки – две штуки, ручки, зеркало, телефон...

У той же Извольской набор был намного разнообразнее. И косметика – чуть ли не половина сумки, и лак для ногтей, и планшет, и куча всякой мелочи, вплоть до... упаковки презервативов. Девушка заботится о своей безопасности.

– И где твое кольцо? У Тани его явно нет, – покосился преподаватель.

Катерина вцепилась в Танину сумку.

– Может... она его под подкладку спрятала...

– Или вообще проглотила! – Таня начала получать удовольствие от ситуации. – Будем вызывать рентген? Или слабительное скушаем? Всей группой?

Физрук поморщился.

– Не надо ерничать, Углова. Это вещь дорогая, хотя тебе не понять...

– Потому и не понять, что не нужна она мне, – парировала Таня.

– Я точно знаю, это ты!!! – взвыла Извольская, которая уже прощупала каждый угол в Таниной сумке.

Таня вздохнула, встала и стянула спортивную форму. Осталась в трусах и спортивном лифчике.

– Трусы снять? А то вдруг? И вообще, чего ты в мою сумку вцепилась? Ты мне сама, что ли, эту побрякушку подложила?

Еще пара красных пятен на лице Катерину не украсили. Но, кажется, Таня попала в точку?

– Осмотрите и мою сумку, – предложила Салея, приближаясь к столу.

– Нам еще международного скандала не хватало, Сантос, – огрызнулся преподаватель.

– Зато я буду спокойна.

– А я – нет, – Руслан буквально вломился в раздевалку, но никого этим сильно не смутил. Таня уже натянула джинсы, а спортивный лифчик... да он как топик. – Извольская, ты опять воду мутишь?

– Пошел ты, Петров! Твоя подруга мое кольцо сперла!

– Нашли?

– Нет! Но это точно она!

– Нас уже обыскали, – проинформировала Салея. Она потом разберется с мерзавкой. Но сейчас надо сдержаться. Благо кровь не кипела, она вчера хорошо... прогулялась. Может сегодня подождать до ночи.

– Вот даже как? Без понятых? Без юристов? Даже без родителей? Я пошел звонить отцу. Извольская, я на тебя в суд подам, за клевету! Кому там твоя бижутерия нужна!

– Ты... да это бриллиант... да ты дешевле стоишь...

Катерина впала в истерику, понимая, что кольца просто нет. Все Таня правильно угадала, Извольская сама подбросила кольцо, понимая, что если у нее пропадет что-то мелкое...

А что именно?

Айфон?

Айпад? Ну-у... можно и их, но с айфоном она не расставалась. А айпад Углова могла бы заметить, он же не крохотный...

И тут всегда можно отговориться. Могли просто сумки перепутать, могли случайно сунуть... да всякое бывало! Катерина и сама могла что-то взять в чужой сумке. И что?

Ей же надо!

А вот кольцо...

Крохотное, сразу не заметишь, а кража получается в особо крупных размерах. Правда, теперь остается открытым вопрос, как об этом сказать отцу. Бриллиант-то настоящий. И белое золото. Стоит жутких денег. И самое печальное, что это кольцо НЕ КАТИНО, а ее матери. Так что с Извольской уже дома шкуру спустят.

Возможно, знай об этом Салея, она бы даже пожалела дурочку. А может, и нет. Подлость должна иметь границы. В любом случае сейчас

кольцо было надежно спрятано под корнями фикуса. И тот поклялся никому не отдавать безделушку.

Хотя Салее цветок так и так не был нужен. Она и про кольцо забыла, и про горшок.

А если уж забегать вперед...

Физрук все же заберет горшок домой. И отдаст супруге. А спустя два года подаст на развод и станет грязно и некрасиво делить с женой квартиру, выгоняя ее с дочерью и сыном чуть ли не на улицу из однушки. Женщине будет не до цветов, и фикус, увы, завянет. А когда дети вытряхнут его из горшка, чтобы вынести скелет растения на улицу, они найдут кольцо. И отдадут матери.

Это будет еще не скоро, но кольцо женщина продаст. И получит достаточную сумму, чтобы выкупить у мужа его часть квартиры. Но это – потом.

А сейчас девушки мчались на генетику, понимая, что вот-вот...

Успели влететь в класс с последним звонком. И Таня сразу же отправилась к доске, решать задачу, а Салея принялась читать учебник.

О чем-то даэрте знали и без уроков.

А о чем-то только догадывались. Полезная все же наука...

– Лея, знаешь, я как представила, так мне и жутко стало! Если бы Извольская правда... если бы кольцо нашли...

Таню аж затрясло на заднем сиденье машины. Салея обняла ее покрепче. Кивнула Руслану, который сидел на переднем сиденье и обеспокоенно поглядывал в зеркало заднего вида. Как там девочки?

Отец дал ему сегодня машину с водителем – не просто так. Руслану предстояло устраивать даэрте на туристической базе, а девушек нужно было довести до леса. Вот и ехали.

– Не надо волноваться. Найдется ее побрякушка, наверняка, – отмахнулась Салея.

Не найдется. Пока жив фикус. А Салея даже в руки ее брать не будет. И говорить о ней тоже. Таня – человек очень честный, почти болезненно честный, она же настаит на возвращении кольца! А Лее такое не нужно, нет...

– Куда она могла его засунуть?

– Таня, это кольцо. Оно маленькое, могло куда угодно завалиться. А тебя она обвиняла – и понятно. Нервы потрепать. То ли он украл, то ли у него украли, но история была. Я отцу уже рассказал, тот пообещал поговорить с Извольским. Чтобы завтра эта дура тебе извинения принесла. При всех.

Таня кивнула.

Ей действительно было страшно. Она представила, как у нее находят это чертово кольцо, как вызывают полицию, представила арест, суд... бабушка умерла бы. Вот просто – умерла. А что бы стало с Таней после зоны?

Тоже хороший вопрос, правда?

Думаете, там выживают домашние девочки? Добрые, работающие...

Нет. Даже если тело остается живым, душа умирает. И возвращается совсем другой человек. Так всегда. Ворота закрываются, а открываются они – для кого? Для Тани бы точно не открылись.

Она бы там тоже умерла. И зверье бы выкинули на помойку или усыпили... Господи, как страшно! Девушку трясло крупной дрожью. Салея как могла успокаивала ее, понимая, что магия сейчас не поможет. Да и нельзя, в машине еще водитель есть.

Ничего, все образуется. И Таня успокоится, и Извольская поплатится за свое коварство... дайте время. Стерва!

Ведь, даже не задумавшись, хотела чужую жизнь сломать, да не одну. А за что? А просто так! Чтобы оставаться всегда первой и главной. Из-за дурацкого самоутверждения! Тьфу, дрянь!

Трое ребят выпрыгнули на окраине леса – и Таня с Русланом привычно, с двух сторон, взяли Салею за руки.

Шаг, второй...

– Элран, наконец-то. Все готовы?

– Да.

– Вот и отлично. Руслан, занимайся. А мы с Таней пойдём...

Салея откровенно боялась возвращаться на Дараэ без Тани. Смешно? Но все же, все же! Дараэ – ее родина. А еще место силы. И место гибели родителей, и место, где ее держали в плену несколько

лет, подвергали пыткам и унижениям, методично ломали волю... Салея любила свой дом и свой Лес, но знала: раны не заживут еще очень долго. А рядом с Таней ей было легче. У нее есть будущее. У ее народа есть будущее. И сейчас оно идет рядом с ней, в потертых джинсах и самовязанном свитерке – на улице прохладно, дует северный ветер.

Вот и Хранитель.

– Готова? – Салея не стала тратить время на долгие речи.

– Да, – Таня еще раз проверила планшет. – Да...

– Идем.

Шаг – и все. А перехода Таня и не почувствовала.

Глава 14

Руслан и Элран смотрели друг на друга без особой приязни. Мужчины – им надо поделить территорию. Потом Руслан первый протянул руку:

– Рус.

– Ран, – не стал сильно самоутверждаться Элран. И стискивать пальцы собеседника, словно в тисках, – тоже.

– Салея сказала, вы можете перейти через лес, как она? – поинтересовался Руслан – и получил утвердительный кивок.

– Можем. Ко... она показала, куда идти, я знаю место, а остальные пойдут за мной.

– Меня провести сможете?

– Конечно. Давай руку.

Идея ходить за ручку с даэрте Руслану не понравилась. Ну так что же? Это надо для работы! А вообще – здорово! Разок шагнул – и ты уже за несколько километров. И еще раз...

Салея объясняла, что такой способ передвижения имеет свои ограничения. Что для него должно быть достаточно сил, что нужно сосредоточиться, получить дозволение Леса, что часто его использовать нельзя...

Руслан все это понимал! Но круто же! А может, еще и интерес... это же как в сказке! Где через леса, через моря...

– А через море так пройти можно?

– Утонешь, – коротко ответил Элран.

– А если с острова на остров?

– Если расстояние не слишком большое и на островах есть лес. Везде свои ограничения.

Руслан только вздохнул.

– Я такому научиться никак не смогу?

– Научу. Со временем, – пообещал Элран. И сделал шаг. Потом еще один.

Лес стремительно менялся с хвойного на лиственный, а потом опять на хвойный. Руслан молчал. Если обещали научить...

Учиться он может и любит. И вообще...

Как хорошо, что Углова тогда к нему подошла! Никаких романтических устремлений парень в себе и по сей день не чувствовал, скорее он относился к Тане как к сестре. И готов был защищать ее от всего мира. Кстати...

– Тебе нравится Таня? Ты на нее смотрел.

Невнимательным Руслана тоже никто не назвал бы.

– Смотрел, – переход закончился, и Элрану требовалось отдышаться. – Нравится.

– Мне она – сестра.

– У вас разная кровь?

– Она мою мать спасла, так что мне она словно сестра, – разъяснил Руслан. – Если ее обидишь, будешь иметь дело со мной. Понял?

– Вполне. Не обижу.

– Она кажется резковатой, есть у нее такое. Но она очень добрая. И отзывчивая, и вообще... ей некогда было парням головы крутить. Бабка, работа... осторожнее, понял?

Элран кивнул.

Понял он примерно половину сказанного, но слова и не были важны. Тут другое...

В каждом народе есть «хорошие девочки», а есть «оторвы». И то, что Таня относится к первым, Элран уяснил. И порадовался... за себя.

Любовь зла, и козлы этим прекрасно пользуются. Но каково их вторым половинкам? Так вот влюбишься в рогатую сволочь – и всю жизнь себе испоганишь... запросто! Элран это понимал.

Все же сын старейшины... у даэрте тоже находятся те, кто падок на статусы.

А когда понимаешь, что рядом с тобой будет хороший человек... ладно! Человек – это тоже недостаток, но простительный. На этой планете все – люди. Да и Элран не расист. Но говорить об этом Руслану он не стал – зачем? Намерения они обозначили, друг друга прощупали – теперь к делу! Заселять народ!

Старейшина Мирил ждал явления ее величества, как манны небесной. И тут же вцепился в руку Салеи.

– Ваше величество!

А потом увидел почти раскрывшуюся Корону. Оценил изменения в Салее. И схватился за голову.

– Ох...

Салея поняла, о чем он подумал, и погладила его по плечу.

– Все хорошо, Мирил. Пару дней я еще продержусь.

– Ваше величество...

А что мог еще сказать старейшина? Больно? Несправедливо? Королева и сама все это понимает, только вот сделать никто ничего не сможет. Чего и слезы лить?

– Мирил, нам надо спешить. Передайте этот планшет Командору. Он выбирал координаты выхода из пространства, вот, тут как раз они...

– Да, ваше величество. Но я должен сказать...

Рассказ много времени не занял. И про Шавеля, и про Лакса Рея – буквально минут десять. Салея внимательно слушала. Потом переглянулась с Таней.

– Великолепно!

– Просто восхитительно. Все, как мы рассчитывали. Но, Лея, ты-то сможешь?

Салея пожала плечами.

– Должна. Я у вас тут почитала учебник физики, про проводники, полупроводники... сложно, конечно, но суть я поняла. В магии такое тоже возможно. А что выгорю... так все равно выгорать. Днем раньше, днем позже.

Таня скрипнула зубами.

– Да чтоб этим ша-эмо... Мирил, передайте им планшет, пожалуйста.

Детское хулиганство? Наверное. Но на задней крышке планшета Таня самолично нацарапала те самые символы из высшей математики. Икс, игрек, еще что-то важное...

Дипломатия!

Да ей не улыбаться и беседовать хотелось при встрече с местным Дартом Вейдером, а вцепиться ему в горло. Можно зубами! И рвать!

За сестру! За все хорошее!

Нельзя. Больно, тошно, нельзя... ну хоть так душу отвести! Все равно никто не поймет, но ей приятно будет.

– Лея, ты точно одна справишься?

– Кроме меня больше никто и не справится. Я королева, я в ответе за всех, Танюша, я справлюсь.

– Ты уже пробовала свои силы.

– Правильно. Ворота я держала именно что на своей силе. А следовало чужую использовать. Вот как сейчас будет. Старейшина, вы провели опыт, как я просила?

– Да, ваше величество. Уделите мне буквально пару минут?

Салея кивнула.

Пара минут. Что они могут решить – сейчас?

Ничего...

– Смотрите, ваше величество. Вот это батарейка, которую используют ша-эмо. Зарядное устройство к их оружию.

Салея снова кивнула. Она не раз видела подобные.

– Мы такими не пользуемся.

– Нет. Но... я попробовал...

Салея положила руку Тане на плечо. И девушки смотрели, как старейшина Мирил смыкает пальцы вокруг батареи, как энергия медленно перекачивается в его руку, зажигает ауру нехорошим, алым, а потом так же осторожно стекает в землю. И подпитывает на этом месте траву и цветы.

– Нам нельзя долго или часто пользоваться их энергией. Но мы можем это делать.

Салея кивнула.

Раньше они не пытались – ну так раньше им некуда было идти. А сейчас есть выход. И земля, и Даниил Русланович, который передал привет через сына и сообщил, что канцелярия губернатора заработала на полную мощность, так что даэрте получают заброшенные деревни. Глубоко в тайге, конечно, но им того и надо!

И можно поставить все на одну карту и разобраться с ша-эмо один раз.

Салея понимала, что порвет себе все энергоканалы, что умрет, что от нее может и следа не остаться, – ну так что же?

Она знала, на что идет. И то, что старейшина подтвердил ее предположение... она использует технику ша-эмо против них! И поделом тварям!

Таня вздохнула.

Она все равно ничего не понимала в магии, ей оставалось только довериться сестре. И молиться. Заранее зная результат...

И улыбаться.

Салее тоже тяжело, не надо ее расстраивать.

Старейшина получал четкие инструкции.

Планшет отдать Командору. Организовать всех даэрте в указанных на карте областях. Те, кто пожелает остаться на Дараэ... есть такие?

Безусловно. Тысяч пять или шесть... но среди них нет молодежи. Нет детей. Это те, кто слишком стар, чтобы уходить. Им хочется умереть здесь.

Салея кивнула.

– Старейшина, у меня будет к ним предложение, или просьба... они вольны отказаться.

– Ваше величество?

– Прошлый раз меня многому научил. Те, кто не мыслит себя вне Дараэ, могут поработать на подпитке. Оговариваю сразу – это практически смертный приговор. Если мне не хватит сил, то и им... тоже.

Мирил только плечами пожал.

– Ваше величество, те, кто решил остаться... они и так осознают, что им не выжить. Они согласятся, я знаю.

Салея вздохнула.

– Через два дня, Мирил. На этом же месте. Вам хватит времени?

– Да, ваше величество.

И Салея коснулась его плеча еще раз.

– Последний отсчет пошел.

Элран с интересом разглядывал комнату.

Небольшая, аккуратная, стены оклеены зеленоватыми обоями, в комнате две кровати, две тумбочки и шкаф. Большое окно, которое

выходит на лес. Всего в домике таких восемь комнат – четыре на первом этаже, четыре на втором. На стене – телевизор. Все четыре комнаты выходят в общую гостиную, в которой помещаются два небольших холодильника, бар, чайник, пара диванов... на втором этаже то же самое.

Есть домики, где в комнатах по одной кровати, есть – где по четыре. Зависит от цены комнаты. Даэрте удобно разместились на базе, но сейчас наступала сложная пора. Надо идти на обед.

Впрочем, шведский стол даэрте в тупик не поставил. А что тут неясного?

Это еда, ее можно есть. Вот тарелки, вот столовые приборы... у даэрте они тоже имеются. Хотя и не совсем такие. Вилки с пятью зубцами, ложки более глубокие, столовые ножи отсутствуют, но это потому, что у любого даэрте при себе свой нож. Деревянный.

Здесь ими тоже можно пользоваться. И если кто-то скажет, что дерево не может быть острее металла... может. Смотря какое дерево. И острее, и прочнее, и не разломаешь...

Даэрте входили в столовую, глядели на Элрана, потом тоже брали подносы, тарелки, накладывали себе салаты, наливали горячее, садились за столы и принимались за еду. И сильно себя не выдавали.

Судя по глазам людей – все было более-менее нормально. А что разговоры идут на иностранном языке – и что? Иностранцы тоже люди...

Кто-то из даэрте брал только вегетарианскую пищу, кто-то отдавал должное отлично приготовленному мясу. Всем было немного не по себе, но – поздно переигрывать. Они уже в этом мире, теперь им надо ассимилироваться. Поэтому после обеда будет просмотр фильмов в кинотеатре, потом изучение языка, потом ужин, свободное время – и спать.

Так они проведут здесь двадцать один день. Затем поменяются с другими даэрте.

И снова – работа и работа...

Но это пока ждет. А вот то самое, что должно решиться через два дня... всего два дня осталось!

Элран не находил себе места, но что он мог сделать? Только одно, и это еще впереди. До вечера он будет вести себя как ни в чем не бывало.

А вот вечером...

Вечером он вновь шагнет на лесные тропы, чтобы оказаться совсем в другом месте.

Дарс Кет с отвращением смотрел на даэрте.

– Что это?

– Ее величество согласовала... координаты встречи, – старейшина протягивал такой же небольшой черный прибор, как и в прошлый раз.

– Ага, – тут же заинтересовался Командор. – Какие?

– Не могу знать. Не удостоен подобной чести.

Дарс фыркнул.

Он кое-что почитал про даэрте... ладно-ладно! Читать не хотелось, поэтому он просто позвал к себе одного из ученых и приказал рассказать про местный народец. Получилось не слишком забавно, зато познавательно. И в общем доступе этого не было, а жаль.

В частности, ему сказали, что даэрте – как насекомые. Они управляются своей королевой или королем... как поняли ученые – носителем Короны. Правда, Корона не передается из поколения в поколение, якобы каждый выращивает ее сам для себя. А когда король умирает, она рассыпается в прах вместе с его телом.

Бред собачий!

Даже если предположить, что это какие-то костяные выросты, но ведь не деревянные же?! Человек – не дерево. И подобных дендрогибридов не существует. Тогда надо бы признать, что даэрте могут и фотосинтезировать. А они не могут, они даже не вегетарианцы... однозначный бред!

У них есть свои мифы и легенды, есть свои предания, они искренне считают, что первый из даэрте был рожден Лесом. А уж потом, чтобы ему не было скучно, Лес породил и других подобных ему. Не просто так, конечно.

То ли засуха была, то ли пожар – стихийное бедствие, с которым Лес справиться не мог. А вот породить себе помощников смог, ага...

У нас же люди так и рождаются? Из деревьев?

С ветки слезают и хвост отбрасывают. Командор даже высмеивать этот бред не стал. Просто даэрте лучше ладят с деревьями, в силу их

большей близости с природой. Вот и все. Из них могли бы получиться хорошие садовники, гидропоники, ботаники... не захотели ассимилироваться и интегрироваться? Так и поделом вам!

Шансы были!

Вот, от рода того самого, первого древорожденного и ведут свой род короли даэрте. И самый достойный увенчается Дубовой короной.

Ее влияние?

Все даэрте будут его слушаться. Вот и все. А что там еще, сопутствующее... магия-шмагия... а то как же? В детстве маленький Дарс тоже обожал комиксы про суперменов, стреляющих из рук лазерными лучами. Потом предпочел нормальное оружие.

– Значит, она приходила?

– Ее величество удостоила нас визита.

Больше Дарс ничего не добился, да и не слишком-то добивался. Понятно же! Что может сказать этот муравей? Да ничего! Вот и пес с ним!

А что у нас на устройстве?

Ага, вот, выбраны именно эти координаты встречи и проведения совместных учений. Дарс гадко ухмыльнулся.

Выбраны?

Отлично! Там вы, гады, и упокойтесь! Никто не смеет посягать на его добычу! Ни-кто!

Они могут подготовить засаду?

Дарс в этом искренне сомневался. Наблюдательные пункты он уже приказал оборудовать, да и за планетой следил, и показывали они все одно и то же. Даэрте собираются в одно место. Но это – пусть. Они действительно ближе к животным, может, у них сезонная миграция?

А вот в космосе все тихо и мирно.

Врасплох его не застанут, о нет!

А вот он...

Система спутников уже готова, осталось вывести на позиции боевые корабли. И когда портал откроется, шарахнуть со всей силы! Он отразит нападение! А даэрте... он их просто в порошок сотрет! Туда им и дорога!

Тане не спалось.

Господи боже, да кто б знал, как ей было тошно! Но... рядом бабушка, рядом Салея. И обе спят. И лезть к ним со своей тонкой душевной организацией аж в час ночи... замечательно! Законченной эгоисткой для такого быть надо!

Таня повертелась еще пару минут, а потом махнула рукой и осторожно сползла с кровати. И ничего такого она не замышляет.

Просто выйдет, посидит во дворе, на лавочке. Двор все равно почти закрытый и тихий, и пуховик можно накинуть, а на ноги старые треники, вот они. И сапожки...

Не замерзнет.

Ночью пока еще было по-весеннему холодно. Таня уселась на лавочку, чувствуя это даже сквозь пуховик. Ничего, она деревянная, быстро нагреется.

Быыыыыыы...

Слезы полились сами собой. Даже делать ничего не пришлось, словно кран открыли. И было отчего! Салея...

Да, именно Салея. Девочка, которая за эти несколько дней стала ей сестрой, которая погибает и претотлично знает об этом, которая держится так, словно все в порядке вещей. Которая может улыбаться, словно ничего страшного не происходит.

А Таня не может...

Ей еще не доводилось терять близких. Теоретически она понимала, что переживет бабушку. Что раньше ее уйдут кошки и собака, что от ее мира так или иначе будут откалываться кусочки, что медицина... да у каждого врача свое кладбище! И в морге она была. И... быыыыыы!

Все это не имело никакого отношения к ее сестренке.

За что?!

Вот просто – почему так?!

И больно... пусть священники говорят, что Бог все видит, но почему Бог забирает Салею и оставляет на земле разных дряней? Почему – так?

Потому – что? Неубедительно. И больно...

– Возьми салфетки.

– Буся? – подняла глаза Таня.

Людмила Владимировна пожала плечами.

– Ты серьезно считаешь, что можно незамеченной выйти из дома, в котором есть две кошки и собака? Правда?

Таня почувствовала себя душой.

Конечно, зверье ее мигом заложило. Обиделись, что их не взяли. А Муську и вообще с головы спихнули. А обиженный мейн-кун может донести до людей свое негодование. У него на десять человек хватит, кто бы сомневался!

Таня решительно высморкалась в салфетку. Не то чтобы слезы перестали литься, просто если она сейчас рассоплится еще больше, бабушка останется ее утешать. На улице. Ночью. Очень полезно для ее артрита, ага. Даже вылеченного...

Тут и без артрита найдется что подцепить!

– Лея не проснулась?

– Спит как убитая. У нее сегодня был тяжелый день.

– Она портал открывала.

– Вот. Она хорошая девочка, замечательная...

– Да... – прохлюпала носом Таня.

– И я надеюсь, что при ней ты себя так не ведешь?

– Я потому и вышла поскулить, чтобы она не видела, – созналась Таня.

– Правильно. Умничка.

Таня вздохнула. Ну а что она может сделать? Разве что не отравлять подруге последние дни ее жизни. Держаться, улыбаться...

– Так и держись.

– А я точно смогу?

– Ты обязана, – жестко сказала бабушка. – Ради Салеи – ты справишься.

Таня в этом сильно сомневалась, но разве у нее есть другой выход? Вряд ли...

– Бусь, а потом – даэрте? Что я могу им дать? Как помочь?

– Постепенно. И вообще, этим займутся люди поумнее тебя. Петров плюс тот китаец уже свою выгоду просчитали. Губернатора подключили, остальное – разберем помаленьку.

– А если что-то пойдет не так... им ведь и идти будет некуда, и Салеи нет...

Бабушка Мила только плечами пожала.

– Я разговаривала с Салеей. При определенных усилиях даэрте никто и никогда не найдет. Тайга – громадна. И занимает такие площади, что там не миллион лесовиков – двадцать миллионов можно спрятать. В Европе плотность населения куда как больше. Как прокормиться, даэрте и без тебя отлично знают, местный лес не слишком отличается от их родного. Понятно, названия другие, деревья чутки другие, к примеру, берез и осин у них не растет, зато сосны – одинаковы. А еще даэрте могут уйти и на другой конец планеты.

– Но Салея же их не проведет?

– У них есть порталы. Мы смотрели, они вполне могут построить их и здесь. Для этого хватит пары-тройки даэрте с документами. Они улетают из России, строят портал на Амазонке – и уходят. В сельву.

– А потом оттуда сбегают все ягуары?

– Скорее все люди. Я бы не сильно этому удивилась. С другой стороны, может, даэрте в тайге еще какой Аркаим найдут? И вообще прославятся?

Таня потерла лицо руками.

– Буть, как-то уж все это очень глобально? Особенно для нас.

– Наполеон начинал с младшего лейтенанта, тогда такие стадами бегали.

– А закончил на Святой Елене.

– Вывод – не лезь, куда не просят. Его кто-то в Россию звал? Приглашал?

Таня фыркнула.

– Странно, что французы нам за его убийство не предъявили. А то мы ж Гитлера до самоубийства довели...

– Странно, что в школах историю не учат. А то все страны помнят, как они от России огребли, а кто им предъявит за всякие пакости, – фыркнула бабушка. – Я бы вообще экзамен по истории сделала одним из главных. И без него никуда не допускала, а то выросли стада баранов... которые уверены, что Европа – вшивая, немытая и голодная – была очагом культуры. Их бы туда... в очаг к святой инквизиции. Мигом бы почуяли, что паленым пахнет.

Таня фыркнула.

– Буть, ну ее на фиг, ту Европу.

– Вот и правильно. Все равно там скоро одни негры и арабы бегать будут, – махнула рукой бабушка. И довольно улыбнулась.

Сработало же? Правильно, сработало... так-то ей на Европу наплевать, но внучку отвлечь надо было. И Таня отвлеклась, и плакать перестала – что еще надо?

Теперь баиньки. А то завтра тяжелый день. И послезавтра тоже. И потом...

Только вот Тане повезло. Она сама не понимает насколько, но повезло. У нее теперь дело есть. На всю жизнь, и детям останется, и внукам. Не проживет пустоцветом. А это – замечательно!

– Замечательно! – пробормотала в этот момент Салея.

– Восхитительно, – согласился Элран. Правда, он имел в виду легкость обращения королевы с силой, но и результат тоже радовал. Приятно посмотреть.

Салея тоже не спала. Но она решила потратить время на то, чтобы разобраться с Извольской.

Что это такое? Ее сестру подставлять? А если бы Салеи не было рядом? Гадючка бы Тане жизнь сломала, а бабушку Милу попросту убила?

Как-то так...

Суд не квалифицирует это умышленным убийством. Но разве от этого легче?

Прощать Салея не собиралась.

И когда Таня отправилась рыдать, друидессы уже полчаса как рядом не было. Наложить на кровать иллюзию? Запросто! И выскользнуть в окно, настрого пригрозив наглой Люське, чтобы молчала. А то обязательно наябедничает!

Элран столкнулся с ее величеством уже на подходе к дому и тут же был привлечен к делу. То есть – взят с собой в качестве сопровождения. А заодно...

– Какие у тебя намерения к моей сестре?

– Ваше величество, клянусь...

– Таня – моя кровь. Обидишь – и умрешь.

Сказано было очень просто, без аффектации, но Элран поверил.

– Не обижу. Мне самому больно будет... мне кажется, она – моя половинка.

– Человек?

– И что такого? Если в ней наша душа? Древесная?

Салея вздохнула.

– Ничего. И дети у вас будут, в ней есть моя кровь. Но что касается других людей, я не уверена. Тут надо смотреть... здесь есть интересная наука – генетика. Хотела бы я ею заниматься!

Элран промолчал. И перевел разговор на другую тему:

– Куда мы идем, ваше величество?

Салея хмыкнула и принялась рассказывать о случившемся. Долго убеждать даэрте не пришлось. Разве что уговаривать его не уничтожать глупую девицу.

Ну, дрянь! Ну, дура...

Но в том и беда, что убитая дура уже не поумнеет. Поэтому один шанс ей нужно дать. Один и небольшой. А вот потом, если ничему не научится...

Потом уже будет поделом.

Где живет Катерина Извольская, Салея знала. Да все знали! Элитное жилье, особняк, центр города, старый фонд...

Правда, есть и минусы. Особняк признан памятником архитектуры, и серьезно перестраивать его нельзя. Земельного участка у него практически нет – центр. Так, три сотки, два куста. Шум, гам, постоянные машины мимо, никакой парковки... да, еще и делить приходится на двух хозяев. Но понты ж! Они дороже!^[47]

Вложено в особнячок столько, что эти деньги отродясь не отбить. Другого идиота, который купит его за такую сумму, просто не существует в природе. Но Извольской это совершенно не мешало хвастаться своей крутостью. То есть родительскими деньгами.

Салея нашла взглядом ее окно.

Ага, вот... надо только посмотреть, что тут с камерами. Или – не надо? Салея сосредоточилась. Люди так зависимы от электричества, а электричество от проводов, а провода отлично рвутся... И столб уронить можно древесными корнями. Итак...

Свет мигнул и погас. Наглухо. Везде. Во всем квартале.

Камеры наблюдения, которые хоть и могут работать автономно, но далеко не все, тоже булькнули и отключились. Салея сделала шаг, второй – если бы кто-то видел ее сейчас, коллекция городских

ужастиков пополнилась бы еще одним персонажем. Какие там дешевенькие ужастики про вампиров? Ужас – вот он.

Когда по воздуху, словно по невидимым ступенькам, поднимается хрупкая девушка. И зеленые волосы шевелятся за ее спиной, словно на головке ее выросли невидимые змеи.

Когти? Клыки? Дешевка, право слово. А вот глаза...

Если бы кто-то заглянул ей в глаза, то не различил бы ни белка, ни зрачка. Все затянуло алым цветом. И тем же алым горят плашки Дубовой короны.

Катерина не спала.

Сидела в чате, разглядывала симпатичную сумочку и думала, что ей такая еще долго не светит. Отец против!

Кольцо она взяла у матери без спроса, и потеряла, и получила за это сегодня.... Денег ей еще долго не видать. А все Углова виновата, понятно же!

Дрянь!

Ничего, Катя еще с ней разберется.

Скрипнула, открываясь, рама окна. Катя даже не сразу поняла, что происходит, взвизгнула, шарахнулась... если бы она сразу бросилась наутек.... И тогда было бы поздно. А уж сейчас...

– Остолбеней, – Салею позабавил этот фильм. Глупый, но завораживающий.

Катерина дернулась – напрасно. Она не могла шевельнуться. Никак.

– Говоришь, Таня во всем виновата? – Салея не читала мысли, да и зачем? Видела она таких... Извольских! Во всех видах! Ей и подтверждение не требовалось.

Катерина вращала глазами, но больше ей не повиновалось ничего. Слово сказать?

А кто ее слушать-то будет? Это не ужастик, где главное условие действия – поговорить. В реальности – кому интересны ее слова и мысли? Уж точно не Салею.

– Слушай и запоминай, дрянь. Твое наказание продлится ровно пять лет. Таня успеет доучиться и устроиться. И ты не причинишь ей вреда. Успеешь все обдумать, успеешь проникнуться. Спустя пять лет снова примешь человеческий облик. Но если еще хоть раз попробуешь кому-то причинить вред – вернешься в то же состояние. Навечно.

Салея хлопнула в ладоши.

Катерина Извольская перевела взгляд на свои руки – и заорала. Хотела заорать, но из горла вырвался какой-то странный звук.

Рук – не было.

Вместо них были белые лапки, и мех, и...

Оххх...

Сознание плавно отключилось. Салея ядовито ухмыльнулась. На кровати Катерины Извольской лежала собачка породы лион бишон. Кстати, очень симпатичная зверушка, пушистенъкая, обаятельная...

И – дорогая. Авось на шапку не пустят.

Утром она придет в себя. Ее найдут родители, всполошатся, начнут искать дочь, а что будет с животинкой? Она же о себе никак подать весточку не сможет. Изначально Салея думала про обезьяну де Бразза^[48]. Тоже симпатяга, и премиленькая, и обернуть человека в обезьяну проще, чем в другое животное... еще проще разве что в свинью. Но обезьяна очень близка к человеку. Возьмет да напишет о себе. Или на планшете наберет несколько строчек.

Поверят ей там, не поверят – дело десятое. А собакам технику обычно не доверяют.

Пусть потявкает пять лет, проникнется собственной уникальностью. А там и на человека станет похожа^[49].

Салея еще раз поглядела на симпатяшку – и направилась обратно к окну. Следов она не оставила. И на камерах ее не останется, сбой – он такой сложный... вся информация за полчаса потерялась. Родителей, конечно, жалко. Но собачку они не выбросят, пока будут искать дочку.

И Катерина Извольская, повторившая судьбу героинь мультфильма «Двенадцать месяцев», изучит жизнь с новой стороны. Впрочем, Салею это было уже неинтересно. Ей требовалось вернуться домой, пока никто ничего не заподозрил.

Элран послушно сопровождал королеву до дома. И за это получил разрешение:

– Приходи завтра. После занятий. Проводишь нас домой и поможешь кое-что посчитать.

– Я... я не очень умею.

– Я знаю, что Шавель был лучше. Но думаю, ты справишься. Там ничего сложного, обычные концентраторы и отражатели. И все.

– Да, ваше величество.

Салея попрощалась и вернулась к себе.

Домой.

В дом, в котором ее любили. И ждали. В дом, где жили родные ей люди. Люди, которых она готова защищать любой ценой.

Ее семья.

И как так получилось?

Салея проскользнула в кровать, развеяла иллюзию, улеглась на подушку. Коснулась пальцами бляшек Короны.

Они уже созрели. Да, у нее почти нет времени. Завтра – расчеты. Послезавтра последний отсчет. И – вперед. Только вперед. Не оглядываясь.

Практика в больнице – дело сугубо добровольное. Хочешь – просиживай попу на посту, сплетничай с медсестрами. Не хочешь? Тогда можно и поработать.

Таня привычно напросилась в процедурный кабинет, Салея увязалась за ней. Сегодня у них была практика в поликлинике. Да-да, самая обычная муниципальная поликлиника – из тех, в которых громадные очереди, а в коридорах не переводятся всезнающие бабушки.

А куда это вы без очереди? Вас тут не стояло...

И грозный взгляд, после которого становится ясно, что в кабинет-то ты пройдешь. А вот ИЗ кабинета лучше через окно выбираться. Сожрут же.

Таня помогала медсестричке раскладывать шприцы, проверять наличие медикаментов, а Салея удобно устроилась рядом.

– У нас сейчас идут прививки от гриппа. Ну и так... кому чего назначено. Капельница будет, одна. После обеда, наверное. Вы столько не задержитесь.

– Да, мы до часа, – подтвердила Таня.

– Ну хоть так. А с тобой кто?

В этой поликлинике Таня была уже не первый раз, и медсестричка ее помнила. Хорошо, когда у девчонки руки из нужного места растут. Прошлый раз никто из больных не пожаловался. Ни синяков, ни шишек... легкая рука у девчонки.

– Моя кузина. Салея Сантос.
– Испанка, что ль?
– Да.
– Понятно. А сюда ее чего занесло?
– Директор разрешил мне присутствовать на занятиях, – вежливо ответила за себя Салея. Хотя и с явным акцентом.
– А по-русски ты хорошо говоришь.
– Родственники. Предки хорошо язык знали, – не стала врать Лея. Знали ведь? А какой язык – она не уточняла.
– Понятно. Будем знакомы, меня зовут Елизавета Петровна.
– Очень приятно.
– Можно Лиза Петровна, а то пока полное имя произнесешь – поседеть успеешь. Тоже медиком хочешь быть?
– Да. Я хороший диагност.
– Серьезно?
– Проверим? – подняла брови Салея. – У вас же есть истории болезни? Я буду говорить, что у кого болит, а вы проверьте.
Таня покачала головой. Она понимала, Салея не просто так говорит. Это еще и для Тани, чтобы та училась пользоваться своими способностями. Каналы у нее почти не прокачаны, и лечить Таня не сумеет. А вот увидеть, разобраться – вполне!
– Проверим, – согласилась медсестра. – Если угадаешь хотя бы трех – с меня шоколадка.
– С вас и начнем, – Салея улыбнулась в ответ. Таня заметила уже, что могущественной друидессе доставляет особое удовольствие играть в человека. Даже не притворяться, наверное, а на минутку забывать, кто она и что над ней висит дамокловым мечом. Вот и сейчас... – У вас месячные. Судя по тому, как вы двигаетесь, – болезненные. И вы выпили что-то такое... И сейчас рады, что Таня с утра поможет. Угадала?
– Полностью. Но... как?
– А вот так. Движения, зрачки, реакция плюс запах крови. Я действительно хороший диагност.
– Верю. Но – проверю еще несколько раз.
– Пожалуйста, – Салея пожала плечами. Пусть проверяют, ей скрывать нечего. Тем более чужие болезни.

Дальше все пошло конвейером. В кабинет заходила пациентка или пациент, получали свои уколы, выходили обратно. Салея говорила, что у них болит. Половину болезней она не знала, но могла сказать – болит желудок. А язва там, гастрит...

Это она тоже различала, просто не владела всей терминологией. Но уж сказать – дыра в желудке или просто воспаление... чего тут сложного?

Обычно она говорила только после того, как больной выходил за дверь. Вмешалась только два раза. Первый – когда в дверь вошла полная одышливая женщина. Она поздоровалась, положила сумку на стул, присела, отдышалась... получила свой укол.

– Простите, – нарушила тишину Салея, – почему вы не лечитесь?

– Не лечусь? – даже опешила пациентка. – От чего?

– У вас очень густая кровь. И липкая такая... а сейчас, когда вам сделали укол, она стала еще гуще. Ненамного, но, если так будет продолжаться, вам станет очень плохо.

– Ты-то откуда знаешь? – удивилась тетка.

Салея пожалала плечами.

– Я хорошо вижу болезни. У вас сильный очаг воспаления вот здесь, – ее тонкий палец уперся в то место, где находилась щитовидная железа. – И из-за этого проблемы с кровью.

– Да нет же... у меня желудок...

– Может, началось и с желудка. Но это следствие, а не причина. Сходите и проверьтесь, – отрезала Салея. – Или не ходите, ваше право.

Женщина посмотрела на нее диким взглядом и выскочила за дверь. Лиза покрутила пальцем у виска.

– Ты о чем? Все у нее нормально...

– Нет, – качнула головой Салея. – У нее – нет.

– А у остальных? Сюда здоровые и не ходят вообще-то...

– Те, кто сюда ходит, не такие больные... им плохо, но это не угрожает их жизни. А вот у этой женщины – угрожает.

– Хм... ладно! Только впредь так не надо, хорошо?

– Постараюсь, – развела руками Салея.

Хорошо, что не пообещала. Потому что слово они бы с Таней стопроцентно нарушили. Вошедший мужчина, лет сорока на вид, был молодцеватым и подтянутым, веселым и оживленным. Лиза ему

заулыбалась, как родному, и получила в ответ улыбку. А вот девушки помрачнели одновременно.

Прививка? Да ерунда. А вот то черное, что зрело у человека в районе виска...

– Скажите, у вас голова часто болит? – не выдержала теперь Таня. Укол она уже сделала, так что мужчина мог уйти. Или...

– Случается. А что?

– У вас тут опухоль. Пока еще операбельная, все будет в порядке, – Таня коснулась его виска. Поглядела на Салею, та подтвердила кивком.

– Да, опухоль. Полагаю, что это результат травмы... вы головой не ударялись? Давно, лет пятнадцать назад?

Мужчина аж побледнел.

– Да, было.

– Считайте, оттуда привет. Из прошлого. Сходите, сделайте снимок и удалите ее, пока можно, – посоветовала Таня.

– Да откуда вы...

– Знаем? А вы можете и не ходить. На себе проверите... – ухмыльнулась Салея.

Проверить мужчине не захотелось. Явно.

– Я схожу. Спасибо.

И вышел.

Лиза посмотрела на девушек уже совсем иначе. Так, что они моментально поняли одно и то же. Человек там, даэрте... не важно! Он ей нравится!

– Он правда... то самое?

– Правда, – кивнула Таня. – Если не сдаст анализы, не удалит, она расти будет. А голова – место сложное, не вдруг и влезешь.

Лиза заторможенно кивнула. И следующие пять уколов ставила Таня. От греха подальше. В таком состоянии медсестра могла и иголку обломить, и неизвестно что вколоть, спутав медикаменты. Нервы, все нервы...

Космические технологии, межпланетные путешествия, лазеры и бластеры... а дятлам все равно. Эти милые птички во все времена

отлично себя чувствуют!

Командор так и подумал, глядя на трясущегося от страха секретаря.

– Да успокойся ты! Никто тебе ничего не сделает!

– Н-ну...

– И Лакс Рей в том числе. Раз уж ты сюда пришел... чего тебе надо?

– М-мне стало изв-вестно, что ло Рей имел разговор...

Ну да. Подробностей секретарь не знал, не такой Лакс дурак, чтобы кому-то доверять. Но даже из подслушанного мужчине стало ясно: Лакс Рей что-то задумал и сговаривается с даэрте.

Дарс задумался.

Мог этот слизняк узнать о засаде? Теоретически – мог, значит, узнал. И донес. То есть может быть засада и на Дарса?

Может...

И что делать?

Да только одно. Бить сразу, не дожидаясь врага. И обследовать космос вокруг точки рандеву. Если там обнаружится хоть что-то странное, он перенесет встречу. Или...

Дураком Дарс не был. И поражений до сих пор не знал – и мысли о них даже не допускал. Он победит и справится, что тут непонятного?

А Рей...

Посадить бы его в камеру! Нельзя... у него и связи, и все остальное. Вонь пойдет такая, что не отпишешься. А что тогда с ним делать?

Пока – ничего. Собирать доказательства, и, если будет хоть малейшая возможность, Дарс его с грязью смешает. И никакие покровители тут не помогут.

Командор отпустил секретаря и теперь сидел, глядя в потолок. Там была отлично изображена карта местного звездного неба.

Планы, планы... тактика, стратегия, расстановка кораблей... самое забавное, что ни один бой никогда не идет по правилам. Никогда...

До высокой мудрости: «Главное ввязаться в драку, а там по обстоятельствам» – он дошел сам, не ведая о Наполеоне. А так, может, и заволновался бы. Если бы узнал, чем кончил этот героический

завоеватель, отправившись на промысел в одну холодную и неприветливую страну.

– Элран?

Таня искренне удивилась, встретив молодого даэрте рядом со своим домом.

– Доброго дня, – поздоровался парень. И посмотрел так... чушь это все! И ничего не значит! И вообще... Мало ли, кто и как смотрит? Может, у него настроение хорошее, вот и улыбается?

– Доброго, – кивнула Салея. – Таня, ты не возражаешь? Мне надо кое-что просчитать, а я не слишком сильна в теоретической магии. Меня многому не успели научить.

Таня молча кивнула.

Глупых вопросов задавать не хотелось, и так все понятно. Вряд ли ша-эмо учили магии пленную королеву. Скорее старались из нее все выбить.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Компьютером. Я до сих пор плохо с ним работаю, а считать придется много. И круги строить...

– Тогда обедаем – и за дело.

– Я приду позднее, – попробовал было отказаться Элран, но отпустить гостя голодным? Да Людмила Владимировна внучку живьем бы скушала.

– Пообедай с нами. Пожалуйста.

– Хорошо, – тут же растаял даэрте. И улыбнулся еще очаровательнее. – Я благодарен за приглашение и честь, оказанную мне.

Да, честь. Одна из немногих трапез с королевой.

Бабушка Мила даже и удивляться гостю не стала. Поставила на стол еще одну тарелку, положила приборы и принялась разливать по тарелкам лапшу. Самую обычную, куриную. Вермишель звездочками,

морковка кружочками... вкусно – необыкновенно. Девушки в этом давно убедились.

Элран, готовый тщательно скрывать свои эмоции, чтобы не обидеть человека, попробовал ложку, вторую... и принялся наворачивать так, что за уши не оттянешь. Вкусно же! Действительно вкусно!

Оценил он и куриный рулет, и пирог с ягодами. Все простое, дешевое, но сытное и свежее. Пирог вообще только из духовки.

– Благодарю! Восхитительно!

Людмила Владимировна, которая отлично заметила взгляды мальчика на свою внучку, улыбнулась и погладила даэрте по волосам. Совершенно произвольным жестом.

– Кушай, мальчик. Еще кусочек пирога?

– Да, спасибо!

Салея только головой покачала. Миры меняются, а мужчины всегда и везде любят вкусно поесть.

После обеда все трое отправились к Тане в комнату. Не из желания уединиться, просто компьютер стоял именно там.

И начались скучные расчеты.

Магия – это не так, чтобы палочкой махнуть, метлой крутануть, и готово. Это много, очень много математики. Вот все трое и считали.

Примерный поток энергии от эскадры – спасибо Лаксу Рею. Он узнал, какое количество кораблей их будет ждать.

Отражатель, который должна создать Салея. Даже не вполне отражатель – хватит и корректировщика. Солнечный луч можно поймать в зеркало – и отправить в нужном направлении в виде симпатичного и безобидного внешне зайчика. А вот что с помощью того же солнечного лучика и линзы можно что-нибудь поджечь... об этом забывают.

Салея собиралась создать такую линзу – и направить поток энергии на Дараэ. Там он активирует портал, но не такой, чтобы через него требовалось проходить. Это слишком долго.

Портал должен быть купольного типа. Чтобы накрыть определенную территорию – и готово. Стоял ты ЗДЕСЬ – и в

следующий момент уже стоишь ТАМ. Иначе Салея не выдержит.

Хотя и так...

По всем подсчетам, она выгорала и погибала в первые тридцать секунд. И дело оставалось несделанным.

Таня только что зубами не скрипела.

– Лея, ну это... так просто нельзя! Ладно еще погибнуть! Но чтобы и бесполезно?

– Мне и самой не хочется – бесполезно, – Салея грустно на нее посмотрела. – Только я пока не вижу выхода...

– А если кристаллы, концентраторы, линзы... что у нас тут есть? Или типа вогнутого зеркала?

Салея задумалась над этим вопросом.

– Да... может, и подошло бы нечто такое. Но нужно большое... и уже завтра? Чтобы хоть раз испытать в действии...

Таня попробовала покопаться в интернете, но потом, застонав, махнула рукой.

– Фиг найдешь!

– А где... Минутку? Петров?

– Надо попробовать, – кивнула Таня. – Ничего другого мне в голову не приходит...

– Едем, – решительно поднялась Салея. – Ран, ты пока побудешь здесь.

– Да, ваше величество.

– Попробуй еще раз все просчитать, может, мы что-то упускаем...

– Конечно, упускаете, – бабушка Мила не подслушивала. Просто в таких квартирках идеальная слышимость. – Ладно еще Лея, но у тебя, Таня, что было по физике?

– Четверка. Из жалости и сострадания. А еще потому, что я целый год уколы мамаше физика бесплатно делала.

– Оххх...

– Бусь, не надо про мое несовершенство. Давай по теме?

– Ну, если по теме – начинай читать. Про воздушные линзы, про линзы Барлоу... и учти. Линз нужного вам диаметра в природе просто не существует. Если они и есть, то не ближе, чем в Швейцарии, в ЦЕРНе. У нас-то последнее время наукой никто не занимался...

– И как тогда?

– А вот так... смотри! Воздушная линза, потом еще одна, линза Барлоу, и можно еще добавить. И вот так пойдет пучок света... в вашем случае – энергии.

– Бусь? А ты это откуда знаешь?

– Не из школы, не обольщайся. Просто у нас в экспедиции один из рабочих был когда-то физиком. Вот и рассказывал... оказалось интересно.

– Остался один вопрос. Где взять эти линзы, – задумалась Салея.

– Сформировать самостоятельно, – отрезала бабушка Мила. – Лея, ты пойми, любая линза – стекло. Вот тебе формула стекла.

– Сода, песок... температура, давление...

– Итак, вопрос. Пояса астероидов. Можно ли в них найти необходимые компоненты? И составить заклинание, чтобы собрать в нужной последовательности? – Бабушка Мила строго поглядела на молодежь.

Заклинание?

Дико звучит?

Не для человека, которого магией избавили от артрита. Считайте, она уверовала, раз и навсегда. И готова учиться дальше.

Ну, магия! Может, спустя лет триста появится и такая специализация в университетах? Маг черный, маг белый, маг зеленый... в соусе? Кто его знает?

Когда-то и за слово «экология» могли поленом ошарашить, а сейчас все с ней живут – и ничего.

– Можно, – решила Салея. – И даже опробовать можно, в меньших масштабах.

– Вот и отлично. Ты составляешь и испытываешь заклинание, а потом... потом остается только вопрос – как его активировать. Ты-то на орбите не окажешься при всем желании.

– Мне и не надо, – пожалала плечами Салея. – Орбита – это тоже Дараэ. Я дотянусь.

– За несколько сотен километров? Те же спутники ниже трехсот километров не летают, а то и за тысячу уходят?

Салея снова пожалала плечами. Даже как-то безразлично.

– Со мной поделится силой планета. И не только она... те даэрте, которые не хотят уходить, готовы поддержать меня силой. Отдать все, чтобы жили их дети и внуки. Это очень много...

Людмила Владимировна задумчиво кивнула.

Много, да... такая серьезная штука – самопожертвование...

– Постарайтесь проверить еще раз, хватит вам сил или нет. Посчитайте, сколько нужно на создание линз нужного размера, на то, чтобы их держать... думайте, дети! С физикой я еще помогу, но магия – не мое.

Салея посмотрела на нее с благодарностью.

– С магией мы справимся. А с физикой... давайте считать?

Лакс Рей не видел снов. Никогда.

И потому появление в своем сне незнакомого даэрта воспринял с удивлением.

– Что происходит?!

– Ничего особенного, ло Рей. Вы же знаете, что мы многое скрываем, – успокоил его Шавель. – Это одна из наших способностей.

– Вот как?

– Это не вполне сон. И вы меня не забудете, когда проснетесь.

Лакс вздохнул. Что-то ему это не нравилось.

– Вы можете причинить мне вред во сне?

– Можем, – не стал врать Шавель. – Если вы умрете тут, то можете умереть и там. Я могу испугать вас, могу соврать, могу... Да много чего возможно в таких снах.

О чем Шавель умолчал – это о том, что проходить в чужие сны способен только он. Как часть ноосферы Дараэ. Но его же и не спрашивали, верно?

Лакс еще больше нахмурился.

– Зачем вы здесь? Хотите мести?

– Нет, ло Рей. Зачем?

– Незачем?

– Не будь вас, был бы другой наместник. Он бы действовал иначе?

Лакс качнул головой:

– Может, менее жестко, может, более. Но в тех же рамках, да.

– Тогда за что вас убивать? Если только вместе со всеми ша-эмо, а это долго. Ночи не хватит.

– Хм. А зачем тогда вы тут?

– Ло Рей, вы же хотите, чтобы Дарс Кет вылетел с позором?

Хочу? Мечтаю! Вслух Лакс этого не сказал, но морда лица у него получилась очень выразительная. Из-под маски человека выглянула хищная и злобная крыса.

– Что вы от меня хотите?

– Ничего особенного, ло Рей. Катер, чтобы выйти за пределы атмосферы.

– И все?

– Все.

– Как я должен это устроить, по-вашему?

– Пошлите кого-нибудь с письмом к даэрте. Вам жалко?

– А дальше?

– Дальше даэрте сами отлично справятся. Без вас, только посылайте того, кто вам не слишком дорог...

Лакс задумался.

Ну... чисто теоретически – можно это сделать.

– Зачем вам катер?

– Выйти за пределы атмосферы. Ненадолго, минут на десять.

– И все?

– Да. Можно и без катера, но так дольше и сложнее, – не стал врать Шавель.

Рей хоть и не чувствовал во сне, когда ему лгут, но поверил. У даэрте ведь нет ничего летающего, они привязаны к своей планете.

– А ваши союзники?

– На ваших катерах есть автопилот. А у них – нет. То есть автопилот есть, а вот разведку этой местности они не проводили, состав атмосферы другой... да и много что другое. Нам и надо-то на десять минут, не больше.

– Вот как...

– Ну да, так проще, чем искать другие возможности.

– Допустим, я это сделаю, – задумчиво произнес Лакс Рей. – А что получу взамен?

– А что вы хотите?

– Здоровья и молодости.

Шавель прищурился.

– Я могу запустить ваши биологические процессы так, что старение остановится. Более того, вы помолодеете. И болезни уйдут.

Могу. Но услуга за услугу.

Лакс кивнул.

Если так – он согласен. Урвать для себя нечто нематериальное, но куда более ценное, чем все алмазы планеты. Сокровище Дараэ – ее обитатели. Их знания, их силы...

То, чего он так и не добился от королевы. А жаль...

Но даже если получить кусочек для себя – и то выйдет прекрасно. Будут силы, будет здоровье – и он сам отлично пробьется дальше.

– По рукам.

Призрачные руки соприкоснулись.

– Катер нужен завтра, к полудню, отправьте его к старейшине Мирилу.

– Хорошо. Когда вы начнете работать... со мной?

– Уже начал. Сходите на обследование через три дня. Этого хватит, чтобы увидеть разницу.

Лакс снова кивнул.

Сам он пока ничего не ощущал, но... даэрте не врут. Могут недоговаривать – убого и бездарно, могут уваливать от ответа, но не лгать напрямую.

Вот идиоты, правда?

Тьфу на них...

Шавель улыбался.

Пока еще остаток прежней личности, он не собирался держать слово, данное врагу. Точнее...

Лакс Рей получит все запрошенное. И очень скоро.

Потому что умрет. И родится заново.

Душа бессмертна, она уйдет на перерождение в другое тело... может, ша-эмо, а может, даэрте, животного, да кого угодно! Это сейчас не важно.

Условия соблюдены.

Старение остановится. Болезни уйдут. Тело станет молодым. А что все это будет в **НЫНЕШНЕМ** теле – не обговаривалось. Жалеть врага?

А он вас пожалеет?

То-то и оно...

Шавель пока еще был даэрте и не собирался бросать свой народ на произвол судьбы.

Завтра... завтра он тоже поможет, чем сможет.

Подсчеты закончились ближе к полуночи. Ребята просто отрубались, едва добравшись до кроватей. Элран даже не подумал идти домой: упал, где стоял. На вовремя подстеленный спальный мешок. Кое-как застегнул молнию – и отключился.

Людмила Владимировна только головой покачала.

Старость имеет хотя бы одно преимущество. Спать пожилой женщине не хотелось. Вообще.

Она посмотрела на большую стопку исчерканных листов рядом с компьютером.

На кучку распечаток.

Снова покачала головой.

Дети-дети... и ведь не удержишь, не спасешь. Не защитишь и грудью не закроешь. Они пойдут. Завтра – экспериментировать.

И послезавтра – рисковать собой. И останавливать она их не будет.

Молодая гвардия, город Краснодон. Сколько лет было тем мальчишкам и девчонкам? То-то и оно... и в чем-то ша-эмо не лучше Гитлера. Тоже зачищают для себя территорию...

Что может сделать для детей лично она?

Только накормить завтраком. И с собой дать покушать. И... помолиться, что ли? Пойти, сходить в церковь... Бог, понятно, и дома услышит, и на полянке в лесу, и вообще – везде. Но в церкви как-то спокойнее, что ли. Надежнее?

Точно, надо завтра сходить. Если бы речь шла о чем-то обыденном, Людмила Владимировна не пошла бы. Зачем Бога по пустякам дергать? Авось и сама решишь, с повседневными-то делами. Это обыденное, из-за чего Бога дергать и стыдно даже.

А вот там, где никто, кроме Бога, не поможет...

Надо только не путать такие случаи.

Да, завтра она сходит в церковь. Обязательно...

Репортеры – зло. Поглядишь на них, и зла не хватает. А еще...

Что за мерзкое правило – выгуливать собаку в наморднике? Так бы Гном с нахалом в один кусь разобрался. Но вместо этого пришлось сначала повалить паршивца, а потом наступить ему на сотовый телефон лапой, успешно угробив дорогущую игрушку.

А нечего тут!

Нечего кидаться к девушкам, которые выгуливают собаку, и вопить всякие глупости.

– Пойдите! Вы же та самая... даэрте?! Дадите мне интервью для моего блога?!

Разницы между репортером и блогером Гном не понимал. На вкус – примерно одинаково. И вроде бы не ядовитые. Но надо попробовать... намордник мешает? А мы лапой наступим. Да-да, вот туда... они так забавно после этого орут.

– Я... вы что?! – возмущенный вопль разнесся по улице.

– А вы? – Таня не собиралась церемониться с блогером, да и вообще он ей не понравился. Какой-то растрепанный, волосы сальные, телосложение – дрищ паршивый. И иначе не скажешь. – Вам чего надо?

– Мне?! Это ВАМ надо!

– Нам? – искренне удивилась Салея. – И что нам надо?

– Ну как... чтобы ваш народец из тайги вышел.

– Скажите еще – с пальмы слез, – парировала Таня.

– А у нас пальмы водятся? Круто! А показать сможете? У меня просмотры за лям выйдут!

– Просмотры чего?

– Конечно же, роликов! Вы что – не понимаете? Я – Артемий Засадный! У меня свой блог в интернете, страничка в инсте, твиттере, у меня больше пятисот тысяч подписчиков, вы...

Таня закатила глаза.

Понятно. Есть и такое – блогер обыкновенный. Ладно-ладно, как человек, который безумно далек от всего этого, она просто не понимает. И понимать не хочет. Что, если она ролик про БСМП

снимет, там людям лучше помогать станут? Или онкология вниз поползет? Нет?

То-то и оно...

Можно в свободное время поглядеть что-то интересное, но не жить же этим? А уж выкладывать свою жизнь на потеху публике или вообще – копаться в чужой?

Фу.

О блогерах Таня и не подумала. А вот им стало интересно. Новый народ! Вышли из тайги! Спасли людей! Это ж сколько чего можно наворотить! Ух!

Тем более что репортеры обломались по полной программе, Салея на нервах угробила им всю технику. Ни видео, ни аудио – ничего не получилось.

МЧС сильно о произошедшем не распространялось, спасенным людям было решительно не до того, губернатор и вовсе решил, что публичность вредит бизнесу. А он собирается плотно сотрудничать с даэрте.

Вот засветились один раз, хорошую репутацию себе сделали, и хватит. Остальное пойдет по каналам «ОБС». Исключительно от человека к человеку, из уст в уста... если даэрте реально будут помогать людям (а они будут; и печень не болит, и самочувствие такое, что ух! И на любовницу хватило, и на секретаршу, и жене осталось столько, что она счастлива и довольна), сначала следует облагодетельствовать своих, а уж потом всех подряд. И никак иначе.

– Таня? – Салея и того не знала. В интернете она смотрела фильмы, книги, научпоп, и такое явление, как блогерство, прошло мимо нее.

– Это когда человек зарабатывает деньги с помощью сенсаций. Лезет в чужие дела и пытается извлечь из них выгоду.

Салея покачала головой:

– Неинтересно.

Вообще-то реклама стоила бы того. Но... страшновато.

Даэрте – не люди. И к людям их приближать и приближать. Что уж там, даже Элран, забывшись, гладит листья фикуса, и хотите верьте, хотите нет, тот шевелит ими в ответ. И кактус рядом с ним расцвел...

Парочка таких ошибок в присутствии блогера, и...

Ой, мамочки! Это такая сенсация будет, что даэрте попросту угробят. Их на части растащат, им не позволят жить спокойно, их станут похищать, уговаривать, обманывать, заманивать...

Салея не готова была рисковать остатками своего народа.

– Как это? – даже опешил блогер.

– Молча, – отрезала Таня. – Что неясного? В тайге интернета нет, а из блогеров – только сороки. К ним и обратимся, если что!

– Но вы же не в тайге....

– Правда? А что, Барск в пустыню перенесли, а я и не заметила?

– Мне кажется, вы не понимаете всей серьезности ситуации. Если я захочу, я вам такую антирекламу сделаю...

– Нет, – качнула головой Таня. – Это вы не понимаете. Мне плевать, что будут писать о даэрте, лишь бы название народа писали правильно.

– Я вас с землей сровняю!

– Приятного... эээ... блогерства? – пожелала Таня от всей души. И потянула за собой Салею. Она не видела, каким взглядом наградила друидесса несчастного Артемия. И хорошо, что не видела. Нервы целее будут.

Старейшина Мирил сбивался с ног. И его помощники, и другие старейшины – все сбивались с ног. Падали, вставали, снова шли работать. Организовать даэрте, накормить, спрятать, подлечить...

Чем только не приходится заниматься!

Хоть бы у королевы все получилось.

Этой ночью Мирилу снова приснился Шавель. Ненадолго. Присел рядом, похлопал по плечу.

– Скажите ее величеству – пусть делает что задумала. Завтра ша-эмо доставят вам катер, я проверю. Пусть королева садится в него и взлетает.

– Она умеет?

– Умею я. Вместе мы справимся.

Старейшина только головой покачал.

– А если...

– Нам и надо-то на десять минут. Не больше. Верьте, все будет хорошо. Я помогу.

Поможет он...

А как?

И что в результате будет?

Старейшине было страшно, но он очень старался излучать уверенность и спокойствие. Хватит и тех даэрте, которые паникуют рядом. Мужчины, женщины, дети...

Будьте вы прокляты, ша-эмо! Из-за вас мы бежим с родной планеты!

Просто потому, что вам понадобились наши полезные ископаемые, наша планета, что вы не признаете нас равными себе.

Даэрте – не ша-эмо. Мы разные даже физиологически, у нас разный цвет кожи, волос, разное строение хрящевой ткани – так, к примеру. Но разве это делает нас хуже? Лишает права на жизнь?

Мы ведь даже можем иметь общих детей... Наверное. Мирил сильно подозревал, что ша-эмо вообще рано или поздно вымрут сами. Они себя отрезали от природы, от всего живого и растущего – и природа им отомстит за это. Уже мстит.

Уже они страдают от тех болезней, которые неведомы даэрте. Но объяснить, что менять надо образ жизни, а не лекаря?

Нереально. Долгое время пытались – и вот результат. Геноцид?

Подходящее слово.

– Старейшина, там дети полезли в настройки порталных камней...

Мирил выкинул из головы все рассуждения и помчался смотреть, куда влезли детки. Война там, не война, а малышня всегда одинакова. Если есть что-то важное и нужное, они обязательно туда залезут. Два раза. А если там еще и сломать что-то можно, они сломают. Даже не сомневайтесь. Тоже два раза, чтобы с гарантией.

Глава 15

– И – рrrраз!

Салея сосредоточилась.

В принципе, в природе и так существуют линзы. И кристаллы. Ей просто надо было создать нечто подобное своей силой – и за считанные секунды.

В небольших размерах получалось практически мгновенно – и неплохо. Таня уже стала обладательницей десятка вогнутых и выпуклых линз размером с тележное колесо.

А вот больше...

Больше тоже получалось. Однако хуже. Салея честно пыталась, но... часть линз разбивалась еще на этапе творения, часть получалась... непропорциональной.

А надо-то реально большую линзу!

Гигантскую. И не одну.

И как быть?

Такое количество тяжелых предметов Салею и создать, и удерживать было просто не под силу. Она прикидывала и так, и этак... нет. Нереально.

– Таня, я...

– Ты сядь и отдохни. А я пока покопаюсь в учебниках физики, – Таня почти принудительно усадила сестренку под бочок к Хранителю. Медведь проворчал что-то одобрителное и придвинулся поближе. – Мы действительно можем что-то упускать...

Салея запустила тонкие пальцы в медвежью шерсть.

– Не понимаю... не могу сделать... жалкая бесполезная дура...

– Чушь, – отрезала Таня. – Подумай сама, ну как ты можешь быть бесполезна?

– А на что нужны все мои способности? Если я даже своим людям помочь не в состоянии... обманка! Иллюзия могущества!

Таня дернулась, как будто ее ткнули иголкой.

– Иллюзия?!

– Да...

– Мираж! Помнишь, мы говорили?

Благо учебники физики девушки вняли с собой. Так, на всякий случай. Оптику ни одна, ни другая не знала, а вдруг что-то еще потребуется подсчитать или прикинуть? Хорошо еще, у Людмилы Владимировны в шкафу нашелся хороший курс для поступающих в вузы. Понимали там девушки одно слово из трех, ну и ладно! Главное – смысл.

– Мираж?

– Вот, смотри. Разница между нагретыми слоями воздуха – и мы получаем здесь отражение предмета, который находится – там.

Таня сунула под нос Салею картинку с миражом. Потом вчиталась в раздел.

Уныние было забыто.

Создавать на громадном расстоянии линзы – одно.

А вот играть слоями воздуха... это намного легче. Должно получиться!

Салея попробовала один раз, второй...

Действительно, сил уходило куда меньше, а результат... на доли секунды над участком тайги возникала громадная линза. И тут же исчезала, чтобы не натворить бед. Воздушная, понятно, линза.

– Интересно, не так ли пошли истории о Тунгусском метеорите, – задумалась Таня.

– Это что?

– Да у нас, в тайге было... только до сих пор никто не знает, что это такое^[50].

Салея заинтересовалась, а потом махнула рукой.

– Я уже не успею узнать, что это было. Жаль. Может, я бы смогла что-то придумать...

Таня кивнула. Да, они не успеют. Но хватит и того, что у них уже есть. Линза – есть. Пока пробная, но Салея создает ее уже спокойно. А вот что будет на Дараэ...

Что-то будет.

Девушке было страшно, но завтрашний день неуклонно приближался.

Нельзя сказать, что именно этот день чем-то отличался от всех остальных. Таня держалась изо всех сил.

Душ, завтрак, одеваться – и бежать. Сегодня – сразу в Лес.

Некогда, все – некогда.

Людмила Владимировна обещала позвонить в колледж и еще раз напомнить про отсутствие девушек. Таня потом сдаст зачеты.

Лея...

Бедная девочка. Но тут они уже ничего не могут поделать. Людмила Владимировна видела, во что превращается друидесса, и ей становилось страшно.

Дубовая корона – не самый безобидный артефакт. И жажда крови в глазах Салеи пугала по-настоящему.

Недаром справиться с этой силой может только взрослый человек, который все осознал и отвечает за свои поступки. У других она просто не работает. Не созреет.

А если напитать ее кровью – убьет.

Эх, да что уж теперь!

Людмила Владимировна обняла обеих девочек и перекрестила. А вдруг поможет?

Старейшина Мирил не церемонился с пилотом.

Прилетевший флаер опустился на поляну – и стоило крышке открыться, как внутрь тут же метнулись гибкие лианы. Оплели, стиснули, задушили прорвавшийся вопль... во всех смыслах задушили.

Труп увлекли под корни дерева, не забыв вытащить его из летного костюма. А вдруг пригодится?

Теперь оставалось только ждать. Ну и...

Их было двести двенадцать человек. Тех, кто не захотел уходить.

Тех, кто собирался умереть, чтобы дать шанс своему народу.

Мирил махнул рукой и предоставил всем свободный доступ в святилище. К церемониальному дереву. Даэрте по очереди подходили к нему, ранили ладони о бугристую кору, поили его своей кровью. Сегодня это дерево есть Лес.

Лес есть Дараэ.

Дараэ – жизнь и смерть даэрте... сегодня многое решится. Никто из них не колебался, никто не собирался отступить. Выбор был сделан.

Такси.

Лес.

Таня кусала губы что есть сил. Не получалось у нее оставаться бесстрастной. Никак.

Вот и даэрте. Сегодня все, кто уже перешел, здесь. На них ляжет основная нагрузка. Они будут помогать другим даэрте. Тем, кто сегодня поменяет планету, Лес и даже, возможно, название. В чем-то и образ жизни, и традиции...

Вот и Хранитель, и страшная медвежья морда тычется в локоть. Кому-то одного вида хватило бы для вечного недержания. А Тане уже все равно, она разве что клыки чуточку отпихнула, чтобы куртку не порвал. Та хоть и кожаная, и мотоциклетная, но вы видели, КАКИЕ там клыки? Саблезубые тигры плачут – и помирают от зависти.

Салея остановилась на поляне. Взмахом руки велела даэрте подойти поближе.

– Сейчас вы рассредоточитесь. Когда придут остальные, окажите им помощь, расскажите обо всем, что вы узнали. Постарайтесь поддержать и позаботиться. В остальном – слушайте мою сестру, Татьяну. Она поможет и подскажет. Я сейчас официально передаю ей свои полномочия. Пока не родится новая королева.

Салея медленно подняла руку, коснулась Дубовой короны. И от нее отделился золотистый желудь.

– Держи, сестренка.

Таня послушно протянула руку, понимая, что не время спорить. И золотой желудь впечатался в ее ладонь намертво, словно застыл в коже.

– Когда родится новая королева – он уйдет к ней. А пока потерпи, хорошо?

– А я ее узнаю? Увижу?

– Ты же не бросишь мой народ, – Салея даже не сомневалась в своих словах. – И увидишь, и узнаешь. Это будет скоро. Может, год

или два, а пока – потерпи.

– Год – родится. Да еще пока вырастет...

– Ничего. Элран поможет, и старейшина Мирил, и остальные старейшины. Справишься.

Таня только вздохнула.

Это слово и она себе говорила. Раз за разом, день за днем. Справится. А когда все закончится, она, наверное, напьется. Кефира, ага. И набьет морду слону. Все равно алкоголь она терпеть не может.

– Лея, я сделаю все возможное.

– Вот. А больше мне и не надо.

Салея даже не сомневалась в сестре. И в старейшинах. Что уж там, пока даэрте жили без королевы, они справлялись. Вот и сейчас Таня нужна будет больше как символ. И она достаточно умна, чтобы это понимать. Таня не реформатор, она не станет тащить даэрте к людям, а осторожные шаги старейшины и сами делать будут. И тут уж Петров им в помощь. И Чжао. И губернатор. И врачи...

Справятся потихоньку. И королева повела рукой, отпуская всех.

Даэрте послушно рассредоточились по квадратам леса, по кварталам, в ожидании остальных сородичей. А Салея повернулась к сестре и крепко обняла ее.

– Потом у нас уже не будет времени. Спасибо тебе за все, сестренка.

– Лея, я...

Таня все же хлопнула носом и только чудовищным усилием не сорвалась в истерику. Салея погладила ее по волосам.

– Ничего. Это тоже часть жизни. Ты держись.

Таня кивнула. Она обещала держаться, она будет. А слезы... это ерунда. Ей просто солнечный зайчик в глаз стрельнул... на то и заяц, чтобы допрыгнуть! Вот!

– Идем. Перед смертью не надышишься.

– Ты стала совсем русской. Даже поговорки наши выучила.

– У вас чудесная страна. И ты... вы как даэрте. И поддержали, и помогли, и я могу выполнить свой долг. Я обязана вам, Таня. Но я верю, что сумею отдать свой долг.

Таня махнула рукой.

– Ты об этом говоришь так, словно я что-то невероятное сделала. Мы всего лишь люди.

– Ша-эмо начали нас уничтожать. Просто за то, что мы – не ша-эмо. Что мы другие. А ты... ты нас приняла и помогла. И остальные тоже.

– Но есть же... помнишь? Мальчишки? И Извольская, и...

– Дураки есть везде, – фыркнула Лея. – Чего на них равняться?

Правильно, нечего.

И пока разговор снова не перешел к слезоразливу, взяла сестру за руку.

– Идем. Пора.

Самого перехода Таня почти не ощутила.

Дарс Кет стоял у обзорного экрана на флагмане.

Скоро, уже скоро...

Он одержит еще одну победу. И можно будет говорить о чем-то серьезном. Пост наместника планеты? А пост в Совете? Он бы не отказался.

Вот-вот появится флот врага – и будет разгромлен кораблями доблестных ша-эмо.

Мысль о том, что все происходящее – самодеятельность двух девчонок, Дарсу и в голову не приходила. Такого просто не может быть! Потому что не может быть никогда. Вот и все.

Разубеждать его было некому. Да никто и не собирался.

Старейшина Мирил оглядел ее величество, качнул головой. Желуди.

На Короне уже желуди.

Потом он заметил золотистое сияние на Таниной ладони, кивнул. Ее величество тоже в курсе. И вот, держится из последних сил.

– Мирил?

– Все готово, ваше величество. Даэрте в святилище, те, кто решил сегодня помочь вам. Остальные готовы к переходу. Флаер ждет.

– Приглядите за моей сестрой, Мирил. Я вам доверяю, как когда-то – мои родители, – коротко сказала Салея. Поцеловала Таню в щеку –

и отступила.

Все. Больше ничего нельзя. Она уже там, в воздухе. И никаких эмоций. Осталось только стремление к цели.

Шаг, второй, и вот перед ней открывается дверь кабины. На сиденье несколько пятен крови, помятый костюм... он не нужен. Она столько не проживет... на полчаса за пределами атмосферы ее хватит, а выше и не надо. Шлем, разве что. На него выводится информация от управляющих устройств. Без него можно, но будет чуточку сложнее.

Впрочем, ни на какие данные Салея не смотрела до последнего.

Пока на земле были видны две фигурки. Одна – в зеленом балахоне, а вторая в черной коже. И они тоже смотрели, она знала.

Страшно?

А вот страха не было. Дубовая корона подавляла его в первую очередь. Ничего, она справится. Она со всем справится. Куда ей надо двигаться? Должны быть координаты...

Салея растерялась.

Да, кое-как она была знакома с техникой ша-эмо, да и автопилот, но...

– Не бойся.

В рубке медленно сгущалась тень. Салея ее видела, другие бы даже и не услышали. Разве что ветерок ощутили.

Может, Таня бы почуяла, но и только.

– Шавель.

– Я. Давай вон на ту зеленую кнопку, нажимаешь, вводишь координаты, сейчас появится окно, потом включим автоматику. Тебе же необязательно, чтобы все было идеально, тебе надо в пределах видимости оказаться.

Салея кивнула.

Послушно нажимала кнопки, ни о чем не думая...

Только потом, когда легкое суденышко взяло курс к армаде Командора, она поглядела на Шавеля уже внимательно.

– Ты сейчас уйдешь?

– Нет. Я буду с тобой до конца.

– Ты можешь погибнуть.

– Так я уже погиб.

– Это – не окончательная смерть. А там... я подозреваю, будет такое, что ты можешь полностью развоплотиться.

Шавель пожал плечами.

– Ты меня, наверное, не вспомнишь. А вот я помню девочку, которую когда-то держал за руку. И для которой нашел огромного жука.

– Такого... зеленого, – вспомнила Салея. – Мне было года три, не больше.

Шавель только плечами пожал.

– Разве это важно? Я помнил. И мне было больно. Когда Элран хотел освободить тебя, я все сделал. И у меня получилось помочь. Так что... я пойду до конца.

– Спасибо, – кивнула Салея.

Вдвоем было не так страшно. Пульсировала, сдавливая виски, Дубовая корона. Скоро, уже скоро...

– Умирать не больно и не страшно. Я уже попробовал.

– Я не хотела пробовать так рано, – Салея даже не пыталась заплакать. Не получится. Никак. Нет у нее слез, закончились...

– Я буду держать тебя за руку. До последнего.

Призрачные пальцы легли поверх дрожащей ладони друидессы. Погладили, потом Шавель коснулся их поцелуем.

– Все будет хорошо, малыш.

– Правда?

– Правда.

И Салея поверила. А что ей еще оставалось делать? Только верить...

На земле Таня наконец дала себе волю и разревелась на плече у старейшины Мирила. И тот, оглядевшись по сторонам, затащил ее в святилище. К Перводреву.

– Не волнуйте даэрте! Здесь женщины, дети...

Каких усилий Тане стоило остановиться! Это знала только она одна...

– Простите. Я... это так несправедливо! Что Лея должна погибнуть... вот бы еще и этих сволочей уработать!

Мирил вздохнул.

– Идеально не бывает никогда. Ничего, Та-ния, ее величество уходит не просто так. А мы – мы справимся. Мы обязаны.

– Да, – тихо ответила девушка. – Это – оно? Ваш Хранитель?

Дерево тихо зашумело листвой.

На кого оно похоже?

Таня не знала. Глаз выхватывал нечто... нет, не понять. Тут есть листья от всех деревьев, даже иголки и шишки, и желуди, и...

Перводрево.

Праматерь всех деревьев.

– Он не погибнет?

– Нет.

К Тане протянулась тонкая ветка, погладила по волосам, потом осторожно отделилась от дерева, скользнула на запястье, свернулась браслетом.

– Старейшина?

– Все в порядке, Та-ния. Пусть так и остается, на вашей родной планете Перводрево само решит, что ему делать.

Таня и не сомневалась.

Да и не так это было важно сейчас. Ничего не важно.

Она кивнула и устремила взгляд в небо. Пусть она ничего не видит, но хорошо представляет, как несется через пространство маленький кораблик. И как должно быть страшно и одиноко сейчас Салее.

Держись, сестренка. Я с тобой.

– Вот и они, – Салея оглядывала армаду, прищурившись. Десятки и сотни кораблей. И все ждут врага. И все готовы к бою.

Вот ваше честное слово, ша-эмо? Вот его цена?

Что ж, вы сами вырыли себе могилу.

Салея нажала на кнопку, и маленькое суденышко зависло на границе атмосферы. Датчики запищали, сообщая глупому пилоту, что в таком режиме функционирование судна и поддержание системы жизнеобеспечения возможны только тридцать две минуты... Уже тридцать одну.

Не важно!

Столько ей не понадобится.

– Говорите, линза? Да будет так...

Ощущение было такое, словно кисель по столу собираешь. Но Салея справилась. Буквально в одно движение.

Перед армадой Командора Кета вспыхнула в черноте глубокого космоса белая точка, начала расти, разрастаться...

– Боевая готовность... подача плазмы...

Команды полетели по эскадре. Каждый знал свой маневр.

Командор ждал, злорадно ухмыляясь. Еще чуть-чуть. Ему нужно совсем немного времени...

– Начали! – крикнул старейшина Мирил.

Дерево в святилище пульсировало зеленым. Словно внутри его кто-то зажег зеленый фонарь – и тот светил неровно, вспышками. Но светил же!

Даэрте, двести с лишним смертников, которые находились внутри, схватились, кто друг за друга, кто за дерево – они уже давно договорились.

И в один момент открыли всех себя.

Свои души.

Силы. Жизнь и посмертие, если понадобится. Бери, королева. Но сделай это! Спаси остальных! Ты ведь справишься, правда?

Таня ахнула, ощущая невероятно мощный поток силы, который пошел с планеты – куда?

К Салее. Конечно же, к ней. Если бы Таня вышла сейчас из святилища, то могла бы увидеть потоки сил своими глазами. Словно от Перводрева протянулась тоненькая ниточка вверх. Совсем тонюсенькая, в масштабах атмосферы.

А на самом деле...

Двести двенадцать жизней.

Двести двенадцать добровольно ушедших даэрте.

Двести двенадцать душ...

Сила их воздействия была такова, что Салея за пультом управления выгнулась и закричала. Дубовая корона вспыхнула алыми огнями. Схватился за руку королевы Шавель, который на доли секунды стал почти материальным, – столько силы хлынуло в атмосферу планеты.

– Лея! НУ!!!

И ее величество на пределе сил и разума сотворила то, что могла.

Зеркало.

Всего лишь обычное воздушное зеркало. Кусок атмосферы, пусть разреженной, отделился от основного массива – и завис перед армадой Командора. И ша-эмо, находящиеся на кораблях, увидели врага.

Самих себя.

Они же не видели, как выглядят в боевом порядке. Как стоят, как оцетинились оружием – они ведь не снимали себя со стороны. И приняли иллюзию за реального врага.

– Огонь!

Команда разнеслась по эскадре. И огонь открыли все – одновременно.

Чудовищное количество энергии ударило в иллюзию. И – в линзу ЗА ней.

Салея не напрасно сидела над учебником физики. Что такое выпуклые и вогнутые линзы, как строятся векторы воздействия и куда пойдет энергия, она разобралась.

И сила, отразившись, ушла в нужном ей направлении. К планете.

Туда, где ждали, затаив дыхание, ее действий десятки и сотни тысяч даэрте. Где был ее народ.

И жизнь отдать не жалко...

Таня ощутила переход ослепительной вспышкой. Столько силы было вложено в атаку, что по дороге и трети рассеяться не успело. Конечно, никогда бы им с Леей такое не сотворить.

А вот на чужих ресурсах, на том, что выплеснули ша-эмо...

Белый огонь накрыл половину планеты. Не меньше. И когда Таня смогла разлепить ресницы, когда проморгалась полубожженными глазами, она поняла, что все – получилось!

И сложно было не понять.

Вот обычный земной лес вокруг.

Вот старейшина Мирил, который держит Таню за руку.

А вот Хранитель. И здоровущий шершавый язык умывает ее... и из пасти у громадного медведя пахнет медом и травами.

– Мы это сделали? – почти шепотом спросила Таня.

Медведь согласно рыкнул.

С запястья Тани соскользнул побег Перводрева, Медведь аккуратно подхватил его пастью и понес. Таня точно знала – его посадят. Так, чтобы Перводрево спокойно росло, чтобы ходили к нему даэрте, чтобы был и у них свой Хранитель. А у медведя – помощник. Тяжело все же одному.

А пока он пошел знакомиться с даэрте. Когти показать, порычать – мол, мы вам рады, но не забываетесь. Все же здесь чужая территория, понимаете? Вы пока гости, ну так и ведите себя как гости.

А на Дараэ Перводрево, оставшееся в одиночестве хранить планету, трепетало листьями.

И землю вокруг него усыпал легкий серебристый пепел.

Все, что осталось от двухсот двенадцати даэрте. Пепел – и души, которые сохранило в своих ветвях Мировое Древо.

Скоро они родятся вновь. Очень скоро.

Таня прикусила губу. И не задала того самого вопроса, который хотелось задать.

Лея...

Что с ней?

Хотя она и так знала.

Как в вечный мрак упавшая звезда... [\[51\]](#)

И это было так больно, так отчаянно больно...

Укололо ладонь. Сначала слабо, потом сильнее.

Таня поглядела на руку. Светился золотистым светом, пульсировал желудь под кожей.

Ну да. Слезы и сопли потом. Такова участь Салеи, такова теперь участь и Тани. Она успеет поплакать. Наверное. А пока...

– Старейшина, как вы себя чувствуете? Давайте выходить и проверять, как там даэрте. Им сейчас сложнее, чем нам.

Мирил с трудом отклеился от Тани, в которую его впечатала дружелюбная медвежья морда.

– Да, ваше высочество.

Таня качнула головой, не соглашаясь, но и спорить не стала. Пока она – носительница титула. И семени.

Потом, когда родится королева даэрте, она передаст ей желудь. И сможет вздохнуть спокойно.

– Таня, ты в порядке?

Элран.

Девушка выдохнула, расправила плечи. Можно плакать на плече у старейшины. Но любимый мужчина не увидит ее в слезах и соплях! Вот!

– Ран? Я в порядке. Как там... снаружи?

– Даэрте растеряны. Но мы справляемся. Если еще и ты сделаешь объявление, будет вообще отлично.

Таня кивнула и протянула ему руку.

– Пойдем, Элран. Старейшина, вы нужны нам. Предстоит много работы...

Салея не ощутила момент своей смерти. И тело, и кораблик в единый миг рассыпались пеплом – вот и все. Легким, зеленоватым, сгоревшим в верхних слоях атмосферы.

Силы было столько, что Салея просто отключилась. И пришла в себя... Где?

Хм... Она явно осознает себя. Она – Салея... она – даэрте, но где она?

А вот и Дараэ... внизу? Она что – летит над планетой? Она – неприкаянная душа? Призрак? Кто она – или что она такое?

– Хранитель Дараэ, – прозвучал рядом ответ.

Салея повернула голову... да, у нее были и руки, и ноги, и тело, словно она не умирала. И Дубовая корона, оказывается, была у нее на голове, только теперь не пожухлая, а ярко-зеленая, свежая, какой ей и полагалось быть изначально.

– Шавель?

Даэрте стоял рядом и почти светился от счастья.

– Да. Я не думал, что так получится, но – все вышло прекрасно!

– А что именно? – не поняла Салея.

– Когда ты направила поток силы на планету, все вспыхнуло. Их ордер смешался, вроде у них там какие-то проблемы, что-то вышло из строя.

Салея фыркнула. Это неудивительно: сила даэрте вообще несовместима с технологиями ша-эмо. И когда рядом прошла такая волна... пусть магии, конечно, у них должно было отключиться вообще все, что может выключиться. А остальное просто сломается.

– Так что они вот уже несколько часов висят в космосе. И, кажется, пытаются что-то починить или дать о себе знать.

– Пфффф... а мы?

– Наш корабль просто сгорел в единый миг.

– Я этого уже не поняла.

– Он словно трут вспыхнул, до земли ничего не долетело, – разъяснил Шавель. И кивнул на небольшую проплешину. Там ничего не горело, лесного пожара не случилось – повезло, но дымило отлично. И деревья повалило в разные стороны...

– Это – оно? – Воронка в земле. Вот и все. – Но... что я теперь такое?

– Ты еще не поняла?

– Н-нет...

– Мы с тобой – Хранители этой планеты. Мы будем беречь нашу Дараэ, любить и пестовать. А потом... ша-эмо не вечны и не всесильны. Рано или поздно они уйдут отсюда, и даэрте смогут вернуться. Хотя бы часть из них. Жить на два мира, радовать нас, открыть ворота между планетами... они смогут. И мы поможем.

– Да?

– Но ты ведь чувствуешь свою кровь?

Салея попыталась потянуться к Тани. Сначала робко, потом более уверенно – и улыбнулась.

– Да. Я пока не дотянусь, у Тани сил не хватит, но я ее чувствую.

– Рано или поздно твоя кровь вернется сюда. И это замечательно. Разве нет?

– Да, – кивнула Салея. – Что ж, будем ждать, наблюдать и приглядывать за планетой. Отличные перспективы.

– Главное, что нам не будет скучно вдвоем.

Салея покраснела.

Способен ли дух краснеть? Она-то ощущала себя вполне живой, вот и реакции были как у живого даэрте.

– Да. Скучно не будет.

Шавель протянул подруге руку – и две призрачных ладони сомкнулись над местом падения звезды. У Дараэ отныне было два Хранителя. Перводрево на планете и двое – над планетой. Они справятся вместе.

Командор плевался ядом и ругался. Бесился и мечтал кого-нибудь убить.

К примеру, техников.

Техники хранили загадочное молчание. И не зря.

Материться было опасно, отвечать на вопросы – еще опаснее. Потому как технике был ек. У них-то для описания этого явления имелось куда больше слов, но исключительно матерных.

Накрылось все, сложнее сковородки. Кстати, электронные кофеварки накрылись тоже. И даже подать сигнал помощи эскадра не могла.

Просто висели в пространстве, теряя остатки тепла, света, воздуха...

Скафандры, кстати, тоже загнулись. Системы жизнеобеспечения в них, если точнее.

Салея дала поток энергии такой мощности, что закоротило всю работающую электронику. А таковой было девяносто пять процентов.

Сейчас из оставшихся пяти процентов техники стремительно собирали хоть что-то. Получалось плохо, но выбора не было. Не получится – все здесь останутся.

Командор уже даже не бесновался.

Теперь он стоял, молчал и ждал.

И осознавал последствия.

Эскадре – конец. Эти корабли проще выкинуть, чем починить. Все чипы, микросхемы, провода – всё надо менять, а корабли сейчас напичканы этим.

Дараэ?

Судя по вспышке, на Дараэ случилось нечто серьезное. Он пока не знает, что именно, но планета в данный момент под его протекторатом и контролем. Чтобы Лакс Рей не воспользовался ситуацией?

Ха!

Его сожрут с потрохами и зашлют охранять склад ГСМ на задворках Галактики.

А противник?

Противник на войну так и не пришел!

Что делать дальше?

Идей не было. Разве что одна. Починиться, подать сигнал «SOS», спасти, что можно, ну а потом уже думать о последствиях. Поэтому Командор ждал. Но как же безумно ему хотелось убивать! Кто бы знал...

Спасало техников только одно.

Оружие Командора тоже было вполне себе электроникой. Это не пулемет Дегтярева, где деталей считаное число, а сложный лазерный пистолет с кучей микрочипов... и сейчас он годился аккурат на то, чтобы забивать им гвозди. Убивать им можно было только одним способом – гвоздить по головам до нужного результата. Долго. Весил-то пистолет тоже немного, грамм триста. Так что...

Командор ждал.

Больше ему ничего не оставалось.

Миллион – это много или мало?

Много, конечно. Но когда ты не видишь и сотой его части, нет такого ощущения насыщенности. Таня чувствовала направленные на нее взгляды, но даэрте не видела. Деревья удачно скрывали их друг от друга.

Ткнулась в спину здоровущая морда Хранителя.

– Услышат? – спросила у него Таня.

Ответом ей было тихое утвердительное ворчание.

Услышат. Не увидят, Лес тоже не всемогущ, да и ни к чему это. Но услышат. И ощутят силу уже двух Хранителей.

Да и медведю будет легче. Сколько лет он волок на себе эту ношу, а сейчас у него и человек свой есть, и даэрте... нет, это не конкуренты.

Для него они – помощь и поддержка.

На плечо опустилась рука старейшины Мирила. С другой стороны под локоть ее поддерживал Элран. И Таня решилась:

– Я рада приветствовать вас всех на Земле. Знаю, сейчас вам сложно и тяжело. Вы оставили родной дом, и кажется, что впереди будут только борьба и трудности. Это не так, поверьте. Лес с радостью примет вас. И когда вы решите выйти к людям, я помогу вам в этом. Мы не плохие и не злые, мы такие же, как и вы. Мы любим свои семьи и своих детей, радуемся и огорчаемся, плачем и смеемся, любим и ненавидим. Мы живем на этой планете, как, я надеюсь, будете жить и вы. Рядом с вами находятся даэрте, которые готовы о вас позаботиться. Прислушайтесь, пожалуйста, к ним. Если что-то случится – обращайтесь к ребятам, они сообщат старейшинам и мне о ваших проблемах. И мы постараемся их разрешить. И... еще одно. Вы знаете о подвиге вашей королевы. Салея отдала жизнь, чтобы спасти ваши. Но она не ушла окончательно. Она оставила мне свое семя. Зародыш Дубовой короны. И сказала, что в вашем народе скоро родится новая королева. Надо только немножко подождать. Я... я буду очень этому рада. Она... Салея замечательная, и я верю, что даэрте, ради которых она отдала все возможное, не могут быть плохими. Добро пожаловать на Землю, друзья!

И лес откликнулся тихим шорохом аплодисментов.

Даэрте оценили приглашение.

Безусловно, будут сложности и проблемы, трудности и тяготы. Но это неизбежно. И их постараются разрешить. Так что...

Они справятся.

Здесь ведь на них не станут охотиться, словно на диких зверей, не станут убивать просто за то, что они даэрте, не станут смотреть сверху вниз, как на дикарей.

Здесь можно жить, растить детей и деревья, здесь у них снова есть будущее. А что до людей, которые живут на планете... судя по Тане, не такие уж они и страшные?

Даже вполне себе дружелюбные.

У народа даэрте появился шанс, и они не собирались его упускать.

– Поздравляю вас, Командор. Вы просрали все, что могли. И даже то, что не смог бы никто другой.

Лакс Рей не выбирал выражений.

– Ты, – скрипнул зубами Дарс.

– Я! – Легкая эйфория от победы, да еще обещание даэрте, да перспективы, которые открывались... есть от чего летать на крыльях счастья. Разве нет? – Флот вы угробили. Дараэ обезлюдела.

– Как?

– Там нет ни одного даэрте. Вообще ни одного.

– Хм...

– Правда, вас это не спасает. Потому что планета совершенно недоступна.

– КАК?!

– А вот так. Любая техника гибнет при входе в атмосферу. Вообще любая. Даже зонды сыплются звездами. Не знаю, долго ли продлится этот эффект, но пока – работает.

В этом не было ничего удивительного.

Салея вложила в свое заклинание столько сил, что ноосфера планеты буквально искрила от энергии. А даэрте и техника, как известно, несовместимы. Вот и горела синим пламенем вся электроника. Закоротило бы что угодно, даже сковородку.

На сколько хватит эффекта?

Может, на пару месяцев. Но и потом будут вспышки. Как северное сияние, как протуберанцы. Так что приличных баз на поверхности планеты не устроишь. Они попросту сгорят.

Правда, Командор об этом не знал.

Но и случившегося хватило с избытком.

– Ты... радуешься?

– Конечно. Считай, ты допрыгался, Кет. С удовольствием полюбуюсь, как тебя разжалуют в уборщики.

А вот этого уже говорить не стоило.

Дарса затрясло. Перспектива казалась вполне реальной. И разжалование, и даже расстрел... да что угодно. И этот подонок будет праздновать победу...

Или не будет?

В черных глазах полыхнули искры ярости.

Лакс так хотел торжествовать, что не учел одного. Не стоит лезть на клыки к волку – добровольно. И подходить к нему слишком близко тоже. Пока он еще в силе...

– Полюбишься?

– О, да!

– Ошибаешься.

Первое, что сделал Командор, вернувшись на станцию, – это обзавелся новым лазером. И сейчас выстрел проделал аккуратную дырочку в голове Лакса Рея.

Тело медленно осело на пол.

– Сильно ошибаешься.

Ответить Лакс не сумел – по понятным причинам. Командор засунул оружие обратно в кобуру и пошел отчитываться.

Даже если его казнят за сегодняшнее – хоть что-то он хорошее сделал. Вот!

Совет Конфедерации собрался ровно через два часа после этого выстрела.

Дарс Кет на нем не присутствовал даже визуально.

Военным досталось по полной программе. От Тантареля, от Илвино, от... да от всех! Варден Шанер только зубами скрипел.

А что поделать? Действительно, пролетели по полной программе.

Даэрте куда-то ушли.

Дараэ недоступна.

Флот угробили.

И? Дальше-то что?

А ничего! Даже войти в атмосферу планеты – и то не получается. Прогадили все, что только можно! И за это придется отвечать.

Так что...

Дарс Кет был казнен через два дня. Тем самым способом, которым угрожал Салее. Электроды, ток... а лишенное разума тело потом просто отдали на органы.

Получили взыскание несколько десятков нижних чинов, лишился своего места в Совете Варден Шанер. Конфедерацию трясло

достаточно долго, и этим воспользовались «добрые» соседи, ударяя в спину, отгрызая от нее кусочки... какая там Дараэ?

Удержаться бы!

На планету попробовали прорваться еще раза три или четыре, но Хранители бдили. Так что попытки закончились неудачей, и Дараэ была объявлена «запретной зоной» и «мертвой планетой». Никто не живет.

Растет?

Да мало ли что и где растет? Люди-то там жить не могут! Вот и не будут!

Время потихоньку шло...

Время шло и на Земле.

Таня только тихо радовалась, что наступили каникулы. А то бы она вообще выдохнуть не смогла. Некогда и некогда.

В лес она практически переселилась.

Да, конечно, и те даэрте, которые успели как-то освоиться, и старейшины, и Хранитель – помогали все. Но это была капля в море.

Помогали и Петровы, и Чжао – если бы не они... Таня даже не представляла, сколькими бумагами обставляется существование каждого человека!

Помогал, хотя и негласно, губернатор. Уже шестеро его знакомых побывали на лечении у даэрте, и, судя по его благодарности... сотрудничество будет продолжаться.

В лесу строилась клиника.

Строилась – громко сказано.

Даэрте не представляли себе, что надо вырубать деревья, убивать Лес, поэтому...

Кирпичи – да. Провода, проводка, генераторы, а вот все остальное...

Буровые работы по скважине?

Не надо, даэрте попросят сами. Разве что трубы проложите, чтобы вода шла в здание.

Канализационная система?

То же самое.

В природе удобрения не лишние, так что прокладывайте трубы, а там мы сами разберемся. И не калечьте землю.

Деревья так оплели каркас здания, что камней и видно не было. Из них выращивалось все, что внутри. Столы и стулья, кровати и шкафы; они оплетали каждый сантиметр, и корни их шевелились, как живые. Скоро появятся и первые пациенты.

Росло и маленькое Перводрево.

Медведь водил Таню к нему каждые три дня, и девушка сидела, гладила росток... плакала, чего уж там.

Лея, подружка, сестренка...

Таня точно знала, что она погибла. И все же, все же...

Пока она не видела своими глазами, она будет, будет надеяться на лучшее! И желудь пульсировал под кожей и светился теплым светом, напоминая о себе.

Королева родится.

И все чаще рядом оказывался Элран.

Таня и сама не поняла, как их отношения из дружеских перешли в более теплые, как она стала искать даэрте взглядом, как он постепенно переехал к ним, а там... там и о свадьбе заговорили.

Правда, до этого пришлось отпраздновать еще одну свадьбу.

Танина мать, пролежав в больнице почти три месяца, кое-как пришла в разум. Видимо, сказалось воздействие Салеи.

А может, и подумать было время. Или Игорь Викторович так подействовал. Кто ж знает? Он оказался фермером, в тот день привез в город товары, а дочка вот попросила ее в магазин отпустить.

Если бы не Оляшка...

Игорь Викторович добра забывать не собирался. А дальше – почти как по сказке и пошло. Жены у него не было, сбежала она с фермы еще лет десять назад. Там романтики нет, зато коровы есть. И навоз не розами пахнет...

Игорь Викторович сам и хозяйством занимался, и дочерью, а учитывая, что был он человеком верующим и считал, что за добро надо отвечать добром... Оляшку он забрал к себе.

В августе «блудная дочка» приехала к Людмиле Владимировне просить прощения. И естественно, получила его.

Пыталась помириться и с Таней, но получилось плохо. Родная дочь, в отличие от приемной, на контакт не шла. Посмотрела на

мамочку и вежливо предупредила: *«Прогадешь последний шанс – в болоте утоплю»*.

И было, было что-то такое в ее зеленых глазах, что Оляшка поверила.

Утопит.

Лучше уж не рисковать больше. Да и не тянет ее больше на приключения. Что-то там Салея, не разобравшись, перевернула в ее мозгах.

Так что в августе и свадьбу сыграли. И Таня сильно намекала бабушке на вторую. Сосед сверху очень даже за Людмилой Владимировной ухаживал, чего хорошему человеку-то пропадать? Здоровье им даэрте поправили, впереди минимум лет тридцать активной жизни... почему бы не разделить ее с кем-то любящим и любимым?

А там дошла очередь и до Тани.

Когда Элран попросился сопровождать ее к ростку Перводрева, Хранитель подумал, но спорить не стал. Кивнул, посмотрел умными маленькими глазками.

Ладно...

Живи.

Но если обидишь... удобрением будешь.

Элран и не собирался обижать любимую девушку. Какое там!

На руках бы носил, пылинке упасть не давал! Такое дело – любовь.

Дерево росло.

Таня присела рядом, погладила листочки, осторожно, ласково...

– Все равно не верю, что Салея погибла.

– Я тоже, – сознался Элран. – Знаешь, у меня был друг. Шавель...

Щадить себя даэрте не собирался. Рассказывал и о том, что они сделали, и как потом приходил во сне друг...

Таня что-то уже знала, но слушала. После погладила Элрана по руке.

– Вы сделали свой выбор. И если бы тогда Шавель не пожертвовал жизнью, Салея не смогла бы освободиться. И все было

бы намного хуже. Не вини себя.

– Не могу. Это навсегда останется со мной. Как и Салея – с тобой. На всю жизнь.

– Останется, – согласилась Таня. – Это больно, тошно, тоскливо, это жизнь... Я знаю, что будет новый росток, новая королева, но все равно... так больно!

Элран коснулся ее руки.

– Пусть будет. Таня... выходи за меня замуж? У вас же так принято?

– А у вас?

– Мы переплетаем судьбы. Если захочешь...

Таня кивнула:

– Захочу. Только я человек, а ты даэрте. Пусть потомство у нас может быть, но я проживу, наверное, меньше...

Элран только рукой махнул.

– Танюша, родная, ты уже давно одна из нас. Ты не видишь, а изменения есть...

– Уши?

– Не настолько, но есть. Честное слово...

Таня действительно менялась, сама не замечая. Позеленели глаза, потемнели волосы, приобретя оттенок дубовой коры, выправились осанка, улучшилась память... Таня не думала об этом, но выносливости у нее тоже стало больше.

И магия постепенно прорывалась.

Ауры она теперь видела постоянно и легко их читала. И силу у нее получалось прокачивать. Несколько врачей, в том числе Геннадий и Владислав, занимались вместе с ней, раз в три дня. Приезжали, дожидались дома, потом сидели, работали сообща.

И получалось.

Постепенно, потихоньку...

Тане было намного легче, мужчинам сложнее. Салея хоть и помогла им, но кровью не делилась.

И все равно.

Они уже видели ауры, уже могли разобраться, что и где... к гениальным диагностам ехали и из других городов. А лечение...

Раз в три дня они только к Тане приходили, а в лес-то, к даэрте каждый день.

Траволечение?

Прокачка каналов?

Да хоть что сделайте! Когда у тебя на глазах человек умирает, а медицина бессильна, тут и дьяволу душу продашь, не то что новому учиться будешь! А уж если это помогает...

Учите, а?

И побольше, побольше...

Таня тоже училась. Элран и учил, а потом сам ходил к отцу, бегал к ученым, старался что-то выяснить... чего уж там! Это Шавель был гением, а он – обычным лентяем. Вот и приходится наверстывать!

Старейшина Мирил, кстати, был счастлив. И Таню как невестку очень одобрял.

Хорошая девушка. Умная и с благословением Леса. А Лес переборчивый, абы кого благословлять не станет.

– Ну... если есть... ты же знаешь, я согласна.

Элран не знал и до самого последнего момента сомневался. Но это не помешало ему крепко поцеловать свою девушку.

Свою любимую.

Показалось ему?

Наверное, нет.

В листьях крохотного еще, с локоть ростом, Перводрева блеснули одобряющие зеленые искры. Совсем как на Дубовой короне.

Вроде бы и рано еще, но...

Перводреву виднее.

– Таковую девушку упустил, балбес!

Даниил Русланович шутливо погрозил сыну пальцем.

Руслан только руками развел.

Ну, бывает. Вот не срослось у них с Таней. Не получилось. Зато ему очень нравилась Кайра, сестра Шавеля. Но она пока замуж не хотела, она собиралась поступать на информационные технологии.

Петровы не возражали.

Ведь отличная невестка будет, если что! Умненькая, и специальность нужная, с которой не пропадешь. И свой медик в семье

будет – Руслан тоже хочет учиться дальше, – и свой айтишник... сплошная польза!

Господин Чжао, которого также пригласили на свадьбу, согласно кивнул. Он уже договаривался со старейшиной Мирилом.

И по поводу обучения, и нельзя ли кому из знакомых приехать... да-да, я в курсе ваших условий. Мы заранее согласны.

Свадьба – это же прекрасное место, чтобы заключать договора. Разве нет?

Жених и невеста на это внимания не обращали.

По-настоящему все клятвы друг другу они дали еще вчера, в присутствии двух Хранителей.

Сделали надрезы на руках, скрепили клятвы кровью и поделились ею и с Медведем, и с Перводревом. А сегодня – загс, это просто формальность.

Ну и родным праздник нужен. И даэрте.

Да, вот так... свадьба в три дня.

Первый – собственно клятвы.

Второй – свадьба в городе, на которой присутствует даже губернатор. Вот стоит, улыбается, довольный, как слон. Он такой политический капитал себе составил на даэрте, что еще лет двадцать с поста не уйдет.

Третий – в лесу.

Даэрте тоже нужно и собраться, и погулять, и порадоваться, старейшины настаивали. Тане даже вспомнился анекдот... что вы в брачную ночь делали?

Кто как, а русские спали. Умотались они с этой свадьбой!

Вот, они тоже будут отсыпаться.

Когда-нибудь.

А сейчас...

Сейчас у нее есть все для счастья. А именно – рядом близкие люди и любимый человек, который хочет идти с ней по жизни рука об руку. И на самый главный вопрос они отвечают «ДА».

И пульсирует под кожей золотистый желудь...

Таня еще не знает, что спустя девять месяцев у нее родится девочка.

Но знает, как назовет малышку. Как еще можно назвать ребенка, которому перейдет Семя Перводрева? Только Салея.

Старейшина Мирил, который станет дедушкой новой королевы, будет тихо счастлив. И станет воспитывать внучку, и учить, и радоваться тому, что даэрте освоились на Земле.

Тосковать по Дараэ он все равно будет.

Но вернутся туда даэрте еще очень не скоро. Успеет распасться Конфедерация ша-эмо, успеет поменяться правительство в других странах, и только Дараэ останется запретной.

Хранители никому не дадут ступить на ее поверхность.

Шавель и Салея...

С помощью Перводрева они знали, что происходит на Земле. И хранили свою Дараэ.

И ждали...

Когда-нибудь даэрте вернутся домой. И, наверное, вместе с людьми. И между двумя планетами откроется постоянный переход.

Не скоро?

Но для Хранителей и тысяча лет не в тягость. Они есть друг у друга, и им еще столько надо сделать! Восстановить выжженные леса, отравленные океаны, убрать все следы ша-эмо...

Жизнь продолжается, и звезды горят. И одна из звезд – планета Дараэ...

Она ждет своих детей.

Она обязательно их дождется.

notes

Примечания

1

Очень демократический путь решения вопроса. Кто не верит – погуглите про генерала Д. Амхёрста, про капитана С. Эквера и полковника Г. Буке. И про демократическую идею последнего, подхваченную американцами. – Здесь и далее – *примеч. авт.*

Кому интересно – посмотрите, на чьи денежки устраивал революцию дедушка Ленин. Ищущий да обрящет.

3

Ноосфера.

4

Есть теория, что человек использует свой мозг примерно на 10–15 %, при творчестве до 25 %. Остальные мощности ему задействовать лень. Глядя на некоторых товарищей – верю! 1 % и то много!

Соленая вода отлично проводит электрический ток. Кстати, и человеческий мозг остро реагирует на электромагнитные возмущения.

Полупроводники делаются на основе диоксида кремния. В основе алмаза – углерод; в основе рубинов, сапфиров – оксид алюминия.

7

Уважительное обращение. Ло – к мужчине. Ла – к женщине.

Автор меняет и название города, и названия районов.

«И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида». «Мастер и Маргарита».

Серия домов КС-8-50. Если кому интересно – до сих пор стоят. Не-не, это не аварийное жилье, по сравнению со многими другими; это очень даже неплохо, если дома не саманные, а кирпичные.

Невыдуманная история из жизни.

Преподавательница думает о временах своей молодости, когда такие сапоги действительно были в ходу.

Если кто думает, что автор преувеличивает, – увы. Автор еще матерщину опустила. Из лично услышанного.

Он же эппремнум, обычный комнатный вьюнок.

15

325 лет, 68,8 грамм, 49 млн рублей.

Автор не опечаталась. У можжевельника действительно листья. Только игловидные.

Автор так тоже не выражается. Даже когда на ногу кастрюлю уронит. И это весьма искаженная фраза.

Здесь Таня не совсем права. Просто и там, и тут можно учиться, а можно получать корочки. Все зависит от конкретного человека.

Автор в курсе, что «Белым китайцем» назывался наркотик. Но на хорошую кухню тоже подсаживаются.

То, что в Англии называют лесом, на самом деле тянет только на лесопарки. Лес они у себя культурно извели еще в XVIII веке.

89 дней. Опыт проводил некто Д. Харпер, в 2007 г. Правда, работал всего по 16 часов в сутки.

Видела лично фото, ужаснулась, поняла, что не доросла до столь изысканной моды.

Одна из первых моделей «Нокии». И прошу не считать рекламой.
Случай – был.

И. Долматовский. И на Марсе будут яблони цвести.

Персонаж аниме «Код Гиас». Весьма загадочная личность.

ССС – сердечно-сосудистая система.

Таня имеет в виду ст. 245 УК РФ.

Ради интереса автор отправила письмо своей подруге, живущей в том же городе. Не заказное, не срочное... Три недели! Оно шло три недели.

Американский художник.

Фильм «Граница. Таежный роман». Исполняет Г. Трофимов, автора не нашла.

Старое русское название для колдунов, которые умели действовать на погоду. Умеют.

Бог огня в Индии.

Бирма, Камбоджа, Таиланд – там это было в обычае. Белый слон считался священным животным, но если император кому-то его дарил, то только с целью поиздеваться. Жрет слон как слон, а использовать его нигде нельзя – он белый. Счита́й – гарантированное разорение.

Г. Гаррисон, Неукротимая планета.

Вот не надо, НЕ НАДО такое делать! Лишних глаз-ушей-носов нам не выдадут.

Не выдумываю. Попросила одного бодибилдера шкаф передвинуть – с ужасом отказался. Он же РЕЛЬЕФ ИСПОРТИТЬ может! А это трагедия, куда там Шекспиру!

Напоминаю, по правилам китайского языка фамилия ставится перед именем. Чжао – фамилия, Гофэн – имя.

Так в Китае называют европейцев. Слово не несет отрицательного значения. Просто – иностранец, и все тут.

Сто лет жить будешь, только о тебе вспоминали.

Почему врачи возражают против компьютеризации их труда?
Потому что тогда пациенты смогут прочитать, что им доктор написал.

В Китае около десяти основных диалектов, а второстепенных в разы больше.

Список развлечений для адреналинщиков удручающе обширен. И страдают от них посторонние люди.

Знакомый из МЧС еще и про телесные наказания тему развивал, но это уж вовсе непечатно получилось бы.

Под шторкой – вслепую, только по приборам.

Средневековые восточные врачи.

Издание 1491 года, возможно, им пользовался да Винчи.

Владельца подобного особняка автор знает лично. На вопрос «зачем?» ответил коротко: был дурак, увы.

Вид приматов семейства мартышковых, названа в честь французского путешественника Пьера де Бразза. – *Примеч. ред.*

Цена собачки – до восьми тысяч долларов.

Версий столько, что на энциклопедию хватит. А вот доказательств нет. Увы.

А. Апухтин. Таня цитирует немного неточно. Ни отзыва, ни слова, ни привета...